

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 4 (85)

Гуманитарные науки

2014

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 1/87 от 18.11.2013 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор А.В. РОГАЧЁВ, д-р хим.
наук, профессор, член-корр. НАН Беларуси
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-корр. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвилов, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
В.М. Лебедева, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
О.А. Макушников, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 1/87 dated 18.11.2013)

The Journal is included in the Republic of Belarus
Higher Attestation Commission list of scientific publica-
tions of the Republic of Belarus, which publish the main
results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief A.V. Rogachev, Sc. D, Professor,
Corresponding Member NASB
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D, Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D, Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D, Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D, Professor,
V.N. Kalmykov, Sc. D, Professor,
V.I. Koval, Sc. D, Professor,
G.G. Lazko, Sc. D, Professor,
I.V. Semchenko, Sc. D, Professor,
V.S. Smorodin, Sc. D, Professor,
B.V. Sorvirov, Sc. D, Professor,
V.M. Homich, Sc. D, Professor
V.M. Lebedeva, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D, Professor,
A.I. Zelenkov, Sc. D, Professor,
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D, Professor,
A.M. Litvin, Sc. D, Professor,
O.A. Makushnikov, Sc. D, Professor,
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D, Professor,
A.A. Stankevich, Sc. D, Professor,
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D, Professor,
I.F. Shteiner, Sc. D, Professor,
Y.S. Yaskevich, Sc. D, Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2014, № 4 (85) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

История

Абраменко М.Е. Деятельность Белорусского штаба партизанского движения по организации медицинской помощи партизанам Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1942–1944 гг.).....	5
Алексейчикова Н.Н. Расторжение брака в белорусском городе в XVI–XVIII вв. (по материалам актовых книг городских магистратов).....	10
Василицын А.Г. Становление и деятельность института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР в Белорусской ССР в 1944–1948 гг.....	17
Владыга О.Н. Археографическая деятельность Михаила Грушевского в оценке историографии первой трети XX века	22
Гавриловец Л.В. Польша времен Владислава Гомулки и Юзефа Циранкевича (1956–1970 гг.)	28
Ганскі У.А. Папулярызацыя турыстычнага руху на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг.....	34
Гарматны В.П. Аграрнае пытанне ў праграме Сялянскай Радыкальнай Партыі Польшчы (1919–1928 гг.).....	39
Горбенко К.В. Городище «Дикий Сад», в контексте социально-экономических и культурных связей балтийского и черноморского регионов XIII–XI вв. до н.э.	44
Горох Н.В. Кадровый состав «Торгсина» (на примере Черниговской областной конторы)	50
Зайцев В.Е. Военные действия в белорусско-литовских землях в 1831 году	55
Кітурка І.Ф. Рэарганізацыя мытнай службы ВКЛ як прыклад фарміравання дзяржаўнай адміністрацыйнай сістэмы ў другой палове XVIII ст.....	61
Корникова Н.В. Влияние пребывания в странах дальнего зарубежья на культурные традиции интеллигенции Гомельщины на современном этапе.....	66
Кривошея И.И. Войское товарищество XVIII века: дополнительный чин неурядовой старины Гетманичины	70
Лазько Р.Р. Першае святкаванне на Гомельшчыне «нацыянальнага свята беларускага народа» – дня вызвалення Беларусі	77
Мезга Н.Н. Отношения между СССР и Польшей в условиях нарастания мировой войны в советской и польской межвоенной историографии и публицистике	82
Рубан А.А. Актуальные методологические проблемы новейшей российской и белорусской историографии.....	88

Сергиенко В.Г. <i>Внутренняя миссия православных церковных братств Левобережной Украины (1864–1917 гг.)</i>	92
Стрелец М.В. <i>Герхард Шрёдер: ключевые аспекты политической биографии</i>	98
Чаропка С.А. <i>Этнаканфесійны стан пяхоты рэгулярнай арміі ВКЛ у першай палове XVIII ст.</i>	105

ФИЛОЛОГИЯ

Багамольнікава Н.А. <i>Тапанімічная лексіка Петрыкаўшчыны на лексіка-семантычным узроўні</i>	111
Вяргеевка С.А. <i>Роля паэтычных сродкаў у замоўным жанры (на матэрыялах Гомельшчыны)</i>	116
Дельва О.В. <i>Объективация художественного образа «маленького человека»: лингвокогнитивный аспект</i>	121
Зинченко А.Е. <i>Синтаксические модели аппозитивных конструкций в английском языке XII–XVII веков</i>	126
Лиденкова О.А. <i>Готическая традиция в прозе Ларисы Рублевской</i>	131
Мінакова Л.М. <i>Полікампанентныя тэхнічныя тэрміны ў рускай і беларускай мовах: параўнальна-супастаўляльны аналіз</i>	135
Паплаўная Л.В. <i>Моўныя сродкі стварэння вобразнасці ў мове гістарычных раманаў Леаніда Дайнекі</i>	139
Пахомчык Н.С. <i>Наратыўная арганізацыя рамана-хронікі М. Гарэцкага «Віленскія камунары» ў кантэксце беларускай прозы мяжы 1920–1930-х гг. (А. Мрый, М. Зарэцкі, Л. Калюга): камунікатыўныя ўзроўні</i>	143
Суворова Т.Н. <i>Голограмма как эффект контрапунктной организации системы словесных образов баллады</i>	148
Чалова О.Н. <i>Сходства и различия между коммуникативно-прагматической организацией англо- и русскоязычной научной дискуссии</i>	153

ФИЛОСОФИЯ

Адамович С.В. <i>Трансформация государственного института под влиянием процессов глобализации и регионализации</i>	158
Адзіночанка В.А. <i>Рэлігійны аспект міжкультурнага становішча Беларусі</i>	162
Калмыков В.Н. <i>Историческая необходимость и свобода личности в классической и постнеклассической философии</i>	168
Корень Е.В. <i>Религиозный аспект формирования менталитета русской интеллигенции</i>	172
Сиротко Н.О. <i>От одномерного развития к комплексному устойчивому развитию</i>	178
Степанюк В.К. <i>Анализ межкультурных коммуникаций в постиндустриальном обществе</i>	183

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel state university

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year
Published since 1999

• 2014, № 4 (85) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

M.E. Abramenko. <i>Activities of the Belarusian partisan movement headquarters for medical care for partisans of Belarus during the Great Patriotic War (1942–1944)</i>	5
N.N. Aleksejchikova. <i>Divorce in belarusian towns in the XVI–XVIII centuries (on materials of books of city’s magistrates)</i>	10
A.G. Vasilitsyn. <i>Formation and activities of the Board of Commissioners for the Russian Orthodox Church at the Council of People's Commissars of the USSR in the Byelorussian SSR in 1944–1948</i>	17
O.N. Vladyga. <i>Archaeographical activities of Mikhail Hrushevsky in the historiography of the first third of the twentieth century</i>	22
L.V. Gavrilovets. <i>Poland of times of Vladislav Gomulka and Juzef Tsirankevich (1956–1970)</i>	28
U.A. Gansky. <i>Popularization of Tourism in Western Belarus in 1921–1939</i>	34
V.P. Garmatny. <i>The agrarian question in the program Peasants Radical Party of Poland (1919–1928)</i>	39
K.V. Gorbenko. <i>Hillfort «Wild Garden» in the context of socio-economic and cultural relations of the Baltic and Black Sea regions in XIII–XI centuries BC</i>	44
N.V. Gorokh. <i>Personnel structure of «Torgsin» (on the example of Chernigiv regional office)</i> . 50	
V.E. Zaitsev. <i>Military operations in Belarus and Lithuania in 1831</i>	55
I.F. Kiturka. <i>System of Customs Service of the Grand Duchy of Lithuania as an example of the formation of the state bureaucracy in the second half of the XVIII century</i>	61
N.V. Kornikova. <i>Effect of stay in foreign countries on the cultural traditions of the intelligentsia of the Gomel region at the present stage</i>	66
I.I. Krivosheya. <i>The Military Fellowship of the XVIII century: the additional rank of the Hetmanate Neuryadovastarshyna</i>	70
R.R. Lazko. <i>The first Celebration of the «national holiday of the Belarusian people» in Gomel region – the liberation of Belarus</i>	77
N.N. Mezga. <i>Relations between the USSR and Poland in the World War growth conditions in the Soviet and Polish interwar historiography and publicism</i>	82
A.A. Ruban. <i>Recent methodological problems of modern Russian and Belarusian historiography</i> . 88	
V.G. Sergienko. <i>The inland mission of the orthodox brotherhoods of Left-Bank Ukraine (1864–1917)</i>	92
M.V. Strelets. <i>Gerhard Schroeder: key aspects of the political biography</i>	98

S.A. Czaropka <i>Ethno-religious composition of the regular army infantry of the Grand Duchy of Lithuania in the first half of the XVIII century</i>	105
--	-----

PHILOLOGY

N.A. Bagamolnikava. <i>Toponimical vocabulary of Petrykaushchyna on the lexical-semantic level</i> ..	111
S.A. Viargeenka. <i>The role of poetic means in the genre of conspiracy (on materials of Gomel region)</i>	116
O.V. Delva. <i>Objectification of the artistic image of the «little man»: cognitive aspect</i>	121
A.E. Zinchenko. <i>Syntactic model appositive constructions in English of the XII–XVII centuries</i> ..	126
O.A. Lidenkova. <i>Gothic tradition in prose of Ludmila Rublevskaya</i>	131
L.M. Minakova. <i>Polycomponent technical terms in Russian and Belorussian languages: comparative analysis</i>	135
L.V. Paplaunaya. <i>Language means for creating imagery in the language of historical novels of Leanid Daineka</i>	139
N.S. Pakhomchyk. <i>The narrative organisation of M. Haretsky's novel «The communists of Vilnius» in the context of the Belarussian prosa at the turn of the 1920–30-s (A. Mryj, M. Zaretsky, L. Kaluha) communication levels</i>	143
T.N. Suvorova. <i>Hologram effect as contrapuntal organization of verbal images ballads</i>	148
O.N. Chalova. <i>Common and specific pragmalinguistic features of English and Russian scientific forum discussions</i>	153

PHILOSOPHY

S.V. Adamovich. <i>Transformation of public institution under the influence of globalization and regionalization processes</i>	158
V.A. Adzinochanka. <i>The religious aspect of intercultural situation in Belarus</i>	162
V.N. Kalmykov. <i>Historical necessity and freedom of the individual in classical and postnon-classical philosophy</i>	168
E.V. Koren. <i>The religious aspect of the formation of the mentality of the Russian intelligentsia</i> ...	172
N.O. Sirotko. <i>From one-dimensional development to integrated, sustainable development</i>	178
V.K. Stepaniuk. <i>Analysis of Intercultural Communication in postindustrial society</i>	183

История

УДК 355.292: 614.2(476) «1942/1944»

Деятельность Белорусского штаба партизанского движения по организации медицинской помощи партизанам Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1942–1944 гг.)

М.Е. АБРАМЕНКО

Отражена деятельность и роль Белорусского штаба партизанского движения в создании медико-санитарной службы в партизанских соединениях. Раскрыты приемы и средства выполнения своих задач этими подразделениями в условиях автономности и удаленности БШПД от места боевых действий и высокой маневренности партизанских сил.

Ключевые слова: партизанское движение, медико-санитарная служба, врачебные кадры, медицинское обслуживание, инфекция, лечение, эвакуация.

The activities and role of the Belarusian staff of partisan movement in the formation of medical and preventive service in the partisan units are described. The ways and means the units used to achieve their goals in the conditions of autonomy and remoteness of the Belarusian staff of partisan movement from war actions and high manoeuvrability of the partisan force are considered.

Keywords: partisan movement, medical and preventive service, medical personnel, medical service, infection, treatment, evacuation.

Важным направлением деятельности созданного 9 сентября 1942 г. Белорусский штаб партизанского движения стала организация медицинской помощи партизанским соединениям. Данная тема недостаточно освещена исследователями.

Весной 1942 г. в связи с активизацией партизанской деятельности на территории Беларуси остро встали вопросы оказания медицинской помощи партизанским отрядам. Оказываемая до этого помощь силами оперативных групп ЦК КП(б)Б и Наркомздрава БССР, который дислоцировался в Москве, оказалась малоэффективной, оторванной от системы общего руководства партизанским движением.

Новые условия для оказания помощи раненым партизанам сложились в связи с образованием Суражских ворот. Через них до октября 1942 г. проводилась эвакуация раненых и больных партизан, а в обратном направлении в тыл врага проходили диверсионные группы, имевшие в своем составе медицинских работников. Раненые со всех отрядов направлялись в партизанский госпиталь в деревне Пудоть Суражского района (теперь Лиозненский район Витебской области). Это был первый партизанский госпиталь в годы Великой Отечественной войны. Госпиталь на 50–60 коек размещался в бывшей участковой больнице. В нем работали 3 опытных врача и необходимое количество среднего медицинского персонала. Отсюда раненые направлялись в медико-санитарные учреждения 4-й ударной армии [1, с. 10]. В конце сентября 1942 г. немцы заняли дорогу Усвяты – Сураж и линия фронта сомкнулась. С этого времени эвакуация раненых и больных партизан в советский тыл производилась только самолетами.

До образования БШПД дело материального обеспечения входило в функции ЦШПД, в котором медико-санитарным обеспечением занимался М.И. Коваленок, возглавлявший до этого народный комиссариат здравоохранения Беларуси. После эвакуации в советский тыл медицинских учреждений республики, он был назначен на работу в ЦШПД при Ставке Верховного Главнокомандования по медико-санитарному обеспечению партизанских отрядов. Здесь, при его активном участии организуется поиск и постановка на учет медицинских кадров, ранее работавших в республике. Со второй половины 1942 г. в состав диверсионных

групп и отрядов, перебрасываемых за линию фронта органами НКВД, стали подбирать опытных врачей, фельдшеров, медсестер, которым предстояло сочетать врачебную практику с боевой работой. Медицинские работники, забрасываемые в тыл врага в составе диверсионных групп, как правило, либо погибали, либо возвращались после выполнения заданий. Лишь небольшая их часть вливалась в состав партизанских отрядов. Большую роль в решении кадровой проблемы играли врачи-окруженцы [2, с. 116]. М.И. Коваленок установил деловые контакты с Главным медицинским управлением Красной Армии и с Наркомздравом СССР, создав тем самым необходимую основу для дальнейшего развития работ по медицинскому обслуживанию партизан и населения оккупированных врагом территорий [3, 61].

Созданный уже при БШПД санитарный отдел сразу уделил внимание приданию строгих организационных форм медико-санитарных служб для большего соответствия их структурам партизанских формирований и для унификации деятельности самих медико-санитарных подразделений, что устраняло элементы стихийности и способствовало повышению эффективности работы самого санитарного отдела БШПД. Для партизанских врачей была разработана форма медицинской отчетности, установлены сроки предоставления отчетов о движении раненых и больных, списков на погибших партизан, данные об эпидемиологическом состоянии партизанских зон, списков медицинского состава партизанских соединений. За неполные два года своего существования отделом была оказана существенная помощь партизанам, несмотря на имеющиеся трудности, связанные с автономностью его собственной работы, линией фронта, отсутствием надежных оперативных средств связи с партизанскими отрядами. Тем не менее, отделу удалось реализовать в относительно полном объеме три важные задачи:

- были отработаны прием и эвакуация в тыловые госпитали прибывающих партизан;
- стало непреложным обеспечение всех направляемых во вражеский тыл спецгрупп аптечками и необходимыми медикаментами;
- неукоснительным правилом являлось обязательное оказание медицинской помощи сотрудниками штаба всем прибывающим из партизанских зон партизанам.

Несмотря на экстремальную обстановку военного времени указания отдела БШПД выполнялись неукоснительно, что подтверждают отчеты всех руководителей медико-санитарных служб партизанских бригад. Так, в отчете, к примеру, начальника санитарной службы не близкой к Большой земле, Брестской партизанской бригады А. Блюмовича была представлена структура медицинской службы бригады, указывалось, что она обладает 12 врачами, 15 фельдшерами, 14 квалифицированными медсестрами. Здесь же приведены цифры боевых потерь за предшествующий период с начала боевых действий до октября 1943 г. Особый интерес представляют данные о результативности лечебной помощи. Всего за этот период было ранено 341 человек, из них вернулись в строй 297 бойцов, на излечении находилось 30, переведено на инвалидность – 9, умерло от ран 5 человек. В отчете сообщалось о проводимой работе среди местного населения, эпидемиологической ситуации, потребности в медицинском имуществе [4, л. 98]. Подобные отчеты с мест давали возможность в основном правильно оценивать состояние дел по медицинскому обеспечению партизан различных зон и соединений с последующим принятием мер по оказанию им помощи. Однако существенно воздействовать на обеспечение отрядов медицинскими кадрами или на перераспределение специалистов, организационные формы построения медико-санитарных частей партизанских соединений отдел не имел возможности. Работа по наращиванию кадрового потенциала врачей по-прежнему лежала на плечах руководства партизанскими отрядами и она была не безуспешной. К началу 1944 г. количество врачей составило 538 [5, с. 39].

Организационное воздействие отдела на лечебно-профилактическую работу на местах, в значительной степени, определялась методической помощью, медицинским имуществом и транспортными возможностями. Следует отметить, что уровень партизанских врачей определялся, главным образом, их профессиональным мастерством, позволяющим справиться с любыми задачами в экстремальных условиях. Но отсутствие самых необходимых средств для наркоза, перевязочных дезинфицирующих материалов, инструментария серьезно влияло на качество медицинской помощи и приводило к неоправданным человеческим жертвам. Поэтому трудно переоценить ту работу, которую проделал отдел по доставке в партизанские

зоны медицинского имущества, сталкиваясь подчас с имеющейся неразберихой, порой тратя немало сил на разъяснения отдельным должностным лицам важность медико-санитарных проблем. Так, например, санитарному отделу штаба пришлось долго убеждать начальника эвакуационного управления Главвоентранспорта в необходимости выделения штабу трех санитарных машин для отвозки раненых в госпитали Москвы. Порой не решались вопросы переброски партизанам срочных грузов медицинского характера. В декабре 1943 г. застряли на аэродроме «Монино» 17 парашютных мешков с медикаментами, на аэродроме «Внуково» – 15 мешков с аптечками и хирургическими наборами и средствами для обезболивания. Решать подобные проблемы в годы войны, в условиях острейшей нехватки медицинского оборудования было делом не простым, учитывая тот факт, что в медицинском обслуживании нуждались не только партизаны, но и поддерживающее их местное население [6, л. 32].

В марте 1943 г. при БШПД была создана мощная база медицинского снабжения с филиалом при оперативной группе штаба на Калининском (позднее 1-м Прибалтийском) фронте. В организации базы большую помощь оказали Главное Военно-санитарное Управление Красной Армии и рабочие фармацевтических заводов. Именно они являлись источниками снабжения партизан медицинским имуществом. Большие партии медикаментов прислали рабочие Горьковского и Казанского химико-фармацевтических заводов. На вагоне с индивидуальными пакетами из Казани была начертана надпись: «Славным партизанам и партизанкам Белоруссии от рабочих химико-фармацевтического завода города Казани». Всего за 1943 г. и по 20 июня 1944 г. из БШПД было направлено партизанам около 45 т медицинского имущества. В том числе сотни тысяч индивидуальных пакетов и бинтов, тысячи метров марли и тонны ваты, сотни килограммов настойки йода, сульфамидов, более 10 тыс. флаконов и ампул для наркоза, десятки килограммов марганцевокислого и риванола, противосыпнотифозной вакцины и мыла, тысячи доз противостолбнячной и противогангренозной сыворотки, около 14 тыс. индивидуальных аптечек, предназначенных для санитарных инструкторов, для медсестер и врачей, 105 хирургических наборов и около 10 тыс. хирургических инструментов [7, с. 4]. Наряду со снабжением партизанских врачей медикаментами и медицинским имуществом санитарный отдел штаба оказывал и методическую помощь. На основе новейшего, апробированного за время войны боевого опыта лечения в партизанские соединения были отправлены сборники инструктивных материалов по лечению огнестрельных ранений, ожогов, о работе эвакуационных госпиталей, указания по военно-полевой хирургии, руководства для ротных санитаров и фельдшеров и другие методические материалы. В документах БШПД также хранятся документы на отправленное медицинское имущество, в которых, например, за октябрь 1943 г. указаны названия и фамилии 134 руководителей партизанских соединений, в чей адрес оно направлялось. Это подтверждает существование строгого учета и контроля за распределением медикаментов, наличие информации у работников отдела.

Весь комплекс принятых мер позволил снять медикоментозный голод в таких крупных партизанских зонах, располагавших постоянно действующими аэродромами, как Пинская, Полесская, Гомельская, Минская, Вилейская, Лепельско-Ушачская и Освейская. Что касается партизанских соединений, действующих в прифронтовых или глубинных зонах, не позволявших наладить устойчивую связь с Большой землей, то им приходилось рассчитывать на подручные средства, трофейные или добытые другими путями на месте медикаменты и инструментарий.

В развитии партизанского движения роль авиации трудно переоценить. Первый партизанский аэродром в Беларуси, в Кличевской зоне, был построен в мае 1942 г. бойцами отрядов и привлеченным населением за неполные две недели. К концу 1942 г. с активным участием местных жителей в районах, подконтрольных партизанам, были сооружены 8 аэродромов и 9 площадок для сброса грузов, а за весь период оккупации – 41 аэродром [8, с. 29]. Первые плановые самолетовылеты были полностью распределены для доставки партизанам оружия и боеприпасов. Лишь спустя некоторое время командование авиатранспортных частей стало выделять дополнительные рейсы с предоставлением места для медикаментов и различного медицинского имущества.

В медицинском обслуживании партизан важное место отводилось эвакуации на Большую землю тяжелораненых. В соединения, которые имели посадочные площадки, поступали

раненые тяжелой степени из соседних формирований. При аэродромах пришлось организовывать нечто вроде эвакуогоспиталей, персонал которых заботился о лечении больных, проводил при необходимости срочные операции и устанавливал очередность отправки раненых на Большую землю. В эвакуогоспитали раненые доставлялись со выделенными для сопровождения медсестрами или фельдшерами и под надежным боевым прикрытием. В начале 1943 г. из Полесского соединения для отправки тяжелораненых в деревню Альбин Минского партизанского соединения, расположенного в непосредственной близости к партизанскому аэродрому, были доставлены 12 партизан для отправки на Большую землю. Сопровождала этих раненых отважная партизанка М.Л. Вежновец. В ожидании прибытия самолета, оставшись здесь единственным медработником, она продолжала бесменно дежурить, перевязывать, кормить и обслуживать эту группу раненых. Во время внезапной бомбежки разместила всех раненых в безопасное место и после некоторого времени отправила доверенных ей раненых на дальнейшее лечение [9, с. 17].

Санитарный отдел БШПД организовал вывоз таким путем 6617 раненых и больных партизан, и 8986 членов партизанских семей в тыл на излечение [10, с. 333]. С советской стороны, в прифронтовых госпиталях, близко расположенных в армейском или фронтовом районах, был организован прием поступающих раненых и больных партизан. На каждом аэродроме разворачивался эвакуоприемник во главе с врачом – эвакуатором. В прифронтовых госпиталях обычно оставляли раненых и больных, которые могли закончить лечение в течение 1–2 месяцев. Остальные раненые и больные партизаны эвакуировались в госпитали, расположенные в более глубоком тылу страны. В 1944 г. после передислокации штаба на территорию Беларуси (дом отдыха в Ченках Гомельской области) и увеличения числа аэродромов, по инициативе штаба армейскими санучреждениями были открыты эвакуопункты, с которых раненые направлялись в армейские полевые госпитали. Всего по направлению БШПД на отдых было отправлено 906 человек, санаторным лечением на курортах Кавказа воспользовался 41 человек. За период с начала организации штаба и по 20 июня 1944 г. прибывшим на излечение раненым и больным партизанам были выплачены единовременные пособия на общую сумму 668200 рублей. Раненым и больным по мере необходимости и особенно в праздничные дни посылались продовольственные посылки [11, л. 23, 25].

В ходе войны работникам санитарного отдела БШПД пришлось решать еще одну сложную проблему – на мирное население и бойцов партизанских отрядов стала надвигаться эпидемия сыпного тифа. Если в первый период войны оккупанты, сохраняя боеспособность своих войск, стремились не допустить развития эпидемии тифа, и ими предпринимались определенные профилактические меры, то затем, понимая всю непрочность своего положения, они стали сознательно содействовать распространению эпидемии. В создавшихся условиях отдел стал перед необходимостью увеличения числа самолето-вылетов. Для полетов за линию фронта были привлечены самолеты дополнительных авиационных частей, подготовлены для отправки партизанам медикаменты и другие средства для ликвидации эпидемии. Особенно эта деятельность активизировалась в последние месяцы 1943 г. Большую помощь партизанам в деле ликвидации эпидемии оказала санитарная служба БШПД. Как только было получено сообщение о появлении больных сыпным тифом в партизанских отрядах Лепельско-Ушачской зоны в декабре 1943 г., в течение двух дней самолетами было отправлено 600 кг медицинского имущества, дано указание о проведении прививок всему личному составу, сообщена инструкция о применении вакцины. Проведенная работа дала свои результаты. О том, что эта проблема была очень опасной, подтвердил впоследствии опыт краткосрочного существования Озаричского концлагеря смерти в марте 1944 г. Начиная с декабря 1943 г. всякий груз медицинского имущества, направляемый в партизанские соединения, содержал сыпнотифозную вакцину. Всего для проведения профилактических прививок партизанам было доставлено вакцины и против тифа, и против кишечной группы заболеваний в объемах, достаточных, чтобы привить более 80 тыс. человек [12, л. 34–36].

Таким образом, санитарный отдел БШПД сыграл свою положительную роль в деле организации медико-санитарной работы в партизанских соединениях. В трудных условиях войны и лишений партизанским медикам удалось добиться хороших показателей в лечении

раненых и больных. Оценка годности партизан после их выздоровления к дальнейшей службе была иной, чем в действующей армии. В партизанском движении считался годным каждый, кто мог держать в руках оружие или выполнять работу. Из более чем 15 тыс. раненых возвращено к партизанской деятельности – 78,4 %, эвакуировано в советский тыл – 15,8 %, признано инвалидами – 2,4 %, умерло – 3,4 %. Причем удалось достичь этого с применением всех новых методов лечения того времени [13, с. 11]. Своей деятельностью по мобилизации усилий партизанской медико-санитарной службы БШПД внес свой весомый вклад в расширение партизанской борьбы в тылу врага и тем самым в окончательную победу над фашизмом.

Литература

1. Инсаров, И.А. Медицинская служба в партизанских соединениях Белоруссии / И.А. Инсаров // *Здравоохранение Белоруссии*. – 1964. – № 7. – С. 6–14.
2. Брюханов, А.И. В штабе партизанского движения / А.И. Брюханов.– Минск : Беларусь, 1980. – 256 с.
3. Беляцкий, Д.П., Михаил Иванович Коваленок (1900–1958) / Д.П. Беляцкий, И.А. Инсаров. – *Здравоохранение Беларуси* – 1971. – № 11. – С. 59–62.
4. Отчет о состоянии медицинской работы в партизанских отрядах. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. – Оп. 3. – Д. 40.
5. Отчет о работе санитарного отдела БШПД // НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 3. – Д. 91.
6. Переписка с главным военно-санитарным управлением Красной Армии и другими учреждениями // НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 40.
7. Кардаш, Б.И. Помощь народным мстителям санитарным отделом Белорусского штаба партизанского движения / Б.И. Кардаш // *Здравоохранение Беларуси*. – 1990. – № 7. – С. 3–5.
8. Абраменко, М.Е. *Здравоохранение Беларуси в годы Великой Отечественной войны* / М.Е. Абраменко // Гомель : ГГМУ, 2010. – С. 29.
9. Друян, И.Л. Медико-санитарное обслуживание партизан Минской области / И.Л. Друян, И.К. Крюк // *Здравоохранение Белоруссии*. – 1964. – № 7. – С. 17.
10. *Беларусь в годы Великой Отечественной войны*. – Минск : Белта, 2005. – 536 с.
11. Отчет о финансовой деятельности БШПД // НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 3.– Д. 89.
12. Отчет о работе санитарного отдела БШПД // НАРБ – Ф. 1450. – Оп. 3. – Д. 91.
13. Инсаров, И.А. Медицинская служба в партизанских соединениях / И.А. Инсаров // *Здравоохранение Белоруссии*. – 1964. – № 7. – С. 6–14.

Гомельский государственный
медицинский университет

Поступила в редакцию 25.04.2014

Расторжения брака в белорусском городе в XVI–XVIII вв. (по материалам актовых книг городских магистратов)

Н.Н. АЛЕКСЕЙЧИКОВА

Характеризуется бракоразводной практики, существовавшей во второй половине XVI – первой половине XVIII вв. белорусских городах. На основе анализа архивных данных, рассматриваются причины, приводившие к расторжению брака. Исследования реальной бракоразводной практики показывают на существование, наряду с причинами развода, установленными светским и каноническим правом, целого ряда причин, продиктованных жизнью. Среди последних можно назвать такие, как кровное родство, измена, разногласия между супругами, материальный недостаток, пьянство. В рассматриваемое время на белорусских землях были распространены венчанный и невенчанный браки, накладывавшие свой отпечаток на бракоразводные процессы.

Ключевые слова: городская семья, развод, венчанный брак, невенчанный брак, причины развода.

The characteristic of divorce practice in the XVI–XVIII centuries in Byelorussian towns is given. Archival documents are analyzed, causes of divorce are considered. The characteristics of divorce practice are shown. The real divorce practice shows different causes of divorce, which to take place in the XVI–XVIII centuries. Some of them satisfy the secular and canon law. But some of them were dictated by life. Among causes of divorce, which took place in the real practice, one can include such as consanguinity, unfaithfulness and variance between husband and wife, poor financial situation and drunkenness. At the relevant time in the Belarusian lands wedding in church and unwed marriages were distributed and they effected on divorce proceedings.

Keywords: urban family, divorce, unwed marriage, marriage, which takes place in church, reasons for divorce.

Семейная жизнь наших предков, в особенности горожан, является мало изученной темой. Осталась практически без внимания такая сторона матримониального поведения жителей белорусских земель, как расторжение брака. На сегодняшний день имеется лишь ряд работ, затрагивающих данный вопрос. На правовой стороне развода, а точнее сказать его причинах, останавливаются в своих работах А.И. Юхо [18], [19], и Г. Дербина [4], . Эта же проблематика затронута в труде коллектива польских историков «История устройства и права Польши», а также в монографическом исследовании Ю. Бардаха «Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага» [3], [20]. Бракоразводная практика в шляхетской среде рассматривается Н. Слиж [17]. Еще один отечественный историк, И.А. Марзалюк обращается к причинам расторжения брака и отдельным аспектам бракоразводной практики в Беларуси в XI–XVIII вв. [12]–[14]. Исследования же расторжения брака в городах Беларуси в XVI–XVIII вв. практически отсутствуют. Данная статья направлена на изучение бракоразводной практики в XVI – первой половине XVIII вв. На основе материалов актовых книг Могилевского магистрата анализируется бракоразводная практика, причины, приводившие к распаду семьи, а также влияние формы брака на эти процессы.

В XVI–XVIII вв. в белорусских городах имели место случаи расторжения брака. Исследование актовых книг Могилевского магистрата позволяет утверждать, что наибольшее количество расторжения браков среди горожан приходится на XVI в. Так, только с 1578 по 1589 гг. в Могилеве развелись 12 супружеских пар, что составило 52,17 % от общего числа выявленных разводов. В XVII в. количество разведенных семей могилевчан сократилось до 10 (43,48 %). Исследование же актовых книг Могилевского магистрата за XVIII в. позволило выявить только один случай расторжения брака в среде мещанства (рисунок 1).

В рассматриваемый период на белорусских землях существовало две формы брака – венчанный и невенчанный. Под венчанным браком в православной, римо-католической и униатской традиции понимается брачный союз, заключенный путем венчания в церкви, при создании семьи путем невенчанного брака, данный этап отсутствует [6, с. 87–88, 101], [15, л. 85].

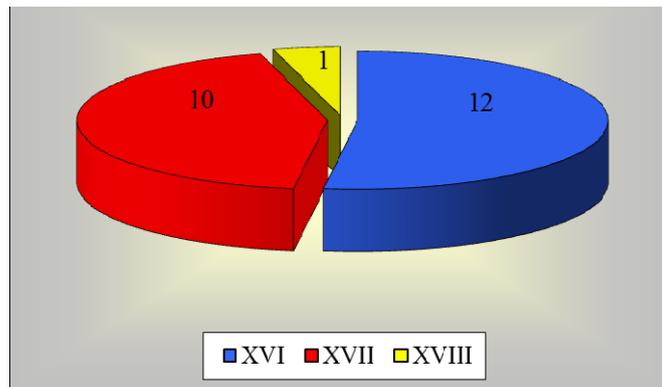

Рисунок 1 – Супружеские пары, расторгнувшие брак в Могилеве в XVI–XVIII вв.

Это оказывало большое влияние на бракоразводную практику. В частности, форма брака влияла на способ расторжения брачного союза. При разводе невенчаных супругов в городской среде они могли просто покинуть свою вторую половину: *«Федко Игнатович Яблонский <...> оповедаль о томъ, ижъ в небытности моей дома, вжо тому недел пят, як жона моя проч з дому утекла, яко ж забрала з собою напервей тисѣчу белки людцыны, солиб(е)лой за осмь коп гр(о)шей, котлы чотыри, конов цыновых чотыри, мис цыновых чотыри, сукман голубый люнский, за который дано было полтрети копы гр(о)шей...»* [2, с. 466].

Подобным образом за 1578–1579 гг. распалось 4 брачных пары. Имели место аналогичные случаи и в первой половине XVIII в. (таблица 1.). Так 8 февраля 1623 г. состоялся развод Ивана Михневича с женой, которая повторно вышла замуж, пока ее муж находился на службе: *«<...> Иж дей я за себе тут, в Могилеве, в стан малженский Ходосью Андреевну взявши и помешкавши з нею през час немалый, кды был пошол на службу, на которой службе през злые руки татарские надманный был и там през колко роков въ земли татарской трапений был, а в том часе тая поменная жона моя, не чекаючи мене, за иншого мужа, Фёдара Короткого, мещанина могилевского пошла <...> з малженства вызволяю...»* [9, с. 375–376].

При расторжении брака мещане прибегали и к услугам представителей духовенства вне зависимости от его формы: *«Ставши очевисто Клишко Якимовичъ, мещанинъ могилевскій, зъ жоною своею Агапъею, не зъ жадного примушенья, але сами, по своей доброй воли, сознание свое до книгъ мескихъ могилевскихъ судовыхъ <...> тыми словы учынили, ижъ будучи намъ въ стане малженскимъ зъ собою, а не маючи доброго мешканя, яко иншыи люди мешкають <...> я Клишко Якимовичъ, съ причинъ вышъ менованыхъ <...> жону мою зъ стану малженского отъ себе вечными часы чиню волну <...> мы, врядъ <...> видечи, ижъ тая справа належитъ суду духовному, для сконченя тое sprawy межи тымъ Клишомъ Якимовичомъ а жоною его Агапъею Ивановною, отослалисмо ихъ до права духовного...»* (венчаный брак) [9, с. 274–275]; *«Терешко Лютиковичъ, жаловаль именемъ сестры своее, Мари Лютковны на Офанаса Гридковича, мещанина могилевского, о томъ, штожъ дей далъ есми былъ за него въ станъ малженскій сестру свою Марю, нижли дей онъ, пропомневши боязни божое, набравши се воли своее, оную жону свою а сестру мою покинувши, иншую за жону себе взять <...> а сторона отпорная <...> покладалъ листъ роспусный и разводный отъ священника Нестера Ивановича <...> ижъ тотъ священникъ кузмадемянскій, видечы того Офанаса Гридковича зъ жоною его, ижъ они, не бравши межъ собою шлюбу, блудне мешкали; кдымъ имъ былъ хотель шлюбу давати, они жъ незгодного мешканя шлюбу брати не хотели и зъ малженства се доброволне розъвели, съ тыхъ причинъ и тотъ священникъ роспустивши, тотъ листъ свой имъ далъ...»* (невенчаный брак) [9, с. 345–346]. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, может свидетельствовать о признании данной формы брака представителями духовенства. В то же время стоит отметить весьма негативное отношение церкви к невенчанной форме брака: *«Той который чинит шлюб, без Иерея <...> грешит смертелне...»* [15, л. 85]. В глазах духовенства данный брак считался грехом.

Таблица 1– Супружеские пары, получившие развод в XVI–XVIII вв. в Могилеве.

Муж	Жена	Вид брака	Причина развода	Год развода	Источники
Исак Иванович	дочь Гаврилы Скарботина	венчанный	болезнь супруги	1578	[2, с. 64]
Клишко Иванович	Нелида Тишковна	венчанный	Клишко считал, что у Нелиды есть муж	1579	[2, с. 322]
Гришко Яцкович	Гасюта, дочь Ивана Семеновича Клыпыча	венчанный	импотенция супруга	1589	[8, с. 473]
Яцко Конашевич	Марья, дочь Симона Гридковича	венчанный	желание жены уйти в монастырь	1599	[7, с. 255–261]
Богдан Новгородец	?	невенчанный	жена ушла к другому	1578	[2, с. 145–146]
Максим Пилипович	?	невенчанный	жена ушла к другому	1578	[2, с. 16–17]
Ивашко Овсеевич Хлусович	Соня, дочь Сенко Ботвиневича	невенчанный	жена вернулась к родителям	1579	[2, с. 182–183]
Стас Борковский	?	невенчанный	жена ушла к другому	1579	[2, с. 377]
Федко Игнатович Яблонский	Авдотья Яблонская	невенчанный	жена ушла из дома	1579	[2, с. 466, 532]
Андрей Станкович	Пашута Кунковна	невенчанный	отказ мужа от брачных уз	1580	[1, с. 609]
Иван Бутак	Масюта Ивановна	невенчанный	жена уехала с жолнерами	1580	[2, с. 513]
Андрей Окулич	Мария	невенчанный	Финансовый недостаток	1585	[8, с. 368]
Клишко Якимович	Аганья Ивановна	венчанный	супруги не нашли общего языка	1606	[9, с. 274–275]
Федор Семенович Лупко	Алена Костевна Федорова	венчанный	жена заболела, решила уйти в монастырь	1609	[9, с. 285]
Богдан Лукьянович	Улита Семеновна Федоровичовна	венчанный	постоянные измены супруги	1610	[10, с. 294–301]
Ждан Кузминич Овусович	Анна Ивановна, дочь Ивана Чорного	венчанный	ушла к отцу и не возвращается	1614	[7, с. 325–330]
Яков Андреевич Сопозко	Екатерина Самуелевна	венчанный	пьянство мужа	1646	[10, с. 521]
Кондрат Савинич Пастух	Овгиния Войцеховна Кондратовая	венчанный	жена решила стать монахиней	1647	[9, с. 209–210]
Никифор Григорьевич Оршаничин	Пелагея Ивановна Белявна	венчанный	муж долго отсутствовал дома, лечился от импотенции, жена решила, что он умер, и вышла замуж	1690	[9, с. 445–447]
Офанас Гридкович	Мария Лютковна	невенчанный	по обоюдному согласию, непонимание в семье	1616	[9, с. 345–347]
Остап Зенкович	Федора Федоровна	невенчанный	не нашли общего языка	1611	[7, с. 314–315]
Иван Михневич	Ходосья Андреевна	невенчанный	жена ушла к другому	1623	[9, с. 375–376]
Мартин Полоневич	Агата Коробанковна Мартинова	венчанный	импотенция супруга	1725	[11, с. 266–284]

Стоит также отметить, что невенчанный брак мог быть расторгнут и светскими властями [1, с. 62–63], в то время как развод венчанных супругов, полученный таким образом, считался недействительным: *«Гаврило Скарботин, жаловал на зятя своего учтивого Исака Ивановича о томъ, иж дей онъ дочку мою маючи за собою ч(а)съ немалы в малженстве, тогда якъ она занемогъла на очи, з нею се розвелъ <...> А сторона отпорная Исакъ, <...> поведил, иж се я з нею розвел есми для того, што она сама мене о тое просила, поведаючи, иж робить не*

могу тебе и для того се розвести зо мьною, алемь я дей самь ее не кидал от себе, якож и лист розводны на ураде поклада. А уряд <...> бачечи теж то, иж лист розводны неслушны и не от духовных особ даны <...> тот листь на сторону одложивши, сказал и присудил тому Исаку, итоб жоною опят мешкал яко и первой...» [2, с. 64–65].

Существовал целый ряд причин, позволяющих расторгнуть брак. В православной традиции в качестве таковых признавались: 1) жена не предупредила своего супруга о готовящемся на него покушении; 2) женщина вела непристойный образ жизни; 3) покушалась на жизнь супруга или оговаривала его; 4) изменяла мужу [5, с. 90, 102–103; 16, л. 34]; а также разводу подлежали супруги, состоящие в «беззаконном», невенчанном браке [6, с. 362–364]. Помолвка с другой девушкой, кровное родство между вступившими в брак людьми, обман со стороны одного из будущих супругов, наличие духовного сана, преступное деяние, совершенное одним из будущих супругов, принадлежность к различным религиям, мужская несостоятельность супруга – все эти причины, согласно памятникам униатского канонического права, также могли стать основанием для развода [15, л. 82 об., 83 об.].

Изучение же источников показывает, что реальная бракоразводная практика была значительно богаче. В качестве оснований для распада семьи выступали: проблемы в интимной жизни супругов, измена, пьянство, стремление посвятить свою жизнь Богу, тяжелое материальное положение и несовместимость характеров (рисунок 2).

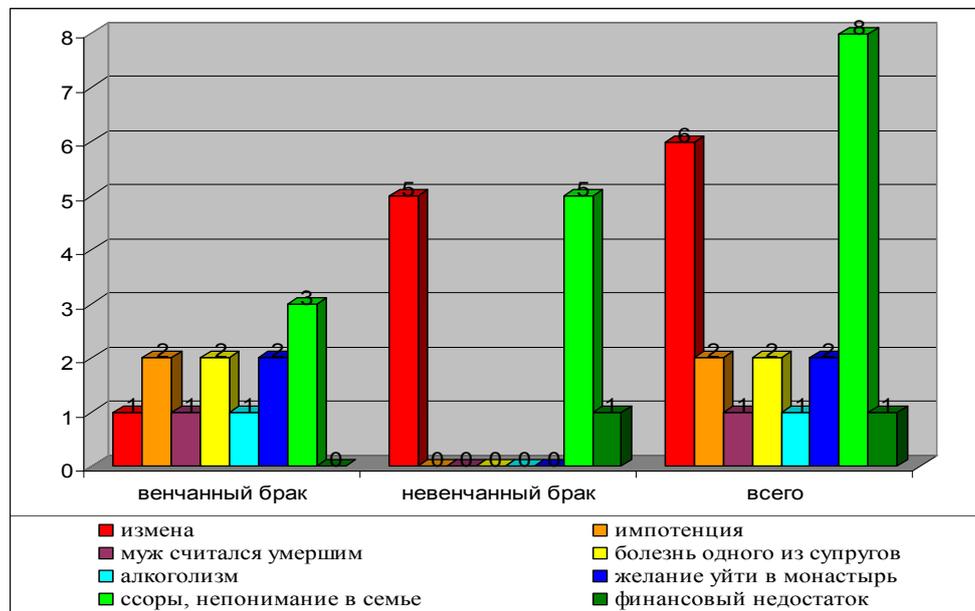

Рисунок 2 – Причины расторжения брака в городской среде в XVI–XVIII вв. по материалам актовых книг Могилевского магистрата.

Среди обстоятельств, приводивших к распаду семьи, можно выделить те, которые являлись достаточным основанием для развода как венчанного, так и невенчанного брака, а также присущие только определенной форме брака.

1. Причины расторжения как венчанного, так и невенчанного браков, зафиксированные в актовых книгах Могилевского магистрата:

– *ссоры и непонимание, возникавшие между супругами*: «Ставишы очевисто Клишко Якимовичъ, мещанинь могилевскій, зъ жоною своею Агапъею <...> сознанье свое <...> тыми словы учынили, ижъ будучи намъ въ стане малженскимъ зъ собою, а не маючи доброго мешканя, яко иншыя люди мешкають, але вжо отъ колко годъ вишлетьямъ ураду доуку и набегане чинимъ и зъ собою непристойне мешкаемъ <...> ижъ я Клишко Якимовичъ, съ причинъ вышъ менованыхъ, помененую жону мою зъ стану малженского отъ себе вечными часы чиню волну; а помененая Огапья Ивановна <...> сознала, ижъ такимъ же способомъ...» [9, с. 274–275]. Разногласия между супругами приводили к тому, что женщина уходила от своего мужа и возвращалась в дом своих родителей или просто уходила из дома, после чего следовало расторжение брака [2, с. 182–183, 466], [9, с. 325–330].

– супружеская неверность: «*... Улита Семеновна Федоровичовна <...> сознание свое <...> тыми словы учынила, ижъ дей што была есми въ стане малженскомъ за Богданомъ Лукьяновичомъ, мещаниномъ могилевскимъ, часть не малый за нимъ будучы, не догажаючи <...> яко на жону добрую приналежитъ, а бавечы се своволностью своею, которое перестати не могу <...> зъ малженства его отъ себе вызволила и волного учынила вечными часы <...> Богданъ Лукьяновичъ <...> на жону свою законную и венчалную, на имя, на Улиту Сморицковну, о томъ, ижъ дей тая жона моя, набравшы ся своею воли, вжо не пооднокротъ, препомневши боязии божое и срокгости права посполитого, а не маючи възглядъ на встыдъ людскій и на присегу свою, которую мне, яко малжонку своему, идучы за мене въ станъ светый малженскій, вчынила, тогды дей, въ року теперешнемъ тисеча шесть сотъ десятомъ мѣца Марца двадцать второго дня, подъ часомъ бытности люду казацкого запорожского у месте Могилевскомъ и въ мене, въ дому моемъ, будучыхъ, зъ ними, перед очыма моими, грехъ навстыдливый, чужолоство, жона моя чынила, которая <...> штокольвекъ было маетности, всю забравшы, съ тыми жъ казаками запорожскими отъ мене втекла...» [9, с. 294–299].*

Как показывает изучение актовых книг Могилевского магистрата, данные причины наиболее часто фигурируют при расторжении брака. Так из 23 брачных пар, которые, согласно актовым книгам Могилевского магистрата, получили развод 8 (5 состояли в венчанном браке и 3 в невенчанном) расстались из-за непонимания между супругами, что составило 34,8%, и 6 (1 – в венчанном и 5 – в невенчанном браке) из-за супружеской неверности (26,1%) (таблица 2).

Таблица 2 – Причины расторжения брака в городской среде в XVI–XVIII вв. по материалам актовых книг Могилевского магистрата и их зависимость от формы брака

Причины развода	Венчанный брак	Невенчанный брак	Всего	%
Измена	1	5	6	26,1 %
Импотенция	2	0	2	8,7 %
Муж считался умершим	1	0	1	4,3 %
Болезнь одного из супругов	2	0	2	8,7 %
Алкоголизм	1	0	1	4,3 %
Желание уйти в монастырь	2	0	2	8,7 %
Ссоры, непонимание в семье	3	5	8	34,8 %
Финансовые проблемы	0	1	1	4,3 %

2. Причины расторжения только венчанного брака, зафиксированные в актовых книгах Могилевского магистрата:

– мужская несостоятельность супруга: «*Ставши очевисто Гришка Яцковичъ мещанинъ могилевскій, зъ одное стороны, а зъ другой стороны Иванъ Семеновичъ Клыпачъ з дочкою своею, Гасютою, сознание свое <...> учынили <...> тыми словы, напродъ Гришко Яцковичъ поведиль, ижъ што мель <...> Гасю за собою въ стане малженскомъ, а такъ маючи за собою часть не малый и не маючи зъ нею мешканя такого, якое межи мужомъ а жену бываетъ, ижъ есми не былъ способенъ на учинокъ свой мужескій, съ таковыхъ причинъ, ижъ дочка его Гасюта, а жона моя, за мною не въ згоде мешкала и не ведечи тое способности по мне, отъ мене непооднокротъ прочъ отходила и ураду духовному жаловала, за што не черезъ угоду людей оную дочку того Ивашика Клыпача, жону свою, съ того малженства отъ себе выпустил...» [8, с. 473];*

– болезнь одного из супругов: «*Ставши очевисто Алена Костевна Федорова, мещанка могилевская <...> сознание свое до книгъ мескихъ тыми словы учынила, ижъ будучы мне часть не малый въ стане малженскомъ за Федоромъ Семеновичомъ Лупкомъ <...> и мешкаючи зъ нимъ учтиве, теперешнего часу <...> будучы я невеста хорая, не могучы вжо въ стане малженскомъ за мужомъ своимъ быти и мужу своему болшь служыти <...> съ тыхъ причинъ помененого Федора Семеновича зъ малженства своего вызволяю и волного чыню вечными часы...» [190, с. 285–286]. Церковь категорически запрещала разводиться с больным супругом [5, с. 100], в связи с чем в приведенном выше отрывке женщина в качестве причины развода указывает не состояние своего здоровья, а желание посвятить свою дальнейшую жизнь служению Богу. Данное желание в глазах духовенства выглядело веским основанием для развода, так как монашество было более предпочтительно, чем брак [16, л. 73 об.];*

– желание принять монашеский сан: «*Постановившись честная во инокинях Овъгиня Войцеховна, въ стане малженскомъ Кондратовая будучая, а въ монастыре Борколабовскомъ теперь мешкаючая зъ одное стороны, а Кондрать Савиничъ Пастухъ <...> зъ другое стороны, сознанье свое добровольное <...> тыми словы учинили, ижъ я, Овъгиня Войцеховна, въ стане свецкомъ зъ помененымъ малжонькомъ моимъ <...> немалый часъ мешкаючи, а теперь, за добровольнымъ его позволенемъ, въ законъ иноческій вступивъши <...> малжонка моего выпускаю и вызволяю вечными часы...*» [9, с. 209–210];

– злоупотребление спиртными напитками: «*я, Яков Андреевич Сопоцко <...> чиню ведомость и сознаю самъ на себе симъ моимъ добровольнымъ разводнымъ листомъ, ижъ я знаючи тотъ грехъ на себе, же мешкаючи въ свете, жаднымъ способомъ отъ пьянства завстягнутись и погановати не могу, зачымъ умысленемъ и статечне то у себе постановилъ одменити животъ мой на животъ законный, на покуту до монастыра, на поратованне души моее, а маючи на сесь часъ въ стане малженскомъ учтивую Катерину Самуелевну, которую я южъ тымъ моимъ распутнымъ житемъ, стративши отчизну мою и самую оголотишь и до убозтва привель пре то<...> симъ листомъ моимъ зъ малженства и обовязковъ шлюбныхъ вызволяю и волную чыню вечными часы...*» [10, с. 521];

– отсутствие супруга дома продолжительное время: «*Ижъ дей я (Иван Михневич – А.Н.) за себе тут, в Могилеве, в стан малженский Ходосью Андреевну взявши и помешкавши з нею през час немалый, кгда был пошол на службу, на которой службе през злые руки татарские падманый был и там през колко роков въ земли татарской трапеныый был, а в том часе тая поменная жона моя, не чекаючи мене, за иншого мужа, Фёдара Короткого, мещанина могилевского пошла <...> з малженства вызволяю...*» [9, с. 375–376].

3. Причины расторжения только невенчанного брака, зафиксированные в актовых книгах Могилевского магистрата:

– *финансовые проблемы в семье*: «*ставши очевисто мещанинъ могилевскій Андрей Окулиничъ зъ жоною своею Марєю добровольне сознане до книгъ местскихъ тыми словы учинили, ижъ штомъ есмо ся были зъ собою на доброй воли своей зошли у станъ маженскій, а такъ въ тотъ теперешній часъ голодный, не маючи поживеня взети откуль быхмо ся живити мели; а такъ якъ есмо ся по своей доброй воли зошли и такъ ся есмо по своей доброй воли распустили, за што одинъ другого вечными часы дела не маемъ мети...*» [8, с. 368]. Данное обстоятельство могло стать причиной для развода исключительно невенчанного брака, т. к. церковь не признавала это достаточным основанием для развода.

Таким образом, документы фиксируют достаточно фактов расторжения брака в городской среде в XVI–XVIII вв. Анализ бракоразводной практики позволил выявить причины, приводившие к распаду семьи. Наиболее частыми из них являлись: проблемы в интимной жизни супругов, измена, пьянство, стремление посвятить свою жизнь Богу, тяжелое материальное положение, а также несовместимость характеров. Таким образом, наряду с причинами развода, установленными светским и каноническим правом (Древнерусскими княжескими уставами XI–XV вв. [21], Статутами Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг.) существовал еще и целый ряд причин, продиктованных жизнью. На бракоразводную практику XVI–XVIII вв. накладывало опечаток наличие венчанной и невенчанной форм браков, что отразилось на количестве разводов и причинах, приводивших к распаду семей.

Литература

1. АЗР: в 5 т. – Спб. : Тип. II Отделенія собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846–1848. – Т. 2 : 1506–1544 [акты и исторические памятники государствования в Литовской Руси Сигизмунда I]. – 1848. – 437 с.
2. Акты издаваемые Виленскою комиссією для разбора древних актов: в 39 т. – Вильна : Типограф. губ. правл., 1865–1915. – Т. 39 : Акты Могилевского магистрата XVI в. (1578–1580). – 1915. – 664 с.
3. Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага / Ю. Бардах – Мінск : ТАА «Типографія ПОЛИТМАГ», 2002. – 459 с.
4. Дзэрбіна, Г. Права і сям’я ў Беларусі эпохі Рэнэсансу / Г. Дзэрбіна. – Мінск : Тэхналогія, 1997. – 175 с.

5. Древние русские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я.Н. Щапов – М. : Наука, 1979. – 239 с.
6. Живописная Россия: Отечество наше и его зем., ист., плем., экон. и быт значения: Литов. и Белорус. Полесье: Репринт. воспроизведение изд. 1882 г. – Минск : БелЭн., 1993. – 550 с.
7. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ : Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 6: Приходо-расходная книга г. Могилева 1689 г. Акты, извлеч. из книг Полоц. магистрата за 1676–1771 гг. / под ред. Созонова – 1975. – 409 с.
8. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 7: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1577–1591 гг. / под ред. Созонова. – 1876. – 517 с.
9. ИЮМ: в 32 т./под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 8: Приходо-расходные книги г. Могилева за 1691 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1591–1634 гг. / под ред. Созонова–1877. – 530 с.
10. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 9: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1692 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1635–1646 гг. / под ред. Созонова. – 1878. – 546 с.
11. ИЮМ: в 32 т. / под ред. Созонова [и др.]. – Витебскъ, тип. Губ. правл., 1871–1906. – Вып. 11: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1697 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1706–1716 гг. / под ред. Созонова. – 1880. – 536 с.
12. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І.А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2003. – 324 с.
13. Марзалюк, І.А. Магілёў у XII–XVIII стагоддзях: людзі і рэчы / І.А. Марзалюк. – Мінск : Веды, 1998. – 260 с.
14. Марзалюк, І.А. Матрыманіяльнасць і сэкс у Беларусі XI–XVIII стст. / І.А. Марзалюк // Terra alba. – Мінск, 2001. – Т. II : Homo venetus: Сексуальная прастора беларускай культуры / пад рэд. С.І. Даніленкі. – С. 123 – 129.
15. РГБ. МК – Собрание припадков краткое, и духовным особам потребное. – Супрасль, 18.01.1722. – 159 л.
16. РГБ. ОР. – Фонд 256. – Д. 372: Сборник, или памятная книжка священника содержащая в себе разные нужные ему выписки и указания. 1580. – 77 л.
17. Сліж, Н. Сексуальнае жыццё шляхты Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVIII стст. / Н. Сліж // Terra alba. – Мінск, 2001. – Т. II: Homo venetus: Сексуальная прастора беларускай культуры / пад рэд. С.І. Даніленкі. – С. 141 – 158.
18. Юхо, И.А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. / И.А. Юхо. – М. : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1978. – 144 с.
19. Юхо, І. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. Юхо.– Мінск : Беларусь, 1991. – 238 с.
20. Bardach, J. Historia ustroju i prawa polskiego/ J. Bardach, B. Leśnodorski, M. Pietrzak. – Warszawa : Wydaw. Naukowe PWN, 1997. – 654 s.
21. Древние русские княжеские уставы XI–XV вв. / сост. Я.Н. Щапов – М. : Наука, 1979. – 320 с.

УДК 271.2(476)(091) «1944/1948»

Становление и деятельность института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР в Белорусской ССР в 1944–1948 гг.

А.Г. ВАСИЛИЦЫН

Освещен процесс становления и начальный этап деятельности института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР в Белорусской ССР в 1944–1948 гг. На основе архивных материалов показаны условия формирования аппарата уполномоченных, исполнение ими должностных обязанностей, взаимоотношения с советскими и партийными органами, духовенством и верующими. Особое внимание уделено особенностям деятельности уполномоченных Совета по делам РПЦ в условиях послевоенной Беларуси.

Ключевые слова: Совет по делам РПЦ, уполномоченный Совета, ЦК КПБ, облисполком, Русская православная церковь, духовенство, верующие.

The formation process and the initial phase of the activity of the institute of representatives of the Council for the Russian Orthodox Church in the Council of People's Commissars of the USSR in the Belorussian SSR in 1944–1948 are highlighted. The conditions of the formation of the Office of Representatives, the duties as well as the relationship with the Soviet and party organs, the clergy and congregation are described on the basis of archival materials. Particular attention is devoted to the peculiarities of the activity of the Office of Representatives of the Russian Orthodox Church in postwar Belarus.

Keywords: Council for the Russian Orthodox Church, Council representative, Central Committee of the Communist party of Belarus, Executive Committee, Russian Orthodox Church, clergy, congregation.

Современное состояние отношений государства и Русской православной церкви в Беларуси характеризуется конструктивным сотрудничеством. Для дальнейшей оптимизации целесообразным видится изучение опыта государственно-церковных отношений предыдущих периодов. Целью работы является освещение процесса становления и деятельности института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (РПЦ) в Белорусской ССР в 1944–1948 гг. Нижняя хронологическая граница исследования обусловлена началом деятельности института уполномоченных Совета по делам РПЦ на территории БССР, верхняя – поворотом в религиозной политике советского Правительства.

В современной историографии имеется обширный круг исследований, посвященных религиозной политике советского государства в отношении РПЦ, проблемам создания и деятельности Совета по делам РПЦ – органа, который осуществлял эту политику [1]–[3]. Вместе с тем, особенности деятельности института уполномоченных Совета в БССР представлены обобщенно [4]–[7]. В публикациях Н.В. Нихамкиной [8], Е.В. Пчельник [9], В.Г. Кулаженко [10] освещены некоторые обстоятельства создания аппарата уполномоченных, его место в системе органов власти, права, обязанности и основные направления деятельности. Обозначенные исследователями направления требуют дальнейшего изучения.

В годы Великой Отечественной войны руководство СССР пересмотрело свое отношение к религиозным организациям, и прежде всего к РПЦ. Результатом изменения государственного курса стало принятие 14 сентября 1943 г. постановления об образовании Совета по делам РПЦ [11, д. 1, л. 2]. Также решением Советского правительства для связи Совета по делам РПЦ, республиканского и областного руководства при каждом облисполкоме и СНК БССР вводилась должность уполномоченного, которая соответствовала должности начальника отдела. Подбором кадров на местах занимались облисполкомы, утверждением в должности – бюро республиканских и областных комитетов партии. Совет по делам РПЦ только согласовывал предложенные на местах кандидатуры. На должность преимущественно назначались лица, имевшие опыт работы в партийных структурах и специальных органах. 14 августа 1944 г. был утвержден уполномоченный Совета по БССР, к маю 1945 г. завершилось комплектование штатов на местах [12, д. 10, л. 347], [12, д. 2, л. 1], [13, д. 1, л. 69].

Правовое положение и деятельность уполномоченных регулировали «Положение о Совете по делам РПЦ», «Инструкция Совета по делам РПЦ при СНК СССР для уполномоченных Совета при СНК союзных и автономных республик и при облисполкомах», инструктивные письма Совета. Все документы, как и основное делопроизводство уполномоченных, было секретным. Выдавать оригиналы и копии документов местным органам и представителям церкви запрещалось [14, д. 1, л. 1–2], [14, д. 6 а, л. 1–7].

Об исполнении работниками Совета своих обязанностей позволяют судить квартальные отчетно-информационные доклады о положении и деятельности РПЦ. В них давались развернутые сведения о деятельности уполномоченных, всех значимых событиях церковной жизни, фактах нарушения законодательства о культах. К отчетам прилагались статистические сведения о составе духовенства, количестве действующих церквей, молитвенных домов и монастырей, поступивших ходатайствах об открытии церквей и молитвенных домов, арендуемых для них помещениях [12, д. 5, л. 26–61, 100, 102–103].

Уполномоченные систематически вызывались в Совет или на республиканские кустовые совещания для отчетов и получения инструктивных указаний. Регулярно осуществлялись проверки их работы специальными комиссиями, состоящими из сотрудников центрального аппарата Совета или уполномоченного и его заместителя по БССР. По итогам обследования комиссия давала заключение с оценкой работы, которое позволяет судить о профессиональном уровне работников и их отношении к своим обязанностям [12, д. 5, л. 56].

Уполномоченные Совета по делам РПЦ в 1944–1948 гг. проводили работу по выявлению и взятию на учет действующих и не действующих церквей и молитвенных домов, совершали регистрацию приходских общин, церквей, духовенства и церковных органов. Началом практической деятельности уполномоченных по регистрации становилось оформление уже действующих церквей, открытых в годы войны в Восточной Беларуси и не закрывавшихся после 1939 г. на территории Западной Беларуси. Кроме этого принимались и рассматривались заявления об открытии тех храмов, общины которых требовали их восстановления. При открытии и регистрации церквей и молитвенных домов уполномоченные исполняли роль посредников между облисполкомами, местными властями, общинами верующих и Советом. Получив заявление от верующих об открытии церкви, через райисполкомы собирали первичные сведения об инициативе. После обращались в облисполкомы, которые принимали решение об открытии церкви или отклонении ходатайства верующих. Если облисполкомы не имели намерения открывать храм, уполномоченные посылали в Совет по делам РПЦ копию решения об отклонении ходатайства с указанием причин. Если заявление облисполком находил нужным удовлетворить, то в Совет по делам РПЦ пересылалась вся собранная документация. Совет выносил предварительное решение и представлял материалы на утверждение в СНК СССР. Решение Совнаркома он сообщал местным властям. Во всех случаях уполномоченные кратко уведомляли верующих о принятом решении [12, д. 1, л. 2 об.].

Приходам, по которым было принято решение о регистрации, рассылалась необходимая документация. Местные власти заключали с общинами договора на передачу в бесплатное и бессрочное пользование молитвенных зданий и культового имущества. После этого уполномоченный выдавал приходской общине регистрационную справку. До выхода уточняющих распоряжений уполномоченным приходилось брать на себя регистрацию приписных приходов и церквей, о которых действующее законодательство не давало указаний [12, д. 2, л. 147].

Регистрация священнослужителей проводилась после получения ими указов о назначении на приход от правящих архиереев. Духовенству выдавалась регистрационная справка с указанием места служения. Используя помощь местных властей, уполномоченные пресекали служение не зарегистрированных священников [12, д. 3, л. 148].

Анализируя отчеты за 1944–1945 гг., Совет по делам РПЦ констатировал неудовлетворительное состояние работы по регистрации церквей и молитвенных домов в республике, частые ошибочные сведения в материалах, и предлагал уполномоченным уделить этому отрезку работы первостепенное внимание. Перед республиканским уполномоченным ставилась задача установить точное количество действующих храмов. Тем не менее, проблема учета существовала еще в 1947 г. [12, д. 2, л. 56], [13, д. 9, л. 22], [12, д. 10, л. 108].

По заданию Совета уполномоченные занимались сбором разнообразных сведений о положении и деятельности РПЦ. В период с 1944 по 1946 гг. давали подробную информацию о патриотической деятельности церкви, изучали реакцию духовенства на денежную реформу 1947 г. и коллективизацию в западных областях БССР. На протяжении всего периода собирали данные о церковных доходах, хозяйственной деятельности и имущественном положении монастырей [12, д. 1, л. 3], [12, д. 8, л. 60–61], [12, д. 9, л. 36], [12, д. 15, л. 111].

В практической работе в 1944–1946 гг. они оказывали помощь Правительству БССР в переселении белорусского населения Польши, содействуя скорейшему назначению на приходы репатриированного духовенства. При помощи местных властей и правоохранительных органов пресекали активизацию верующих при обновлении икон, исцелении больных в церкви. Уполномоченные оказывали помощь в организации богословско-пастырских курсов и деятельности Минской духовной семинарии, собирали и предоставляли в Совет и в ЦК информацию об организации учебного процесса, учащихся и преподавателях. Кроме семинарии они контролировали работу курсов псаломщиков при епархиальных управлениях и благочиниях [13, д. 3, л. 4], [13, д. 4, л. 95], [12, д. 4, л. 3–10], [13, д. 11, л. 83–139], [13, д. 10, л. 86].

Тем не менее, деятельность работников Совета, случалось, выходила за рамки действующего законодательства. Некоторые уполномоченные по личной инициативе или по указанию областного руководства содействовали закрытию храмов, оказывали давление на духовенство, церковные органы. Для предотвращения нарушений республиканский уполномоченный лично проводил беседы с областными работниками, обращался к председателям облисполкомов и в СНК БССР. Случаи нарушений рассматривались на бюро ЦК и обкомов. На факты администрирования реагировал Совет, призывая уполномоченных «не вмешиваться в религиозную жизнь, а больше изучать советское законодательство в отношении православной церкви, чтобы не допускать искажений в своей деятельности» [12, д. 2, л. 20], [12, д. 5, л. 12–14], [12, д. 3, л. 93], [13, д. 1, л. 44].

Уполномоченные Совета по делам РПЦ в процессе своей деятельности широко взаимодействовали с республиканскими, областными, районными советскими и партийными органами, духовенством и верующими. Это предопределило многоуровневый и часто противоречивый характер отношений. Анализ архивных фондов показал, что в исследуемый период деятельность уполномоченных стала входить в сферу контроля ЦК КПБ. За обкомами повсеместно закрепилось право подбора работников Совета. Республиканский уполномоченный стал регулярно представлять в ЦК копии докладных записок о положении церкви, работе Совета по делам РПЦ в областях, участии членов партии в церковных таинствах [8, д. 5, л. 59–60], [15, д. 146, л. 1–36], [15, д. 593, л. 58–60].

Взаимоотношения с областными властями во многом определяло положение уполномоченных, которые выполняя задания Совета по делам РПЦ, находились на бюджете облисполкомов. Это обусловило стремление властей сократить аппарат работников Совета, уменьшить административно-управленческие расходы на его содержание, повсеместно использовать уполномоченных для решения текущих хозяйственных задач. С другой стороны, областные власти сохраняли в должности не справлявшихся с прямыми обязанностями работников Совета, если они в полной мере выполняли хозяйственные поручения облисполкомов и обкомов [12, д. 10, л. 181, 183].

Материальное обеспечение работников Совета обуславливалось экономическими возможностями региона, значимостью их труда для областного руководства. Отсутствие на местах постановлений Правительства, определявших правовое положение уполномоченных, давало основания по-разному подходить к их снабжению. При одних облисполкомах оно соответствовало должности начальника отдела, а при других только должности сотрудника. Существовали проблемы нехватки служебных помещений, канцелярских принадлежностей, мебели, возникали задержки с печатью документов, выделением средств на командировки. Попытки Совета и республиканского уполномоченного улучшить положение на местах в большинстве случаев заканчивались безрезультатно [13, д. 1, л. 33], [15, д. 592, л. 68].

Облисполкомы и обкомы повсеместно использовали работников Совета для контроля над хозяйственными кампаниями. Протесты Совета, телеграмма заместителя СНК СССР В.М. Молотова, обращение председателя СНК БССР П.К. Пономаренко к областному руководству не изменили ситуацию. Так, уполномоченный по Гродненской области

И.Т. Макаренко за 3 квартал 1946 г. был в командировках 62 дня. Назначенный в Бобруйскую область П.П. Гудов за 3 первых месяца работы провел в командировках 2 месяца и 10 дней, а уполномоченный по Молодеченской области Д.Я. Кадовба за 1947 г. в поездках по заданиям облисполкома находился 200 дней [12, д. 6, л. 51], [12, д. 11, л. 85], [12, д. 12, л. 277].

Руководство редко принимало уполномоченных с докладами об их непосредственной работе. По признанию В.С. Менькова, уполномоченного Совета по БССР в 1946–1949 гг., П.К. Пономаренко и Н.И. Гусаров принимали его по несколько раз в год и только по личной инициативе Менькова. Похожее положение наблюдалось и в областях. Причины можно искать в том, что в номенклатурных кругах изменение государственной политики в отношении церкви воспринималось как временное явление. Нередко уполномоченные сами оценивали свои обязанности как «странные», а работу «не авторитетной», «неприятной», просили Совет освободить их. Все это обусловило интенсивную смену кадров. С августа 1944 по декабрь 1946 г. в должности республиканского уполномоченного работало три человека. За 1947 г. в Гомельской, Могилевской и Пинской областях сменилось по три работника, а в Барановичской за период с 1944 по 1948 гг. пять уполномоченных [12, д. 14, л. 29], [13, д. 1, л. 46], [12, д. 3, л. 139], [12, д. 5, л. 73], [12, д. 12, л. 277].

Взаимодействуя с районными властями, уполномоченные разъясняли религиозное законодательство и осуществляли контроль над его выполнением, собирали сведения для учета церквей и их регистрации. Деятельность Совета часто встречала сопротивление на местах из-за незнания законодательства или сознательного стремления не допустить рост церквей. Райисполкомы не пропускали поступившие от общин заявления, не давали или искажали информацию о состоянии храмов, задерживали их передачу. На протяжении всего периода уполномоченные предотвращали попытки отнять молитвенные помещения у общин в обход законодательства [12, д. 3, л. 69], [13, д. 7, л. 179], [12, д. 3, л. 148], [12, д. 5, л. 90].

В целом конструктивные отношения у уполномоченных складывались с представителями церковных институтов. Управляющим епархиями уполномоченные оказывали помощь в перемещениях по республике, выездах за границу, ремонте храмов, обжаловании завышенных налогов. Архиереи информировали о положении дел в епархии, согласовывали вопросы церковного управления. Духовенство обращалось к уполномоченным по организационным вопросам приходской жизни, разрешением конфликтных ситуаций. Общение с верующими происходило по вопросам регистрации общин, церквей, выдачи разрешений на отпуск строительных материалов. Работники Совета принимали жалобы духовенства и верующих на незаконные действия местных властей и ведомственных организаций, которые после предварительного анализа направляли в вышестоящие инстанции и добивались их рассмотрения. Жалобы на нарушения со стороны духовенства доводились до управляющих епархиями. Информация о нарушениях передавалась республиканскому уполномоченному и руководству республики [12, д. 1, л. 10], [12, д. 8, л. 321], [15, д. 593, л. 214], [12, д. 6, л. 133]

Образование института уполномоченных Совета по делам РПЦ в БССР стало результатом изменения религиозной политики Советского государства в отношении РПЦ на союзном уровне. В 1944–1948 гг. проходил начальный этап деятельности института, в задачу которого входило осуществление связи между Советом, руководством республики, областей и РПЦ. Уполномоченные проводили учет и регистрацию общин, церквей и духовенства, разъясняли действующее религиозное законодательство и осуществляли контроль над его выполнением, собирали и предоставляли в местные, республиканские и центральные органы информацию о положении и деятельности РПЦ.

Деятельность уполномоченных была во многом обусловлена противоречивостью государственно-церковных отношений, в которых, с одной стороны, центральные власти демонстрировали относительно лояльное отношение к церкви, а с другой, на местах сохранились установки, разработанные еще в 1930-е гг. и направленные на полное уничтожение религиозных признаков из повседневной жизни советского общества.

Руководство республики и областей не считало значимым фактором общественного развития выстраивание ровных отношений с церковными институтами, считая уступки церкви временным явлением, обусловленным внешнеполитическими условиями, которое в скором

времени будет пересмотрено. Об этом свидетельствует целенаправленное стремление на местах использовать работников Совета в решении текущих общественно-политических и хозяйственных задач, не связанных с их прямыми обязанностями, постоянно возникающие кадровые и материально-технические трудности в их работе.

Вместе с тем, для Русской православной церкви в БССР существование института уполномоченных в освещаемый период стало, в целом, положительным явлением. Несмотря на то, что деятельность уполномоченных была ориентирована на сдерживание институционального роста церкви, в своей работе они следили за соблюдением религиозного законодательства со стороны местных властей, сдерживая их административный нажим, в рамках законодательства оказывали помощь управляющим епархий и приходским общинам. Все это обеспечивало правовой механизм в государственно-церковных отношениях.

Литература

1. Ушакова, И.К. Деятельность Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР (1943–1965 гг.) / И.К. Ушакова. – Москва, 2009. – 94 с.
2. Смирнова, О.С. Деятельность института уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви в 1944–1965 гг. : на материалах Верхнего Поволжья : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О.С. Смирнова. – Иваново, 2010. – 225 с.
3. Чумаченко, Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР: 1943–1965 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Т.А. Чумаченко. – М., 2011. – 535 с.
4. Навіцкі, У.І. Партыйна-дзяржаўная палітыка да рэлігіі ў пасляваенны час / У.І. Навіцкі // Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.). / В.В. Грыгор’ева [і інш.]; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – Мінск: ВП «Экаперспектыва», 1998. – С. 234–263.
5. Верашчагіна, А.У. Гісторыя канфесій на Беларусі ў другой палове XX стагоддзя / А.У. Верашчагіна, А.В. Гурко. – Мінск: ІСПД, 1999. – 139 с.
6. Кулажанка, У.Г. Асаблівасці арганізацыі жыцця праваслаўнай царквы ў Беларусі 1944–1948 гг. па матэрыялах фондаў упаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры СНК СССР: да пастаноўкі пытання / У.Г. Кулажанка // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа : зб. навук. артыкулаў : у 2 ч. / Мін. адукацыі РБ, ГрДУ; рэдкал. : С.В. Марозава [і інш.]. – Гродна, 2009. – Ч. 2. – С. 62–68.
7. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2011. – Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]. – 2011. – 728 с.
8. Нихамкина, Н.В. Институт Уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Белорусской ССР / Н.В. Нихамкина // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 5. – 2004. – С. 213–217.
9. Пчельник, Е.В. Деятельность уполномоченных Совета по делам православной церкви в Белоруссии (1944-1954 гг.) / Е.В. Пчельник // Подготовка педагогических и научных кадров историков и развитие исторической науки в Беларуси : материалы респ. науч.-практ. конф., Гродно, 30 сент. 2004 г. / Гродн. гос. ун-т. – Гродно, 2005. – С.379–382.
10. Кулажанка, У.Г. Документы ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Міністраў СССР як крыніца па гісторыі праваслаўнай царквы ў Беларусі. 1944–1965 гг. / У.Г. Кулажанка // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 10. – 2009. – С. 30–43.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд. – Р6991. – Оп. 2.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд. 951. – Оп. 2.
13. НАРБ. – Фонд. 951. – Оп. 1.
14. ГАРФ. – Фонд. Р6991. – Оп. 1.
15. НАРБ. – Фонд. 4п. – Оп. 29.

УДК 930.2(477)*М.Грушевский:930(100) «19»

Археографическая деятельность Михаила Грушевского в оценке историографии первой трети XX века

О.Н. Владыга

Рассматривается деятельность М. Грушевского как археографа в украинской исторической науке конца XIX – начала XX века. Выявлены дискуссионные моменты, которые вызвали обсуждение археографического наследия выдающегося ученого. Указано влияние дискуссий того времени на дальнейшее изучение археографического наследия ученого.

Ключевые слова: М. Грушевский, археография, историография, конец XIX – начало XX века, дискуссии о научном наследии.

The article is devoted to the problems of meaningfulness in Hrushevsky' occupation as an archeographer in Ukrainian historical science of the late XIX – early XX century. It is exposed debatable moments that provoked discussion on the archeographic heritage of outstanding scientist. Indicated the influence of the time of discussions on further study into archeographic workshops of the explorer.

Keywords: M. Hrushevsky, archeography, historiography, the end of XIX – beginning of the twentieth century, the debate about the scientific heritage.

Изучение археографической деятельности Михаила Грушевского – одно из наиболее популярных направлений современного грушевковедения. Пристальное внимание к источниковедческому наследию выдающегося ученого объясняется не столько фундаментальностью разработанных и реализованных автором «Истории Украины-Руси» археографических проектов, сколько актуальностью его размышлений в области теории и практики публикации исторических источников и действенности предложенных им форм и методов археографического поиска. Современные исследователи едины во мнении, что археографический сегмент украинской историографии все еще находится на этапе реализации начерченных М. Грушевским более века назад первоочередных задач. В связи с этим важным представляется проследить дискуссии, которые возникали в первой трети прошлого века вокруг археографических инициатив патриарха украинской науки. Именно в полемике со своими именитыми польскими, белорусскими и российскими коллегами, украинский ученый корректировал первоначальные археографические замыслы и переосмысливал свое видение форм и методов источниковедческого труда.

Первая попытка анализа археографической деятельности М. Грушевского принадлежит рецензентам его магистерской диссертации, весомыми дополнениями к которой стали два изданных тома документов. Они содержали найденные молодым ученым в украинских, польских и российских архивах источники к истории экономических и общественно-политических процессов на Подолье в XV–XVIII вв. Эти источниковедческие приложения вышли как восьмая часть известной издательской серии «Архив Юго-Западной России». Представитель киевской исторической школы Н. Молчановский высоко оценил эдиционную работу, проведенную автором, которая воплотилась в два тома актов Барского староства. «Собрание этих актов, – подчеркнул рецензент, – что потребовало массы сложного труда, составляет значительную заслугу господина Грушевского в истории нашего края, поскольку они дают довольно убедительную картину колонизации и освоения определенной территории Подолья» [1, с. 105].

Не оставила без внимания археографический дебют М. Грушевского и галицийская украинская научная периодика. В «Записках Научного общества Шевченко» были подробно прорецензированы и новая монография молодого ученого, и два тома изданного им документального материала. Рецензенты, прежде всего, отметили значимость собранного М. Грушевским массива источников для реконструкции колонизационных процессов и социально-экономической жизни на Подолье в XV–XVIII вв. «Изданные теперь акты, – отметил один из обозревателей, – содержат большое количество нового материала, который касается не только Барщины, но и западной части Каменец-Подольского староства» [2, с. 178; 3, с. 21]. Представляя читателю содержание обоих томов документов, рецензенты отметили, на какие именно аспекты прошлого Подолья эти, впервые опубликованные материалы, проливают свет.

Изданные М. Грушевским тома документов Барского староства отметили также польские историки. Специалист по истории Подолья А. Яблоновский в обширной рецензионной статье подчеркнул солидность источниковой базы труда, а также кропотливую археографическую работу автора, назвал монографию «чудесным сюжетом к истории наших внутренних отношений», «исчерпывающим фактическим описанием Барского староства», которое «во всей полноте представляет картину внутренних, экономических отношений в нем, подает тем самым исторический образец, указывает как бы норму этих же отношений в других украинских староствах подобного генезиса и категории» [4, s. 64–73].

Еще более внимательно научная критика того времени следила за развернутой М. Грушевским масштабной археографической деятельностью после его переезда в Галицию в 1894 г. Особенно пристальным это внимание стало после организации по инициативе М. Грушевского в январе 1896 г. Археографической комиссии Научного общества Шевченко. С тех пор ни одно археографическое издание, подготовленное как самим председателем Общества, так и его коллегами и учениками, не осталось без внимания историков. Такие авторитетные археографы того времени как М. Довнар-Запольский [5], В. Щербина [6], П. Жукович [7], Я. Славик [8], К. Хамец [9], Ф. Равита-Гавронский [10; 11] и многие другие ученые единогласно отметили значимость развернутой М. Грушевским в Научном обществе Шевченко археографической деятельности и высоко оценили его собственный вклад в углубление источниковой базы изучения восточноевропейского прошлого. Правда, при этом польские исследователи указывали, что опубликованные документы, не только М. Грушевским, но и его сотрудниками по Обществу, нередко подобраны тенденциозно, с целью обоснования историографических гипотез автора «Истории Украины-Руси».

Первые обобщающие характеристики вклада М. Грушевского в организацию археографической работы в Научном обществе имени Шевченко и его собственного публикаторского наследия прозвучали в начале XX ст. в контексте празднования юбилеев выдающегося историка, которые устраивала украинская общественность, чувствуя своего неутомимого работника. Так, в связи с празднованием в Галичине учениками и коллегами историка десятилетия его деятельности во Львове (1904 г.) и сорокалетие со дня рождения (1906 г.) впервые было обращено внимание на значимость археографической составляющей научно-организационной работы председателя Научного общества имени Шевченко. Об этом отмечалось на страницах не только украинской, но и польской и чешской периодики. Так, польские исследователи возносили заслуги М. Грушевского перед украинской наукой и говорили, что он своей «бенедиктинской работоспособностью» создал «украинский научный мир» и «целую школу» [12]. А чешский историк Карел Кадлец указал, что его украинский коллега «относится к плодовитым и обстоятельным славянским исследователям», ведь его организационному таланту обязаны своим быстрым прогрессом львовское и киевское научные украинские общества; именно благодаря М. Грушевскому украинцы наконец получили основанную на обширном комплексе первоисточников свою историческую метрику [13].

Отметим, что в последующих чествованиях юбилейных дат автора «Истории Украины-Руси», внимание к его археографическому наследию все более возрастало. Подтверждением этому может служить празднование двадцатипятилетия литературно-научной деятельности М. Грушевского, которое пришлось на 1910 г. В многочисленных юбилейных сообщениях нашлось место и для того, чтоб отметить весомость археографической составляющей деятельности ученого. Так, Федор Слюсаренко на специальном собрании петербургской «Громады», посвященном юбилею М. Грушевского, остановился на его вкладе в развитие археографического сегмента украинской науки. При этом он назвал не только серийные археографические издания, но и подготовленные львовским профессором кадры молодых историков, «которых можно было посылать в археографические экспедиции по архивах Кракова, Москвы, Киева, Варшавы, Петербурга» [14].

Своеобразный итог археографической деятельности М. Грушевского в галицкое двадцатилетие был подведен во время празднования пятидесятилетия выдающегося ученого, которое несмотря на военное лихолетье и разъединенность украинцев линией фронта, было отмечено по обе стороны Збруча. Наиболее весомые характеристики археографического

наследия автора «Истории Украины-Руси» прозвучали в статье Н. Василенко «Проф. М.С. Грушевский как историк», вышедшей в специально посвященной юбилюру книге московской «Украинской жизни». Отмечая фундаментальность осуществленной ученым историографической реконструкции, автор очерка подчеркнул невиданную прежде в украинской науке интенсивность археографических поисков М. Грушевского. Чтобы нагляднее показать солидность его археографической работы, Н. Василенко обратился к сравнению с классиком русской науки Сергеем Соловьевым: «...Соловьеву приходилось иметь дело главным образом с российскими источниками и архивами; Грушевский же по характеру своих студий должен был исследовать архивы не только российские, но и польские и галицкие» [15, с. 32].

Постепенное накопление критически-аналитической информации о различных аспектах научной деятельности М. Грушевского сделали возможным целостное осмысление археографической сферы его деятельности в течение первой трети XX в. Здесь заметным явлением стал обобщающий очерк представителя львовской школы В. Герасимчука «Михаил Грушевский как историограф Украины». Он был опубликован в томе «Записок Научного общества Шевченко», приуроченных к двадцатипятилетию приезда выдающегося ученого в Галицию. Среди различных аспектов научной работы учителя автор особенное внимание уделяет также характеристике его археографических работ. «Многочисленные издания источников, которые он подготовил сам или его ученики при его инициативе и поддержке, – утверждает В. Герасимчук, – дают свидетельство его значительной работы» [16, с. 11].

Далее галицкий историограф останавливается на полемике, которая развернулась в украинистике вокруг оценки источниковедческого акцента в «Истории Украины-Руси», который выражался в довольно значительном – нередко многостраничном – цитировании ученым исторических источников. Отвергая упреки в адрес учителя, автор отмечает логичность значительных перепечаток источников в его главном труде. Подытоживая указанную полемику, В. Герасимчук утверждает: «Думаю, что это замечание, если его только можно назвать таковым, могло бы иметь оправдание у более богатых и счастливых в культурной продукции наций, но никогда у нас. Историк на такое обвинение не может согласиться. Великий историк должен был преодолеть колоссальные трудности муравьиного собирания источников-документов при значительной нехватке подготовительных эрудиционных работ и одновременно должен был свои выводы, которые оспаривались современниками, как можно более солидно подтвердить документами» [16, с. 9–10]. Мы намеренно привели такую большую цитату, ибо тезис В. Герасимчука фактически впервые проявил дискуссию в украинской науке, которая продолжается до сих пор – считать сильной или слабой чертой «Истории Украины-Руси» ее все более отчетливый – от тома к тому – первоисточниковый характер.

Другой аспект целостного анализа археографической деятельности М. Грушевского львовского периода связан с появлением в начале 20-х гг. первых синтетических обзоров украинской историографии, в которых, разумеется, невозможно было обойти вниманием наследие выдающегося ученого в области издания источников. Одной из первых работ такого плана стал «Обзор украинской историографии» Д. Дорошенко, который вышел в Праге в 1923 г. Научной и организационной деятельности М. Грушевского в книге отведен целый раздел. На фоне развертывания украинских исторических исследований XIX – первых десятилетий XX в. Д. Дорошенко показывает солидность вклада автора «Истории Украины-Руси» в становление и дисциплинарное оформление целого спектра украиноведческих студий.

Особый акцент в «Обзоре» был сделан на археографической деятельности М. Грушевского, которая имела важные для отечественной культуры последствия – закладывание надежного источниковедческого фундамента для создания синтеза украинского прошлого. Коротко анализируя издания источников М. Грушевским и представителями его львовской школы, Д. Дорошенко отмечает: «Почти все названные труды, которые вышли либо из исторического семинара проф. Грушевского, или же вообще из его научной школы, основаны главным образом на архивных источниках, для исследования которых их авторы вели поисковые работы в разных архивах Львова, Кракова, Вены, Варшавы, Харькова, Москвы, Петербурга, и вследствие этого почти все они дают новый и научно обработанный материал, а иногда и очень важные с научной точки зрения выводы» [17, с. 198].

После переезда М. Грушевского в советский Киев возобновилась его собственная археографическая деятельность, а вместе с тем и ее обсуждение на страницах научной периодики. Обозреватели того времени – В. Романовский [18], И. Ерофеев [19], П. Клименко [20], В. Биднов [21], С. Нарижный [22] и другие – традиционно отмечали масштабность развернутой им деятельности в Археографической комиссии Всеукраинской Академии наук и фундаментальность собственных источниковедческих находок академика, значительно укрепивших источниковый костяк украинского прошлого, прежде всего периода казачества, который находился в центре научных интересов автора «Истории Украины-Руси» в последнее десятилетие.

Этапным в прижизненном осмыслении многогранной археографической работы М. Грушевского стало широкое празднование шестидесятой годовщины со дня рождения и сорокалетия научной и научно-организационной деятельности ученого. В ряде выступлений и публикаций, приуроченных к юбилею, заметное внимание отводилось и для характеристики археографического и публикаторского наследия академика.

Наиболее обстоятельно и всесторонне сорокалетнюю научную деятельность М. Грушевского, также и с точки зрения ее археографической составляющей, проанализировал его старший коллега по школе Владимира Антоновича Д. Багалий. Он поставил перед собой задекларированную в названии исследования сложную задачу – определить место юбиляра в украинской науке. Харьковский историк практически впервые в историографии отметил влияние на становление Грушевского-археографа киевской документальной школы и ее руководителя В. Антоновича. Характеризуя магистерскую диссертацию юбиляра, исследователь указывает, что «эта работа дала ему прочные основания и для дальнейших студий над архивными материалами, дала ему методологию и сразу поставила его высоко среди работников по документальной истории Украины» [23, с. 177].

Археографические традиции школы Антоновича, как правильно отметил Д. Багалий, М. Грушевский перенес и расширил на галицкой почве. Впрочем, исследователь отмечает и различия между изданиями Киевской археографической комиссии и Археографической комиссии Научного общества имени Шевченко. Если критерием отбора материала для первой была научная проблема, то М. Грушевский подбирал материал согласно территориальному и хронологическому критериям. Характеризуя публикаторское наследие самого председателя Научного общества имени Шевченко, воплощенное в четырех томах «Источников по истории Украины-Руси», харьковский академик назвал его «очень ценным» вкладом в отечественную науку [23, с. 185]. Наряду с опубликованными в «Источниках» документами, Д. Багалий впервые также отмечает солидность публикаторского труда младшего коллеги в других изданиях руководимого им львовского общества (в первую очередь, в «Записках НТШ»), а также в его главном произведении.

Рассмотрев личный вклад М. Грушевского в украинскую историографию, Д. Багалий характеризует усилия юбиляра по организации археографического направления деятельности возглавляемого им Научного общества имени Шевченко. Здесь он справедливо экспонирует факт создания львовской исторической школы. Подытоживая археографические труды учеников автора «Истории Украины-Руси», Д. Багалий пишет: «Эти издания, которые в своем большинстве касались специальности Михаила Сергеевича, были самым тесным образом связаны с организационной и редакторской деятельностью в них Михаила Сергеевича» [23, с. 190]. Отметим, что историографические рефлексии харьковского ученого относительно археографической деятельности его киевского коллеги были наиболее содержательными для того времени и в значительной мере не утратили своей актуальности и для современных исследователей.

Вне советской Украины наиболее полно научную деятельность М. Грушевского проанализировал представитель его Львовской школы Мирон Кордуба. Наряду с внимательным рассмотрением главных историографических идей учителя, галицкий ученый обратил внимание читателя на его источниковедческие поиски. Характеризуя ситуацию в украинской науке конца XIX в., автор справедливо отметил, что «Грушевский нашел почву чрезвычайно мало подготовленной, огромные пространства времени и целый ряд фундаментальных проблем почти неисследованными. Он должен был сам начинать с поисков и анализа источников. [...] Не находя подготовительных работ, Грушевский почти всюду сам сходит на самый

низ, черпая информацию просто из источников» [24, с. 349]. Но наиболее масштабной такая поисковая и источниковедческая работа, утверждает М. Кордуба, была при изучении периода казачества, где автор «Истории Украины-Руси» фактически полностью сформировал новую историографическую традицию, основанную на солидном компендиуме впервые введенных в научный оборот источников.

На рубеже 20–30-х годов оценки археографической деятельности М. Грушевского в советской науке, как и всего его историографического наследия, начали меняться в направлении огульной критики. Довольно длительное время относясь снисходительно к археографическому сегменту творчества М. Грушевского, находя его идеологически безопасным, советские марксистские историки, руководимые логикой «развертывания борьбы на историческом фронте», начали брутальную критику его источниковедческих проектов. С позиции догматизированного марксизма, выдающегося ученого обвиняли в тенденциозности при подборе источников с целью доказать свои «буржуазные» историографические концепции [25].

Итак, в прижизненный период обсуждения творчества М. Грушевского были заложены основы понимания его археографических поисков. Критики и первые исследователи творчества ученого отмечали высокую источниковедческую квалификацию и замечательную археографическую подготовку Грушевского-историка, его безусловный организационный талант, который позволил структурировать и упорядочить археографическую составляющую украинской науки. Одновременно высказывались критические замечания полемического характера. Значительное количество литературы того времени, посвященное археографическим студиям М. Грушевского, свидетельствует о большом авторитете ученого в кругу его коллег по академическому цеху.

Литература

1. Н.В. [Н.В. Молчановський] 1) Архив Юго-Западной России. Ч. 8. Т. 1. Материалы для истории местного самоуправления в связи с историей сословной организации. Акты Барского староства XV–XVI в. К., 1893; 2) Ч. 8. Т. II. Акты Барского староства XVII–XVIII в. К., 1894; 3) Грушевский М. Барское староство. Исторические очерки. К., 1894 / Н.В. Молчановський // Киевская старина. – 1895. – Т. XLVIII. – С. 103–112.
2. О.Щ. [Щуровський Ол.]: Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. Часть восьмая, т. I. Акты Барского староства XV–XVI в. К. 1893 / Ол. Щуровський // Записки НТШ. – 1894. – Т. IV. – С. 178.
3. Ю.С. [Сициньский Ю.]: Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, часть восьмая, т. I: Материалы для истории местного самоуправления в связи с историей сословной организации, Акты Барского староства XV–XVII в. К. 1893; Часть восьмая, т. II: Акты Барского староства XVII–XVIII в. К. 1894 / Ю.Сициньский // Записки НТШ. – Львів, 1895. – Т. VI. – С. 20–23.
4. Jabłonowski, A. Starostwo barskie (Hruszewskij M.: Barskoje Starostwo. Istoricheskie ocerki. Kijew 1894) / A. Jabłonowski // Kwartalnik Historyczny. – Lwów, 1894. – Rocznik VII. – S. 64–73.
5. Довнар–Запольский, М. К истории экономического быта Галиции в XVI веке (Жерела до історії України-Руси. Під ред. М.Грушевського. Т. 1) / М.Довнар–Запольский // Журнал Министерства народного просвещения. – Седьмое десятилетие. – Часть CCCXV. – 1895. – Январь. – С. 146–156.
6. Щербина, В.: Жерела до історії України-Руси. Під ред. М.Грушевського. Т. 1 / В.Щербина // Киевская Старина. – 1896. – Т. XLIV. – С. 37–41.
7. Жукович, П. Матеріали до історії української козащини, видані під загальною редакцією Михайла Грушевського. Том 1. Документи по рік 1631. Зібрав і видав Іван Крип'якевич. У Львові, 1908) / П. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1909. – Новая серия. Часть XXIV. – Кн. 11 (ноябрь). – С. 232–238.
8. Slavik, J. Hruševskij Michajlo, Istorija ukraïnskoj Kozaččini. T. I. do roku 1625. Kijev-Lvov, 1909. Kripjakevič Ivan. Materiali do istorii ukraïnskoj Kozaččini. T.I. Dokumenti po rik 1631. Lvov, 1908 / J. Slavik // Český Časopis Historický. – Praha, 1910. – Sešit 3. – S. 335–339.
9. Chamiec, Ks. Źródła do historyi Ukrainy–Rusi, wydawane przez Komisję archeograficzną Tow. Nauk. Im. Szewczenki. T. I. Lustracye królewsczyzn na ziemiach Halickiej i Przemyskiej z roku 1565–1566. Lwów, 1895 / Ks. Chamiec // Biblioteka Warszawska. – 1897. – Tom II. – S. 181–187.
10. Rawita-Gawroński, Fr. Źerela do istorii Ukrainy-Rusi. T. VI. Lwów 1913. Materjały do istorii Hałyczyny, zibraw i uporiadkowaw Stefan Tomaszewskij. T. III. Litopisni pamiatki z r. 1647–1648. Lwiw

1913. *Predmowa I–XX. Meży Pilawciamy i Zamostiem 1–114. Źródła i literatura 117–151. Tekst 1 do 226. Spis nazw / Fr. Rawita-Gawroński // Kwartalnik Historyczny. – Lwów, 1915. – S. 358–365.*
11. Rawita-Gawroński, Fr. : *Żereła do istorii Ukrainy-Rusi. T. XII-V. Lwów 1911. Materjały do istorii ukraińskiej Kozaczyny, wydany pid zahalnoju redakcijeju Michajła Hruszewskoho. Tom V. Akty do Chmelniczyny (1648-1657), zibraw i wydaw Miron Korduba. U Lwowi 1911. Peredne słowo V–VI. Borot’ba za polskij prestiż po smerty Wołodysława IV, 1–60, Dr. Miron Korduba. Akty od 65–513. Pokażczyk imen osib 515 do 532; pokazczyk geograficznych i etnograficznych imen 533 do 545 / Fr. Rawita-Gawroński // Kwartalnik Historyczny. – Lwów, 1915. – S. 358–365.*
12. *Tad. St. Gr. [Grabowski T.S.]. Науковий збірник присвячений професорови Михайлови Грушевському учениками і прихильниками з нагоди його десятилітньої наукової праці в Галичині (1894–1904). – Львів, 1906. / T.S. Grabowski // Świat Słowiański. – Rocznik II. – Kraków, 1906. – Czerwiec. – S. 440–442.*
13. *Kadlec, K. Mychajlo Hruševskýj / K. Kadlec // Slovansky Přehled. – 1909. – № 11. – S. 163–167.*
14. *Ф. С-ко. [Слюсаренко Ф.]. Проф. Михайло Грушевський і його наукова діяльність / Ф. Слюсаренко // Рада. – 1910. – № 287. – С. 2–3.*
15. *Василенко, Н.П. Проф. М.С. Грушевский как историк / Н.П. Василенко // М.С. Грушевский (1866–1916). Издание «Украинской жизни». – М., 1917. – С. 18–34.*
16. *Герасимчук, В. Михайло Грушевський як історіограф України / В. Герасимчук // Записки НТШ. – 1922. – Т. СXXXIII. – С. 1–26.*
17. *Дорошенко, Д. Огляд української історіографії / Д. Дорошенко. – К. : Вид-во «Українознавство», 1996. – 256 с.*
18. *Романовський, В. Український археографічний збірник. м. Київ 1926. VII + 354 ст. Видала Археографічна Комісія Української Академії Наук / В. Романовський // Архівна справа. – 1928. – Книжка п’ята-шоста. – С. 106–114.*
19. *Єрофіїв, Ів.: Український археографічний збірник. Вид. Археогр. комісії УАН т. I, К. 1926. стор. 354. / Ів. Єрофіїв // Червоний шлях. – 1927. – № 3 (48). – С. 210–211.*
20. *Клименко, П.: Український Археографічний Збірник. Т. I-й, сс. I–VII, 354. У Києві 1929 / П. Клименко // Записки Історично-Філологічного Відділу. – К., 1927. – Книга XII (1927). – С. 340–342.*
21. *Біднов, В.: «Український Археографічний Збірник», видає Археографічна Комісія Української Академії Наук, том перший, у Києві, 1926 (з друкарні Україн. Академії Наук), VII + 354 + I нenum. / В. Біднов // Літературно-науковий вісник. – 1927. – Кн. 3. – С. 279–284.*
22. *Наріжний, С.: М.Грушевський. Історія України-Руси. Тому дев’ятого перша половина [Хмельниччина роки 1650–1653]. Державне видавництво України. 1928. ст. 604. [Всеукраїнська Академія Наук]. – Тому дев’ятого друга половина [Хмельниччина роки 1654–1654]. ДВОУ Державне видавництво «Пролетар» 1931. ст. 605–1632 / С. Наріжний // Літературно-науковий вісник. – 1931. – Т. 107. – С. 1029–1031.*
23. *Багалій Д. Академік М. Грушевський і його місце в українській історіографії / Д. Багалій // Червоний шлях. – 1927. – № 1. – С. 160–217.*
24. *Кордуба, М. Академік Михайло Грушевський як історик (з нагоди ювілею) / М. Кордуба // Літературно-науковий вісник. – 1926. – Т. 91. – С. 346–357.*
25. *Ястребов, Ф. «Тому дев’ятого перша половина» : М. Грушевський. Історія України-Руси. Тому 9-го перша половина (Хмельниччина роки 1650–1653) ДВУ, 1928, стор. 601 / Ф. Ястребов // Прапор марксизму. – 1930. – № 1. – С. 133–148.*

Польша времен Владислава Гомулки и Юзефа Циранкевича (1956–1970 гг.)

Л.В. ГАВРИЛОВЕЦ

Рассматривается политическая деятельность видных польских партийных и государственных деятелей В. Гомулки и Ю. Циранкевича, которые на протяжении 14 лет определяли внешнюю и внутреннюю политику ПНР, осуществляли модернизацию экономики страны. Главным внешнеполитическим успехом польских политиков стало подписание в декабре 1970 г. договора с ФРГ о нормализации польско-германских отношений и признании польской западной границы.

Ключевые слова: послевоенная история Польши, внутренняя политика, политическая деятельность, международные отношения, политические деятели, правительство, Польша.

Political activity visible Polish party and V. Gomulka's statesmen and J. Tsirankevicha who throughout 14 years defined external and internal policy Polish National Republic is considered. Under the direction of V. Gomulki national economy modernization has been carried out. Signing in December, 1970 of the contract from Germany about normalization of the polsko-german relations and a recognition of the Polish western border became the main foreign policy success of the Polish politicians.

Keywords: post-war history of Poland, internal policy, political activity, the international relations, politicians, the government, Poland.

Октябрь 1956 г. в Польше вошел в историю как период оттепели. Развенчание культа личности Сталина в СССР подтолкнуло процессы либерализации и в Польше, породило надежды на демократическое обновление социализма. 20 марта 1956 г. на пленуме ЦК ПОРП по избранию нового Первого секретаря руководство партии раскололось на сторонников сохранения административно-командных методов управления и борцов за умеренную демократизацию партии и общества. Развернулась общественная дискуссия о возможности возвращения к власти опального, но весьма популярного В. Гомулки. Часть руководства считала, что именно Гомулка сможет эффективно управлять государством, ибо олицетворяет в глазах населения стремление к десталинизации и большей самостоятельности в отношениях с СССР.

Несомненно, роль В. Гомулки как руководителя правящей партии Польши была несравнимо выше, чем «вечного премьера послевоенной Польши» Ю. Циранкевича, хотя последний сыграл немаловажную роль в развитии государства. При его участии в 1956 г. была подписана Совместная декларация о советско-польских отношениях, решен вопрос о статусе советских войск на территории Польши, именно премьер просил примаса С. Вышиньского поддержать правящий режим в ходе избирательной кампании 1957 г., активно участвовал в подписании Договора между ПНР и ФРГ об основах нормализации взаимоотношений. Ему принадлежит неоспоримая заслуга защиты ценностей и традиций национальной культуры.

1 августа 1956 г. Гомулка был восстановлен в ПОРП, а с 12 октября стал участвовать в работе политбюро. Одной из основных проблем, которые встали перед ним после октября 1956 г. была нормализация польско-советских отношений. В. Гомулка возглавил польскую правительственную делегацию в Москве. В результате переговоров с 15 по 18 ноября 1956 г. удалось заморозить польский долг СССР, добиться изменения статуса советских войск, размещенных на территории Польши, добиться долгосрочного кредита (700 млн. руб.).

Во время переговоров партийно-правительственных делегаций СССР и ПНР была принята Совместная декларация по вопросу советско-польских отношений, декларировавшая, что межгосударственные отношения СССР и ПНР будут строиться на принципах полного равноправия, незыблемости территориальных границ, независимости и суверенности субъектов договора, невмешательства в дела друг друга. Польский лидер назвал декларацию «выражением коренного перелома в практике отношений между Польшей и Советским Союзом», а также между ПОРП и КПСС [1, с. 158].

Могло показаться, что В. Гомулка добился определенной самостоятельности и независимости от СССР, но это было не так. Советское руководство не вмешивалось во внутренние дела Польши, как это было до 1955 г., однако во внешней политике польское правительство вынуждено было считаться с мнением советского. Некоторые иностранные политики, в частности западногерманские считали, что Польша сможет выйти из зоны советского влияния, но их надежды не оправдались. Пришедший к власти Гомулка получил поддержку значительной части польского общества, соединив вопрос независимой внутренней политики с верностью союзу с СССР [2, s. 192].

20 ноября Ю. Циранкевич выступил на заседании Сейма ПНР с информацией об итогах польско-советских переговоров. Обращаясь к национальным чувствам польского народа, премьер высоко оценил встречи в Кремле, подчеркнул реальность оказанной советской стороной помощи Польше для преодоления ею экономических трудностей, в категорической форме заявил о необходимости дальнейшего пребывания Северной группы советских войск на польской территории в связи с опасностью возрождения западногерманского милитаризма [3, s. 327].

8 ноября, т. е. за неделю до поездки польской партийно-правительственной делегации в Москву, в повестке дня заседания Политбюро ЦК ПОРП значилось: «Вопросы, касающиеся дислокации советских войск, находящихся в Польше». Исполнявший в тот момент обязанности министра национальной обороны ПНР генерал Е. Бордзиловский доложил о соответствующем проекте Договора между ПНР и СССР. А 23 ноября Ю. Циранкевич выступил с эксклюзивным интервью варшавской газете «Экспресс вечорны», в котором высказался о принципах готовящегося договора ПНР–СССР по вопросу численности и дислокации советских войск на территории Польши [4, s. 115]. Это был необходимый шаг польского руководства с точки зрения психологической подготовки общественного мнения к восприятию предстоявшего подписания столь актуального документа. Для В. Гомулки договор был превосходным козырем в канун выборов в Сейм. В своих публичных выступлениях в ходе избирательной кампании он не раз использовал его как весомое доказательство суверенитета Польши, достигнутого с его приходом к власти.

По-новому сложились отношения В. Гомулки с кардиналом С. Вышиньским и католической церковью. Свою деятельность возобновила Общая комиссия правительства и епископата, которая 8 декабря 1956 г. выступила с заявлением о заключенном соглашении между правительством и костелом. В нем говорилось об отмене Декрета правительства от 7 февраля 1953 г. о реорганизации церковного управления и установлении государственного контроля за назначением епископов и священников, о возможности изучать в школах религию как внеклассный предмет, о беспрепятственном социальном служении священнослужителей в армии, больницах, местах заключения. Казалось, что взаимоотношения двух сторон нормализовались. Примас Вышиньский считал, что руководство страны порвало с атеистической политикой, Гомулка же со своей стороны надеялся на то, что кардинал добьется в Риме от папы признания польской западной границы и утверждения постоянной церковной администрации на западных землях Польши. Однако эти надежды не оправдались. Папа римский не желал нарушать международное право и признавать польские западные земли [5, s. 253–254].

На выборах в Сейм в январе 1957 г. Гомулка добился успеха: при не сфальсифицированных результатах явка избирателей колебалась от 80 до 90 %. На исход выборов оказала влияние и позиция церкви, поддержавшей списки Фронта национального единства. За Фронт проголосовало около 98 % выборщиков. Формально формирование польского правительства зависело от Сейма, но фактически решение принимало Политическое бюро ЦК ПОРП [6, s. 261]. Несомненно, большую роль в благоприятном для партийно-политического руководства исходе выборов в польский парламент сыграла позиция католической церкви, прежде всего личный авторитет кардинала С. Вышиньского. 14 января 1957 г. примас Польши встретился в помещении Совета Министров с премьером Ю. Циранкевичем по просьбе последнего. Как утверждал примас, во время их беседы премьер говорил о напряженном положении в стране, внутренней борьбе в ПОРП, опасности обострившегося антисемитизма и необходимости «помочь Гомулке» [7, s. 581].

Ю. Циранкевич откровенно признал, что партийно-правительственные круги опасаются неявки избирателей к избирательным урнам. В связи с этим глава правительства обратился к главе католической церкви с просьбой поддержать правящий режим в ходе избирательной кампании. Циранкевич при этом подчеркнул, что речь идет не об обязательном голосовании за кандидатов от ПОРП, а лишь о явке на избирательные участки для выполнения своего гражданского долга. Кардинал оказался на высоте положения и совместно со своим собеседником быстро набросал обращение к католикам. В тот же день епископат его принял. В этом на удивление коротеньком тексте говорилось: «В воскресенье, 20 января, в Польше день выборов в Сейм. Граждане-католики должны в этот день выполнить обязанность своей совести – принять участие в голосовании. Католическое духовенство проведет богослужения так, чтобы все могли без препятствий исполнить свои религиозные обязанности и обязанности избирателей» [7, s. 583]. В послевоенной истории Польши это был едва ли не беспрецедентный случай легального сотрудничества коммунистических властей и католической церкви ради стабилизации положения в стране.

Общественное мнение оценило выборы 1957 г. как шаг вперед в демократизации Польши. Благополучный исход выборов несомненно укрепил политический режим, и это позволило В. Гомулке и его окружению приступить к решению такой задачи, как стабилизация положения в ПОРП. После выборов партия предприняла действия с целью восстановления монополии коммунистов на власть, руководство обществом и информацией. Оживился партийный аппарат, вернулись уволенные в октябре 1956 г. кадры, менялся состав редакций, была восстановлена строгая цензура [8, s. 50].

Ситуация в стране между тем оставалась по-прежнему неустойчивой. Материальное положение рабочих в ряде отраслей экономики подталкивало их к социальным протестам. Правительство маневрировало, пыталось путем повышения заработной платы исправить положение, повышая одновременно цены на некоторые продовольственные и промышленные товары. Но не меньшую озабоченность высшего партийного руководства вызывали процессы в идеологической сфере, особенно в СМИ. Чтобы ослабить напряженность в кругах интеллигенции, в основной своей массе все же принявшей программу В. Гомулки (открытость партийной жизни, свободные выборы руководства, право защищать свое мнение при условии подчинения решениям большинства; повышение роли Сейма как высшего органа власти в стране), ЦК ПОРП прибегнул к крутым и поэтому рискованным мерам. Цензура получила указание более строго следить за печатной продукцией, особенно газетами и журналами, высказывавшимися по вопросам политического развития Польши.

Десталинизация в Польше пошла дальше, чем в других коммунистических странах: было покончено с коллективизацией, церковь обрела гораздо большую свободу деятельности и серьезно укрепила свои позиции, люди получили право на личную жизнь, определенная свобода появилась в сфере культуры. Гомулка вынашивал идею создания новых «сельскохозяйственных кружков», деятельность которых бы поддерживалась государством, а также широкое внедрение новой техники в деревнях. Предусматривалось ввести самоуправление в сельской местности, но его возможности были бы ограничены финансово. Были возобновлены экономические связи с западными государствами, но товарооборот ограничивался из-за низкого качества продукции польской промышленности, а также в связи с недостатком валютных средств.

Наибольшее значение имело принятое в 1958 г. решение о роспуске рабочих советов и преобразовании их в направляемые партийным аппаратом «конференции рабочего самоуправления». Значительная часть членов этих организаций делегировалась ПОРП и различными заводскими организациями во главе с профсоюзами. Более долговременные перемены произошли в деревне. Для крестьян сохранялись обязательными поставки сельхозпродукции, являвшиеся формой натурального налога. Это давало государству возможность контролировать рынок сельскохозяйственной продукции. Чтобы не допустить чрезмерного укрепления крестьянских хозяйств сельскохозяйственные машины передавались только государственным или кооперативным хозяйствам, в том числе «сельскохозяйственным кружкам». Октябрьские события 1956 г. дали на несколько лет толчок развитию сельскохозяйственного производства в Польше. Но вскоре аграрный сектор оказался в состоянии застоя, что проявилось в снабжении населения продовольственными товарами.

С начала 1960-х гг. вновь обострились отношения между католической церковью и государством. После отмены в июле 1961 г. преподавания религии в школах Вышинский организовал систему уроков катехизиса в приходах. Одной из наиболее важных проблем в государственно-церковных отношениях оставался вопрос о каноническом утверждении польской церковной администрации на западных землях, присоединенных к Польше после Второй мировой войны. Негативную реакцию со стороны властей Польши вызвало направленное 18 ноября 1965 г. польским епископатом послание к немецкому епископату, в котором содержалась фраза «прощаем и просим о прощении» и признавалось важным наличие для Германии проблемы западной польской границы. Польское руководство обвинило Вышинского в «недружественной и нелояльной позиции» по отношению к государству и в 1967 г. отказало ему в возможности выезда в Ватикан на ассамблею Всемирного синода епископов [9, s. 217–218].

Во второй половине 1960-х гг. все чаще уже слышались критические высказывания не только со стороны тех, кто проявил себя как оппозиционер в 1956 г., но и вполне лояльных деятелей партии. Одной из таких очень громких реакций со стороны оппозиции явилось «Письмо 34-х» в 1964 г. Это было письмо видных деятелей польской науки и культуры к премьер-министру Ю. Циранкевичу с требованием увеличить количество бумаги для издания современной польской литературы, увеличить тиражи изданий, пересмотреть политику в области культуры, отменить цензуру. Они заявляли, что ограничение угрожает дальнейшему развитию польской культуры. Но за этим крылся удар, во-первых, по экономике, потому что эта бумага шла на экспорт, а за этот счет проводилась индустриализация, а во-вторых, это был первый открытый оппозиционный шаг со стороны интеллигенции. Письмо вызвало острую критику со стороны правящих кругов, которые подписавших его деятелей обвинили в целенаправленных антигосударственных действиях. Это стало в первую очередь ударом не только по «ревизионистам», но и по многим интеллектуалам близким к католическим кругам и стоявшим вне политики.

Главным интеллектуальным представителем политической концепции, которую руководство ПОРП во главе с Гомулкой называли «ревизионизмом» выступал философ Лешек Колаковский. Он добивался реформирования партии и трансформации всей политической системы Польши. Важнейшим местом дискуссий по этому вопросу стал «Клуб Кривого Колеса», распущенный в начале 1962 г. Представители католической группы «Знак» надеялись все-таки на нормализацию отношений между правительством и церковью, на определенную степень свободы развития культуры и науки, проведение разумной экономической политики [10, с. 472–473].

Представители молодого поколения «ревизионистов» Я. Куронь, К. Модзелевский в 1964 г. начали распространять идеи демократизации партии и опоры коммунистической власти на рабочее самоуправление, за что и были исключены из партии. Дальнейшие их попытки реанимировать коммунизм стоили им трех лет заключения. 19 марта 1965 г. их арестовали, поскольку они выступили с «Открытым письмом к первичной парторганизации вузовской организации Союза социалистической молодежи», в котором критиковали бюрократизацию ПОРП и выступали за демократизацию строя и власть рабочих советов [11, с. 92–93].

Характерным явлением для второй половины 1960-х гг. было дальнейшее расшатывание ситуации в Польше. Сначала антисемитская кампания 1967 г., когда под предлогом сочувствия сионистам из партии, в которой действительно было очень много евреев, вычищались люди по национальному признаку. Антисемитские выступления польских деятелей коммунистической партии привели к тому, что были уволены и вынуждены эмигрировать почти 20 тысяч граждан еврейского происхождения [12, s. 107].

Эта кампания переросла в 1968 г. в студенческие выступления, проходившие под лозунгом защиты национальной культуры. В марте 1968 г., после снятия со сцены Национального театра Варшавы спектакля по поэме А. Мицкевича «Дядя» в постановке режиссера К. Деймека (по мнению властей, он содержал антирусские акценты) была проведена студенческая манифестация протеста, которая была разогнана милицией. Писатели собрались на чрезвычайное заседание, где потребовали возвращения спектакля на сцену. Власти ответили на это репрессиями, и весь март в Польше проходили студенческие митинги. По обвинению в сотрудничестве с «сионистами» гонениям подверглись многие художники и ученые [13, s. 29–31].

1968 г. принято считать концом ревизионизма, поскольку те партийные деятели, которые выступали за реформы, отказались от своих коммунистических убеждений и перешли на социал-демократические позиции. Однако эти события, по мнению епископата Польши, не носили антисоциалистического характера, о чем и было сообщено 21 марта 1968 г. премьеру

Польши Ю. Циранкевичу, который активно поддержал антисемитскую кампанию, что очень сильно подорвало его собственные позиции. В письме указывалось на то, что студенты во время протестов пели «Интернационал», говорили о верности социалистическим идеалам, не выступали против партии, но выражали надежду на позитивное развитие происходивших в руководстве ПОРП процессов [14, s. 19].

С конца 1968 г. внимание партии было обращено на пересмотр экономической политики, рассматривались предложения по реформированию системы оплаты труда в промышленности, вопросы, связанные с увеличением эффективности и производительности на предприятиях, ликвидация угрозы роста безработицы и экономических лишений. Пытаясь решить экономические проблемы страны, правительство объявило о значительном повышении цен на продовольственные товары и энергоресурсы накануне Рождества 1970 г. Цены на продукты питания и промышленные товары возросли на 10–38%. Такой рост цен в течение курортного сезона вызвал общественное недовольство.

Население страдало от нехватки товаров первой необходимости, рост индивидуальных хозяйств сократился, прекращено строительство жилья. Через неделю начались рабочие волнения. Гомулка послал войска для подавления протеста рабочих в Гданьске и Щецине, в результате более чем 40 человек погибли и 1 000 получили ранения. Политический кризис в Польше вызывает серьезную озабоченность в Москве и в результате Гомулка был вынужден уйти в отставку. Кроме того для Л. Брежнева Гомулка был руководителем, который все чаще становился «камнем преткновения» в двусторонних отношениях, поэтому на его место необходимо было поставить человека более послушного. Подтверждает это и будущий премьер-министр Польши (1991–1992 гг.) Ян Ольшевский: «Большинство действий и порывов Гомулки можно оценить как защиту интересов польского народа» [15, s. 361].

Существует предположение, что некоторые из этих действий были спровоцированы специально и направлены на свержение Гомулки с поста Первого секретаря ЦК ПОРП. В своих воспоминаниях вице-премьер П. Ярошевич упоминает, что 16 декабря 1970 г. его пригласил председатель правительства СССР А. Косыгин и проинформировал, что руководство КПСС не допустит избрания первым секретарем ПОРП М. Мочара. Кроме того, было высказано подозрение, что события в Гданьске спровоцированы, а Гомулка проявляет нерешительность, непостоянство и слабость [15, s. 363].

Не до конца остается ясной позиция советского руководства относительно декабрьских событий 1970 г. в Польше. Первый секретарь ПОРП В. Гомулка утверждал, что именно Л.И. Брежнев ежедневно звонил и добивался от него силой подавить возникшие беспорядки. Заметки же начальника канцелярии секретариата ЦК ПОРП С. Трепчинского свидетельствуют о том, что советский руководитель 17 декабря в телефонном разговоре с польским лидером связывал события на побережье с повышением цен и спрашивал или «для восстановления порядка» будут привлечены польские силы. На что Гомулка отвечал, что «прежде всего этот инцидент носит политический характер. У нас есть собственные силы для восстановления порядка. Если же потребуется, то обязательно обратимся за помощью к Советскому Союзу». В действительности же польский лидер утверждал, что если в страну войдут советские войска, «то мы не будем ничего стоить. Тогда ни партия, ни правительство не будут пользоваться авторитетом. Наша ситуация будет еще хуже чем в Чехословакии» [16, s. 234].

Деятельность В. Гомулки в историографии пытаются иногда оценить, исходя не из перспектив 1956 г., а только относительно 1970 года. Его критикуют за то, что он растратил доверие, оказанное ему польским обществом в 1956 г., не провел структурных реформ в экономике, терпел антисемитизм М. Мочара и так называемых «партизан», тормозил экономическое развитие Польши. Известный польский публицист еженедельника «Тыгодник» С. Киселевский правительство Гомулки и Циранкевича назвал «диктатурой безвестных» [17, s. 270].

В тоже время необходимо не забывать, что в 1956 г. В. Гомулка спас страну от военной интервенции СССР и возможной гражданской войны, прекратил период жестокой советизации в Польше, ликвидировал большую часть коллективных хозяйств на селе, достиг компромисса с Римско-католической церковью, смягчил цензуру. Он стал идеологом «польского пути к социализму», предусматривавшего пересмотр аграрной политики, нормализацию отношений с католической церковью, развитие рабочего самоуправления, который был взят партией на вооружение и реализовывался в ПНР до 1980-х гг.

Что касается деятельности Циранкевича, то он вошел в правящую элиту Польши на принципах паритетного представительства двух бывших рабочих партий, но по причине своего социалистического происхождения генсеки и их ближайшее окружение решали многие вопросы без его участия, что, естественно, снимало с него часть ответственности. И при этом он все больше действовал как прагматик, политический игрок, превосходный тактик, который сумел обеспечить себе прочную позицию во власти, одновременно никогда не забывая об интересах государства и народа. Он всегда сохранял самостоятельное политическое мышление и в 1970 г. единственный из политического руководства, кто имел мужество встать лицом к лицу с вышедшими на улицы рабочими. Циранкевич сумел найти верную тональность общения с коммунистами, не давая предлогов, способных послужить его обвинению во враждебных действиях против ПНР и СССР.

Таким образом, В. Гомулка и Ю. Циранкевич ясно ощущали необходимость социально-экономических перемен, но им трудно было совладать с кризисными ситуациями, стать во главе новых тенденций и обеспечить удовлетворение социальных потребностей населения. Их верным, перспективным наметкам назревавших системных преобразований суждено было начать осуществляться лишь в конце следующего десятилетия.

Литература

1. Бухарин, Н.И. Владислав Гомулка: на поворотах истории // Новая и новейшая история / Н.И. Бухарин, И.С. Яжборовская. – 2011. – № 4. – С. 146–168.
2. Werblana, A. Władysław Gomułka Sekretarz generalny PPR / A. Werblana. – Warszawa : KiW, 1988. – 289 s.
3. Stosunki polsko-radzieckie w latach 1945–1972: Dokumenty i materiały / Oprac. E. Basiński, T. Walichnowski. – Warszawa : KiW, 1974. – 789 s.
4. Syzdek, E. Cyrankiewicz. Zanim zostanie zapomnianu / E. Syzdek, B. Syzdek – Warszawa : Wyd-wo Projekt, 1996. – 384 s.
5. Sowa, A.L. Historia polityczna Polski 1944–1991 / A.L. Sowa. – Kraków : WL, 2011. – 769 s.
6. Czubiński, A. Historia Polski XX wieku / A. Czubiński. – Poznań : Wyd-wo NiI, 2012. – 471 s.
7. Raina, P. Kościół katolicki a państwo w świetle dokumentów 1945–1989. T. 1: lata 1945–1959 / P. Raina. – Poznań : W drodze, 1994. – 781 s.
8. Machcewicz, P. Władysław Gomułka / P. Machcewicz. – Warszawa : WsiP, 1995. – 84 s.
9. Dylągowa, H. Historia Polski, 1795–1990 / H. Dylągowa. – Lublin : Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. – 288 s.
10. Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. – М.: Весь мир, 2004. – 544 с.
11. Волобуев, В.В. Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – 240 с.
12. Eisler, J. Polski rok 1968 / J. Eisler. – Warszawa : IPN, 2006. – 809 s.
13. Eisler, J. Polskie miesiące czyli kryzysy w PRL / J. Eisler. – Warszawa : IPN, 2008. – 232 s.
14. Zaryn, J. Biskupi wobec «marcowej» młodzieży // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej / J. Zaryn. – 2008. – № 3(86). – S. 15–20.
15. Zaborny, P. Władysław Gomułka / P. Zaborny. – Skierniewice : Sigma, 2006. – 383 s.
16. Ożóg, M.E. Władysław Gomułka. Biografia polityczna / M.E. Ożóg. – Warszawa : WU, 1989. – 256 s.
17. Działalność W. Gomułki. Fakty, wspomnienia, opinie / wybór i opracowanie W. Namiotkiewicz. – Warszawa : KiW, 1985. – 426 s.

УДК 908(476)(043.3)

Папулярызацыя турыстычнага руху на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг.

У.А. ГАНСКИ

У артыкуле разглядаюцца формы і метады папулярызацыі турызму ў міжваенны перыяд, якія ажыццяўляліся польскімі ўладамі на тэрыторыі Заходняй Беларусі з мэтай укаранення ў грамадскую свядомасць пэўнай ідэалогіі, а таксама эканамічнага ажыўлення дэпрэсіўных ўсходніх рэгіёнаў краіны і інтэграцыі іх у агульнадзяржаўныя гаспадарчыя і культурныя працэсы.

Ключавыя словы: турызм, гісторыя турызму, Заходняя Беларусь, прапаганда турызму, турыстычныя даведнікі, турыстычныя карты, турыстычныя акцыі, Таварыства развіцця Усходніх зямель, «Лета на Усходніх землях», «Дні Палесся», Паўночныя таргі.

The forms and methods of promotion of tourism in the interwar period, by the Polish authorities in Western Belarus in order to introduce into the public consciousness of a particular ideology, and economic revitalization of depressed eastern regions and their integration into the national economic and cultural processes are studied.

Keywords: tourism, history of tourism, Western Belarus, promotion of tourism, tourist guides, tourist maps, tourist actions, The society for the development of the Eastern lands, «Summer in the Eastern lands», «Days of Palesse», Northern trades.

Кіраўніцтва польскай дзяржавы, у склад якой па ўмовах Рыжскага дагавора 1921 г. увайшлі заходнебеларускія землі, праводзіла разнастайныя меры па выхаванню ў насельніцтва далучаных тэрыторый польскага патрыятызму, насаджэнню сцвярджэння аб тым, што «паўночна-ўсходнія землі» спрадвеку з'яўляюцца неад'емнай часткай польскай дзяржавы. Для гэтага выкарыстоўваліся разнастайныя сродкі, адным з якіх быў менавіта турызм. Развіццю турыстычнага руху, у першую чаргу на далучаных тэрыторыях, кіраўніцтва Польшчы надавала асаблівую ўвагу. Для яго папулярызацыі выкарыстоўваліся розныя формы і метады прапаганды. Разглядаемая тэма з'яўляецца амаль нявывучанай ў гістарычнай літаратуры. Навуковая актыўнасць беларускіх даследчыкаў у асноўным скіравана на сумежныя з турызмам тэмы сацыяльна-эканамічнага і культурнага развіцця Заходняй Беларусі ў складзе Польшчы. Сярод польскіх навукоўцаў варта адзначыць даследаванні З. Кульчыцкага, Е. Хельмецкага, П. Грызеля і М. Кацпжака. Аснову крыніцзнаўчай базы артыкула складаюць матэрыялы фондаў Архіва Новых Актаў у Варшаве і Архіва Польскай Акадэміі Навук у Кракаве, дзяржаўных архіваў Брэсцкай і Гродзенскай абласцей, а таксама справаздачы турыстычных таварыстваў і арганізацый, міжваенныя даведнікі па гарадах і мясцінах Заходняй Беларусі і інш.

Польскія ўлады сумесна з турысцка-краязнаўчымі таварыствамі і арганізацыямі намагаліся папулярызаваць турыстычны рух, выкарыстоўваючы для гэтага разнастайныя формы і метады прапаганды. Турызм быў адным са спосабаў каланізацыі, паланізацыі і інтэграцыі заходнебеларускіх зямель у склад II Рэчы Паспалітай, таму на гэтых землях яго папулярызацыя ажыццяўлялася больш актыўна чым у іншых рэгіёнах краіны.

Асноўнымі формамі і метадамі прапаганды турызму ў заходнебеларускіх ваяводствах былі: выданне літаратуры турыстычнага характару (даведнікі, брашурны, буклеты, артыкулы, альбомы фотаздымкаў і інш.), правядзенне турыстычных выставак і ярмарак, на якіх была прадстаўлена інфармацыя аб Заходняй Беларусі як аб перспектыўным турыстычным рэгіёне, арганізацыя разнастайных турыстычных акцый з мэтай павелічэння колькасці турыстаў у рэгіёне («Лета на Усходніх землях», «Дні Палесся» і інш.), правядзенне дыскусійных клубаў, сустрэч і імпрэз на турыстычную тэматыку і інш.

На працягу ўсяго міжваеннага перыяду кіраўніцтва дзяржавы сумесна з грамадскімі турыстычнымі і краязнаўчымі таварыствамі актыўна займалася выданнем разнастайнай літаратуры з мэтай папулярызацыі рэгіёнаў II Рэчы Паспалітай сярод падарожнічаючых. Найпапулярнейшым відам літаратуры турыстычнага характару былі даведнікі.

Актывізацыі выдання даведнікаў спрыяла пастанова I Агульнапольскага краязнаўчага кангрэсу (Познань, 12–13 ліпеня 1929 г.). Планавалася стварыць Цэнтральную рэдакцыю, якая павінна была б займацца каардынацыяй выдавецкай дзейнасці ў гэтай галіне [1, с. 271–272].

Умоўна ўсі даведнікі можна падзяліць на тры віды: агульнапольскія, ваяводскія і даведнікі па асобных гарадах і мясцовасцях даследуемага рэгіёну.

У другой палове 1930-х гг. выйшаў з друку 4-томны Даведнік па Польшчы пад рэдакцыяй С. Ленартовіча. Заходняй Беларусі быў прысвечаны першы яго том – «Паўночна-ўсходняя Польшча», які выйшаў у 1935 г. Варта адзначыць, што ён быў напісаны на дастаткова высокім навуковым узроўні. Даведнік быў карысны як для турыстаў, так і для асоб, якія цікавіліся гісторыяй гэтага краю. Утрымліваў ён шэраг карт і планаў гарадоў і мясцін: Вільні, Гродна, Навагрудка, Беластока; ваколіц Вільні, Слоніма, Дзятлава, Нясвіжа, Клецка, Пінска, возера Нарач, а таксама Белавежскай пушчы з падрабязным планам нацыянальнага парку. Акрамя іншага, даведнік утрымліваў вельмі каштоўны раздзел, прысвечаны практычным парадам для турыстаў адносна стану і асаблівасцей функцыянавання турыстычнай і транспартнай інфраструктуры рэгіёну [2].

Палескі рэгіён, які ў той час ужо ўспрымаўся як рэгіён са значным турыстычным патэнцыялам, неаднаразова прыцягваў увагу аўтараў турыстычных даведнікаў, сярод якіх варта ўгадаць працу Е. Нязбжыцкага «Палессе. Ваенна-геаграфічнае апісанне і вывучэнне тэрыторыі» (1931 г.), В. Мандальскага «Палессе. Нарыс агульных звестак. Брэст над Бугам» (1927 г.), Р. Гарашкевіча «Пінск і яго ваколіцы» (1926 г.), большасць з якіх была выдадзена пры падтрымцы Польскага краязнаўчага таварыства і яго рэгіянальных аддзелаў [3]. Квінтэсенцыяй шматлікіх і разнапланавых даследаванняў Палесся стала грунтоўная праца М. Марчака «Даведнік па Палессі», якая была выдадзена ў Брэсце аддзелам Польскага краязнаўчага таварыства ў 1935 г. Ёй таксама ўласцівы высокі навуковы ўзровень і практычная скіраванасць. Акрамя апісання агульнага вобраза Палесся (нарыс геаграфіі і дэмаграфіі), у даведніку былі прыведзены практычныя парады для вандроўнікаў і падрабязна апісаны магчымыя турыстычныя маршруты па рэгіёне як для турыстаў, якія вандруюць па грунтовых дарогах, так і для турыстаў, вандруючых воднымі шляхамі (Брэст–Пінск–Лунінец–Мікашэвічы, Вільня–Баранавічы–Лунінец–Сарны, Брэст–Баранавічы–Сталбцы, Брэст–Ковель, Ковель–Янаў–Палескі, Брэст–Высока–Літоўск–Беласток і Брэст–Хелм). Даведнік таксама ўтрымліваў інфармацыю аб ахове прыроды на Палессі, бібліяграфію, якая стасуецца палескага рэгіёна, а таксама карту рэгіёна [4].

Дастаткова папулярнымі былі даведнікі па асобных гарадах і мясцінах Заходняй Беларусі. Найбольш папулярным месцам Заходняй Беларусі сярод турыстаў была Вільня і яе ваколіцы, якім прысвечана большая частка даведнікаў для турыстаў, традыцыя выдання якіх працягвалася яшчэ з дарэвалюцыйных часоў і аднавілася адразу пасля ўваходжання рэгіёна ў склад польскай дзяржавы. Акрамя гэтага, значная колькасць даведнікаў была прысвечана Гародне і ваколіцам, Навагрудку, Брэсту, Пінску і курортным мясцінам Паазер'я. Першы з іх быў выдадзены ў 1922 г. Ю. Ядкоўскім і змяшчаў інфармацыю аб Гродна, падрабязны план горада і 28 ілюстрацый. У другой палове 1920-х гг. з'яўляецца шэраг грунтоўных даведнікаў па Навагрудскім ваяводстве, сярод якіх асобнае месца займаюць «Даведнік Першага Навагрудскага акруговага аўтапрабегу» (1928 г.) і «Навагрудак і ваколіцы» Ю. Змігродзкага (1927 г.). Апошні быў выдадзены Польскім турыстычным таварыствам і змяшчаў больш за 100 старонак карыснай для турыстаў інфармацыі, ілюстрацыі і карту мясцовасці. Шэраг прац быў адрасаваны турыстам, якія планавалі наведаць Белавежскую пушчу. Першая з іх пабачыла свет у 1925 г. пад назвай «Экскурсія па нацыянальным парку ў Белавежы» і змяшчала інфармацыю аб падарожжы, арганізаваным Польскім батанічным таварыствам у Белавежскую пушчу 7–8 ліпеня 1925 г. А ў 1930 г. выйшлі адразу два даведнікі – «Белавежская пушча і Нацыянальны парк у Белавежы» Я. Карпінскага і «Даведнік па Белавежскай пушчы» В. Шыманскага [3].

Акрамя даведнікаў у міжваенны перыяд для папулярнызацыі турызму масава выдаваліся разнастайныя брашуры, буклеты і ўлёткі. Найбольш плённаю ў гэтай галіне была праца Дэпартамента турызму Міністэрства грамадскіх работ і Агульнага аддзела турызму Міністэрства камунікацый. У прыватнасці, першым было выдадзена распараджэнне,

каб ваяводскія турыстычныя камісіі сумесна з рэферэнтамі турызму распрацавалі і выдалі брашуры і буклеты аб мясцовасці ваяводства, турыстычных аб'ектах, якія размешчаныя на тэрыторыі ваяводства, аб актуальным стане турыстычнай інфраструктуры і інш. У 1933 г. Міністэрства фінансаў з гэтай жа мэтай выдала распараджэнне аб выдзяленні сродкаў з дзяржаўнага скарбу для друку плакатаў турыстычнага характару [5, с. 1]. Брашуры і буклеты былі распрацаваныя як для ваяводстваў, так і для асобных мясцін Заходняй Беларусі, найбольш прывабных для турыстаў. Лідарамі ў гэтай справе сярод заходнебеларускіх ваяводстваў было Віленскае і Палескае. Пасля з'яўлення ў рэгіёнах мясцовых грамадскіх згуртаванняў ці аддзяленняў агульнадзяржаўных арганізацый і таварыстваў у галіне падарожжаў, турызму і краязнаўства, гэтая справа значна актывізавалася.

З мэтай папулярызацыі Заходняй Беларусі як турыстычнага рэгіёну выдаваліся альбомы фатаздымкаў з краявідамі, выявамі гісторыка-культурных помнікаў і інш. Але неабходна адзначыць, што яны былі недаступныя шырокай грамадскасці, і ў асноўным з імі магчыма было азнаёміцца толькі падчас правядзення міжнародных турыстычных выставак і ярмарак. З гэтымі ж мэтамі выдаваліся і распаўсюджваліся паштоўкі і маркі з краявідамі і гісторыка-культурнымі аб'ектамі краю.

Напрыканцы 1930-х гг. пры Інстытуце турызму Ягелонскага ўніверсітэта ў Кракаве пачаліся працы над стварэннем шматтомнага турыстычнага атласу П Рэчы Паспалітай. Але атлас ў тым выглядзе, якім яго задумвалі аўтары, так і не быў выдадзены [6, с. 20].

Для папулярызацыі пешых экскурсій па мясцінах Заходняй Беларусі выдаваліся разнастайныя карты. Але, як адзначае М. Арловіч, у гэты час уласна турыстычных карт для гэтага рэгіёну не існавала. Таму з турыстычнымі мэтамі пры ўмове пэўнай адаптацыі актыўна выкарыстоўваліся ваенныя карты, якія распрацоўваліся і выдаваліся Ваенным геаграфічным інстытутам [7, с. 62–63].

У другой палове 1920-х гг. супрацоўнікі Міністэрства камунікацый сумесна з ваяводскімі турыстычнымі камісіямі распрацавалі спецыяльныя турыстычныя карты заходнебеларускіх ваяводстваў. Яны былі двух відаў. Першы – з маштабам 1 : 200 000 альбо 1 : 100 000, прызначаўся ў асноўным для пешых экскурсій і паходаў з пазначэннем турыстычных маршрутаў (для параўнання, вадзіцелі на той час карысталіся картамі з маштабам 1 : 400 000). Але такіх карт была выдана абмежаваная колькасць – некалькі дзясяткаў (у асноўным для службовага карыстання), а таму індывідуальнаму турысту яны былі недаступныя. Другі від карт меў маштаб 1 : 300 000. На іх пазначаліся адзін вялікі ці некалькі згрупаваных паведаў пэўнага ваяводства. На пачатку 1930-х гг. для шырокага кола турыстаў сталі даступнымі спецыялізаваныя турыстычныя карты асобных турыстычных рэгіёнаў, якія выдавала Польшкае краязнаўчае таварыства.

З мэтай павелічэння колькасці турыстаў у Заходняй Беларусі ўвесь час праводзіліся разнастайныя турыстычныя акцыі. Варта адзначыць, што найбольшую эфектыўнасць і сапраўды масавы характар яны набылі з сярэдзіны 1930-х гг. Гэта тлумачыцца шэрагам прычын.

Па-першае, ростам зацікаўленасці дзяржаўнай улады развіццём турызму ў гэты час. Кіруючыя колы Польшчы убачылі ў турызме эфектыўны інструмент прасоўвання ў свядомасць насельніцтва неабходных ім ідэалагічных палажэнняў. У гэты час Міністэрства камунікацый, якому падпарадкоўвалася дзяржаўная чыгунка, запрапанавала шэраг зніжкаў для турыстаў па аплаце праезду, чаму вельмі спрыяла дзейнасць віцэ-міністра А. Баброўскага.

Па-другое, значны ўнёсак у правядзенне турыстычных акцый зрабіла Таварыства развіцця Усходніх зямель. Менавіта яно арганізавала большасць мерапрыемстваў, скіраваных на развіццё і прапаганду турыстычнага руху.

Па-трэцяе, у 1930-я гг. ў параўнанні з папярэднім часам стан турыстычнай інфраструктуры значна палепшыўся (былі адчынены новыя гатэлі, пашырылася сістэма дамоў адпачынку, былі пабудаваныя новыя шляхі зносін і інш.), што дало магчымасць рэгіёну прымаць большую колькасць наведвальнікаў.

Самай папулярнай турыстычнай акцыяй было «Лета на Усходніх землях», якая праводзілася Таварыствам развіцця Усходніх зямель сумесна з Міністэрствам камунікацый на працягу 1934–1939 гг. [8, арк. 41]. Акцыя прадугледжвала адпачынак грамадзян Польшчы спачатку ў 1934 г. толькі на тэрыторыі Палескага ваяводства, а з 1935 г. яшчэ

і Віленскага. Названае мерапрыемства доўжылася штогод ад 1 чэрвеня да 30 верасня. Для ўдзельнікаў акцыі надавалі зніжкі ад 45 % да 75 % ад поўнай вартасці квітка на праезд чыгуначным транспартам у акрэсленыя ваяводстваў [9, с. 78].

Летні адпачынак на тэрыторыі, дзе праводзілася акцыя «Лета на Усходніх землях», быў самым танным ва ўсёй Польшчы, а ўзровень яго арганізацыі быў даволі якасным. Тым больш, што кожны турыст мог самастойна выбіраць форму і месца адпачынку на тэрыторыі, акрэсленай умовамі акцыі, якая была багатая як на прыродна-рэкрэацыйныя (рэкі, азёры, каналы, бары і крыніцы і інш.), так і на гісторыка-культурныя (замкі, палацы, храмы і манастыры і інш.) турыстычныя рэсурсы.

Падчас акцыі распрацоўваліся разнастайныя турыстычныя маршруты. Большасць паездак арганізавалася праз бюро падарожжаў «Орбіс», з якім на працягу ўсяго часу свайго існавання актыўна супрацоўнічала Таварыства развіцця Усходніх зямель [8, арк. 41].

Аб тым, што турыстычная акцыя «Лета на Усходніх землях» карысталася вялікай папулярнасцю сярод турыстаў сведчыць статыстыка. Так, у 1934 г. колькасць турыстаў, якія ўзялі ў ёй удзел, складала 1,7 тыс. асоб [9, с. 121]. У наступныя гады, калі тэрытарыяльныя рамкі акцыі пашырыліся, павялічылася і колькасць ўдзельнікаў: у 1935 г. – больш чым у 5 разоў і складала 10 тыс. асоб, ў 1936 г. – 13,1 тыс., а ў 1937 г. – 11,8 тыс. асоб [10, с. 82].

Але напрыканцы 1930-х гг. акцыя «Лета на Усходніх землях» пачынае страчваць папулярнасць. Галоўнаю прычынаю стала тое, што яна была разлічана на доўгатэрміновае знаходжанне турыстаў на тэрыторыі, дзе праводзілася акцыя, а з развіццём транспарту і камунікацый турыстаў пачынаюць прывабліваць больш частыя, але непрацяглыя турыстычныя падарожжы [10, с. 223].

Пачынаючы з 1935 г., штогод з 22 жніўня па 30 верасня Таварыствам развіцця Усходніх зямель праводзілася яшчэ адна акцыя турыстычнай скіраванасці – «Дні Палесся» (Палесскае і часткова Валынскае ваяводства). Яна была менш папулярнаю за «Лета на Усходніх землях», але таксама прыцягвала адпачываючых у рэгіён, асабліва моладзь. У яе рамках праводзілася «Палеская ярмарка», на якой рэкламаваліся турыстычныя магчымасці рэгіёна [9, с. 59].

Дзякуючы вышэйзгаданым акцыям і мерапрыемствам, рэгіён наведала значная колькасць турыстаў. Так, у 1935 г. – 111 тыс., 1936 г. – 152 тыс., 1937 г. – 139 тыс., 1938 г. – 141 тыс. асоб [9, с. 112].

Да адной з форм папулярызатцыі турыстычнага руху адносілася правядзенне турыстычных выставак і ярмарак. На іх кожнае ваяводства прадстаўляла свой край як турыстычны рэгіён. Ствараліся спецыялізаваныя альбомы фотаздымкаў, вырабляліся разнастайныя брашуры, буклеты, ўлёткі і інш.

Першай спецыялізаванай выставай, на якой былі прадстаўленыя заходнебеларускія ваяводстваў, з'яўляецца Агульнапольская турыстычна-камунікацыйная выстава ў Познані, якая праходзіла з 6 ліпеня па 10 жніўня 1930 г. Падрыхтоўкай да падобных мерапрыемстваў займаліся мясцовыя турыстка-краязнаўчыя арганізацыі і таварыствы пад кіраўніцтвам ваяводскіх турыстычных камісій, для чаго ствараліся адмысловыя арганізацыйныя камітэты. Падчас падрыхтоўкі да ўдзелу ў Агульнапольскай турыстычна-камунікацыйнай выставе ў Познані была сабрана значная колькасць фотаздымкаў з краявідамі Заходняй Беларусі. Мерапрыемства станоўча паўплывала на рост колькасці турыстаў, бо Заходняя Беларусь як перспектыўны турыстычны рэгіён упершыню была прадстаўлена на агульнадзяржаўным узроўні.

Заходнебеларускія ваяводстваў як турыстычны рэгіён былі прадстаўленыя таксама на Першай міжнароднай прамысловай ярмарцы ў Познані 1929 г. [11, с. 21–22], Міжнароднай турыстычнай выставе ў Кракаве 1936 г. [12, с. арк. 20], Агульнапольскіх турыстычных выставах у Варшаве ў 1936 і 1938 гг. [12, арк. 21].

Пачынаючы з 1928 г. у Вільні праводзіліся Паўночныя таргі. Гэта была выстава польскай і замежнай прамысловасці, якая праходзіла ў канцы жніўня – пачатку верасня, у аснове якой палягала ідэя стварэння з Вільні асяродка гандлю з краінамі Балтыі, Паўночнай і Усходняй Еўропы [13]. Паўночныя таргі былі сродкам прапаганды і вытворчай экспансіі краю. Вядучае месца сярод экспанатаў выставы займалі прамысловыя вырабы, аднак таргі з'яўляліся таксама спосабам папулярызатцыі турызму сярод гасцей і жыхароў паўночна-ўсходняга краю. Шырока прапагандаваліся Паўночныя таргі сярод жыхароў суседніх ваяводстваў [14, с. 781–787].

Для падрыхтоўкі і правядзення таргоў штогод ствараўся спецыялізаваны арганізацыйны камітэт. Існаваў таксама і асобны аддзел, які займаўся прапагандаю турызму і арганізацыяй экскурсій. На Паўночных таргах дзейнічалі турыстычныя выставы, на якіх органы ўлады, якія займаліся пытаннямі турызму, а таксама турыстычныя і краязнаўчыя арганізацыі і таварыствы прадстаўлялі разнастайную папулярызатарскую прадукцыю. Штогод колькасць такіх выстаў і іх наведвальнікаў паступова ўзрастала.

Найбольш удалымі ў плане турыстычнай прапаганды сталі ІХ Паўночныя таргі. Акрамя іншага, Заходняя Беларусь як турыстычны рэгіён была прадстаўлена на іх больш за 500 афішамі [14, с. 781–787]. Пачынаючы з 1934 г. для жадаючых наведаць Паўночныя таргі былі ўведзены зніжкі на квіткі на праезд чыгуначным транспартам.

Такім чынам, дзяржаўныя ўлады сумесна з турысцка-краязнаўчымі арганізацыямі і таварыствамі на працягу даследуемага перыяду імкнуліся папулярываць турыстычны рух, выкарыстоўваючы розныя формы і метады прапаганды: выданне літаратуры турыстычнага характару, карт турыстычных маршрутаў, правядзенне турыстычных выстаў і ярмарак, на якіх прадстаўлялася інфармацыя аб Заходняй Беларусі як перспектыўным турыстычным рэгіёне, правядзенне дыскусійных клубаў, вечароў на турыстычную тэматыку, арганізацыя разнастайных турыстычных акцый і інш. Найбольш папулярнымі сярод іх была турыстычная акцыя «Лета на Усходніх землях», якая арганізавалася Таварыствам развіцця Усходніх зямель пры падтрымцы Міністэрства камунікацый. Падчас акцыі адпачываючым надавалася зніжка на праезд чыгункай ад 45 % да 70 %. Адпачынак на заходнебеларускіх землях у 1930-я гг. быў адным з самых танных у краіне, а па ўзроўню якасці абслугоўвання шмат у чым не саступаў іншым рэгіёнам краіны.

Літаратура

1. Uchwały pierwszego ogólnopolskiego kongresu krajoznawczego w Poznaniu // Ziemia. – 1929. – № 15–16. – S. 271–273.
2. Przewodnik po Polsce: w 4 t. / pod red. S. Lenartowicza. – Warszawa : Sp. Akc. «Nasza księgarnia», 1935. – Т. 4. Polska Północno-Wschodnia / S. Osiecki [i inne]. – 1935. – 362 s.
3. Literatura przewodnikowa // Wiadomości krajoznawcze i turystyczne. – 1931. – № 6 (9). – 1–6.
4. Marczak, M. Przewodnik po Polesiu / M. Marczak. – Brześć : Nakładem Oddziału Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego w Brześciu-nad-Bugiem, 1935. – 162 s.
5. Okólnik Ministerstwa Skarbu z dnia 7 czerwca 1933 r. L.D.IV. 12219/1/33 o zwalnianiu od cła druków, dotyczących zagranicznej propagandy turystycznej // Monitor Polski. – 1933. – № 139. – Poz. 181. – 1 s.
6. Sprawozdanie z działalności Studium Turyzmu Uniwersytetu Jagiellońskiego za okres I.V.1936–30.IX.1937. – Kraków : UJ, 1937. – 32 s.
7. Orłowicz, M. Monografia Polesia / M. Orłowicz // Ziemia. – 1923. – № 3. – S. 62–63.
8. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. – Zespół 88/16. Zbiór zespołów szczątkowych. Towarzystwo Rozwoju Ziem Wschodnich. – Sygn. 66. Biuletyny Towarzystwa Rozwoju Ziem Wschodnich, 62 s.
9. Sprawozdanie Towarzystwa Rozwoju Ziem Wschodnich. – Warszawa, 1938. – 156 s.
10. Rocznik Ziem Wschodnich / pod. red. E. Ruhlego. – Warszawa : Wydawnictwo zarządu głównego Tow. Rozwoju Ziem Wschodnich, 1938, – 265 s.
11. Pierwszy Ogólnopolski Kongres Krajoznawczy w Poznaniu, 12–13 lipca 1929 r. – Warszawa : Polskie Towarzystwo Krajoznawcze, Touring Klub, 1929. – 40 s.
12. Archiwum Polskiej Akademii Nauk i Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie. – Zespół KI-6. – Sygn. IV. Współpraca z władzami oraz organizacjami i instytucjami społecznymi i naukowymi. – Т. 289. Zjazdy turystyczne, 1930–1938, – 34 s.
13. Krasnopolski, P. Wilno i województwo Wileńskie. 1937 / P. Krasnopolski. – Wilno : Nakładem i Drukiem Wiktorii Krasnopolskiej, 1937. – 164 s.
14. Srebrakowski, A. Targi Północne w Wilnie 1928–1939 / A. Srebrakowski // Wokół historii i polityki. Studia z dziejów XIX i XX wieku dedykowane Profesorowi Wojciechowi Wrzesińskiemu w siedemdziesiątą rocznicą urodzin / red. S. Ciesielski, T. Kulak, K. Ruchniewicz, J. Tyszkiewicz. – Toruń, 2004. – S. 781–787.

УДК 94,438 («1919–1928»)

Аграрнае пытанне ў праграме Сялянскай Радыкальнай Партыі Польшчы (1919–1928 гг.)

В.П. ГАРМАТНЫ

Разглядаецца аграрнае пытанне ў праграме Сялянскай Радыкальнай Партыі Польшчы (1919–1928 гг.), паказаны яе падыходы да вырашэння ў II Рэчы Паспалітай аграрнай праблемы. Асаблівае месца надаецца дзейнасці і поглядам лідара партыі – ксяндза Яўгена Окуня. У 1919–1928 гг. партыя мела на сялянства слабы палітычны ўплыў, але была шырока вядома сваімі радыкальнымі і фактычна дэмагагічнымі патрабаваннямі.

Ключавыя словы: сельская гаспадарка, аграрнае пытанне, Сейм, аграрная рэформа.

The agrarian question in the program of the Peasant Radical Party (1919–1928) is analyzed. The attitude of the Peasant Radical Party to the solving of the agrarian problem in the II Rzeczpospolita is shown. Particular attention is given to the activity and views of the party leader – priest Eugeniusz Okun. In 1919–1928 party had very low political influence but its radical and demagogical aims were widely known.

Keywords: agriculture, agrarian question, Seim, agrarian reform.

З аднаўленнем у 1918 г. дзяржаўнай незалежнасці перад Польшчаю ва ўсёй вастрэні паўстаў цэлы шэраг эканамічных і палітычных пытанняў, ад вырашэння якіх увогуле залежыў лёс польскай дзяржавы. Сярод такіх нявырашаных праблем надзвычай актуальным і зладзённым было аграрнае пытанне: на 1918 г. большасць насельніцтва Польшчы складала менавіта сялянства, якое востра пакутавала ад зямельнага голаду і ўскладала свае надзеі і спадзяванні на ўлады новай дзяржавы [15, s. 17]. Сельская гаспадарка II Рэчы Паспалітай (міжваеннай польскай дзяржавы) насіла ў 1919–1939 гг. выразна характэрныя рысы для дзяржаў з сярэднім узроўнем развіцця эканомікі: найперш за ўсё захаванне прымітыўных метадаў апрацоўкі зямлі, малая колькасць сельскагаспадарчых машын, недастатковае выкарыстанне штучных угнаенняў і ў выніку даволі нізкая прадукцыйнасць працы [16, s. 28], [17, s. 399]. У руках памешчыкаў было сканцэнтравана каля паловы ворных зямель, у той час як вёска была перанаселена, акрамя таго адсутнічала магчымасць адтоку ў горад лішніх сялянскіх працоўных рук з-за вялікага беспрацоўя ў прамысловасці [3, с. 1].

Па адзначанай прычыне асаблівую актыўнасць у міжваеннай Польшчы праяўлялі палітычныя арганізацыі сялянскага руху. Іх роля ў грамадска-палітычным жыцці краіны была важнай, але не вырашальнай. Сялянскія партыі не мелі арганізацыйнага і праграмнага адзінства, іх колькасць даходзіла да 15 [8, s. 52–53], [9, s. 181], [14, s. 19]. Але іх аб'ядноўвала тое, што яны лічылі сялянства апораю краіны, выступалі за заняцце сялянамі адпавядаючага месца ў жыцці краіны і патрабавалі ад урада перадачы вяскоўцам зямлі. Сярод такіх партый асаблівае месца займала Сялянская Радыкальная Партыя (СРП, Chłopskie Stronnictwo Radykalne, 1919–1928 гг.) [5, s. 280], [12, s. 137–138].

На канец 1918 г. СРП вылучылася з Польскай Народнай Левай Партыі (Polskie Stronnictwo Ludowe Lewica), якая ў гэты час імкліва страчвае сваё ранейшае значэнне і ўплыў, фактычна зыходзіць з палітычнай арэны Польшчы. Напрыканцы 1919 г. СРП больш-менш арганізацыйна аформілася і пачала дзейнічаць самастойна [11, s. 158], на чале партыі стаялі паслы (дэпутаты) Заканадаўчага Сейма (Sejm Ustawodawczy) Т. Домбаль (Tomasz Dąbal) і ксёндз Я. Окунь (Eugeniusz Okoń). Афіцыйнаю датаю ўзнікнення СРП лічыцца 19 снежня 1919 г., калі Я. Окунь з сеймавай трыбуны аб'явіў, што выступае ад імя новай радыкальнай і шматлікай сялянскай палітычнай арганізацыі [20, s. 29]. Ксёндз Окунь і яго паплечнікі патрабавалі змены аграрнага закона ад 10 ліпеня 1919 г. у напрамку яго радыкалізацыі, і найперш за ўсё выступала за канфіскацыю і падзел паміж сялянамі памешчыцкіх зямель [3, с. 12].

Па колькасці членаў СРП была найменшаю сялянскаю партыяй і дзейнічала пераважна рэгіянальна, але разам з тым іграла асаблівую ролю на палітычнай сцэне краіны і з цягам часу па ўплыву выйшла сярод сялянскіх партый на трэцяе месца. Ад самага пачатку

існавання партыі Я. Окунь прыкладаў усе намаганні для таго, каб пашырыць уплыў СРП на тэрыторыю ўсёй польскай дзяржавы, але гэта яму так і не ўдалося. Галоўным абшарам дзейнасці арганізацыі сталі Люблінскае, Келецкае і часткова Жэшуўскае ваяводства, у іншых рэгіёнах краіны СРП была прадстаўлена даволі фрагментарна [11, s. 159].

Асноўнаю формаю дзейнасці Я. Окуня было скліканне сялянскіх мітынгаў і сходаў, пераважна на лакальных кірмашах, удзел у якіх нярэдка брала да некалькі тысяч чалавек [13, s. 61], [19, s. 154]. На такіх шматлюдных, поўных неапраўданага энтузіазму сходах, Окунь амаль кожны тыдзень выступаў з радыкальнымі і красамоўнымі, але дэмагагічнымі прамовамі аб цяжкім сялянскім жыцці і абяцаў сялянам здабыць ім зямлю. Факт, што лідар партыі выступаў у сутане, значна ўзмацняў ступень даверу да яго слоў [6, s. 284], [22, s. 156]. У жніўні 1922 г. на адным са сходаў Окунь паведаміў, што колькасць членаў СРП дасягнула 15 000, што па ацэнках даследчыкаў адпавядала рэчаіснасці [10, s. 240], [20, s. 62].

Ужо 11 студзеня 1920 г. у свет выйшлі 1–2 нумары газеты СРП «Сялянскае Адзінства» («Jedność Chłopska»). Галоўнымі мэтамі сваёй дзейнасці газета абвясціла барацьбу за пашырэнне папулярнасці партыі і яе праграмы, за сістэматычнае развіццё арганізацыі і распаўсюджванне ідэі «класавай сялянскай палітыкі». Аб арганізацыйнай структуры партыі вядома няшмат – у артыкуле, змешчаным у нумары газеты ад 6 чэрвеня 1920 г., ставілася задача стварыць у кожным павеце, гміне і нават вёсцы партыйную ячэйку. У склад мясцовага кіраўніцтва партыі павінны былі ўваходзіць старшыня, віцэ-старшыня, сакратар, віцэ-сакратар, скарбнік і каля 10 членаў, якія арганізавалі партыйнае жыццё ў вызначаным рэгіёне і прадстаўлялі інтарэсы сялян перад адміністрацыйнымі ўладамі [20, s. 28].

У ліпені 1921 г. Т. Домбаль выйшаў з шэрагаў СРП і разам са С. Ланцуцкім (S. Łanćucki) стварыў у Заканадаўчым Сейме Камуністычную Пасольскую Фракцыю (Frację Sejmową Posłów Komunistycznych) [10, s. 196], [14, s. 46]. На выбарах у Сейм II Рэчы Паспалітай ад 5 лістапада 1922 г. партыя атрымала 4 пасольскія мандаты: Я. Окунь (старшыня), Я. Дзідух (J. Dziduch), Я. Кудзельскі (J. Kudelski) і К. Срэднява (K. Średniawa) [13, s. 61], [22, s. 156]. Такім чынам, вынікі выбараў для СРП былі несучаснымі, бо Окунь спадзяваўся атрымаць значна больш пасольскіх месц [1, s. 95].

20 сакавіка 1922 г. Я. Окунь выдаў падрыхтаваную ім праграму партыі. Варта падкрэсліць, што ў крыніцах няма дакументальнага падцвярджэння яе прыняцця партыйнымі органамі, але існаванне ў СРП нават незацверджанай праграмы сведчыць аб высокай ступені яе развіцця, арганізаванасці і палітычнай сталасці [5, s. 281–294], [20, s. 29–30]. У праграме адзначалася, што сялянства складала 80 % насельніцтва II Рэчы Паспалітай і, нягледзячы на такую значную колькасную перавагу, стаяла на самым нізе сацыяльнай лесвіцы. На працягу вякоў, пачынаючы яшчэ з часоў паншчыны, сяляне былі фактычна бяспраўнымі і цярпелі шматлікія незаслужаныя крыўды, а СРП ставіла сваёю галоўнаю задачай змагацца за хутчэйшае паляпшэнне ўмоваў іх жыцця, каб сяляне дзякуючы правядзенню кардынальных зменаў у тагачасным «несправядлівым укладзе грамадскіх сіл» занялі адпавядаючае ім першае месца ў жыцці краіны і на практыцы сталі на чале польскага народа, гаспадарамі адраджанай Польшчы і «падрыхтаванымі рулявымі дзяржаўнага карабля» [18, s. 229].

Неабходна адзначыць, што ў праграме няма адкрытай апалагетыкі сялянства, не абмінуць увагаю і негатыўныя рысы сялянскага характара: рабалецтва, эгаізм, прадажнасць і г. д. Наяўнасць такіх рыс характара абумоўлівалася перажыткамі «былога няшчаснага паншчыннага лёсу». Пры адпаведных намаганнях недахопы можна замяніць на высакародныя рысы: ідэйную адданасць ісціне і справядлівасці, гатоўнасці змагацца і ахвяраваць сабою за грамадскую справу, дабрабыт радзімы, сваіх блізкіх і ўсіх сялян. Лідары СРП меркавалі, што з дапамогаю асветы можна будзе досыць паспяхова вырашыць важнейшую сацыяльную задачу: пераўтварыць сялян у палітычна дасведчаных, роўнапраўных грамадзян, свабодных ад усялякай эксплуатацыі, добра разумеючых асабістыя пажаданні [2, s. 86–88].

У якасці першага, галоўнага і найважнейшага пункта сваёй праграмы СРП вызначала тэрміновую і безумоўную перадачу маёнткавай зямлі на карысць малазямельных і беззямельных сялян, памятаючы пры гэтым аб інтарэсах інвалідаў і былых вайскоўцаў. Такая пастанова пытання ў значнай меры вылучала СРП сярод іншых сялянскіх партый,

якія на першае месца ставілі дзяржаўныя інтарэсы, у той час як прыхільнікі Окуня надавалі галоўнае значэнне класавым інтарэсам сялянства [6, s. 74]. СРП таксама адзначала неабходнасць здабыцця сялянамі ўсёй паўнаты ўлады праз атрыманне абсалютнай большасці ў Сейме, аргументуючы гэта колькаснаю перавагаю ў грамадстве, але пры гэтым не выказвалі жадання да супрацоўніцтва ў гэтай справе з рабочымі, дэкларуючы толькі заняцце ў адносінах да іх «самай зычлівай прыязнасці» [21, s. 249].

Праграма абавязвала СРП да вострай барацьбы за прыняцце новага радыкальнага закона аб аграрнай рэформе, ажыццяўленне якой пакладзе канец зямельнаму голаду на вёсцы і існаванню памешчыкаў як класа навогуле [20, s. 32]. Прынятая праграма насіла радыкальны характар і ставіла галоўнаю мэтаю як мага хутчэйшую і як мага шырокую перадачу ў рукі малазямельных і беззямельных сялян памешчыцкай зямлі [8, s. 71].

Тэарэтычным пытаннем у праграме партыі надавалася нязначнае месца. СРП выступала супраць пераўтварэння II Рэчы Паспалітай у бюракратычную дзяржаву і лічыла, што аграрная рэформа на ўсім абшары Польшчы павінна быць праведзена на працягу бліжэйшых двух гадоў з сістэмным надзяленнем памешчыцкаю зямлёю малазямельных і беззямельных сялян па самаму нізкаму кошту [2, с. 88]. Сеймавы аграрны закон ад 10 ліпеня 1919 г. партыя крытыкавала як памылковы і ствараючы ўмовы для магчымых шматлікіх злоўжыванняў, выступала за ўнясенне ў яго змест значных зменаў радыкальнага характара.

Як і іншыя сялянскія партыі II Рэчы Паспалітай, СРП прызнавала прыватную ўласнасць у якасці падмурку грамадскага ладу краіны, а камунізм ацэньвала як ворага сялянскіх інтарэсаў [7, s. 169], [8, s. 71]. У праграме 1922 г. падкрэслівалася, што СРП выступае за захаванне інстытута прыватнай уласнасці і абараняе гэтае права як «натуральнае права кожнага чалавека», але для грамадскай карысці было б неабходна перадаць малазямельным і беззямельным сялянам памешчыцкую зямлю, бо сяляне змаглі б даць з яе лепшы ўраджай [2, с. 86]. Канфіскацыю буйных памешчыцкіх абшараў, найперш за ўсё занядбаных маёнткаў, СРП ацэньвала не толькі як адзін з найважнейшых абавязкаў дзяржавы, але як і задачу вялікага грамадскага значэння. Канфіскацыя зямлі ў памешчыкаў абгрунтоўвалася таксама гуманістычнымі і рэлігійнымі абставінамі [18, s. 232]. Мяжою для канфіскацыі партыя лічыла максімум зямельнага ўладання ў 100 моргаў (56 га) [21, s. 254]. Акрамя таго, партыя дабівалася ўсталявання як мага ніжэйшых цэн на зямлю, што дало б магчымасць бяднейшаму сялянству набыць яе [9, s. 162], [12, s. 137].

У 1925 г. пад моцным націскам вясковай беднаты СРП прыняла рашэнне аб неабходнасці надзялення сялян зямлёю без выкупа [4, s. 381]. Адначасова з аказаннем дзяржаваю сялянам шырокай крэдытнай дапамогі неабходна было стварыць буйны сялянскі банк, у якім вяскоўцы маглі пры неабходнасці хутка аформіць пазыку. Лясныя масівы, акрамя тых, што належалі гмінам і гарадам, павінны былі цалкам перайсці ва ўласнасць дзяржавы і стаць для сялян крыніцаю танных будматэрыялаў, дзякуючы якім вяскоўцы маглі аднавіць свае гаспадаркі пасля ваенных страт [7, s. 170].

У праграме партыі вельмі моцна падкрэслівалася неабходнасць справядлівага ўрэгулявання пытання аб сервітутах – сумеснага зямельнага ўладання сялян і памешчыкаў, а таксама ажыццяўлення на карысць сялян шырокай камасацыі (хутарызацыі), меліярацыі, пабудовы сеткі шляхоў зносін і г. д., што ў цэлым павінна было спрыяць удасканаленню сялянскіх гаспадарак і стварэнню эфектыўных узорных гаспадарак, дзякуючы якім быў бы забяспечаны дабрабыт краіны [20, s. 32–33]. Акрамя таго, СРП абвешчвалася неабходнасць справядлівай ацэнкі сялянскіх зямель, што было абумоўлена часта сустракаемымі выпадкамі неправамернай ацэнкі іх якасці і завышэння зямельнага падатку [12, s. 138].

СРП патрабавала правядзення радыкальнай падатковай рэформы, заснаванай на аб'яднанні розных відаў падаткаў і іх залежнасці ад маёмасці падаткаабкладальніка. Праграма патрабавала ад урада перакласці галоўны падатковы цяжар з плеч сялянства на капіталістаў, фабрыкантаў і г. д., а таксама вызваліць ад усіх падаткаў сялян, якія мелі ва ўладанні менш 5 маргоў (2,8 га) зямлі [13, s. 63], [18, s. 234], што, аднак, было маларэальна і мела больш прапагандысцкі характар. Разам з тым, многія сяляне падтрымлівалі такое патрабаванне, бо такія невялікія гаспадаркі не маглі пракарміць сям'ю селяніна і быць прызнаны таварнымі [19, s. 33]. СРП абвешчала падтрымку ўсялякага роду кааператываў, асабліва ў сферы сельскай гаспадаркі, што павінна было дапамагчы далейшаму станаўленню ў краіне таварна-грашовых адносін [12, s. 218].

Галоўнаю задачаю праграма партыі бачыла стварэнне моцнай, гаспадарлівай і пры гэтым справядлівай і свабоднай сялянскай Польшчы, якая будзе супрацьстаяць усялякім спробам магнатаў, абшарнікаў і іх памочнікаў авалодаць дзяржаваю, каб надаць ёй характар старашляхецкай Польшчы і ўзяць пад свой кантроль сялянскія масы. Замест гэтага ставілася задача надаць дзяржаве выбітны і трывалы характар прыхільнасці ідэям свабоды, шырока дэмакратызаванай і развітай яе [5, s. 291], [18, s. 234]. Сфармуляваныя ў праграме меры па рэалізацыі праграмы не выходзілі за рамкі парламенцкіх і прадугледжвалі перш за ўсё барацьбу за палітычны ўплыў на сялянства і заваяванне мандатаў у Сейме [2, с. 88].

У цэлым, акрамя рэалістычнай ацэнкі гаспадарчага становішча краіны і слухных прапаноў для яе паляпшэння, у праграме СРП утрымліваўся цэлы шэраг патрабаванняў, якія не маглі быць рэалізаваны такою нешматлікаю палітычнай арганізацыяй. Некаторыя пункты праграмы мелі больш прапагандысцкі характар, былі занадта радыкальнымі. Па ацэнках даследчыкаў, у праграме яскрава праявіліся тыповыя рысы характара Окуня, які ў палітыцы не прызнаваў немагчымых рэчаў [13, s. 64], [22, s. 158]. Іншыя сялянскія партыі II Рэчы Паспалітай Окунем жорстка крытыкаваліся, бо праводзілі «палавінчатую» і «двудушную» палітыку ва ўгоду маёмасных класаў, абвінавачваліся ў разбіцці сялянскага руху і здрадзе інтарэсам сялянства. Зыходзячы з вышэй азначанага агучвалася патрабаванне злучэння сялянскіх арганізацый пад ідэалагічным кіраўніцтвам СРП і лозунгам «класавай сялянскай палітыкі» [20, s. 30].

Вельмі важнае месца ў гісторыі СРП меў яе II Кангрэс, які прайшоў 7 верасня 1924 г. у Любліне і ўнёс новыя элементы ў праграму 1922 г. Партыя была прызнана як арганізацыя поўная энтузіазму і жалезнай волі, наскрозь сялянская, якая імкнецца да аб'яднання сялянства ў адзіны моцны лагер, які пры дапамозе мясцовых партыйных органаў здолее дабіцца для сялян: 1) найбольш мілага для іх скарбу (г. зн. зямлі); 2) прыналежнасці да ўлады, сапраўдную і істотную; 3) гаспадарчага дабрабыта; 4) найшырэйшай і найвышэйшай асветы; 5) справядлівасці для ўсіх, у тым ліку і для бедных [13, s. 63], [22, s. 157].

Актыўная грамадска-палітычная дзейнасць ксяндза Яўгена Окуня ў значнай ступені пашырыла папулярнасць СРП, але разам з тым у яго не хапала палітычнай падрыхтоўкі для жорсткай барацьбы з іншымі сялянскімі партыямі, якія рознымі спосабамі, у тым ліку і фальшывымі, дыскрэдытавалі Окуня як палітыка і чалавека. Акрамя таго, значную ролю адыграў і касцёл, які быў незадаволены радыкальнымі поглядамі ксяндза і не мог з гэтым пагадзіцца. У рэшце рэшт на пачатку 1926 г. СРП трапіла ў стан глыбокага крызіса, а значная частка яе членаў перайшла ў шэрагі іншых сялянскіх партый [20, s. 103]. 31 студзеня 1926 г. віцэ-старшыня СРП Ян Дзідух і яе сеймавы пасол Ян Кудзельскі склікалі пасяджэнне Вышэйшага Савета (Rady Naczelnej) з удзелам 200 членаў партыі, на якім выключылі з шэрагаў СРП Окуня і абвінавацілі яго ў вядзенні немаральнага ладу жыцця, здрадзе сялянскім інтарэсам і г.д. [22, s. 159]. 21 лютага 1926 г. Кангрэс СРП выключыў Окуня з партыі, але ён у адказ склікаў з'езд сваіх прыхільнікаў і таксама выключыў апанентаў з шэрагаў партыі. У хуткім часе Дзідух і Кудзельскі са сваімі прыхільнікамі далучыліся да створанай у гэты час Сялянскай Партыі (Stronnictwo Chłopskie) і на тым закончылася фракцыйная барацьба ў шэрагах СРП [9, s. 162], [19, s. 173–174].

У выніку расколу Я. Окунь застаўся з невялікаю колькасцю прыхільнікаў, а партыя перастала адыгрываць якую-небудзь значную ролю ў палітычным жыцці краіны. 3 лютага 1928 г. пад час выбарчай кампаніі ў Сейм II Рэчы Паспалітай ксёндз быў арыштаваны па абвінавачванні ў антыдзяржаўнай дзейнасці, пазбаўлены сутаны і ізаляваны ад сваіх прыхільнікаў. На выбарах 4 сакавіка 1928 г. СРП не атрымала ніводнага мандата і пацярпела сакрушальнае паражэнне [6, s. 284], [20, s. 121–123], што фактычна і стала канцом яе гісторыі. 21 мая 1929 г. па заданню касцёльных улад у рамках вызначанай яму пакуты Окунь падпісаў адмову ад удзелу ў палітычным жыцці і абавязаўся строга падпарадкоўвацца касцёльным уладам [19, s. 180], якія вярнулі яму за гэта сан і прызначылі памочнікам ксяндза ў адзін з невялікіх прыходаў. Пасля гэтага Я. Окунь не ўдзельнічаў ў грамадскім жыцці краіны, але заўсёды прыходзіў на дапамогу пакрыўджаным [22, s. 220].

Такім чынам, СРП па аграрнаму пытання ў 1919–1928 гг. мела радыкальныя і неажыццяўляемыя ў тагачасных умовах лозунгі бясплатнай перадачы малазямельным сялянам значнай часткі памешчыцкіх зямель. Слабымі бакамі партыі былі абмежаваныя

фінансавыя і кадравыя магчымасці, недахоп трывалых кантактаў з дзяржаўнымі органамі ўлады і іншымі сялянскімі партыямі, а таксама даволі аўтарытарны стыль кіраўніцтва ксяндза Окуня. Разам з тым, неабходна адзначыць, што нягледзячы на нешматлікасць, партыя здабыла вялікі ўплыў на сялянства II Рэчы Паспалітай і адыграла ў палітычнай гісторыі польскай краіны ў акрэслены перыяд значную ролю, а Я. Окунь быў адным з галоўных тагачасных сялянскіх лідараў краіны.

Літаратура

1. Гецевич, А.К. Деятельность польских политических партий и организаций в Западной Беларуси (1918–1926 гг.) / А.К. Гецевич. – Гродно : Издательство ГрГУ им. Янки Купалы, 2010. – 139 с.
2. Матвеев, Г.Ф. «Третий путь»? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период / Г.Ф. Матвеев. – Москва : Издательство МГУ, 1992. – 240 с.
3. Титова, А.А. Позиции польских политических партий по вопросу аграрной реформы в 1922-1925 гг.: автореф. дисс. на соискание степени канд. ист. наук / А.А. Титова. – Москва : Издательство МГУ, 1977. – 26 с.
4. Ajnenkiel, A. Od rządów ludowych do przewrotu majowego: zarys dziejów politycznych Polski, 1918-1926 / A. Ajnenkiel. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1978. – 472 s.
5. Belcikowska, A. Stronnictwa i związki polityczne w Polsce: charakterystyki, dane historyczne, programy, rezolucje, organizacje partyjne, prasa, przywódcy / A. Belcikowska. – Warszawa : Dom Książki Polskiej, 1925. – 1086 s.
6. Borkowski, J. Ludowcy w II Rzeczypospolitej. W 2 częściach. Cz. 1. / J. Borkowski. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1987. – 374 s.
7. Burger, W. Ruch ludowy wobec kwestii społeczno-ustrojowych II Rzeczypospolitej / W. Burger. – Szczecin : Wyższa Szkoła Morska w Szczecinie, 1983. – 414 s.
8. Gałąj, D. Chłopski ruch polityczny w Polsce / D. Gałąj. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1969. – 144 s.
9. Hemmerling, Z. Ruch ludowy w Polsce, Bułgarii i Czechosłowacji, 1893-1930 / Z. Hemmerling. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1987. – 453 s.
10. Historia chłopów polskich. W 3 tomach. T. 3. Okres II Rzeczypospolitej i okupacji hitlerowskiej / pod redakcją Stefana Inglota. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1980. – 715 s.
11. Holzer, J. Mozaika polityczna Drugiej Rzeczypospolitej / J. Holzer. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1974. – 670 s.
12. Kulwicki, E. Koncepcje społeczno-ekonomiczne ruchu ludowego w latach 1918–1931 / E. Kulwicki. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1971. – 278 s.
13. Lato, St. Ruch ludowy wobec sanacji (z dziejów politycznych Drugiej Rzeczypospolitej) / St. Lato. – Rzeszów : Krajowa Agencja Wydawnicza, 1985. – 219 s.
14. Leczyk, M. Oblicze społeczno-polityczne Drugiej Rzeczypospolitej / M. Leczyk. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1988. – 506 s.
15. Łuczak, A. Społeczeństwo i państwo w myśli politycznej ruchu ludowego II Rzeczypospolitej / A. Łuczak. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1982. – 272 s.
16. Madajczyk, Cz. Burżuazyjno-obszarnicza reforma rolna w Polsce (1918-1939) / Cz. Madajczyk. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1956. – 465 s.
17. Mieszczankowski, M. Rolnictwo II Rzeczypospolitej / M. Mieszczankowski. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1983. – 447 s.
18. Programy partii i stronnictw politycznych w Polsce w latach 1918-1939. – Rzeszów : Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Rzeszowie, 1993. – 456 s.
19. Rek, T. Książd Eugeniusz Okoń: 1881-1949 / T. Rek. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1962. – 240 s.
20. Walczak, E. Chłopskie Stronnictwo Radykalne 1919–1928 / E. Walczak. – Warszawa : Muzeum Historii Polskiego Ruchu Ludowego, 2001. – 142 s.
21. Wojtas, A. Problematyka agrarna w polskiej myśli politycznej 1918-1948 / A. Wojtas. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1983. – 484 s.
22. Zarys historii polskiego ruchu ludowego. W 2 tomach. T. 2, 1918-1939 / J. Borkowski [et al.]. – Warszawa : Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1970. – 602 s.

Городище «Дикий Сад» в контексте социально-экономических и культурных связей балтийского и черноморского регионов XIII–XI вв. до н.э.

К.В. ГОРБЕНКО

Дан анализ археологических материалов городища «Дикий Сад» в контексте социально-экономических и культурных связей эпохи финального бронзового века. Городище занимало мыс обрывистого края плато левого берега реки Ингул (современный г. Николаев). На его территории были открыты жилища, хозяйственные, ритуальные и оборонительные сооружения, зафиксированы яркие образцы материальной культуры, которые указывают на контакты жителей Дикого Сада с соседними регионами ойкумены.

Ключевые слова: бронзовый век, белозерская культура, городище, цитадель, предместье, посад, оборонные сооружения, материальная культура, линейное письмо Б, помещения.

The archaeological materials from the hillfort «Wild Garden» in the context of socio-economic and cultural ties of the final era of the Bronze Age are analyzed. The hillfort occupied the Cape with steep edge of the plateau of the left bank of the river Inhul (modern Nikolaev). On its territory there were discovered dwellings, economic, ritual and fortifications, noted striking examples of material culture, which indicate exposure to residents of the Wild Garden with the neighboring oecumene regions.

Keywords: bronze Age, belozersk culture, hillfort, citadel, suburb, defensive installation, material culture, Linear B, apartments.

Городище «Дикий Сад» расположено при слиянии рек Южный Буг и Ингул. Во время своего существования (конец II тыс. до н.э.) оно занимало высокий мыс обрывистого края плато левого берега реки Ингул. Мыс со стороны степи ограждался оврагами и между ними – двумя рвами. Общая площадь сохранившейся территории – около 3 га. Конструктивно городище состояло из трех частей – «цитадели», огражденной рвом, «предместья», огражденного внешним рвом, и «посада», располагавшегося за внешним рвом. На этой территории исследованы жилые, хозяйственные, ритуально-культовые и социальные объекты [1, с. 8–10]. Архитектурные сооружения располагались рядами вдоль реки Ингул и практически примыкали друг к другу, создавая единый архитектурный комплекс (рисунок 1). Большинство исследованных помещений и сооружений возникли одновременно и локализируются на выровненной площадке. Культурный слой вне помещений практически уничтожен в новое время, а полученный в процессе исследования материал относится к эпохе финальной бронзы и характерен для ойкумены культур окружающих «Дикий Сад» [2, с. 53–55].

Время существования памятника по датировкам С¹⁴ укладываются в диапазон 1250 – 925 cal. BC. Сомнений о жизни памятника в таком большом временном диапазоне нет. Остатки жилых и производственных помещений, существовавших практически одновременно, несут следы ремонтов, перепланировки, появление на месте ранних помещений поздних другого типа, так что существование памятника более 250 лет вполне реально.

В геополитическом плане городище замыкало самую северную точку черноморского морского пути и контролировало основные меридиональные сухопутные пути по водоразделам: на северо-восток до Днепровских переправ восточного пути; на север в лесостепь; и на северо-запад в Центральную и Северную Европу, а также переправу через Южный Буг – путь в Балкано-Подунавье. Поймы рек с песчаными косами, с узким и мелким перекатом между ними – идеальное место для переправы наземных караванов и крайне неудобное место для судоходства. Одно из таких образований было и в районе слияния Ингула и Южного Буга. Таким образом, городище контролировало очень важный транспортный узел в виде переправ и удобной гавани. Все эти феномены зафиксированы в историческое время, и лишь подъем уровня воды за последние 50 лет скрыл, а местами размыл, эти образования. Возможно, в этом месте осуществлялась перегрузка с морских на речные суда с дальнейшим передвижением до Бугских порогов, где более удобный выход на водораздел Буга-Днестра (путь в Центральную Европу).

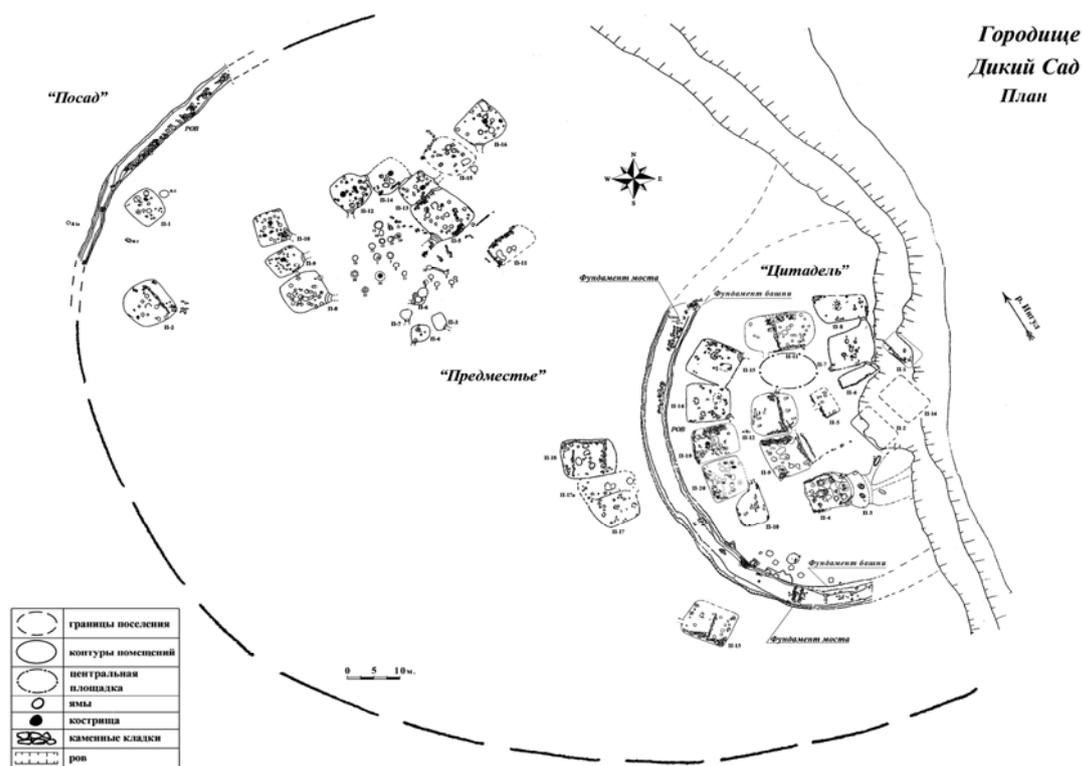

Рисунок 1 – План городища «Дикий Сад».

Анализ материальных артефактов позволяет выделить основные виды деятельности жителей городища, характер экономических и культурных связей, определить хронологические рамки и основные этапы существования памятника. Возможно также поставить вопрос об этнополитической ситуации в регионе в период глобальных климатических, экологических, а отсюда и хозяйственных изменений, происшедших в позднем бронзовом веке [3, с. 38–45].

Комплекс керамических предметов наиболее представительен и позволяет выделить основные формы (корчаги, кубки, вазы, черпаки, миски, горшки) и орнаментальные мотивы (прочерченные линии, вдавливания, валики, каннелюры), характерные для археологических культур Надчерноморской ойкумены.

В XII–X вв. до н.э. региональные связи лучше всего видны на таком типе керамики, как «корчага». Термин этот довольно расплывчатый и объединяет в основном сосуды больше, чем горшки, но меньше, чем «пифосы», т. е. керамические бочки, сосуды тарного типа, присущие южным, более урожайным регионам (в Диком Саде их с успехом заменяют различные ямы в полу помещений под навесами). Таких корчаг в коллекции два основных типа: широкогорлые (рисунок 2: 16–18), представленные единично, и более схожие с подобным типом посуды восточных регионов и узкогорлые (рисунок 2: 20–24), по сравнению с широким, почти шарообразным туловом, и имеющие аналогии в более раннем периоде нашего региона. Скорее всего, на позднем этапе существования памятника появляются высокогорлые, каннелированные корчаги центрально-европейского типа периода HaA1. К этому же кругу памятников относится большинство мисок и сосудов с налестками (рисунок 2: 9, 13), а также некоторые вазы, кубки и черпаки открытого типа с каннелюрами (рисунок 2: 6–8, 10–12).

Присутствуют также сосуды местного производства, но изготовленные с использованием лекала, снятого явно с импортных образцов, прежде всего, характерных для ряда культур Балканского региона и Прибалтики. Образцами такого подражания (или прямого экспорта) являются необычный сосуд, вероятней всего погребальная урна (рисунок 2: 26–26-а), горшок с горизонтальными ручками (рисунок 2: 25), а также ваза с упором, над которым выделяется граффити с оригинальным символом $\wedge$ (рисунок 2: 5). Граффити напоминает символ линейного письма «Б». Аналогичные символы зафиксированы на керамическом диске из помещения № 4 на территории «цитадели» (рисунок 2: 1). Возможно, данные символы представляют знаки дробно-весовой системы, которая применялась в крито-микенской культуре.

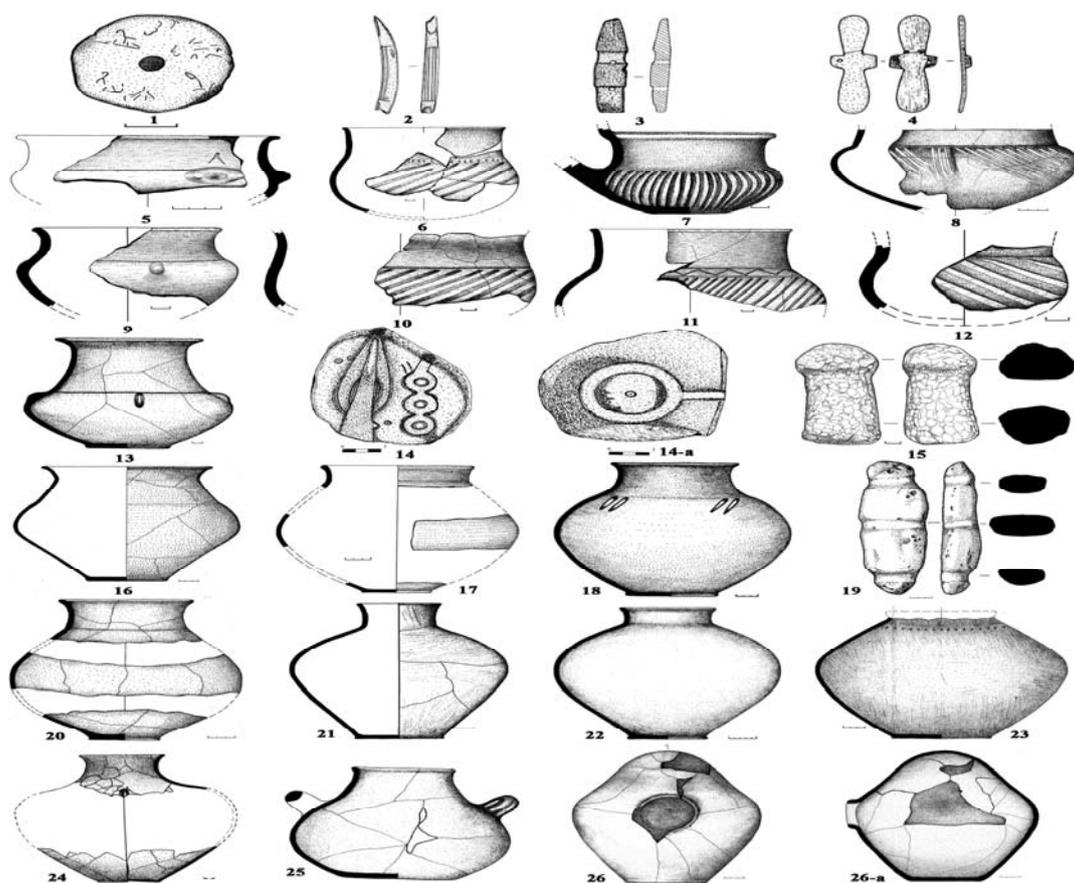

Рисунок 2 – Артефакты городища «Дикий Сад». Керамика – 5–13, 16–18, 20–26; керамический диск – 1; предметы из рога – 2–4; предметы из камня – 14–15, 19.

Анализ этих и других признаков (керамическое тесто, ангобирование, способы формовки) позволяет определить их происхождение как в идеальном воплощении (культурное заимствование), так и в материальном (место изготовления, сырье, мастер-изготовитель). Технологические особенности изготовления керамики дополнительных возможностей для выявления контактов с сопредельными регионами не дают, лишь примесь слюды в некоторых керамических фрагментах может свидетельствовать, возможно, об импорте из Трансильвании, где слюда является одним из отощителей.

Комплекс металлических изделий насчитывает более 70 предметов. Среди них кинжалы, ножи, ножи-пилки, шилья, два рыболовных крючка, фрагмент небольшого долота, булавки, кованые котлы, топоры-кельты 5 (типологических форм), наконечник дротика, серьга, браслеты, фрагменты пронизей, фрагмент фибулы, булавки, бронзовые бляшки. Типы изделий и анализ металла указывает на торговые контакты жителей городища в северном, западном и восточном направлении. Бронзовый нож и бляшка имеют прямые аналогии в материалах Карпатского региона. Типы кельтов репрезентируют восточный и западный регионы Причерноморья (типы Кардашинка, Negresti, Ruginoasa) [4, с. 70–74].

Многочисленны изделия из камня (более 150 предметов). Среди них – молоточки-куранты, растиральники, зернотерки, наковальни, литейные формы (рисунок 2: 14–14-а), гирьки для отвесов, песты, отвесы для ткацких станков (рисунок 2: 19), поделки из камня – фаллосы (рисунок 2: 15). Они дают информацию в двух аспектах:

1. Происхождение источников сырья (изготовленные из местных пород, которые добывались в долинах рек Ю. Буг и Ингул, и из пород, распространенных в других регионах – Южные Карпаты, Малая Азия, Средиземноморье).

2. Назначение орудий производства (исходя из трассологического анализа – орудия для обработки дерева, зерна, металла и другого сырья). На них выделяются приемы изготовления, продолжающие местные традиции и инновации, связанные с освоением новых заимствованных технологий [5, с. 25–29].

Изделия из кости и рога (более 120 предметов) относятся к местным типам и, вероятнее всего, изготавливались в мастерских городища. Среди них: псалии, «коньки», тупики, рукоятки для шильев, пластина для ременной узды (рисунок 2: 4) и т.д. Впервые найден такелажный инструмент – «свайка» (рисунок 2: 2), приспособление для кручения канатов (рисунок 2: 3) – наиболее вероятно инновация из Средиземноморья. Вероятней всего, принципиальная схема его изготовления пришла к нам из Средиземноморья, хотя, если принять во внимание, то обстоятельство, что мигранты XIII – XII вв. до н.э. из Средней и Восточной Европы названные «народом моря» имели свои корабли, то изготовление такелажного инструмента вполне могло быть и местной традицией. Этот предмет изготовлен из кости и, вероятнее всего, является не рабочим, а votivным предметом. Подобный инструмент, несомненно, применялся всеми навигаторами ойкумены, но изготавливался он, вероятнее всего, из твердых пород дерева, и поэтому не сохранился. Votivные предметы предполагают определенный культ, а такой культ, все-таки, более характерен для народов, у которых морской промысел является основой жизнедеятельности.

В принципе, подобная ремесленная деятельность известна в нашем регионе в предыдущее время (сабадиновская культура), но появление новых типов изделий – псалии, пластина для ременной узды, такелажный инструмент соответственно предполагает и появление инноваций в технологиях изготовления. Изготовление псалиев возникло, несомненно, на местной основе. Об этом свидетельствует полностью выявленный технологический ряд: от заготовки до готового изделия.

Мастерская со столь полным технологическим процессом пока единственная во всем Евразийском регионе. Находки подобных псалиев на просторе от Дуная до Алтая позволяют утверждать о приоритете изготовления подобных изделий в нашем регионе. Можно также говорить о достаточной интенсивности использования средств передвижения (коней) и о постоянном торговом потоке в регионе.

Об определенных связях свидетельствует некоторое количество артефактов, не вызывающих сомнения в локации их происхождения. Причем эти артефакты не являются предметами обмена-торговли. В первую очередь это камень малоазийского (Эгейского) происхождения, попавший в виде балласта в регион после морских переходов. В этом же ряду стоят кости дельфина, остатки пищи моряков во время плавания. Косточки сушеного винограда также могли быть пищей моряков или дополнительным предметом торговли.

О миграции носителей, а не технологий, свидетельствуют антропологические данные (череп в культовых захоронениях). Можно поставить вопрос о миграции мастеров-домостроителей с технологией возведения глинобитных стен на каменных фундаментах с постелисто-ложковой системой кладки, ранее неизвестной в регионе.

Большинство углубленных сооружений «цитадели» и «посада» были жилыми помещениями [6, с. 139–144]. Они имели форму прямоугольника с овальными углами, длинной осью вытянутые вдоль реки Ингул. В них сохранились каменные кладки (цокольные конструкции и облицовки). Размеры помещений от 4–6 до 7–8 м, углубленность до 0,8–1,1 м. Наземные конструкции использовались жителями городища как хозяйственные сооружения – загоны для скота, мастерские, хранилища. В некоторых из этих помещений сохранились остатки каменных основ стен (цокольные конструкции). Стены были сложены из местного известняка в один ряд, от двух до пяти слоев с элементами перевязки. Крыши одно- или двухскатные. Пол утрамбован, со следами неоднократной глиняной подмазки. На уровне пола этих помещений находились хозяйственные, ритуальные и столбовые ямы, а также открытые очаги. Ямы были заполнены, также как и котлованы помещений, керамикой, костями животных, а некоторые ямы культового характера были преднамеренно засыпаны чистым грунтом, и иногда содержали захоронение человеческого черепа без нижней челюсти, панцирь черепахи, мелкие «гадательные» камни.

Культовые комплексы «цитадели» городища представляли собой углубленные конструкции с глинобитными стенами и каменными основаниями стен (облицовка и цоколи). Крыши двухскатные. Полы утрамбованы, со следами более тщательной, чистой глиняной подмазки. На уровне пола этих сооружений находились ритуальные ямы. Заполнение ям содержало в разных сочетаниях человеческие черепа, панцири черепах, кости животных, разные керамические сосуды, камни. Большинство таких ям были перекрыты кострищами.

Особенный интерес представляет наиболее ранний ритуально-культовый комплекс, состоящий из овального помещения с двумя большими кострищами по обеим сторонам от входа и специально вырезанным в склоне пандусом шириной около 1 м. Угол наклона пандуса составлял около 30° , а его длинная ось была направлена на летний восход солнца (наблюдение 21 июня). Анализ культовых помещений цитадели городища позволяет сделать вывод о том, что его жители отправляли разные ритуалы, связанные с поклонением солнцу, месяцу и огню (ритуальные ямы, культовый пандус), почитали духов предков и героев (захоронение черепов в специальных ямах), практиковали культ плодородия скотоводческой направленности [7, с. 338–343].

Оборонительные укрепления городища состояли из двух рвов (внешний ров вокруг «предместья» городища и центральный вокруг «цитадели»). Внешний ров проходил по оси юго-запад – северо-восток. Длина исследованной части 45 м, ширина 2–3 м, глубина 1,2–1,3 м от уровня материка (остальная часть рва была уничтожена современными постройками). В заполнении найдены фрагменты керамической посуды, каменные орудия труда, фрагмент каменной литейной формы для отливки кельта, кости животных, рог КРС. В юго-восточной стенке рва располагались большие известняковые плиты (камни сползли во внутреннюю часть рва). Каменные плиты имеют слабые следы обработки – слегка подтесаны. Исходя из расположения камней, можно предположить, что это была облицовка внутренней стенки рва. Возможно также, что эта кладка выполняла функцию фундамента ограды или оборонительной стены.

Ров, ограждавший «цитадель» укрепленного поселения, в форме большой дуги, протянулся по оси юго-восток – северо-запад. Длина исследованной части рва составляет 80 м (общая длина примерно 120–130 м), ширина 5 м, глубина 2,5–3 м от уровня материка. Ров заполнен золистым слоем, насыщенным керамикой, орудиями труда из камня, рогов и костей животных, бронзы, костями животных и рыбы, а также черепами и костями людей. В северной и южной частях рва зафиксированы каменные фундаменты для деревянных мостов [8, с. 100–104].

Таким образом, архитектурная композиция Дикого Сада дает возможность определить его как укрепленное поселение – городище с полным набором дефиниций данной социально-экономической структуры – «цитадель», «предместье» и «посад», за внешним рвом, культовые, административные и ремесленные сооружения.

От начала освоения территории сохранились объекты – помещение с «пандусом» и нижний культурный слой внешнего рва, отделенный от верхнего заполнения хиатусом. Керамический материал в этих объектах также типологически более ранний.

Второй основной этап представлен уже сложившейся системой планировки города – «цитадель», ров, «предместье», «посад» – что соответствует «классическому» определению понятия «город» – «urbs».

На нескольких объектах заметны следы разрушения и пожара. В заполнении помещений и рва найдены фрагменты черепов и отдельных костей человека. Но отсутствие наконечников стрел в культурном слое не дает возможности говорить о военном штурме городища.

Зафиксированные следы вторичного использования уже разрушенных помещений с сооружением более легких плетенных и камышовых стен и наличие керамики, характерной для степных курганных погребений более позднего времени, говорит об изменениях в регионе с началом железного века. Зафиксированные артефакты свидетельствуют о том, что «Дикий Сад», как социально-экономический центр – городище, перестал функционировать и использовался как традиционный административно-культовый центр для далеких торговых связей. Об этом свидетельствует и практическое отсутствие материалов в верхней части заполнения рвов.

Опираясь на весь комплекс археологических материалов городища можно утверждать, что «Дикий Сад» на протяжении XII–XI ст. до н.э. играл роль экономического, культурного, религиозного и политического центра Юго-Восточной Европы. Кроме этого, материалы городища «Дикий Сад» указывают на контакты населения Степного Побужья с населением окружающих территорий ойкумены.

Весь комплекс доказательств подобных контактов можно сформировать в следующие группы:

1. Особенности планировки городища (соединение местных и пришлых архитектурных традиций, особенно в сфере фортификации оборонительных сооружений).
2. Синкретичный характер керамической посуды, которая имеет аналогии среди Эгейского и Балканского круга культур.
3. Каменные предметы, изготовленные из малоазийских и центрально-европейских пород, которые попали на городище в следствии экономического обмена.
4. Наличие в хозяйственных и культовых ямах зерен культурного винограда, который в то время не выращивали в нашем регионе (виноград мог попасть на территорию городища только с территории нижнего течения р. Дунай).
5. Бронзовые предметы, изготовленные из сырья западных регионов (Карпатских и Дунайских).

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно прийти к выводу, что городище «Дикий Сад» стало важнейшим стратегическим центром благодаря наличию хозяйственных помещений-хранилищ, ремесленных мастерских и развитой системе оборонительных сооружений, что в совокупности гарантировало защиту в военном плане; социально-политическим – вследствие наличия социальной дифференциации общества, когда на центральной площадке «цитадели» собирались мужчины-войны во главе с вождем (аналог гомеровской «агоры» – места для собраний); сакральным – вследствие наличия ритуально-культовых комплексов, в которых отправлялись различные культы. Подобная ситуация была традиционной для многих культур Евразии II тыс. до н.э., что свидетельствует о том, что жители Дикого Сада были знакомы с различными традициями эпохи бронзового века и доказывает наличие контактов населения Степного Побужья с регионами Циркумпонтийской и Балтийской ойкумены на рубеже II–I тыс. до н.э.

Литература

1. Горбенко, К.В. Городище «Дикий Сад» у XIII–IX ст. до н.э. / К.В. Горбенко. // Науковий щоквартальник «Емінак». – Миколаїв, 2007. – № 1 (1) (липень-вересень). – С. 7–14.
2. Горбенко, К. В. Характер и структура архитектурных сооружений поселения эпохи финальной бронзы «Дикий Сад». / К.В. Горбенко. // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий: сб. науч работ. – Донецк, 2000. – С. 53–55.
3. Матеріальна культура жителів укріпленого поселення ««Дикий Сад»». / Науковий вісник Миколаївського державного університету. – Вип. 11. Історичні науки : зб. наук. праць. – Миколаїв. МДУ, 2005. – С. 38–45.
4. Дергачев, В.А. Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего Гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона. / В.А. Дергачев. – Кишинэу, 1997. – 104 с.
5. Горбенко, К.В. Кам'яні предмети з колекції артефактів городища «Дикий Сад» / К.В. Горбенко // Науковий вісник Миколаївського державного університету імені В.О. Сухомлинського. – Вип. 3.33. Історичні науки : зб. наук. праць. – Миколаїв : МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 2012. – С. 10–30.
6. Горбенко, К.В. Исследования укрепленного поселения «Дикий Сад» в 2006 г. / К.В. Горбенко // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. : зб. наук. праць / ред. Н.О. Гаврилюк. – Вип. 9. – Київ-Запоріжжя : ІА НАН України, Дике Поле, 2007. – С. 139–144.
7. Горбенко, К.В. Ритуально-культовые сооружения поселения «Дикий Сад» в контексте этнокультурных связей поселения Степного Побужья эпохи финальной бронзы. / К.В. Горбенко. // Научные труды МГПУ. Серия: социально-исторические науки. – Москва, 2001. – С. 338–343.
8. Горбенко, К.В. Розкопки укріпленого поселення «Дикий Сад» у 2004 р. / К.В. Горбенко, В.Б. Панковський, Ю.С. Гребенников // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр.: зб. наук. праць / ред. Н.О. Гаврилюк. – Вип. 7. – Київ : ІА НАН України; Запоріжжя : Дике Поле, 2005. – С. 100–104.

УДК 94(477.51) «1930/1936»

Кадровый состав «Торгсина» (на примере Черниговской областной конторы)

Н.В. ГОРОХ

На основе неизвестных ранее архивных документов исследуется кадровый состав Черниговской областной конторы «Торгсин». Основное внимание уделяется численности персонала, уровню его образования, национальности, партийности.

Ключевые слова: Торгсин, кадровый состав, Черниговская областная контора.

The personnel structure of the Chernigiv regional office of Torgsin based on previously unknown archival documents is investigated. Basic attention is given to the quantity of personnel, level of education, nationality and party membership.

Keywords: Torgsin, personnel structure, Chernigiv regional office.

«Специальная контора по торговле с иностранцами на территории СССР» (сокращенно – «Торгсин») была создана 18 июля 1930 г. при Наркомате внешней торговли с целью специального обслуживания иностранных туристов и моряков. В январе 1931 г. «Торгсин» получает статус Всесоюзного объединения, а в июне приступает к обслуживанию советских граждан в обмен на царский золотой чекан или в счет переводов валюты из-за границы. Ключевым событием в истории объединения стало разрешение советским гражданам с конца 1931 г. покупать товары в «Торгсине» в обмен на бытовое золото (украшения, предметы утвари). Позже начали принимать серебро, платину, драгоценные камни. Расцвет деятельности «Торгсина» не случайно совпадает с острым валютным кризисом периода советской индустриализации и голодом 1932–1933 гг. Объединение должно было стать уникальным источником получения валютных ценностей, в которых нуждалась страна. Операции «Торгсина» с точки зрения валютного эффекта, по словам наркома внешней торговли СССР А.П. Розенгольца, были значительно выгоднее обычных экспортных операций, ведь товары внутри страны продавали дороже, чем за границей, а сам отпуск производили за наличный расчет, что обеспечивало самое быстрое поступление эффективной валюты [1, л. 11 и об.].

Вопросам создания и деятельности «Торгсина» в исторической литературе долгие годы не уделялось должного внимания. Западноевропейская и американская историографии лишь вскользь упоминали о его существовании. Советские историки избегали данной тематики в связи со спецификой работы системы, отсутствием доступа к архивным источникам, а также из-за замалчивания голода 1932–1933 гг. на Украине.

Специальные научные статьи, посвященные «Торгсину», появились лишь в постсоветский период. Его историю в масштабе всего СССР наиболее последовательно изучает Е.А. Осокина [2], [3]. В своих работах она характеризует объединение как неотъемлемую часть социалистической торговли, исследует причины его появления, становления и упадка, вводит в научный оборот неизвестные ранее документов, в том числе статистические материалы.

Приоритетным направлением в изучении «Торгсина» остается его региональная история. Автором первого подобного исследования является В.И. Марочко [4]. Его работы посвящены вопросам функционирования Всеукраинской конторы «Торгсин», а также торгсиновской системы города Киева [5]. За последнее десятилетие историография «Торгсина» пополнилась статьями И.В. Павловой [6], В.А. Толмацкого [7], А. Савинова [8], О.Ю. Мельничук [9], В.М. Даниленка [10], А.Д. Попова [11], которые анализируют отдельные стороны деятельности организации, ее представительств и магазинов. Несмотря на это, история областных контор, которые на местах представляли интересы объединения, реализовывали постановления и инструкции, продолжает оставаться малоизученной.

Целью исследования является изучение социально-профессионального происхождения работников Черниговской облконторы «Торгсин»: определение их численности, социального,

партийного, национального состава, уровня образования; системы повышения квалификации персонала и поощрения его труда. Исследование основано на вводимых в научный оборот впервые документах Наркомата внешней торговли, Всеукраинской конторы Всесоюзного объединения «Торгсин», Министерства государственного контроля, Черниговского областного комитета Компартии Украины, Черниговской облконторы «Торгсин». Территориальные границы составила территория Черниговской области на момент ее образования (15 октября 1932 г.), а хронологические – период существования Черниговской облконторы «Торгсин» (1932–1936 гг.).

Распоряжением № 165 по ВУК «Торгсин» от 21 ноября 1932 г. в Черниговской области было образовано представительство «Торгсина» во главе с уполномоченным [12, л. 27]. Месяц спустя представительство реорганизовали в Черниговскую областную контору «Торгсин», которой подчинялись отделения (с 1934 г. – межрайонные базы) и торговые пункты. В таком виде она просуществовала до 1 февраля 1936 г., когда систему ликвидировали [13, л. 23 и об.].

Организационно структура облконторы незначительно отличалась от структуры Всеукраинской конторы. В ее составе выделялась администрация, плановый и коммерческий отделы, бухгалтерия. Максимального роста торговая сеть «Торгсина» на Черниговщине достигла в сентябре 1933 г. (21 магазин [14, л. 33]), после чего начала постепенно сокращаться. Это было напрямую связано с голодом 1932–1933 гг. и золотовалютными возможностями жителей.

Специфика работы требовала от руководства системы подбора не только высококвалифицированных и опытных, но и политически выдержанных кадров. О важности вопроса свидетельствует то, что весной 1933 г. глава Правления В/О «Торгсин» А.К. Сташевский на один уровень ставил подбор работников и выявление замаскировавшихся кулаков в совхозах и колхозах [3, с. 273].

Численность работников Черниговской областной конторы «Торгсин» не была постоянной: на 1 января 1933 г. их было 85, в начале лета – 259, в конце года – 206; на середину 1934 г. – 168; в начале 1935 г. – 155, а в конце года – 76 [15, л. 45], [16, л. 38], [17, л. 20], [18, л. 121], [19, л. 16], [20, л. 145]. Подобная тенденция была характерна и ВУК «Торгсин». В среднем в Черниговской области работало почти 5 % всех работников объединения на Украине.

Подобрать квалифицированных работников было непросто. 3 марта 1934 г. областной уполномоченный Наркомвнешторга К.Г. Тасичко сообщал: «Вряд ли какая-нибудь область переживала такие трудности укомплектования аппарата как наша Черниговская область. Приходилось ежедневно вести борьбу с рядом областных организаций за каждого работника» [21, л. 22]. Не удивительно, что руководству местной облконторы не удавалось оперативно находить замену «вычищенным» или уволившимся работникам бухгалтерии, коммерческого отдела и магазинов в областном центре.

Отчеты Черниговской облконторы дают нам информацию о происхождении и социальном положении работников «Торгсина». В 1934 г. больше половины персонала конторы происходило из мещан, треть из рабочих и только 6,5 % – из крестьян [22, л. 30]. По социальному положению доминировали служащие (72,2 %), значительно меньшим был процент рабочих и крестьян – 21,3 % и 6,5 % соответственно [23, л. 116].

Достаточно тонкой была партийная прослойка. В январе 1933 г. она не превышала 15,3 %, что было ниже, чем в среднем по Украине (20,7 %) [18, л. 121]. Хуже положение было только в Донецкой облконторе – 13 %. На конец года ситуация улучшилась, а прослойка членов ВКП(б) и ЛКСМУ увеличилась до 32,7 % [16, л. 38]. На протяжении 1934 г. процент партийцев в областной конторе уменьшился с 30 % до 17 % [23, л. 34], [24, л. 69], а в 1935 г. он не превышал 18 % [25, л. 180, 182]. На середину 1934 г. только трое из девяти членов партгруппы конторы имели партийный стаж более десяти лет [26, л. 17 и об.]. Осенью 1934 г. управляющий Черниговской облконторой Э.М. Рудаев напоминал директорам магазинов о необходимости тщательной проверке лиц, принимавшихся на работу. Следовало обязательно запрашивать не только деловые, но и политические характеристики с предыдущих мест работы кандидатов. Не подлежали допуску в «Торгсин» бывшие торговцы, кулаки, административно высланные, меньшевики, эсеры, бывшие троцкисты, дворяне, полицейские, лица духовного звания, лица лишённые избирательных прав и находящиеся под судом за уголовные преступления [27, л. 73].

Невысоким был уровень образования персонала конторы. На январь 1933 г. он составил: с высшим – 2,4 %, со средним – 14,1 %, ниже среднего – 83,5 % [18, л. 121]. Среди работников облконторы с высшим образованием не было ни одного члена партии, который занимал должность управляющего конторы или директора магазина. Все 6 членов ВКП(б), а также большинство заведующих торговыми точками, продавцов, счетных работников и обслуживающего персонала были малообразованными. Только один из четырех управляющих Черниговской облконторы «Торгсин», а именно Э.М. Рудаев, получил высшее образование, окончив коммерческое училище и коммерческий институт [26, л. 31], [28, л. 82а]. Немного улучшилась ситуация во второй половине 1934 г., когда удельный вес персонала с высшим образованием колебался в пределах 3–4 %, а со средним – от 17 % до 20 % [23, л. 15], [29, л. 3].

Среди работников «Торгсина» на Украине преобладали евреи – 53,4 %, русские – 23,5 % и украинцы – 19,3 % [23, 116]. Евреи и русские в основном занимали руководящие должности в областных конторах и торговых сетях. На протяжении 1933–1934 гг. национальный состав Черниговской облконторы существенно изменился. Если в конце 1933 г. доля украинцев в магазинах области составляла 47,6 %, евреев – 42,7 %, а русских – 9,2%, то осенью 1934 г. самой многочисленной группой стали евреи – 50,6%. Удельный вес украинцев за это время уменьшился до 31,5%, а русских увеличился до 17,9% [16, л. 38], [23, л. 15]. Евреи занимали должности референтов, инспекторов, директоров магазинов, их заместителей, руководителей межрайонных баз, продавцов, счетоводов.

«Торгсин» был преимущественно мужской организацией, где женщины составляли от 26% до 38% [18, л. 121], а в Черниговской области и того меньше. На протяжении 1933–1935 гг. их удельный вес увеличился с 13% до 32% [25, л. 180, 182]. На январь 1933 г. только каждая четвертая, работающая в украинском «Торгсине» женщина, была членом партии или комсомола. В Черниговской области этот показатель достиг отметки в 46% [18, л. 121].

Характерной чертой кадрового состава объединения была его значительная текучесть. В сентябре 1933 г. в области 7 из 18 директоров магазинов подлежали немедленному увольнению, а по Украине – каждый третий [25, л. 213]. В 1934 г. ВУК «Торгсин» уволил почти 2 тыс. рабочих, из них около 800 человек по собственному желанию [30, л. 173]. В первом квартале 1934 г. текучесть кадров по Черниговской облконторе достигла катастрофических 61,2 % (по Украине – 26,6 %) [23, л. 34–35].

На изменение численности персонала влияли разнообразные факторы: уровень зарплаты, материально-бытовые условия, обеспеченность пайком. Размер должностного оклада сотрудников в области был самым маленьким, в сравнении с другими облконторами Украины. В первом полугодии 1934 г. средняя зарплата в Черниговской областной конторе «Торгсин» равнялась 148, Винницкой – 158, Харьковской – 176, Киевской – 195 руб. [15, л. 40]. Но это больше, чем получали рабочие, учителя начальной и средней школы, младший и средний медперсонал. При этом работники «Торгсина» не всегда вовремя получали заработанное [31, л. 142], [32, л. 10]. Претендовали сотрудники «Торгсина» также на премии и разнообразные поощрения.

Материальное положение работников «Торгсина», несмотря на достаточно высокие персональные оклады и денежные доплаты, определялось натуральным обеспечением – пайком. Он был особенно важен в голодные 1930-е годы, а любые попытки ограничить его получение приводили к массовому оттоку работников системы. Размер и состав пайка менялись. В октябре 1932 г. стоимость пайка не могла превышать 12 руб. золотом. В его состав входили: 1 кг сливочного масла, 1 кг копченостей, 4 кг муки пшеничной, 2 кг макарон, 1 кг риса, 5 банок рыбных консервов, 1 кг селедки, 1 кг сыра голландского, 1 кг, сахара, 0,1 кг чая, 1 брусок хозяйственного мыла, 2 бруска туалетного мыла [33, л. 369–370]. Изменять содержание пайка строго запрещалось.

С апреля 1933 г. паек стал дифференцированным. Его размер зависел от выполнения отделом, где работал сотрудник, или магазином валютного плана. Так, заведующий отделением, отделом, продавцы претендовали на паек от 4 до 10 руб., директор магазина, его заместитель – от 6 до 12 руб., главный бухгалтер – от 6 до 10 руб., а за каждые 5 % – 10 % перевыполнения плана доплачивали от 0,25 до 0,5 руб. золотом [34, л. 12–13]. Подобная практика максимально

усложнила возможность получения пайка приемщиками драгоценных металлов и контролеров скупочных пунктов и касс. Чтобы оценщик получил паек в размере 12 руб., он должен был за месяц обслужить 4,2 тыс. сдатчиков, т.е. не меньше 150 человек в день [35, л. 135–136].

10 декабря 1932 г. политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О работе “Торгсина”», согласно которому к номенклатуре ЦК причислили управляющих облконторами и их заместителей, а к номенклатуре обкомов – директоров больших универмагов и баз [36, л. 154]. Принадлежность к номенклатуре «Торгсина» позволяла рассчитывать на получение ряда привилегий – квартирной, транспортной, медицинской и др. Несмотря на широкий спектр задекларированных обязательств, областным конторам было не под силу выполнять их в полном объеме. Довольно остро стоял жилищный вопрос. Из-за отсутствия жилья отдельные ответственные работники Черниговской облконторы ночевали на столах в канцелярии и в общежитиях [37, л. 146]. В областном центре на середину лета 1934 г. не было ни одной столовой, которая обслуживала сотрудников «Торгсина» [26, л. 17 об.]. Деньги на лечение персонала хоть и выделялись, но редко выдавались нуждавшимся. Работникам системы разрешалось путешествовать железной дорогой исключительно в твердых вагонах пассажирских и скоростных поездов [12, л. 197].

Наличие пайка, относительно высокой заработной платы, разнообразных материальных поощрений не останавливали персонал «Торгсина» перед искушением воспользоваться своим служебным положением. Среди наиболее частых злоупотреблений встречаем обвешивание и обмеривание покупателей, растрату денег, воровство, подделку товарных книжек и иностранной валюты, занижение действительного веса драгоценных металлов и их пробы. Так, на 1 октября 1933 г. по Черниговской области сумма недостачи достигла почти 5,2 тыс. руб. золотом [38, л. 32]. В Носовском магазине «Торгсин» приемщики-оценщики принимали ценности без необходимых реактивов, серебряные монеты не взвешивались, а вес меньше 1 грамма не учитывался. Разворовывались товары из магазинов. Так, директор Глуховского магазина взял себе 2 пуда муки, а директор Семеновского киоска – 10 кг риса и 97 кг муки [26, л. 7–8]. Покрывались злоупотребления благодаря своевременно проведенным инвентаризациям, которые проводилась «по-домашнему», т.е. без перевеса [38, л. 29]. Процветала спекуляция, участниками которой порой были сотрудники объединения. Дошло даже до того, что в Черниговском универмаге № 1 спекулянты организовали альтернативную скупку ценностей [39, л. 15].

Низкая образованность персонала, игнорирование им элементарных правил хранения способствовали порче товаров. Исправить ситуацию должны были специальные занятия – техминимумы, которые организовывали областные конторы для ознакомления работников с экономическими понятиями, системами измерения, деятельностью торговых организаций страны, охватывал дисциплины, которые давали теоретическое обоснование практическим занятиям персонала [40, л. 5 об.], [41, л. 13–14]. Успешная сдача техминимума позволяла подтвердить высокую квалификацию и претендовать на повышение. Организовывались также курсы изучения иностранных языков, если в этом была потребность. Однако подобные идеи не были полностью реализованы из-за хронической нехватки в Черниговской области лекторов, учебников и финансирования.

Таким образом, Черниговской облконторе «Торгсин» были присущи характерные для всего объединения кадровые проблемы. Она ощущала недостаток высококвалифицированных, образованных и политически выдержанных работников. В свою структуру «Торгсин» привлекал доступом к привилегиям и материальным благам, среди которых ведущее место занимал паек. Несмотря на большое количество взятых на себя обязательств, «Торгсин» на местах не имел возможности в полной мере поддерживать высокий уровень жизни сотрудников, а попытки исправить ситуацию носили скорее хаотический характер. Все же работа в «Торгсине» позволила персоналу и их семьям выжить в сложных социально-экономических условиях, а страна получила торговых работников с определенным опытом работы.

Литература

1. Центральний державний архів громадських об'єднань України (далее – ЦДАГО України). – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 5444.
2. Осокина, Е.А. За зеркальной дверью Торгсина / Е.А. Осокина // Отечественная история. – 1995. – № 2. – С. 86–104.

3. Осокина, Е.А. Золото для индустриализации: «Торгсин» / Е.А. Осокина – М. : РОССПЭН, 2009. – 592 с.
4. Марочко, В.І. «Торгсин»: золота ціна життя українських селян у роки голоду (1932–1933) / В.І. Марочко // Український історичний журнал. – 2003. – № 3. – С. 90–103.
5. Марочко, В.І. Діяльність торгсинівської системи міста Києва / В.І. Марочко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. Випуск 18. – К., 2008. – С. 163–175.
6. Павлова, И.В. Торгсины в Западно-Сибирском крае / И.В. Павлова // Экономика и организация. – 2003. – № 3. – С. 162–169.
7. Толмацкий, В. Время Торгсина / В.А. Толмацкий // Антикварное обозрение. – 2005. – № 3. – С. 66–69.
8. Савинов А. Блеск и нищета Торгсина / А. Савинов // Знание – сила. – 2008. – № 12. – С. 80–86.
9. Мельничук, О. Номенклатура системи «Торгсину» в УСРР (на матеріалах Київської області) / О. Мельничук // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки. – Вип. 19: В 2 ч. – Ч. 2. – К., 2010. – С. 99–105.
10. Даниленко, В.М. Розкрадання продуктів та промтоварів госпорганами та системою Торгсину / В.М. Даниленко // Національна книга пам'яті жертв голодомору 1932–1933 років в Україні: місто Київ / В.К. Борисенко, О.М. Веселова, В.М. Даниленко та ін. / відп. ред. В.І. Марочко. – К. : Фенікс, 2008. – С. 66–73.
11. Попов, А. Деятельность в Крыму Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами в СССР (1931–1936 гг.) / А. Попов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «История». – 2007. – Т. 20. – № 1. – С. 66–72.
12. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далее – ЦДАВО України). – Ф. 4051. – Оп. 1. – Д. 167.
13. Державний архів Чернігівської області (далее – ДАЧО). – Ф. Р-2063. – Оп. 1. – Д. 776.
14. ЦДАВО України. – Ф. 4051. – Оп. 1. – Д. 23.
15. ЦДАВО України. – Ф. 4051. – Оп. 1. – Д. 40.
16. ЦДАВО України. – Ф. 4051. – Оп. 1. – Д. 133.
17. ЦДАВО України. – Ф. 4051. – Оп. 1. – Д. 136.
18. ЦДАВО України. – Ф. 4051. – Оп. 1. – Д. 171.
19. ДАЧО. – Ф. Р-1369. – Оп. 1. – Д. 23.
20. ДАЧО. – Ф. Р-1369. – Оп. 1. – Д. 103.
21. ДАЧО. – Ф. Р-2063. – Оп. 1. – Д. 334.
22. ДАЧО. – Ф. Р-1369. – Оп. 1. – Д. 74.
23. ЦДАВО України. – Ф. 4051. – Оп. 1. – Д. 33.
24. ЦДАВО України. – Ф. 4051. – Оп. 1. – Д. 141.
25. ЦДАВО України. – Ф. 4051. – Оп. 1. – Д. 69.
26. ДАЧО. – Ф. П-616. – Оп. 1. – Д. 379.
27. Відділ державного архіву Чернігівської області в м. Ніжині (далее – ВДАЧОН). – Ф. Р-1379. – Оп. 1. – Д. 78.
28. ЦДАВО України. – Ф. 4051. – Оп. 1. – Д. 181.
29. ДАЧО. – Ф. Р-1369. – Оп. 1. – Д. 104.
30. ЦДАВО України. – Ф. 4051. – Оп. 1. – Д. 143.
31. ДАЧО. – Ф. Р-1369. – Оп. 1. – Д. 4.
32. ВДАЧОН. – Ф. Р-1379. – Оп. 1. – Д. 36.
33. ВДАЧОН. – Ф. Р-1379. – Оп. 1. – Д. 14.
34. ВДАЧОН. – Ф. Р-1379. – Оп. 1. – Д. 51.
35. ЦДАВО України. – Ф. 4051. – Оп. 1. – Д. 39.
36. ЦДАГО України. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 238.
37. ДАЧО. – Ф. Р-1369. – Оп. 1. – Д. 40. Документи о работе областной конторы (циркуляры, протоколы, переписка). (16 декабря 1932 г. – 2 марта 1933 г.).
38. ДАЧО. – Ф. Р-323. – Оп. 1. – Д. 411.
39. ДАЧО. – Ф. Р-1369. – Оп. 1. – Д. 158.
40. ДАЧО. – Ф. Р-2063. – Оп. 1. – Д. 543.
41. ДАЧО. – Ф. Р-2063. – Оп. 1. – Д. 346.

Военные действия в белорусско-литовских землях в 1831 году

В.Е. ЗАЙЦЕВ

Рассматриваются подготовка и ход вооруженного выступления в Виленской губернии в марте 1831 г., ответные мероприятия российского командования. Раскрыт ход военных действий в белорусско-литовских землях в апреле-августе, в том числе действия Русской резервной армии П.А. Толстого, польского отряда барона Д. Хлаповского, корпуса генерала А. Гелгуда. Описан штурм Вильно в июне 1831 г., поражение и отступление повстанцев из белорусско-литовских земель. Анализируются причины поражения восстания на белорусских территориях.

Ключевые слова: восстание 1830–1831 гг., Королевство Польское, белорусско-литовские земли, военные действия.

Preparation and course of the armed performance in the Vilensky province in March 1831, reciprocal actions of the Russian command are considered. The course of military operations in the Belarusian-Lithuanian lands in April–August, including actions of the Russian reserve army of P.A. Tolstoy, the Polish group of the baron D. Hlapovsky, the case of the general A. Gelgud is opened. Vilno's storm in June, 1831, defeat and retreat of insurgents from the Belarusian-Lithuanian lands is described. The reasons of defeat of revolt in the Belarusian territories are analyzed.

Keywords: the uprising of 1830–1831, the Kingdom of Poland, the Belarusian-Lithuanian lands, military actions.

29 ноября 1830 г. в Варшаве началось национально-освободительное восстание, вызванное комплексом социально-политических причин, связанных с политикой российского самодержавия на присоединенных после разделов Речи Посполитой землях. Спустя некоторое время наместник императора в Королевстве Польском цесаревич Константин Павлович сдал повстанцам все крепости и военные арсеналы и покинул пределы Королевства. Польские земли охватила революция [6, с. 8]. Оценка действий Константина сегодня – дискуссионный вопрос. Ведь, как полагали многие очевидцы Варшавских событий, у цесаревича имелись возможности подавить мятеж в «зародыше» [1, с. 27], [5, с. 173].

По теме исследования существует большое количество источников и литературы. В данной работе использованы мемуары современников тех событий: российского генерала Д.В. Давыдова [1], польского генерала Д. Хлаповского [2], дневник воспоминаний белорусского повстанца И. Ключковского [3], письма Николая I главнокомандующему резервной армией генералу П.А. Толстому [4], полковые истории [5].

Тема затрагивалась в ряде исследований, опубликованных в дореволюционный период. В первую очередь, следует назвать работу А.К. Пузыревского «Польско-русская война 1831 года» [6], которая содержит большое количество данных о состоянии войск, их передвижениях, потерях, хотя и несет на себе идеологический отпечаток той эпохи. Репрессивные меры российских властей при подавлении восстания на рассматриваемой территории описаны в работе Д.А. Кропотова «Жизнь графа М.Н. Муравьева» [7]. Политическое положение Королевства Польского, а так же белорусско-литовских земель перед восстанием анализируются в книге Ш. Аскенази [8]. Сведения биографического характера о многих участниках описанных в статье событий приведены в «Русском биографическом словаре» А.А. Половцева: [9], [10], [11]. Большое внимание теме восстания уделено в польской историографии: [12], [13], [14], [15]. В наши дни немало белорусских историков, в той или иной степени, успешно занимаются изучением вопросов восстания 1830–1831 гг. в Беларуси: [16], [17], [18], [19], [20], [21], [22].

Как известно, сообщение о начале вооруженного выступления в Варшаве поступило в Санкт-Петербург в первых числах декабря 1831 г. Российское командование незамедлительно приняло меры по мобилизации своей армии и сосредоточило ее в одном месте. Главнокомандующим действующей армией был назначен граф, генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский. 13 декабря 1830 г. в Минской, Гродненской, Виленской губерниях, Белостокской

области, а так же Волынской и Подольской губерниях вводилось военное положение. Эти территории передавались в подчинение графу И.И. Дибичу-Забалканскому. Таким образом, их население попадало под юрисдикцию военно-полевых законов [19, с. 43].

Русским, вопреки расчетам, и благодаря серьезному отпору противника, не удалось разгромить польскую армию «одним ударом», в результате война приняла затяжной характер. Жесткие полицейские меры, принятые царским правлением для предотвращения распространения восстания, не смогли помешать революционному порыву многих патриотов. При поддержке эmissаров из Варшавы, для подготовки и руководства восстанием в белорусско-литовских землях, в январе 1831 г. был создан Виленский Центральный комитет. В различные районы направились его представители, в том числе в Минщину и Витебщину. В феврале Центральный комитет принял решение начать выступление в Виленской губернии, поскольку эта область слабо охранялась российской армией – в то время ее основные силы находились в Белостоке, Гродно, Минске и Слониме. Но приказ о начале военных действий не был отдан своевременно [19, с. 44], [16, с. 62].

Тяготы русско-польской войны, возложенные российским военным командованием на население белорусско-литовских земель, вызывали все большее недовольство, особенно у крестьян. Наряду с многочисленными реквизициями, наблюдались и факты злоупотреблений полномочиями со стороны военных [19, с. 45]. Не простая ситуация сложилась в Жмуди [14, с. 221].

26 марта 1831 г. повстанческие отряды, состоящие из крестьян и шляхты, напали на город Россиены Виленской губернии. Они обезоружили небольшую российскую команду, и овладели населенным пунктом. Было объявлено, что захваченная территория включалась в состав возрождавшегося Королевства Польского. Населению гарантировались свобода и равенство, зафиксированные в Статуте ВКЛ 1588 г. [16, с. 63].

Это событие стало, своего рода, сигналом к всеобщему выступлению. За считанные дни восстание охватило Виленщину [6, с. 261]. Патриоты под предводительством К. Залусского все-ръем начали готовиться к штурму недостаточно защищенного губернского центра. По ряду обстоятельств, захват Вильно сделался невозможным [13, с. 19], [3, с. 62], [6, с. 263]. В то же время, отрезанный от театра военных действий Виленский комитет не смог руководить ходом восстания, повстанцы каждого уезда действовали обособленно [19, с. 46]. Организующей силой выступала шляхта, она же и составляла основной костяк формирований [20, с. 92]. Среди представленного сословия находилось немало бывших офицеров времен наполеоновских войн. В Ворнах был устроен оружейный завод. Помощь свинцом и порохом оказывали из Пруссии [6, с. 138].

Подготовка к восстанию в Гродненской губернии велась с января 1831 г. тайной координирующей организацией. Концентрация здесь имперских войск не позволяла развернуть такой масштаб борьбы как в Виленской губернии [16, с. 84]. Вооруженное выступление в Виленской губернии явилось большой проблемой для российской армии, которая в результате оказалась практически неспособной вести военные действия на территории Королевства Польского. Фельдмаршалу И. Дибичу-Забалканскому пришлось бросить в Литву крупные формирования. С целью локализации опасных очагов и скорейшего подавления восстания, в апреле 1831 г. была создана многотысячная резервная армия под командованием генерала от инфантерии П.А. Толстого с подчинением ему Витебской, Могилевской и Минской губерний, а с июня также Виленской, Гродненской губернии и Белостокской области [7, с. 277].

Это позволило нанести крупное поражение повстанцам в Ошмянском бою 16 апреля. Казаки полковника Верзилина в 1 500 чел., вооруженные четырьмя орудиями, отбросили небольшой отряд защитников местечка, ворвались в него и учинили жестокую расправу над населением. Жертвы составили более чем 350 чел. [19, с. 48], [3, с. 50]. В 20-х числах того же месяца специальные карательные отряды под руководством опытных царских военачальников (Я. Отрощенко, Н. Сулимы, С. Хилкова и др.) поочередно приступили к подавлению восстания. К концу мая 1831 г. Виленщина вместе со всеми важнейшими дорогами находилась под контролем российских войск, подчиненных незадолго графу П.А. Толстому [6, с. 270]. Освободительное движение потерпело серьезный удар, повстанцы лишились оружейного завода, поставок из Пруссии, понесли потери в боях. Но и после этого многие патриоты продолжали вести партизанскую войну, и в будущем примкнули к польским регулярным войскам [13, с. 22].

В то время как на территории Виленщины восстание пошло на спад, его новые серьезные очаги возникли в Дисненском уезде Минской губернии. К середине мая 1831 г. в этом месте сосредоточились крупные силы из различных уездов, примерно 6 000 чел. В конечном итоге, после ряда неудачных боев, 16 мая «инсургенты» объединились в Лужках. Ввиду подхода значительных российских войск, они приняли решение об отступлении. В целях отвлечения внимания военного противника, повстанцы провели удачный маневр (в Лепельский уезд выступил отряд в 1 200 чел., который впоследствии был разбит), что позволило их значительной части (2 000 чел.) успешно отступить в Виленскую губернию [16, с. 82], [6, с. 271].

Не простая для россиян ситуация сложилась в Беловежской пуще. Эта местность стала основной базой и убежищем для восставших Гродненщины. В середине апреля в пущу перебрались члены тайного комитета. Военным руководителем избрали капитана Я. Жилинского, гражданская власть закрепилась за К. Немцевичем [16, с. 85]. Формирования повстанцев оставались немногочисленными, также не хватало опытных предводителей. В мае патриоты перешли к активной партизанской войне, нападали на небольшие отряды и транспорты, почты и т. п. Российскому командованию, вопреки предпринимаемым серьезным попыткам, не удавалось ликвидировать противника [14, с. 225], [6, с. 273].

До момента создания специальных следственных комиссий, жестокие расправы над повстанцами осуществляли военно-полевые суды [16, с. 157], [18, с. 112], [22, с. 122].

На начальном этапе освободительной борьбы, руководство восставшей «Польши» не оказывало военной поддержки жителям ВКЛ. Некоторые шаги на встречу «занеманским братьям» начали делаться с февраля месяца, а с апреля Национальное правительство осуществляло попытки направить в Литву армейские части. Изначально, в силу ряда причин, осуществить задуманное не удавалось. Впоследствии это сумел сделать талантливый генерал, бывший адъютант Наполеона Д. Хлаповский [19, с. 53]. 23 мая во главе 100 офицеров и унтер-офицеров военных инструкторов, 100 стрельцов и 1 уланского полка, при 2 конных орудиях, он вступил в Беловежскую пущу, а вскоре в Гродненщину. Задачей польского командира было пересечь границу Королевства Польского и оказать помощь повстанцам Виленской губернии [12, с. 357].

27 мая барон Д. Хлаповский вошел на территорию Волковысского уезда. По пути ему удалось перехватить посыльного, следовавшего из Слонима в Белосток. Командир сделал довольно необычный для военного времени поступок – он направил гонца обратно с письмом, в котором предлагал находившейся в то время в этом городе вместе с супругом Константином Павловичем княгине Жанетте Ловицкой (бывшей сестрой жены Хлаповского) встречу. Встреча в конечном итоге не состоялась – цесаревич вместе со своей больной холерой супругой спешно покинули город [16, с. 88]. Судьба великого князя Константина, наместника императора Николая I в Королевстве Польском и негласно на землях бывшего ВКЛ, талантливого военачальника, закончилась трагически. В середине июня 1831 г. он мучительно умер от холеры в Витебске [9, с. 155].

Весной – летом 1831 года болезнь свирепствовала в России, унося многие людские жизни. От холеры скончался и российский генерал-фельдмаршал И.И. Дибич-Забалканский [10, с. 353].

Генерал Д. Хлаповский продолжал продвигаться вглубь белорусских земель, проявляя свой блестящий полководческий талант, постоянно вводя в заблуждение противника относительно маршрута следования, активно распространяя неверные слухи о том, что якобы, его отряд является всего лишь арьергардом польского корпуса. На своем пути он брал в плен российских солдат и офицеров, присоединял к себе новые силы повстанцев, пополнял запасы оружия и трофеев [6, с. 275], [19, с. 54]. 31 мая, после победного боя с российским Виленским пехотным полком под Лидой, армия полководца насчитывала уже порядка 5 000 чел. и 6 орудий. Отряд разделился: одна часть – 2 тыс. повстанцев и 4 орудия (в основном кавалерия) направилась через Радунь на Вильно, другая – 3 тыс. и 2 орудия – на Мосты [16, с. 91]. В планы генерала входила организация выступления в районе Припяти, то есть в далеком тылу российской армии [13, с. 42].

Подход польских регулярных войск способствовал активизации боевых действий повстанцев Беловежской пущи. Русские бросили в эту местность значительные военные части, которым, несмотря на упорное сопротивление, в первых числах июня удалось разбить неприятеля [6, с. 286].

В начале июня 1831 г. генерал Д. Хлаповский получил приказ присоединиться к бывшему в Виленщину для поддержки «литвинов» двенадцатитысячному корпусу генералов А. Гелгуда и Г. Дембинского. А. Гелгуд принял на себя командование всеми польскими войсками в белорусско-литовских землях [17, с. 105]. 11 июня было создано Временное повстанческое правительство, его полномочия распространялись на территорию бывшей Виленской губернии. Согласно инструкции, полученной из Варшавы, началось формирование «посполитого рушання». Мобилизация проходила быстрыми темпами [16, с. 91].

Недостаточно опытный главнокомандующий А. Гелгуд не получил конкретных инструкций к действиям от вышестоящего военного командования и обязался следовать советам генерала Г. Дембинского [12, с. 361]. Под влиянием различных мнений генералов своего корпуса, он действовал нерешительно, рассредоточивал силы, и не воспользовался благоприятной обстановкой для захвата слабо защищенного Вильно, вопреки убедительным советам Д. Хлаповского, у которого в середине июня в руках даже оказалась карта с диспозициями российских войск. Занятие Вильно имело бы огромное стратегическое и политическое значение [13, с. 62], [6, с. 310]. По свидетельствам, царские войска, оборонявшие столицу ВКЛ, сильно опасались своего противника [6, с. 311], [12, с. 365], [13, с. 62]. В доказательство можно привести и тот факт, что никто из их командующих не решался взять руководство обороной губернского центра на себя. Впоследствии это важное дело было доверено французскому инженеру генералу Теннеру, служившему в свое время при Наполеоне [2, с. 77]. Генерал Гелгуд так же не осуществил и других стратегически важных на то время действий, обрекая повстанческое войско на неудачу. Тем временем российской армии удалось стянуть для обороны Вильно значительные подкрепления и укрепиться на подступах к городу, в частности на ключевой позиции – Понарских высотах. Предпринятый 19 июня штурм был запоздалым. В тот день, накануне военных действий, соотношение сил было следующим: 24 тыс. чел. и 72 орудия удалось собрать русским у Вильно, из них противостояли Гелгуду 17 тыс. при 58 орудиях; их противник собрал в окрестностях города 20 тыс. повстанцев и более 30 орудий. Однако в бою приняло участие лишь немного более половины из них и около 30 орудий [12, с. 367].

В ходе боя, повстанцы неправильно повели атаку, из-за рельефа местности не имели возможности эффективно использовать артиллерию, начали преждевременно отступать, и потерпели поражение. В этом сражении негативным образом сказалось некомпетентное руководство командующего А. Гелгуда [6, с. 315]. Вместе с тем, поляки, литовцы и белорусы шли в атаку с позитивным настроением, сражались мужественно и храбро. Это подтверждают описания событий как польскими, так и российскими историками [12], [13], [6]. Потери союзных войск в жестоком бою у Понарских высот составили 2 тыс. человек убитыми, ранеными, пленными и дезертировавшими, к тому же в рядах начал наблюдаться упадок духа. В то же время у защитников города выбыло из строя не менее 400 чел. [12, с. 370].

Как отмечал полковник В. Крестовский, поражение под Вильно, по сути, предрешило дальнейший ход восстания в белорусско-литовских землях [5, с. 221]. В течение нескольких дней командованию русской резервной армии удалось сосредоточить к городу крупные силы, тем самым, обеспечив себе многократное превосходство над неприятелем, и начать масштабное наступление.

Не следует полагать, что после неудачного боя под столицей ВКЛ, повстанцы потерпели полное поражение. Их генералы попытались овладеть стратегической инициативой – закрепиться за линией Ковно – Вилькомир и вербовать за ней новые значительные силы из местных уроженцев – таким путем предполагалось перейти к позиционной войне. Этот смелый план был сорван частями русской резервной армии. Неудачной была и попытка командующего Антония Гелгуда осуществить общее отступление в Королевство Польское [12, с. 372]. Благодаря значительному численному превосходству, россиянам удавалось постоянно теснить отступавшего неприятеля, хотя окружить так и не удалось [11, с. 76]. Большая часть повстанцев перешла границу Пруссии, и там сложила оружие. При переходе, польским капитаном С. Скульским выстрелом в грудь был убит генерал А. Гелгуд [6, с. 327].

В то же время, польский генерал Г. Дембинский вместе с отрядом в 4 тыс. чел. при 6 орудиях, принял решение отступать в Королевство Польское. Командир хорошо осознавал всю сложность этого предприятия, так как в то время весь край был обложен царскими войсками. Осуществляя отступление, он рассчитывал на поддержку местного населения, и не ошибся.

При подходе славного генерала, патриоты Гродненщины активизировали свою деятельность, многие из них примкнули к его отряду. В конечном итоге Г. Дембинский смог выполнить поставленную задачу – пересечь границу Царства, и в начале августа вступить в Варшаву [19, с. 57].

После отступления из белорусских уездов польской армии, восстание на землях бывшего ВКЛ пошло на спад. В связи с его подавлением в августе была упразднена резервная армия графа П. А. Толстого [11, с. 76]. Отдельные очаги выступлений, продолжавшиеся до осени, уже не могли изменить общую ситуацию [16, с. 102].

В мае–июне 1831 г. повстанческое движение распространилось и на некоторые южные уезды Минской губернии – Мозырский, Речицкий и Пинский. В то же время здесь оно было менее масштабным, нежели в других районах, всего в этих районах действовали примерно 1300 чел. Отличился отряд из Пинского уезда под руководством поручика Тита Пусловского. В начале августа в его рядах насчитывалось около тысячи повстанцев. Формирование комплектовалось выходцами из Пинского, Слонимского, Кобринского и Новогрудского уездов.

Тем не менее, вооруженная борьба патриотов в трех южных белорусских уездах была жестко подавлена царской армией [16, с. 100].

Некоторые повстанцы белорусы вместе с отступившей польской армией оказались в Королевстве Польском. Часть из них приняла участие в работе общепольского сейма и Литовского комитета [16, с. 107].

Однако в то время ход истории было уже не изменить, 8 сентября 1831 г., под упорным натиском превосходящих российских войск, пала Варшава. Последние польские войска перешли границу Пруссии в начале октября. 21-го числа того же месяца русским сдалась последняя крепость Замостье [21, с. 28].

Причин поражения освободительной борьбы 1831 г. в белорусско-литовских землях достаточно много. На начальном этапе – это недостаточное оказание поляками поддержки, отсутствие у повстанцев общего руководства, лидера, несогласованность их действий. Серьезным фактором стало военное превосходство царских войск [3, с. 62].

Подход отряда генерала Д. Хлаповского в 20-х числах мая, способствовал активизации повстанческого движения. После вступления в Литву польского корпуса, главной причиной военных неудач стала некомпетентность главнокомандующего А. Геллуда. Но, оценивая его деятельность, напомним, что будучи назначенным на эту должность, он не получил конкретных инструкций к действиям, и в то же время, обязался следовать воле генерала Г. Дембинского, который не проявил себя как достойный и опытный командующий [12, с. 361], [13, с. 118].

Существенным недостатком, по большому счету, была неспособность повстанческих предводителей привлечь на свою сторону крестьян, составлявших на то время абсолютное большинство населения Российской империи [20, с. 196].

В то же время для более опытной и подготовленной российской регулярной армии, эта война не была простой. По этому поводу, анализируя письма Николая I к командующему резервной армией генералу П. А. Толстому, можно заметить обеспокоенность Государя [4, с. 547]. «Инсургенты», в противоположность россиянам, хорошо знали местность, имели повсюду информаторов, и пользовались этим как значительным преимуществом [7, с. 521], [6, с. 270].

Всего за весь период восстания, в нем приняло участие тем или иным способом в Королевстве Польском 140 тыс. чел., а вместе с землями бывшего ВКЛ общая цифра достигает 200 тыс. [16, с. 177]. Сложно подсчитать людские потери в ходе военных действий в белорусско-литовских землях. Со стороны повстанцев их количество исчисляется, предположительно, несколькими тысячами. Значительно меньше российских солдат и офицеров погибли на полях боя, серьезный урон нанесла холера [6, с. 330].

Литература

1. Давыдов, Д.В. Записки партизана: воспоминания о польской войне 1831 года / Д.В. Давыдов // Рус. старина. – 1872. – Т. 6, № 7. – С. 1–38 ; Т. 6, № 10. – С. 309–390.
2. Chłapowski, D. Pamiętniki : [w 2 cz.] / D. Chłapowski. – Poznań : Nakładem synów, 1899. – Cz II : Wojna roku 1830–1831. – 126 s.
3. За вольнасць і веру: Ігнацій Клюкоўскі і яго ўспаміны аб падзеях паўстання 1830–1831 гадоў / уклад., пер. на беларус. мову, уступ. арт., камент., паказ. В.В. Гарбачовай. – Мінск : Лімарыус, 2007. – 117 с.

4. Николай Павлович, имп. Письма к гр. П.А. Толстому, 1828–1831 гг. / имп. Николай Павлович // Рус. старина. – 1881. – Т. 31, № 8. – С. 547–568.
5. Крестовский, В. История Лейб-гвардии уланского его Величества полка / В. Крестовский. – СПб. : Тип. Второго Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1876. – [10], 354, 176, X с.
6. Пузыревский, А.К. Польско-русская война 1831 г. / А.К. Пузыревский. – СПб. : Тип. штаба войск гвардии и Петерб. воен. окр., 1886. – [2], XIII, 446, ССХVII с.
7. Кропотков, Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. Биографический очерк / Д.А. Кропотков. – СПб. : Тип. В. Безобразова, 1874. – 549 с.
8. Аскенази, Ш. Царство Польское, 1815–1830 гг. / Ш. Аскенази ; пер. с пол. В. Высоцкого. – М. : Книгоизд-во писателей в Москве, 1915. – 167 с.
9. Русский биографический словарь : в 25 т. – Репр. воспр. – М. : Аспект Пресс, 1992–2000. – Т. 9. – 1995. – 708 с.
10. Русский биографический словарь : в 25 т. – Репр. Воспр. – М. : Аспект Пресс, 1992–2000. – Т. 6. – 1996. – 748 с.
11. Русский биографический словарь : неопубл. материалы : в 8 т. / подгот. под наблюдением М.П. Лепехина. – М. : Аспект Пресс, 1997 – Т. 5. – 1999. – 303 с.
12. Tokarz, W. Wojna polsko-rosyjska, 1830 i 1831 / W. Tokarz. – Warszawa : Volumen, 1993. – 588 s.
13. A.Z. Wojna na Litwie w roku 1831 / A.Z. – Kraków : Skł. gł. w księg. G. Gebethnera i Spółki, 1913. – 124 s. Сосна, У.А.
14. Sokołowski, A. Dzieje powstania listopadowego, 1830–1831 / A. Sokołowski. – Repr. – wieden: Nakł. Fr. Bondego, 1997. – Poznan : Kurpisz, 2002. – 318 s.
15. Zajewski, W. Powstanie listopadowe, 1830–1831: polityka – wojna – dyplomacja / W. Zajewski. – Torun : Marszałek, 2002. – 333 s.
16. Гарбачова, В.В. Паўстанне 1830–1831 гадоў на Беларусі / В.В. Гарбачова. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 2001. – 184 с.
17. Гарбачова, В.В. Удзельнікі паўстання 1830–1831 гадоў на Беларусі : біябліягр. слоўн. / В.В. Гарбачова. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 2004. – 398 с.
18. Радзюк, А. Дзейнасць гарадзенскай следчай камісіі 1831–1834 г. / А. Радзюк // Гіст. альм. – 2008. – Т. 4. – С. 12–130.
19. Радзюк, А. Паўстанне 1830–1831 гг. на Гродзеншчыне: ход, задушэнне, наступствы / А. Радзюк // Беларус. гіст. зб. = Białogus. zeszyty hist. – 2010. – № 34. – С. 39–71.
20. Сосна, У.А. «Польскае» паўстанне 1830–1831 гг. і беларускае сялянства / У.А. Сосна // Российские и славянские исследования : науч. сб. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2009. – Вып. 4. – С. 191–197.
21. Лаўрэш, Л. Паўстанне 1830–1831 гг.: да 180-х угодкаў / Л. Лаўрэш // Лід. летапісец. – 2011. – № 4. – С. 18–28.
22. Бригадин, П.И. Минские губернаторы: история власти / П.И. Бригадин, А.М. Лукашевич. – Минск : Гос. ин-т упр. и соц. технологий Беларус. гос. ун-та, 2009. – 351 с.

Рэарганізацыя мытнай службы ВКЛ як прыклад фарміравання дзяржаўнай адміністрацыйнай сістэмы ў другой палове XVIII ст.

І.Ф. КІТУРКА

На падставе шырокага кола архіўных крыніц у артыкуле разглядаюцца прынцыпы арганізацыі дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст.: іерархія мытных служачых (афіцыялістаў), іх субардынацыя, службовыя абавязкі, аплата працы і інш. Зроблена выснова, што ў выніку рэарганізацыі дзяржаўная мытная служба ВКЛ набыла складаную бюракратычную арганізацыйную структуру, якая грунтавалася на якасна новых прынцыпах у параўнанні з папярэднім перыядам.

Ключавыя словы: ВКЛ, XVIII ст., дзяржаўная мытная служба, рэарганізацыя, іерархія, правы, абавязкі, структура.

Based on the wide range of archival sources such principles of the State Customs Service of the Grand Duchy of Lithuania (GDL) during the second half of the XVIII century as hierarchy of customs officers (officials), their subordination, duties, salary, etc. are described. One can draw a conclusion that as a result of the reorganization the State Customs Service of the GDL acquired complicated bureaucratic organizational structure, which was based on a qualitatively new basis as compared with the previous period.

Keywords: GDL, XVIII century, State Customs Service, the reorganization, hierarchy of customs officers (officials), their subordination, duties, salary.

У другой палове XVIII ст. у сістэме дзяржаўнага кіравання Рэчы Паспалітай адбыліся істотныя змены. Важным аспектам унутранай палітыкі на землях як Польскай Кароны, так і Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ) у гэты час стала рэформа дзяржаўнага апарата, мэтай якой было ўмацаванне цэнтральнай улады.

Неабходнасць гэтай рэформы тлумачылася тым, што ў Рэчы Паспалітай у XVIII ст., па словах польскага гісторыка Анджэя Загорскага, паглыбляўся «анахранізм дзяржаўнага апарату». Нешматлікія дзяржаўныя пасады былі засяроджаны ў руках некалькіх міністраў, як правіла, пажыццёва, а ваяводствамі і паветамі кіравала шляхта, якая клапацілася ў першую чаргу пра свае інтарэсы і практычна не залежала ад слабой цэнтральнай улады [1, s. 9–10]. Менавіта таму адной з галоўных задач у сістэме дзяржаўнага будаўніцтва Рэчы Паспалітай у цэлым і ВКЛ, у прыватнасці, у другой палове XVIII ст. стала стварэнне разгалінаванай адміністрацыйнай сістэмы з адпаведным ёй апаратам служачых ці бюракратычным апаратам.

Ажыццяўленню рэформы дзяржаўнага апарата менавіта ў другой палове XVIII ст. садзейнічалі, на нашу думку, два асноўныя фактары. Па-першае, гэта перамога на элекцыйным сейме 1764 г. прагрэсіўнай магнацкай групойкі на чале з Чартарыйскімі («Фамілія») і прыход да ўлады Станіслава Аўгуста Панятоўскага. Пачатак так званай «станіславаўскай эпохі» стаў ў Рэчы Паспалітай пераходным перыядам ад бяспрэчнага панавання традыцыі да пэўнай мадэрнізацыі грамадства.

Другім фактарам стала распаўсюджанне на тэрыторыі Рэчы Паспалітай ідэй Асветніцтва з новымі поглядамі на дзяржаву, права, гаспадарку. Варта падкрэсліць, што на разуменне функцыянавання дзяржаўных структур у той час пэўны ўплыў аказалі палажэнні рацыянальнай эканомікі. Так, у адпаведнасці з поглядамі французскіх эканамістаў XVIII ст., падчас арганізацыі дзяржаўнага бюракратычнага апарата неабходна было абпірацца на агульныя правілы механікі, згодна з якімі дрэнна арганізаваны адміністрацыйны апарат, як дрэнна сканструяваная машына, не будзе працаваць добра нават пры наяўнасці адказных чыноўнікаў [2, s. 49].

Тэрмін «бюракратыя» трывала ўвайшоў у навуковае абарачэнне зварот дзякуючы нямецкаму сацыёлагу, гісторыку і эканамісту Максу Вэберу (1864–1920 гг.). Бюракратыя разглядалася ім не ў адмоўным сэнсе, а як найбольш эфектыўны інструмент кіравання сацыяльнымі структурамі.

У навуковай спадчыне М. Вэбера вылучаюць дзве асноўныя мадэлі бюракратыі: *патрыманіяльную*, уласціваю для традыцыйных грамадстваў, і *рацыянальную*, адметнай рысай якой быў упор не на традыцыю, а на наяўнасць сістэмы фармальных правіл, якія рэгулявалі працу дзяржаўных служачых і якія маглі быць зменены ў адпаведнасці з прынятымі працэдурамі [3].

Для рацыянальнага тыпа бюракратыі М. Вэбер акрэсліў наступныя прынцыпы:

- чыноўнікі асабіста свабодныя і падпарадкаваны ўладзе толькі ў тым, што тычыцца іх службовых абавязкаў;
- усе пасады дзяржаўных служачых з’яўляюцца часткай дакладна арганізаванай сістэмы дзяржаўнага кіравання;
- кожнай пасаде адпавядае дакладна вызначанае кола паўнамоцтваў;
- чыноўнік займае пасаду на падставе заключэння дабраахвотнага дагавора;
- кандыдаты на пасаду дзяржаўнага служачага адбіраюцца на падставе іх спецыяльнай кваліфікацыі і пры гэтым прызначаюцца на пасаду, а не выбіраюцца;
- узнагародай за службу з’яўляецца зароботная плата (жалаванне);
- пасада разглядаецца як адзіны ці асноўны род заняткаў таго, хто яе займае;
- існуе магчымасць перамяшчэння па службовай лесвіцы ў залежнасці ад пасады або заслугі;
- чыноўнік не валодае сродкамі кіравання і не можа прысвоіць сваю пасаду;
- у сваёй дзейнасці чыноўнік падпарадкаваны цвёрдай сістэматычнай дысцыпліне і кантролю [3].

Мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца разгляд працэса арганізацыі сістэмы дзяржаўнай службы ў ВКЛ у другой палове XVIII ст. на прыкладзе мытнай службы.

Мытная служба ВКЛ у якасці прадмета даследавання вызначана не выпадкова. Згодна з пастановай канвакацыйнага сейма 1764 г. у Рэчы Паспалітай ліквідаваліся ўсе прыватныя мытныя пункты і пошліны, скасоўвалася права арэнды мыта і ўводзілася так званая генеральная пошліна, якую, у адпаведнасці са спецыяльнай інструкцыяй, павінны былі плаціць усе, «пачынаючы ад караля да апошняга жыхара і купца» [4, s. 78–79]. Ад выплаты новай пошліны вызваліліся толькі шляхецкія тавары, якія перавозіліся з аднаго ўладання ў другое або на торг, а таксама тавары, якія ўвозіліся з-за мяжы для ўласных патрэб. Для паўсямеснага і дакладнага збірання генеральнай пошліны ўзнікла неабходнасць стварэння разгалінаванай сістэмы мытных пунктаў, значнага павелічэння колькасці служачых і рацыянальнай арганізацыі іх працы.

Рэарганізацыя мытнай службы ВКЛ уваходзіла ў сферу кампетэнцыі Эканамічнай Рады літоўскага скарба ці Скарбавай камісіі ВКЛ – спецыяльнага дзяржаўнага органа па кіраўніцтву эканомікай і фінансамі, створанага ў адпаведнасці з рашэннем канвакацыйнага сейма 1764 г. [4, s. 76]. Скарбавая камісія вызначала сістэму і размяшчэнне мытных пунктаў на тэрыторыі ВКЛ, рэгулявала іх колькасць, праводзіла мытную кадравую палітыку. Менавіта на падставе апошняй і можна даследаваць працэс фарміравання дзяржаўнай мытнай службы ў ВКЛ у другой палове XVIII ст.

Аснова арганізацыйнай структуры мытнай службы ВКЛ была створана ў 1765 г. Тэрыторыя Княства была падзелена на мытныя акругі – рэпартыцыі, у склад якіх уваходзілі прызначаныя да іх мытныя каморы з прыкаморкамі і стражамі.

У адпаведнасці з пазначанай структурай, дакладна была акрэслена службовая іерархія мытных афіцыялістаў, якая ў разглядаемы час выглядала наступным чынам. На чале рэпартыцый стаялі **контрарэгістранты**, якіх прызначала Скарбавая камісія ВКЛ. У іх абавязкі уваходзіла агульнае кіраванне сваёй мытнай акругай і выкананне кантрольных функцый. Яны неслі персанальную адказнасць за атрыманне прыбыткаў з кіруемай імі рэпартыцыі. У сваю чаргу, контрарэгістранты мелі права прапаноўваць на зацвярджэнне Скарбавай камісіі кіраўнікоў мытных камор – **суперінтэндантаў**, а таксама мытных **пісараў**.

Суперінтэнданты непасрэдна адказвалі за парадак на каморах і замацаваных за імі прыкаморках і стражах, за справядлівы дагляд купцоў, за правільнае вядзенне мытных кніг і г. д. Яны мелі ў непасрэдным падпарадкаванні іншых службовых асоб – пісараў, оберстражнікаў, пешых і конных стражнікаў.

На каморах і прыкаморках непасрэдна ажыццяўляўся мытны дагляд і выпісваліся мытныя квіты. Стражнікі павінны былі сачыць за тым, каб купцы не аб'язджалі каморы тайнымі шляхамі, правяраць наяўнасць у іх мытных квітоў і пры адсутнасці накіроўваць купцоў на бліжэйшую камору ці прыкаморак. У 1767 г. у структуры мытнай службы ВКЛ з'яўляюцца оберстражы, на якіх оберстражнікі атрымалі мажлівасць праводзіць дагляд купцоў з невялікай колькасцю тавара, не больш чым на 50 польскіх зл. [5, а. 12].

На стадыі пачатковага фарміравання дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ не існавала адзінага дакумента, у якім бы апісваліся правы і абавязкі мытных афіцыялістаў. Ролю службовай інструкцыі выконвалі спецыяльныя дакументы пад назвай «Інструмент», якія выдаваліся Скарбавай камісіяй канкрэтным асобам, прызначаным на тую ці іншую пасаду.

Больш падрабязна асноўныя абавязкі розных катэгорый мытных служачых утрымліваліся ў тэксце прысягі, якую яны павінны былі складаць перад камісарамі Скарбавай камісіі пры ўступленні на пасаду. У якасці прыклада можна прывесці тэкст прысягі суперінтэндантаў:

«Я, N, прысягаю Богу, адзінаму ў Святой Тройцы, у тым, што будучы прызначаным суперінтэндантам на каморы N, буду выконваць гэтую функцыю паводле Бога, закону і сумлення. Справядліва, без фальсіфікацыі буду праводзіць дагляд купцоў, як вызначана ў наступных пунктах.

Пад час дагляду дакладна буду запісваць у кнізе даходаў колькасць і гатунак тавараў, колькасць вазоў і коней, імя і прозвішча купца, адкуль і куды едзе. Кожны купец у гэтай кнізе будзе ўласнаручна запісваць колькі заплаціў пошліны, якімі грашыма і ставіць свой подпіс.

Квіты купцам не якім-небудзь іншым чынам, а толькі на паперы буду выдаваць і пячаткай скарбавай замацоўваць, з пазначэннем прозвішча купца, тавараў, колькасці і гатунку заплачаных грошай.

Грашовыя даходы буду ўносіць у касу Скарбавай камісіі і з яе ведама.

Пры даглядзе купцоў і афармленні дакументаў ні ласкі, ні помсты ўчыняць не буду, а выконваць буду справядліва паводле права, сумлення і інструкцыі, дадзенай мне ад Камісіі, не звяртаючы ўвагу на ўсялякія вызваленні і пашпарты.

Каб не дапусціць карупцыі не буду браць падарункаў ні грашовых, ні якіх-небудзь іншых, а таксама засцерагаць і сачыць буду, каб прызначаныя скарбам пісары і стражнікі не бралі. Буду задавальвацца толькі зарплатай, якую прызначыла для мяне Камісія.

На гэтым справядліва прысягаю. Так няхай мне дапаможа Гасподзь і нявінная мука Хрыста» [6, а. 5 адв., 6].

Пры неабходнасці для канкрэтных служачых Скарбавай камісія выдавала дадатковыя распараджэнні, як, напрыклад, «Пункты для Яна Гурскага ў дадатак да падпісанага ў 1765 г. прызначэння на Гродзенскую камору» [7, а. 466–468 адв.]. Гэтыя «Пункты» ўдакладнялі і канкрэтызавалі абавязкі суперінтэнданта Гродзенскай каморы з прывязкай да мясцовасці. Прынамсі, з мэтай памяншэння кантрабанды Яну Гурскаму ставілася ў абавязак прааналізаваць рацыянальнасць размяшчэння сямі прыкаморкаў і чатырох стражаў, якія ўваходзілі ў склад гродзенскай мытні, і прадставіць свае высновы на разгляд Скарбавай камісіі.

Калі ў тэксце прысягі службовыя функцыі суперінтэнданта былі толькі акрэслены, то ў гэтым дакуменце яны падрабязна распісваліся. Так, суперінтэндант павінен быў жыць на каморы, кожны тыдзень атрымліваць данясенні з прыкаморкаў, аналізаваць змешчаную ў іх інфармацыю і раз на месяц складаць для контрарэгістранта спецыяльную табліцу з пазначэннем велічыні дахода і гатунку манет. Раз на месяц ён быў абавязаны аб'ехаць прыкаморкі. У тэксце пазначалася, што «калі пісары і стражнікі будуць ведаць, што суперінтэндант кожны месяц будзе прязджаць з праверкай, то ў такім выпадку наступіць парадак і ў запісах, і ў даглядзе купцоў, і справа будзе толькі ўдасканалвацца» [7, а. 467 адв.].

Акрамя таго, у згаданых «Пунктах» вызначалася працэдура дагляду, правілы суправаджэння купцоў, якія едуць транзітам, памер канфіскацыі за кантрабандны перавоз тавараў («прамыта») і інш.

Напрыканцы дакумента адзначалася, што «функцыі суперінтэнданта заключаюцца не толькі ў тым, што ён павінен правяраць рэестры пісараў, запісваць інфармацыю ў свой рэестр,

атрымліваць ад іх штотыднёвыя рапарты, штомесяц інфармаваць контрарэгістранта пра сітуацыю на каморы. Але трэба ўвайсці ў поўны курс справы і бараніць скарбавыя інтарэсы: ці не абмінуў які купец каморы або прыкаморку, ці не падаў пісар сфальсіфікаваныя дадзеныя ў сваіх уласных інтарэсах, ці добрасумленна ў інтарэсах скарба служаць пісары і стражнікі, ці выдадзеныя імі квіты адпавядаюць запісам у рэестрах і суме сабраных грошай.

Свае прапановы па паляпшэнню дзейнасці мытнай службы суперінтэндант павінен прадставіць у Скарбавую камісію ВКЛ, якая абавязкова іх прааналізуе і, мажліва, улічыць пры стварэнні новай мытнай інструкцыі» [7, а. 468 адв.].

Першы агульны дакумент, які рэгламентаваў правы і абавязкі мытных служачых (афіцыялістаў) у ВКЛ у другой палове XVIII ст., а таксама правілы, па якіх павінен быў праходзіць мытны дагляд, быў выдадзены Скарбавай камісіяй ВКЛ 07.02.1766 г. і меў назву «Статут скарбавых афіцыялістаў» [6, а. 58–62]. Праз год яго палажэнні былі пашыраны ў «Інструкцыі скарбавым афіцыялістам» (11.02.1767 г.) [8, а. 22–32]. У адпаведнасці з гэтым дакументам, пасады мытных служачых у ВКЛ прыраўноўваліся да воінскіх званняў, а менавіта: контрарэгістрант – ротмістр, суперінтэндант – паручнік, пісар – таварыш, стражнік – почат). Ім выдаваліся мундзіры і шапкі, што сведчыла пра з'яўленне першай уніформы на мытных ВКЛ у другой палове XVIII ст.

Найбольш дэталёвае апісанне прынцыпаў функцыяніравання камор утрымліваецца ў «Мытным статуте», які быў зацверджаны на пасяджэнні Эканамічнай Рады літоўскага скарба 11.01.1768 г. У ім былі дэталёва апісаны не толькі абавязкі афіцыялістаў, але і выгляд мытных дамоў з пералікам усяго неабходнага ў іх начиння і мэблі (сталоў і навесаў для дагляду, вагаў, прэсаў, розных інструментаў для праверкі тавараў, пячатак і інш.) [8, а. 115–122].

Неабходна падкрэсліць, што ў дадзеным дакуменце ўпершыню асобна быў вылучаны спецыяльны пункт пад назвай «Субардынацыя мытных афіцыялістаў», які ўсталёўваў вертыкальны вектар падпарадкавання служачых мытняў (зверху ўніз): контрарэгістрант–суперінтэндант–пісар–оберстражнік–стражнік [8, а. 117–118 адв.].

За сваю працу служачыя мытняў атрымлівалі заработную плату, якая выплачвалася кожны месяц і памер якой залежаў не толькі ад месца пасады на іерархічнай лесвіцы, але і ад прапускной здольнасці мытных пунктаў, а значыць ад працоўнай нагрузкі. Так, на пасяджэнні Скарбавай камісіі ВКЛ 21.03.1768 г. былі зацверджаны наступныя памеры гадавой заробатнай платы для вышэйшай катэгорыі мытных служачых у наступных памерах:

– *контрарэгістранты рэпартыцый*: Літоўскай – 3 000 зл., Рускай – 2 500 зл., Беларускай – 2 800 зл., Жмудскай – 2 500 зл.;

– *суперінтэнданты сплаўных камор*: Юрброскай – 3 000 зл., – Віцебскай – 2 000 зл., Дынабургскай – 2 000 зл., Брэсцкай – 1 000 зл.;

– *суперінтэнданты сухапутных камор*: зарплата для ўсіх была вызначана ў памеры 800 зл. у год, за выключэннем суперінтэнданта Шчаберскай мытні, якому прызначалася 1 000 зл. [9, а. 74 адв.].

Адзначым, што ў дадзеным выпадку зарплата прызначалася не для канкрэтных людзей, зыходзячы з іх уласных заслуг, а замацоўвалася менавіта за пэўнай пасадай, што з'яўлялася яшчэ адной прыкметай арганізацыі сістэмы дзяржаўнай службы ў ВКЛ.

На падставе рахункаў камор можна вызначыць заработную плату служачых і ніжэйшых рангаў. Так, напрыклад, у 1766 г. на каморах Беларускай рэпартыцыі пісары атрымлівалі ў сярэднім ад 200 да 260 зл. у год, на прыкаморках – 150–200 зл., стражнікі – 100–120 зл. [10, а. 32–32 адв.]. Відавочна, што памеры яе былі невялікімі.

Контрарэгістрант Літоўскай рэпартыцыі Іаахім Кміта ў сваім данясенні ў Скарбавую камісію ад 19.06.1767 г. падкрэсліваў, што «за такую зарплату немагчыма знайсці дабрасумленных і верных скарбу стражнікаў, а за адзін жупан і шапку яны служаць не хочуць» [8, а. 58 адв.]. Пры гэтым, выконваючы свае функцыі, яны кожны дзень мелі ў руках значныя грашовыя сродкі. Дзве гэтыя акалічнасці прывялі да таго, што на мытных дастаткова распаўсюджанымі сталі фінансавыя злоўжыванні з боку афіцыялістаў.

Для атрымання пасады мытнага афіцыяліста не патрабавалася адмысловай адукацыі, аднак для вядзення бухгалтарскіх кніг, правільнага складання рахункаў, выпісвання і

праверкі мытных квітоў служачыя мытні павінны былі ўмець чытаць, пісаць і праводзіць падлікі. Пры гэтым вядома, што ў 1769 г. у Жмудскай рэпартыцыі працаваў непісьменны оберстражнік Хоміч, які быў адданы скарбу, бездакорна выконваў свае функцыі, а для складання рээстраў меў спецыяльнага чалавека і аплачваў яго паслугі ўласным коштам [11, а. 42].

На мытнях ВКЛ у другой палове XVIII ст. было прадугледжана правядзенне экзаменаў сярод мытных служачых для высвятлення іх адпаведнасці займаемай пасадзе. Перыядычна такія экзамены абавязаны былі праводзіць контрарэгістраны ў межах сваіх рэпартыцый. Разам з тым права атэставаць афіцыялістаў мелі спецыяльна прызначаныя Скарбавай камісіяй люстратары пад час правядзення імі рэвізій камор. Такое права ў поўнай меры выкарыстаў у 1769 г. камісар Эканамічнай Рады літоўскага скарба, упіцкі падкаморы Ежы Лепарскі пры правядзенні першай вядомай люстрацыі камор ВКЛ, размешчаных на мяжы з Прусіяй і Курляндыйяй [8, а. 205 адв.].

Е. Лепарскім былі ўскрыты шматлікія факты парушэнняў мытнай уставы з боку афіцыялістаў Вежбалоўскай і Юрборскай камор, найбольш распаўсюджанымі з якіх з'яўляліся: п'янства суперінтэндантаў, пісараў і стражнікаў; неахайнае вядзенне мытных кніг, выдаванне несапраўдных квітоў, невыкананне правілаў службовай этыкі [12, а. 444, 448, 459 адв.]. У выніку ад займаемых пасадак былі вызвалены суперінтэндант Вежбалоўскай каморы Яцыніч, два пісары і некалькі стражнікаў.

Такім чынам, на падставе вывучэння рэарганізацыі дзейнасці мытнай службы ВКЛ можна сцвярджаць, што ў другой палове XVIII ст. у ВКЛ праводзілася мэтанакіраваная палітыка па ўдасканаленню дзейнасці дзяржаўнай службы. У краіне была створана складаная арганізацыйна-адміністрацыйная сістэма на наступных прынцыпах: існавала іерархія кіравання і правілы субардынацыі; заняцце службовай пасады адбывалася дабраахвотна ў выніку прызначэння, а не выбараў; пасада не была ўласнасцю чыноўніка і ён не мог саступіць яе іншай асобе за пэўную ўзнагароду; за сваю працу мытныя служачыя атрымлівалі фіксаваную зарплату адпаведна займаемай пасадзе; службовыя абавязкі былі дакладна размеркаваны і зафіксаваны ў спецыяльных дакументах; існавала мажлівасць прасоўвання па службовай лесвіцы; прымянялася практыка атэстацыі афіцыялістаў; былі распрацаваны пэўныя правілы службовага этыкету.

Літаратура

1. Zahorski, A. Centralne instytucje polityczne w Polsce w dobie rozbiorów / A. Zahorski. – Warszawa, 1959. – 283 s.
2. Danowska, E. Komisja Skarbu Koronnego – zakres władzy i odpowiedzialności / E. Danowska // Rocznik Biblioteki PAN w Krakowie. Rok XLI (1996). – Kraków, 1996. – S. 45–62.
3. Масловский, М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология [Электронны рэсурс] / М.В. Масловский. – Рэжым доступу: <http://www.twirpx.com/file/146856/>. Дата доступу: 25.02.2014.
4. Volumina legum. – Т. VII. – Petersburg: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki, 1860.– 415 s.
5. Lietuvos Vastybes Istorijos Archyvas (LVIA) – Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы. F. 11. Скарбавая камісія ВКЛ (1509–1797 гг.), ар. 2, bib. 88. Расклад мер і вагаў ВКЛ (1765 г.).
6. LVIA. – F. 11, ар. 1, bib. 111.
7. LVIA. – F. 11, ар. 1, bib. 989.
8. LVIA. – F. 11, ар. 1, bib. 112.
9. LVIA. – F. 11, ар. 1, bib. 251.
10. LVIA. – F. 11, ар. 1, bib. 789.
11. LVIA. – F.11, ар. 1, bib. 988.
12. LVIA. – F. 11, ар. 1, bib. 996.

УДК 325:327(100-856):316.7

Влияние пребывания в странах дальнего зарубежья на культурные традиции интеллигенции Гомельщины на современном этапе

Н.В. КОРНИКОВА

Исследуется влияние пребывания в странах дальнего зарубежья на культурные традиции интеллигенции Гомельщины на современном этапе. Дана характеристика степени и основных форм воздействия посещения стран Европы, Азии и Америки на материальную и духовную культуру гомельчан.

Ключевые слова: интеллигенция, культурные традиции, материальная культура, духовная культура, культурные ориентации, зарубежные страны, Гомель, респонденты, профессиональная группа, образование.

The influence of stay in foreign countries on the cultural traditions of the intelligentsia of the Gomel region at the present stage is studied. The characteristic of the extent and impact of the main forms of visiting countries in Europe, Asia and America on the material and spiritual culture of the Gomel oblast representatives is given.

Keywords: intellectuals, cultural traditions, material culture, spiritual culture, cultural orientation, foreign countries, Gomel, respondents, professional group, education

Введение. Современная духовная культура населения Беларуси характеризуется многообразием форм. На их развитие значительное влияние оказывает межэтнический культурный контакт. В результате пребывания жителей Беларуси в странах дальнего зарубежья происходит их взаимодействие с носителями иных культурных традиций. Сегодня поездки в страны Европы, Азии и Америки мотивированы разнообразными целями и все чаще выступают в качестве формы досуга для различных слоев населения, в т.ч. и для интеллигенции. На Гомельщине данная социoproфессиональная группа представлена достаточно многочисленно, что обусловлено наличием разветвленной сети промышленных предприятий, учреждений образования, просвещения и здравоохранения. В силу уровня образованности, своеобразия культурных предпочтений и особенностей профессиональной деятельности культурные традиции интеллигенции характеризуются определенной спецификой. Некоторые аспекты материальной и духовной культуры являются более устойчивыми, другие в большей степени подвержены трансформациям.

Целью работы является характеристика влияния пребывания в странах дальнего зарубежья на культурные традиции интеллигенции Гомельщины в начале XXI в.

Задачи исследования: определить степень и характер влияния пребывания в странах дальнего зарубежья на различные аспекты материальной культуры интеллигенции Гомельщины и на культурные ориентации респондентов.

Новизна заключается в том, что разработка темы проведена на основе материалов полевых исследований в регионе – анкетных опросов и интервьюирования целевой группы.

Основные результаты. Разнообразные аспекты материальной и духовной культуры различных слоев населения на современном этапе, в том числе интеллигенции, освещаются в ряде работ этнографов. В частности, изучению культурных традиций населения Беларуси посвящены 6 том «Грамадскія традыцыі» многотомного издания Беларуси [1], работы «Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем» [2], «Этнакультурныя працэсы ў гарадской сям’і беларусаў у апошняй трэці XX – пачатку XXI ст.» [3]. Однако в данных исследованиях вопросы, связанные с влиянием пребывания в странах дальнего зарубежья на культурные традиции интеллигенции на современном этапе, затрагиваются лишь косвенно.

В течение ноября 2012 – апреля 2013 гг. автором проводились полевые исследования, в результате которых было проанкетировано 216 человек, а также осуществлены интервью 18 респондентов, в ходе которых опрошенным предлагалось ответить на целый ряд вопросов, раскрывающих характер влияния пребывания в странах дальнего зарубежья на культурные традиции интеллигенции Гомельщины на современном этапе.

В число респондентов были включены представители различных половозрастных и профессиональных групп преимущественно городской интеллигенции Гомельской области. Среди участвовавших в анкетировании 58 % составили женщины, 42 % – мужчины.

Подавляющее большинство респондентов имеют высшее образование – 90 %. Опросы проводились среди гомельчан и жителей области, представляющих различные возрастные группы: от 18 до 25 лет – 12,5 %, от 25 – до 30 лет – 18,5 %, от 30 до 40 лет – 29 %, от 40 до 50 лет – 25 %, от 50 до 60 лет – 10 %, свыше 60 лет – 4 %. Подавляющее большинство респондентов (91 %) по национальности являются белорусами. Около 65 % респондентов составили представители г. Гомеля, остальная часть (около 35 %) является жителями городов и населенных пунктов Гомельской области. Опросы проводились в областном центре, а также других населенных пунктах городского типа в регионе исследования (в Лоевском, Октябрьском, Мозырском, Лельчицком, Наровлянском, Житковичском, Гомельском, Речицком, Буда-Кошелевском, Ветковском районах). Среди участвовавших в анкетировании – инженеры, программисты, экономисты, ведущие и главные специалисты производства, врачи, учителя. Исследования проводилось в государственных организациях, учреждениях образования и здравоохранения. Среди них можно выделить как наиболее крупные: «Белоруснефть», «Дружба», «Гомельдрев», «Гомсельмаш», «Белтелеком», «Гомельэнерго», «Белагропромбанк», «Белинвестбанк», «Республиканский научно-практический центр радиационной медицины и экологии человека», «Гомельгражданпроект», «Белорусский металлургический завод», и др.

В результате исследования было выявлено, что большая часть респондентов, принявших участие в опросах, неоднократно бывали в странах дальнего зарубежья (Европы, Азии, Африки, Америки), еще одна треть – хотя бы единожды совершали подобные поездки. Однако стоит отметить, что только 3 % респондентов регулярно выезжают за границу. Около 53 % принявших участие в анкетировании респондентов указали, что посетили за последние годы несколько стран дальнего зарубежья (две и более). Подавляющее большинство опрошенных отметили, что их пребывание за рубежом носило недлительный характер (менее месяца); только 18 % респондентов указало, что им приходилось долгое время (от нескольких месяцев до нескольких лет) проживать в странах Европы, Азии и Америки. Подобный опыт большинство имело в детстве или юности.

Среди государств, которые посетили участвовавшие в анкетировании представители интеллигенции Гомельщины, были названы:

- страны Западной, Восточной, Северной и Южной Европы: Германия, Франция, Австрия, Чехия, Словакия, Сан-Марино, Польша, Румыния, Венгрия, Болгария, Дания, Нидерланды, Великобритания, Шотландия, Ирландия, Швейцария, Латвия, Литва, Эстония, Финляндия, Бельгия, Португалия, Испания, Италия, Греция, Черногория, Сербия, Хорватия;
- Ближнего Востока: Объединенные Арабские Эмираты, Иордания, Израиль, Турция;
- Восточной и Юго-Восточной Азии: Китай, Япония, Южная Корея, Монголия, Сингапур, Тайланд;
- Северной Америки: США, Канада;
- Северной Африки: Египет, Тунис.

Результаты исследования показали, что большая часть респондентов (75 %) совершали поездки в страны дальнего зарубежья с целью путешествий и отдыха. Несколько реже пребывание в странах Европы, Азии и Америки респонденты мотивировали посещением родственников и друзей. Около 11 % опрошенных указали, что выезды за границу были связаны с желанием или необходимостью приобретений и покупок. Еще 10 % представителей интеллигенции Гомельщины сообщили, что их пребывание за рубежом было вызвано профессиональной необходимостью. Небольшая доля респондентов (3 %) – указали, что некоторое время проживали за рубежом с целью обучения. Наименьшая часть опрошенных (менее 2 %) отметила, что во время пребывания за границей они желали повысить уровень знания иностранного языка и приобрести языковую практику.

В отношении уровня знания иностранных языков респондентами, участвовавшими в опросе, были получены следующие данные: около трети опрошенных (31 %) отметили, что в совершенстве владеют одним или несколькими иностранными языками, еще 41 % респондентов указали, что обладают минимальным или средним уровнем знания иностранного языка, который был достаточен для бытового общения за рубежом, и 28 % сообщили, что не говорят на иностранном языке вовсе. Показательно, что три четверти респондентов отметили, что владеют английским языком (в совершенстве либо на среднем уровне) и указали, что считают его одним из самых распространенных языков международного общения. Около 20 % также заявило о знании немецкого и итальянского языков, и 5 % – французского. Кроме того, более половины респондентов обратили внимание на то, что стараются во время поездок в зарубежные страны заниматься активной языковой практикой.

Немаловажное значение имеет тот факт, что посещение стран дальнего зарубежья оказывает значительное либо некоторое влияние на предпочтения в быту. Подобное мнение высказали более 54 % респондентов. Исследования показали, что поездки в страны Европы, Азии и Америки представителей интеллигенции Гомельщины на современном этапе сопровождается приобретением как сувенирной продукции, так и потребительских и производственных товаров, которые находят различное применение в домашнем быту респондентов. Только 4 % респондентов отметили, что не делают подобные покупки, находясь за рубежом. В большинстве случаев (69 %) опрошенные отмечали, что приобретают сувениры с национальной символикой – магниты, брелоки, статуэтки, открытки и прочее. Популярностью также пользуются изделия местных традиционных ремесел, передающие культурный колорит страны пребывания (34 %). 29 % опрошенных отметили, что привозят из поездок литературу и иллюстрированные издания об истории и культуре страны, в которой находились – путеводители, каталоги, справочные издания о городах и музеях, журналы и книги, плакаты. Значительная часть респондентов приобретает также предметы гардероба (38 %), товары потребления (в первую очередь бытовую технику) – 32 %, а также кулинарные изделия (33 %).

Следует отметить, что влияние посещения стран дальнего зарубежья на представителей интеллигенции Гомельщины заметно в первую очередь в различных сферах материальной культуры – в интерьере жилища, costume, кулинарных пристрастиях.

Значительная часть опрошенных отметили, что после пребывания в странах Европы, Азии, Африки и Америки они начали включать в свой рацион продукты импортного производства, которые им довелось продегустировать за рубежом, а также вводить в свое меню национальные блюда, которые им довелось попробовать за границей. Среди подобных блюд и продуктов были названы пицца, лазанья, паста (различные рецепты макарон), ризотто, соусы балоньезе и песто, брецель, пирог киш, триппа по-флорентийски, чешская рулька, литовский бигос, горячий и холодный греческие салаты, французские салаты из морепродуктов, немецкий картофельный салат, жареные ребрышки по-берлински, кексы маффины, итальянское песочное печенье, торт «Захер», пирог штрудель, десерт терамису, восточные сладости (рахат-лукум, халва) и приправы, суши, оливковое масло, итальянские, французские, немецкие, греческие сыры (пармезан, моцарелла, камамбер, рокфор, дорблю, фета), бельгийский и немецкий шоколад, итальянский и немецкий кофе, китайский чай, французские и итальянские вина и пр. Так, Гатилов С., инженер-техник Гомельского центра радиационной медицины, 1978 г.р. отметил: «После поездки в Италию, где я находился три недели, заметил, что у меня появились новые гастрономические привычки. Мне очень пришлись по вкусу многие продукты и блюда, которые я пробовал. Например, соусы песто и болоньезе, сыры пармезан и моцарелла, вяленые помидоры, ризотто и другие. Я стал экспериментировать дома и теперь частенько готовлю итальянскую пасту, лазанью, также покупаю оливковое масло, моцареллу, кофе».

Значительная часть респондентов также отметили, что после пребывания в странах дальнего зарубежья в их жилище появились предметы интерьера и аксессуары, которые были привезены из стран Европы, Азии, Африки и Америки и стали заметным дополнением к их домашней обстановке. В частности, это декоративные тарелки и панно с изображением эмблем городов и видов достопримечательностей, репродукции картин и фотографии, декоративные карты, статуэтки, венецианские карнавальные маски, картины из янтаря, текстиль (скатерти, шторы), фарфоровые вазы, столовая посуда, китайские палочки для приема пищи, люстры и светильники из чешского стекла, а также разнообразные предметы бытовой техники. Симанчук В.И., специалист «Белинвестбанка», 1985 г.р. отметила: «Поездка в Израиль, которую я совершила вместе с мужем в прошлом году, не только позволила нам хорошо отдохнуть и увидеть красоты этой страны, но стала очень удачной в плане разнообразных приобретений. Мы привезли из поездки изделия из текстиля, часы, декоративные статуэтки, посуду с местной символикой. Все эти предметы замечательно вписались в наш домашний интерьер и сделали его более стильным. Еще мы приобрели множество памятных сувениров для родственников и друзей». Кроме того, около трети респондентов указали, что бывая в странах дальнего зарубежья, приобретали соответствующие современным модным тенденциям разнообразные предметы гардероба, кожаные изделия, украшения из драгоценных металлов и камней, бижутерию импортного производства, которые заняли немаловажное место

в их гардеробе. Родовская В., инженер программист предприятия «Мозырский машиностроительный завод», 1978 г.р. отметила: «Мне довелось побывать в нескольких европейских странах – Франции, Бельгии, Германии, а также в Турции. Я находилась там на отдыхе. Мне интерес к культуре зарубежных стран, поэтому всегда стараюсь привозить с собой интересные вещи, которые будут напоминать мне о пребывании за границей. Я коллекционирую магниты и керамические тарелки с изображением городов. Часто привожу с собой всяческие статуэтки и безделушки, покупаю открытки и журналы. А если мне встретится понравившаяся вещь или украшение, то могу пополнить ей свой гардероб».

Три четверти участвовавших в анкетировании респондентов (76 %), также отметили, что пребывание в странах дальнего зарубежья оказало значительное или хотя бы некоторое влияние на их культурные ориентации и предпочтения – это проявляется в первую очередь в интересе к зарубежной истории, музыкальному и художественному искусству, литературе, а также традициям и образу жизни в посещенных странах. Спесивцева Г., 1959 г.р., начальник отдела на предприятии «Гомельэнерго» рассказала: «Еще в юности мне довелось пожить немало в Италии. Впечатления от Флоренции, Венеции, Пизы у меня остались неизгладимые. С тех пор я стала учить итальянский язык, интересоваться культурой этой страны. Фильмы Висконти, Бертолуччи, картины художников Возрождения (после посещения Уффици) стали для меня любимыми. Позже, будучи в гостях у друзей, мне пришлось пожить несколько недель в Германии. Эта страна мне также очень запомнилась. Характер, образ жизни, традиции местных жителей, вызвали у меня живой интерес».

Кроме того, 53 % респондентов высказали мнение о том, что считают посещение стран Европы, Азии, Африки и Америки в начале XXI века и знакомство с их культурой необходимым для повышения уровня образования и культурного развития в современном обществе, а 42 % отметили, что это необходимо хотя бы в некоторой степени.

Таким образом, в большинстве случаев поездки за границу интеллигенции Гомельщины на современном этапе связаны с посещением стран Европы, Ближнего Востока, Северной Африки, а также Восточной и Юго-Восточной Азии. Наиболее популярным направлением для осуществления путешествий является Европейский регион, что связано с высокой степенью концентрации памятников истории и культуры на его территории, а также хорошим развитием инфраструктуры. Среди часто посещаемых городов можно назвать Париж, Рим, Амстердам, Флоренцию, Берлин, Реймс, Прагу, Будапешт, Венецию, Мюнхен, Вену, Дрезден, Зальцбург, Варшаву, Гданьск, Карловы Вары, Брюссель, Пизу, Барселону, Ватикан, что обусловлено возможностью ознакомления с богатым историко-культурным наследием. Можно отметить, что нахождение в странах Европы, Азии, Африки и Америки на современном этапе оказывает определенное влияние на различные аспекты материальной и духовной культуры респондентов. В домашнем быту оно отражается в распространении предметов интерьера и аксессуаров в жилище, а также традиций зарубежной кулинарии в системе питания опрошенных. Вместе с тем, можно отметить, что значительное влияние на духовную культуру участвовавших в исследовании жителей Гомельщины оказывает знакомство с объектами историко-культурного наследия, природными достопримечательностями и культурными традициями населения стран Европы, Азии, Африки и Америки, которые они посещают. Большинство респондентов также сошлись во мнении, что пребывание за рубежом и знакомство с памятниками иностранной культуры имеет важное значение для просвещения и культурного развития личности.

Литература

1. Беларусь: у 12 т. / рэдкал.: В.М. Бялявіна (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 1994 – 2009. – Т. 6: Грамадскія традыцыі / В.М. Бялявіна [і інш.]. – 2002. – 606 с.
2. Этнокультурные процессы Восточного Полесья в прошлом и настоящем / Национальная академия наук Беларуси, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы; редкол.; А. В. Гурко [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2010. – 465 с.
3. Калачова, І.І. Этнакультурныя працэсы ў гарадской сям'і беларусаў у апошній трэці XX – пачатку XXI ст. / І.І. Калачова. – Мінск : Беларуская навука, 2009. – 266 с.

Войсковое товарищество XVIII века: дополнительный чин неурядовой старшины Гетманщины

И.И. КРИВОШЕЯ

Рассматривается формирование института войскового товарищества как дополнительного чина неурядовой казацкой старшины украинского казацкого государства XVII–XVIII в. Впервые исследованы период появления чина войсковой товарищ, состав его представителей по сохранившимся архивным спискам, экономическое основание для исполнения служебных функций.

Ключевые слова: неурядовая старшина, войсковой товарищ, знатный товарищ войсковой, бунчуковый товарищ, значковый товарищ, Гетманщина.

The formation of the military fellowship as an additional rank of Cossack Neuryadova starshina of the Ukrainian Cossack state of the 17–18th century is analyzed. The period of emergence of the military rank of a fellow, composition of its representatives according to archival lists and economic basis for the performance of official functions are investigated.

Key words: neuryadova starshyna, military fellow, Distinguished Military Fellows, bunchukovy comrade, Hetmanate.

Правящим сословием украинского казацкого государства XVII–XVIII вв. была казацкая старшина. Значительная ее часть, не занимая должностей, влияла на ход событий, имея традиционные военные звания. Уже в XVII в. военные звания неурядовой старшины¹ сложились в довольно сложную иерархию, освященную традицией и признанную обществом. В XVIII в. система традиционных званий эволюционировала, что привело к появлению официальных чинов. Постепенное включение украинской казацкой автономии, известной как Гетманщина, в состав российского государства сопровождалось унификацией казацких старшинских чинов. В конце XVIII в. высшие чины неурядовой старшины, в том числе войсковые товарищи, получили соответственные российские чины и были включены в дворянское сословие.

Термин «войсковое товарищество» в истории украинской казацкой старшины XVII–XVIII вв. стал самым многозначительным среди обозначавших неурядовую старшину. Если отбросить его обобщающий уровень в значении «казачество», остаются варианты различных исторических периодов, обозначавшие отличные категории неурядовой старшины казацкой автономии. В течение XVII в. длительное время звание «войсковой товарищ» было самым высоким в иерархии неурядовой старшины и тождественным званию «значительный товарищ войсковой». С конца XVII в. оно уступило первенство значительному товарищу войсковому, сошло на полковой уровень, а иногда стало обозначать даже знатных товарищей сотен.

Проблема периода появления отдельного чина войскового товарища не получила должного освещения в историографии. В монографии Л. Окиншевича [5], статьях В. Панашенко [6], [7] и публикациях других авторов [4], [8] войсковые товарищи характеризуются без хронологического разделения. Это привело исследователей к смешиванию разновременных пластов, и время образования отдельного чина не было изучено должным образом. Целью статьи является исследование некоторых аспектов становления и эволюции чина войскового товарища в качестве дополнительного в иерархии неурядовой казацкой старшины XVIII в.

В XVII в. высокий статус звания войскового товарища определялся службой, прежде всего военной, конкретного человека. Официального предоставления звания, какой-либо его фиксации не существовало. Функционирование званий контролировала казацкая традиция.

---

¹ Неурядовая старшина – это казацкая старшина, которая в данный момент не занимает должности (уряда), носит звание значительного (знатного) товарища (сотни, полка, значительного войскового товарища) или имеет официальный чин (бунчукового, войскового или значкового товарища), выполняет различные гражданские и военные старшинские обязанности, во многом совпадающие с обязанностями старшины на постах и обладает привилегиями правящего класса. Чины неурядовой старшины имели разное подчинение и функции.

Звание обеспечивало получение сотенной или полковой должности, после отставки с которой в свою очередь повышалось военное звание в иерархии неурядовой старшины. Звания неурядовой старшины в тот период не гарантировали носителю такой социальной стабильности, как должности, а их всем желающим не хватало. Поэтому в начале XVIII в. в казацком государстве гетманом И. Скоропадским были введены официальные чины неурядовой старшины (бунчуковый и значковый товарищ). Чин бунчукового товарища считался первым после полковничьей должности, а чин значкового товарища почти равнялся уряду сотника. При этом бунчуковые товарищи не подчинялись полковнику, а значковые – сотнику. Одновременно с чинами в то время функционировали старинные звания. На первом этапе (в 10–20-х гг. XVIII в.) официальные чины получило не все знатное товарищество. В 20-х гг. XVIII в. старинное звание «войсковой товарищ» упоминалось редко и почти всегда вместе с чином значкового, иногда бунчукового товарища. Именно такое сочетание в документах старого звания («войсковой товарищ») и нового чина («значковый или бунчуковый») свидетельствует, что отдельного чина войскового товарища в то время еще не было. Между чинами бунчукового и значкового товарищей существовала значительная разница в статусе, правах и обязанностях, что и привело со временем к появлению дополнительного чина неурядовой старшины Гетманщины. Им стал новый официальный чин войскового товарища, который появился около 1740 г. и занял свое место в иерархии между бунчуковым и значковым.

Упорядочивая дела в Гетманщине после смерти гетмана И. Скоропадского (особенно с 1723 г.), первая Малороссийская коллегия (далее МК) пыталась понять сущность, права и обязанности старшины без урядов, сосчитать ее и закрепить новыми компутами. При этом речь шла лишь о двух категориях неурядовой старшины: бунчуковом и значковом товариществах. Именно тогда большинство знатного товарищества войскового распределилось между указанными двумя чинами. Численность бунчуковых в 20-х годах колебалась в пределах 110–140 человек. Для примерно еще пяти сотен знатного товарищества без должностей оставался путь под полковой значок. Это не могло удовлетворить старинное товарищество, которое имело собственные представления о чести и статусе. Оно продолжило именоваться старым званием, не имея официального чина, закрепленного компутом. Традиция беспечивала таким товарищам высокий общественный статус, внося их в различные документы вместе с официальными бунчуковыми. После смерти гетмана Д. Апостола российские власти окончательно законодательно оформили положение неурядовой старшины. Большинство бывших знатных войсковых и войсковых товарищей, которые ранее фиксировались и служили рядом с бунчуковыми, в середине 30-х гг. XVIII в. получили чин бунчукового или значкового товарища, согласно собственного статуса или статуса своей семьи.

Только в 1739 или в 1740 гг. Генеральная войсковая канцелярия (далее ГВК) начала предоставлять отдельный чин войскового товарища. Первый сохранный список войсковых товарищей датирован 1743 г. [2, л. 257–258]. В него внесено товарищество всех полков (53 чел.) с указанием суммы займа, предоставленного товарищами в войсковую казну. Список неполный, но показательный с точки зрения экономических возможностей войскового товарищества. Еще один ранний список войскового товарищества – это реестр встречавших в 1744 г. императрицу Елизавету Петровну [9, с. 306]. В опубликованный реестр внесено 62 войсковых товарищей по спискам Н. Судиенка и Я. Марковича. К концу 40-х гг. практика предоставления дополнительного чина войскового товарища устоялась, однако вызывала возражения полковников, из-под юрисдикции которых выводились войсковые товарищи. Полковник миргородский В. Капнист в своем донесении интересовался, на каком основании ГВК осуществляла присвоение звания войскового товарища и почему они не подчиняются полковой власти. Он указывал, что таких новых товарищей в полку 7 человек. В мае 1747 г. через Сенат поступил указ царицы о предоставлении ответа на запрос полковника В. Капниста. Документы свидетельствуют об определенной растерянности высших инстанций при поисках ответа на запрос. Все обоснование лежало в плоскости: «... напредь сего в Малой России кроме бунчуковых товарищей войсковые были» [13, л. 2]. По приказу ГВК был подготовлен экстракт о происхождении войсковых товарищей. В нем также собраны сведения о назначенных от ГВК после смерти Д. Апостола товарищах с указанием, из каких чинов и по чьим

рекомендациям сделано назначение. В справке Сенату в мае 1748 г. ГВК указала, что войсковые товарищи были в Малой России во времена гетманов И. Самойловича, И. Мазепи, И. Скоропадского и тогда они не подчинялись полковой власти. Якобы по тем примерам генералитет с Правления гетманского уряда (далее ПГУ) стал награждать за службу званием войскового товарища и выдавать на него соответствующие универсалы. Отмечалось, что эта категория старшины вместе с бунчуковыми и вдовами бунчуковых и высших чиновников подлежала гетманской протекции в прошлом и на этом основании освобождалась из-под ведомства и суда полковых канцелярий и передавалась под опеку Генеральной войсковой канцелярии и Генерального войскового суда (далее ГВС) [13, л. 2].

Фактически именно события и документы, появление которых вызвано запросом В. Капниста, окончательно обосновали права и обязанности войскового товарищества. Войсковой товарищ – это дополнительный чин/звание неурядовой старшины, который предоставлялся с 1740 г. Он обеспечивал своему носителю административное и судебное подчинение ГВК и ГВС, выведение из-под власти и юрисдикции полковника, несение службы, включавшее военные и гражданские функции, за свой счет, а также права и привилегии старшинского сословия. Вывод войскового товарищества из-под юрисдикции полковников приблизил его по статусу к чину бунчукового товарища, чем обеспечил быстрый рост численности в течение первых десятилетий (с 50–65 человек в первые годы назначений до 238 в 1763 г.).

Справка 1748 г. и приведенные в ней примеры [13, л. 3–4] свидетельствуют, что чиновники канцелярии уже не видели различий между войсковым товарищем и знатным войсковым товарищем. Так как сущности проблемы в то время уже никто не понимал, то канцеляристы писали о бунчуковых товарищах, поскольку их статус легко подтверждался недавними документами (1734 г.), в которых о войсковых товарищах речи не было вовсе. Более того, ГВК даже не указала дат первых упомянутых ею назначений войсковых товарищей генералами ПГУ. Фактически в документе не указана начальная дата практики предоставления чина войскового товарища. Вероятно, назначение кем-то из генералов осуществляется в 1739 или 1740 г. Такие начальные даты видим в ведомости о войсковых товарищах по полкам, составленной по требованию ГВК в 1748 в дополнение к экстракту и в более поздних «сказках» о службе. Ведомость включила 79 войсковых товарищей, о каждом из которых указывалось, в каком году и на основании чего получил звание. Если сопоставить эту ведомость с именным списком 1751 г. [1, л. 25–45], в котором записано 85 товарищей, легко заметить, насколько ответственнее составлялся первый реестр [13, л. 4–13]. В 1748 г. все записанные предоставили патенты, а в 1751 г. из 85 товарищей, внесенных в список, 24 патент не предоставили. Сравнение списков дает основания считать реестр 1748 г. более достоверным относительно времени получения звания и оснований для этого. Согласно ведомости 1748 г., первые назначения датированы 1740 г. и их 6. Число назначений по годам распределяется следующим образом: 1741 – 20, 1742 – 16, 1743 и 1744 – по 9, 1745 – 3, 1746 – 9, 1747 – 4 и 1748 – 2. Как видим, пик назначений в списке 1748 г. приходится на 1741–1742 гг.

Показательна и картина относительно оснований для предоставления чина/звания войскового товарища. Чаще всего – 32 человека (40,5 %) – его получали бывшие значковые товарищи по выслуге; 20 (25,3 %) чиновничьих детей; 13 (16,5 %) военных канцеляристов; 11 (14 %) казаков и обывателей, получивших чин как сборщики налогов, 2 простых казака и 1 запорожец (3,7 %). Из 79 в 38 случаях четко прописано, что звание присваивается за заслуги предков (изредка при этом упоминалась и собственная служба). В 6 случаях назначение было вознаграждением за службу отца войсковым товарищем.

Предоставление нового чина со старым названием «войсковой товарищ», с одной стороны, свидетельствует о силе традиций, а с другой – демонстрирует процесс становления неурядовой старшины на новом историческом этапе. Разница в положении бунчукового и значкового товарищества была очень существенной, и поэтому в структуре неурядовой старшины образовалось промежуточное звено в виде дополнительного чина войскового товарища. Одной из весомых причин появления нового чина было стремление части значкового товарищества, детей чиновников и другого неучтенного знатного товарищества в полках выйти из-под юрисдикции полковников и избежать обременительной службы в низшем чине.

Первым в состав нового чина с 1740 г. было включено старинное знатное товарищество войсковое, которое, не получив чина бунчукового, длительное время несло службу как безуниверсальное бунчуковое товарищество и в 20–30-х гг. вписывалось в компуты бунчуковых. Большинство таких войсковых товарищей получило универсалы/патенты на чин только после 1751 г. В ряды войскового товарищества со времени введения нового чина пытались попасть значковые товарищи, военные канцеляристы и потомки знатных товарищей войсковых, которые по статусу не могли получить чин бунчукового, а службу значковым считали недостойной. Чин получили также знатные товарищи Глуховской сотни из-за своей связи с центральными столичными институтами, а также селитряные заводчики. Последнее объяснялось важностью производства селитры, как одной из главных составляющих пороха, для государства, которое постоянно воевало.

Численность войскового товарищества с 1740 до 1751 гг. росла постепенно (с 53 в 1743 г. до 85 в 1751 г.). Юридически статус закреплялся реестрами, в которые товарищи вписывались по полкам, и универсалами на чин. Запись в полках определялась местом жительства и размещением имений товарища и не означала подчинения полковнику. После 1751 г. количество войскового товарищества Гетманщины начало расти и в 1763 г. достигло 296 человек (238 действительных, 58 абшитованных (в отставке)). Общая численность войскового товарищества известна из нескольких списков середины века (см. таблицу).

Таблица – Численность войскового товарищества в середине XVIII в.

полк/ дата	Нежин	Лубны	Стародуб	Чернигов	Полтава	Гадяч	Киев	Переясл.	Миргор.	Прилуки	всего
1743	15	8	4	6	3	2	3	4	3	5	53
1744	13	10	4	9	10	3	3	2	5	3	62
1748	22	9	5	9	11	4	4	3	5	7	79
1751	28	10	3	6	10	4	5	5	4	10	85
1763	34/6	38/7	32/11	25/5	23/5	23/1	19/16	17/4	15/2	12/1	238/58

Примечание: Таблица составлена по [1, л. 25–45], [2, л. 257–258], [5, л. 92], [6, с. 329–337], [9, с. 305–311], [13, л. 4–13], [20, л. 2–26]

Как видно из таблицы, численность войскового товарищества, медленно возрастая, была стабильной до 1751 г. Хотя списки неполные, персональный состав сразу четырех хронологически близких реестров (1743, 1744, 1748 и 1751 гг.) позволяет заполнить лакуны. Быстрый рост численности войскового товарищества начался с восстановлением гетманства. Сохраненные и опубликованные списки войскового товарищества 1763 г. показывают, что число этого чина достигло 238 человек, не включая еще 58 товарищей абшитованных и 32 «тех, кто не служат и имеют возможность» [5, с. 92], [20, л. 2–26]. Итого – 328 войсковых товарищей и их детей, так как категория «те, которые не служат» обозначала сыновей, которые должны занять место отцов. Через год отмечается уменьшение: 223 войсковых товарищей действительных и 63 абшитованных, всего – 286. Бросается в глаза непропорционально быстрый рост численности товарищества между 1751 и 1763 гг. в полках Лубенском, Стародубском и Черниговском. Сложно объяснить изначально небольшое количество войсковых в Стародубском полку в 1751 г., имевшем численное знатное товарищество, оставленное за пределами чинов неурядовой старшины.

В 50–60-х гг. XVIII в. войсковое товарищество уже занимало четкую нишу в социуме Гетманщины. Четкие права и обязанности, более высокий статус, чем у значкового, сделали чин войскового товарища очень привлекательным для старшины и части зажиточного неказачьего населения. Это привело к резкому росту количества указанной категории старшины (с 85 в 1751 г. до 238 в 1763 г.). Служба товарищей традиционно велась за счет собственных средств. Судя по поручениям войсковых товарищей, она занимала значительное время и ресурсы, хотя и не шла в сравнение со службой значкового товарищества, больше похожей на эксплуатацию и часто приводившей их хозяйства в упадок. В «сказках» и донесениях войсковые товарищи всегда подчеркивали бесплатность своей службы и разорения по этой причине, особенно когда одновременно несли службу двое, а то и трое братьев [10, л. 106].

Рост войскового товарищества был вызван еще одним фактором. Структура старшины никогда не была однородной, а к середине XVIII в. еще больше усложнилась. Политические и экономические процессы привели к власти в Гетманщине новые семьи и группы старшины. Для многих из них чин значкового товарища был недостаточно значимым, а получить высший чин бунчукового не удавалось. Хотя законодательного ограничения количества бунчукового товарищества не существовало, роль регулятора его численности продолжала выполнять традиция. Общее число бунчуковых лишь дважды становилось больше 200 человек (в 1732 и около 1751 г.), оставаясь в пределах 130–150 человек. В немалой степени этому способствовало введение чина войскового товарища. Его получала часть старшины, ранее претендовавшая на чин бунчукового. Таким образом, чин войскового товарища стал своеобразным клапаном, который сдержал разрастание высшей категории неурядовой старшины и одновременно был служебным стимулом для значкового товарищества. Так в результате эволюции, в 40-х гг. XVIII в. сложилась трехступенчатая иерархия неурядовой старшины, в которой среднее место между бунчуковым и значковым товариществами заняло войсковое.

С 1764 г., начала правления второй МК, количество войскового товарищества в полках неуклонно росло. С конца 50-х, а особенно 60-х гг. XVIII в. все чаще это звание получала богатая мещанская верхушка [4, с. 340]. Бывшие войты и бургомистры или их дети входили в число неурядовой старшины, освобождаясь в связи с новым статусом от уплаты многочисленных налогов. При таком активном предоставлении чина войскового товарища различным категориям казацкого (прежде всего, значковым товарищам, полковым и военным канцеляристам, часть которых были сыновьями бунчуковых товарищей [11, л. 2–84], сотенной старшине и др.) и неказацкого населения (мещанам, придворным певцам) численность этого ранга, несомненно, возросла. Полных данных о численности войскового товарищества в полках после 1763 г. нет. Есть данные для сравнения между 1763 и 1782–1783 гг. по половине полков (Прилуцкого, Миргородского, Киевского, Лубенского, Нежинскому) [3, л. 2–17], [5, л. 96], [14, л. 2–11], [15, л. 2–8], [17, л. 1–3], [18, л. 3–44], [21, л. 2–14], [24, л. 2–13], [25, л. 2–22], [28, л. 33], [29, л. 2–26]. Совокупно в 1763 г. в этих полках было 150 войсковых товарищей вместе с абшитованными, а в конце существования казацкого государства – 317, то есть количество возросло более чем вдвое. Картина в полках несколько отличалась. В Киевском и Нежинском рост численности был несколько меньше (с 35 до 47, с 40 до 70 соответственно), а вот в Миргородском число товарищей возросло с 17 до 72, в Лубенском – с 45 до 102. Особенно поражает число товарищества в небольшом Миргородском полку, что довольно сложно объяснить. Основным фактором такого роста была более значительная вероятность получения российского дворянства с чином войскового товарища, чем с чином значкового или постом на уровне сотенной старшины.

Изучение собственности представителей этого чина доказывает его низкую экономическую состоятельность. На начальном этапе 72 % войскового товарищества Гетманщины было неимущим. Его экономическую мощь до 60-х гг. XVIII в. усилили выходцы из богатого мещанства. Сопоставление данных начального и конечного этапов существования чина показывает уменьшение количества малоимущих (с 72 % до 59 %), увеличение доли товарищества со средним уровнем достатка (с 15 до 28 %) и сохранение постоянной доли состоятельных товарищей (13 %). Принадлежность большинства войсковых товарищей к разряду малообеспеченных доказывает, что выполнение служебных задач было для них тяжелым бременем.

Служебная нагрузка войскового товарищества распределялась в пределах шести функций: военной, административной, хозяйственно-финансовой, судебной, дипломатической и представительской. Военная функция теряла приоритет, так как период непрерывных войн остался позади. Преобладали гражданские функции, прежде всего, административная и хозяйственно-финансовая. В пределах указанных функций удалось насчитать 112 различных поручений этого чина. Меньшее количество поручений войсковых товарищей по сравнению с иными чинами (121 для бунчуковых, 180 для значковых) определяется более коротким периодом его существования. Этим же объясняется четкая «профессиональная» направленность обязанностей товарищества, предусматривающая достаточно высокий уровень образования, знание иностранных языков, знакомство с финансово-налоговым делом. Большинство поручений имели руководящий или контролирующий характер, что приближало службу войскового товарищества к службе высшего разряда неурядовой старшины.

С середины 60-х гг. XVIII в. в связи с ликвидацией гетманства наступил новый этап в развитии неурядовой старшины. Войсковые товарищи вместе с другими рангами неурядовой старшины постепенно превращались в чиновников и все больше отличались от знатного товарищества XVII в., бывшего частью традиционной сословной группы Гетманщины. Они продолжали служить за свой счет, что доказывает существование длительного переходного периода до чиновного характера службы старшины. Одновременно появились возможности совмещать службу с оплачиваемыми должностями. Аналогично другим чинам неурядовой старшины, сочетание звания «войсковой товарищ» с занятием определенного старшинского поста также стало с этого времени обычной практикой. С введением новых судов с 1763 г. войсковые товарищи начали занимать должности подсудков земских, коморников и даже возных [16, л. 2–12], а также земских комиссаров, земских писарей, коллежских протоколистов, кассиров и писарей определенного уезда [14, л. 2–10], [19, л. 21]. После губернской реформы 1775 г. все чаще звание войскового товарища совмещалось с должностями заседателя верхнего земского суда, губернского секретаря, заседателя губернского магистрата, капитан-исправника нижнего земского суда, стряпчего губернского магистрата, судьи, секретаря или дворянского заседателя уездного суда, присутствующего в словесном суде, городского головы, старосты сиротского суда, заседателя нижней городской расправы [21, л. 4–12], [23, л. 3–9], [26, л. 1–8], [27, л. 12–18], [30, л. 8–89] и др. Эти должности согласно закону могли занимать только дворяне, следовательно, де-факто российские власти признавали войсковых товарищей дворянами. Служебный аванс войскового товарища под конец существования казацкого государства имел несколько вариантов. Чаще всего они получали чин бунчукового товарища, открывающий им в ближайшем будущем путь к чину коллежского асессора и наследственному дворянству. Другой путь пролегал через получение определенной полковой должности (хорунжего, есаула, писаря, судьи) и уже потом чина коллежского асессора. Еще одним вариантом для войскового товарища была выслуга на различных должностях в чине коллежского регистратора, губернского секретаря или титулярного советника, что обеспечивало личное дворянство, и уже потом наступала очередь чинов, гарантировавших потомственное дворянство. Таким образом, войсковое товарищество и его потомки после ликвидации казацкого государства без осложнений получили российское дворянство и сохранили в новых исторических условиях высокий социальный статус.

Литература

1. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского (далее ИР НБУВ). – Ф. I. – Д. 57326.
2. ИР НБУВ. – Ф. I. – Д. 57335.
3. ИР НБУВ. – Ф. I. – Д. 59066.
4. Кривошея, В.В. Козацька еліта Гетьманщини : монографія / В.В. Кривошея. – К. : ПІЕНД імені І.Ф. Кураса НАН України, 2008. – 452 с.
5. Окіншевич, Л. Значне військове товариство в Україні-Гетьманщині XVII–XVIII ст. / Л. Окіншевич // Записки наукового товариства імені Шевченка. – Мюнхен : Заграв, 1948. – Т. CLVII : Праці Історико-Філологічної секції. – 223 с.
6. Панашенко, В. Бунчукові, військові і значкові товариші в Гетьманщині / В. Панашенко // Істину встановлює історія: зб. на пошану Ф.П. Шевченка / НАН України, Ін-т історії України. – К., 2004. – Т. 2 : Наукові студії. – С. 291–347.
7. Панашенко, В. Військові товариші / В. Панашенко // Київська старовина. – 1998. – № 3. – С. 166–174.
8. Репан, О. Іржа на лезі: лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735–1739 років / О. Репан. – К. : ВД «Києво-Могилянська академія», 2009. – 195 с.
9. Список лиц, встречавших Государинню Императрицу Елисавету Петровну во время проезда Ея чрез Малороссию в Киев, в 1744 году // Черниговские губернские ведомости. – 1852. – № 29. – С. 305–311.
10. Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев (далее ЦГИАК Украины). – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 14037. – 384 л.
11. ЦГИАК Украины. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 16959.
12. ЦГИАК Украины. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 17700.
13. ЦГИАК Украины. – Ф. 51. – Оп. 3. – Д. 18818.

14. ЦГИАК Украины. – Ф. 54. – Оп. 1. – Д. 2683.
15. ЦГИАК Украины. – Ф. 54. – Оп. 1. – Д. 2684.
16. ЦГИАК Украины. – Ф. 54. – Оп. 2. – Д. 177.
17. ЦГИАК Украины. – Ф. 54. – Оп. 2. – Д. 540.
18. ЦГИАК Украины. – Ф. 54. – Оп. 2. – Д. 541.
19. ЦГИАК Украины. – Ф. 54. – Оп. 3. – Д. 2502.
20. ЦГИАК Украины. – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 25.
21. ЦГИАК Украины. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 86.
22. ЦГИАК Украины. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 110.
23. ЦГИАК Украины. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 120.
24. ЦГИАК Украины. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 197.
25. ЦГИАК Украины. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 203.
26. ЦГИАК Украины. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 209.
27. ЦГИАК Украины. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 218.
28. ЦГИАК Украины. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 487.
29. ЦГИАК Украины. – Ф. 204. – Оп. 1. – Д. 8.
30. ЦГИАК Украины. – Ф. 763. – Оп. 1. – Д. 683.

Национальный педагогический
университет им. М. Драгоманова

Поступила в редакцию 20.06.2014

Першае святкаванне на Гомельшчыне «нацыянальнага свята беларускага народа» – дня вызвалення Беларусі

Р.Р. ЛАЗЬКО

Святкаванне першай гадавіны вызвалення Беларусі на Гомельшчыне ў 1945 г. разгледжана ў сувязі з намаганнямі партыйных органаў рэспублікі, накіраванымі на пераадоленне супраціўлення народных мас палітыцы аднаўлення ў поўным аб'ёме даваенных сацыяльна-палітычных адносін. Дзеля гэтага беларускія ўлады былі вымушаны здзейсніць павярхоўны і часовы ўхл на нацыянал-камуністычныя пазіцыі, што, у прыватнасці, выявілася ў акцэнтацыі дня вызвалення як нацыянальнага свята беларускага народа. Яшчэ адной прычынай гэтай акцэнтацыі было ўваходжанне БССР у ААН.

Ключавыя словы: вызваленне, Гомельшчына, супраціўленне палітыцы поўнай рэстаўрацыі савецкай сістэмы, нацыянальнае свята 3 ліпеня 1945 г., уваходжанне БССР у ААН, нацыянал-камуністычны ўхл.

Celebration of the first anniversary of the liberation of Belarus in Gomel in 1945 is considered in connection with the efforts of the Republic Party, aimed at overcoming the resistance of the masses recovery policy is in full pre-war socio-political relations. For this sake the Belarusian authorities were forced to make a superficial and temporary slant on national-communist position that, in particular, was manifested in accentuation the day of liberation as the national holiday of the Belarusian people. Another cause of this accentuation was membership of BSSR in the UN.

Keywords: liberation, Gomel region, resistance to the policy of full restoration of the Soviet system, national holiday July 3, 1945, entry of the BSSR in the UN, national communist bias.

У гады Вялікай Айчыннай вайны народы СССР, ратуючы сваю краіну ад фашысцкай навалы, былі вымушаны ўратаваць і тую ўладу, якая склалася ў ёй да пачатку вайны – таталітарную сталінскую сістэму. А яна не для ўсіх народаў савецкай краіны была аднолькава сваёй, бо яе ўзнікненне не ў аднолькавай ступені было абумоўлена карэннымі тэндэнцыямі гістарычнага развіцця кожнага з іх. Для рускага народа гэта ўлада была вынікам перамогі адной яго часткі над другой у грамадзянскай вайне, якая завяршылася ўсяго за 20 гадоў да нападу фашысцкай Германіі на СССР. У 1941 г. ў вайну са знешнім ворагам уступіў народ, старэйшае і сярэдняе пакаленні якога яшчэ нядаўна былі расколатыя ўнутранай крывавай барацьбой і не паспелі сцерці яе са сваёй свядомасці. У такой сітуацыі ўдзел у справядлівай абарончай вайне і дасягнутая перамога ў ёй не азначалі ўзнікнення даверу да ўлады з боку ўсяго народа, як і не азначалі поўнага прымірэння з ёю. Гэта разумеў і Сталін. «У нас няма ніякіх ілюзій наконт таго, быццам яны (рускія людзі) змагаюцца за нас, – прызнаўся ён у размове з паслом ЗША ў Маскве А. Гарыманам у верасні 1941 г. – Яны змагаюцца за маці-Расію» [1, с. 49]. Гэта ацэнка, справядлівая адносна рускага народа, яшчэ ў большай ступені справядлівая ў дачыненні для народаў Беларусі, Украіны, іншых народаў, спрабаваўшых яшчэ ў час устанаўлення ў Расіі бальшавіцкай улады выйсці з яе складу і стварыць свае, асобныя ад Расіі, дзяржавы. Аднак яна справядлівая з той папраўкай, што і гэтыя народы ў вайне змагаліся *за сваю* маці-Айчыну, якую аб'яднала з Расіяй агульная небяспека. Многафактарны падыход да гісторыі вайны неабходны, каб зразумець яе складаны, «многаслойны» і трагічны характар. З гэтых пазіцый варта глянуць і на святкаванне на Гомельшчыне (у сучасных яе межах) першай гадавіны вызвалення Беларусі ад фашысцкіх захопнікаў. Ідэалогія свята 1945 г., якая ніколі не паўтаралася да канца савецкай эпохі, сведчыць аб істотных праблемах, якія мела савецкая ўлада ў працэсе прыстасавання да новых умоў, што склаліся на зямлі Беларусі пасля вызвалення.

Усведамленне няпоўнага супадзення мэтай і вынікаў вайны для бальшавіцкай улады і для большасці беларускага народа было адной з відавочных прычын прыняцця ЦК УКП(б) у

Маскве на працягу паўгода пасля вызвалення Беларусі некалькіх пастаноў аб палітычнай рабоце на вызваленай тэрыторыі. Адною з яе мэтаў павінна было стаць «выкрыццё фашысцкіх і кулацка-нацыяналістычных паклёпаў на савецкі лад і калгасы» [2, с. 509]. Як бачым, у гэтай фармулёўцы акцэнтаваліся «кулацка-нацыяналістычныя паклёпы», якіх наўрад ці даводзілася чакаць дзе-небудзь у Расіі. Звернем увагу і на тое, што калгасы як аб'ект гэтых «паклёпаў» ставіліся на адзін узровень з савецкім ладам. Тым самым савецкае кіраўніцтва выяўляла сваё ўсведамленне пэўнай нацыянальнай спецыфікі сітуацыі на вызваленай тэрыторыі заходніх савецкіх рэспублік, разам з усведамленнем таго, што менавіта аднаўленне калгаснай сістэмы справакуе тут найбольш энергічнае супраціўленне народа. Ёсць падставы сцвярджаць, што з улікам патоку інфармацыі аб адпаведных настроях і пачатку такога супраціўлення якраз і былі прынятыя названыя пастановы [3], [4, с. 532], [5, с. 92–93].

Вяртаючыся на вызваленую тэрыторыю Беларусі, савецкая ўлада сустрэлася тут з народам, які моцна змяніўся за гады вайны. З аднаго боку, вайна прымусіла мільёны мужчын і жанчын засяродзіцца на барацьбе за біялагічнае выжыванне, за стварэнне людскіх умоў для існавання. Але, з другога боку, клопатамі аб кавалку хлеба надзённага былі ахоплены людзі, набыўшыя за гады вайны новы вопыт і новыя духоўныя якасці. Вырасла пачуццё іх годнасці як пераможцаў у барацьбе з небяспечным і моцным ворагам, усведамленне сваёй ролі як ратавальнікаў краіны. Гэтыя пачуцці нараджалі ў людзей спадзяванні і нават упэўненасць у тым, што яны заслугоўваюць лепшага жыцця, чым тое, якое мелі ў даваенны час, і лепшых адносін да сябе з боку ўлады. Упэўненасць у сваім праве на лепшае жыццё падмацоўвалася назіраннямі, вынесенымі мільёнамі савецкіх людзей з іх вызваленчага паходу ў Еўропу, дзе яны ўбачылі іншае, больш забяспечанае жыццё вызваленых народаў, дасягнутае ў іншай сістэме сацыяльна-эканамічных і палітычных адносін. Носьбітамі інфармацыі аб жыцці на Захадзе сталі таксама грамадзяне, рэпатрыраваныя з Германіі, і беларусы з Польшчы, пераселеныя ў Беларусь адпаведна з польска-савецкім пагадненнем (верасень 1944 г.) аб абмене насельніцтвам. У Гомельскую вобласць па стану на 17 ліпеня 1945 г. вярнуліся з Германіі 1324 чалавекі (найбольш – у Гомельскі сельскі раён і ў Гомель), а з Польшчы к пачатку красавіка 1945 г. пераехалі 848 сямей, усяго 4318 чалавек [6, л. 129], [7, л. 64–64 адв.]. У чэрвені 1945 г. бюро Гомельскага абкама партыі было вымушана прыняць пастанову, якая патрабавала ад партыйных і савецкіх органаў «узмацніць масава-палітычную работу» сярод гэтых катэгорый насельніцтва [8, л. 296–297]. Уключэнне гэтых груп насельніцтва ў пасляваеннае жыццё накладвала свой адбітак на грамадскую сітуацыю ў Гомельскім рэгіёне, далучаючыся да іншых фактараў, такіх, як працяглая яго распалавіненасць лініяй фронту, суседства з Заходняй Беларусю, дзе людзі на працягу цэлага пакалення жылі ў іншых умовах і пасля вайны аказаліся лепш забяспечанымі, і г. д.

Галоўным накірункам масава-палітычнай работы партыйных органаў Гомельшчыны у першы пасляваенны год было аднаўленне і замацаванне тых схем грамадскага развіцця, якія склаліся да вайны і забяспечвалі манапольнае становішча бальшавіцкай партыі ў палітычнай сістэме краіны. Дзеля гэтага ў поўную сілу эксплуатаваўся фактар перамогі савецкага народа ў вайне з фашысцкай Германіяй і яе саюзнікамі. Перамога была абвешчана трыумфам сацыялістычнага грамадскага ладу і сведчаннем высокай эфектыўнасці палітыкі бальшавіцкай партыі.

Першай масавай палітычнай кампаніяй пасля завяршэння вайны, прычым, беспрэцэдэнтнай па сваім характары, было святкаванне 3 ліпеня 1945 г. гадавіны вызвалення Мінска. Рашэнне аб святкаванні гэтай даты было прынята ЦК КП(б)Б 22 мая 1945 г., а на яго аснове Гомельскі і Палескі абкамы партыі (як, напэўна, і ўсе астатнія) прынялі свае аналагічныя пастановы. Было вырашана «дзень 3 ліпеня – гадавіну вызвалення сталіцы Беларусі горада Мінска правесці як *усенароднае нацыянальнае свята* перамогі і вызвалення беларускага народа ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў» [8, л. 288], [9, л. 40; *выдзелена намі*]. Наданне гэтай падзеі ў партыйных рашэннях характара ўсенароднага *нацыянальнага свята* беларускага народа і па-сапраўднаму шырокі размах яго святкавання ў 1945 г. былі тымі яго кампанентамі, якія і вызначылі яго беспрэцэдэнтны характар. Адпаведна з пастановамі абкамаў партыі ў гонар гэтага свята на ўсіх прадпрыемствах і ўстановах было разгорнута

сацыялістычнае спаборніцтва, вялася лекцыйная прапаганда гераічнай барацьбы беларускага народа, упрыгожваліся гарады, былі праведзены фізкультурныя святы. 2 ліпеня прайшлі ўрачыстыя сходы на ўсіх прадпрыемствах, 3 ліпеня адбыліся масавыя мітынгі і дэманстрацыі працоўных у раённых і абласных цэнтрах. Матэрыялы аб падрыхтоўцы да свята друкаваліся на першай старонцы «Гомельскай праўды» пад рубрыкай «Нацыянальнаму святу – дастойную сустрэчу». Пасля свята газеты надрукавалі даклад першага сакратара ЦК КП(б)Б і старшыні Саўнаркама БССР П. Панамарэнкі на VII сесіі Вярхоўнага Савета БССР, прысвечаны першай гадавіне вызвалення Беларусі, у якім таксама акцэнтаваліся нацыянальныя кампаненты яе нядаўняй гісторыі, што да вайны было зусім не характэрна для партыйнай прапаганды. Панамарэнка, у прыватнасці, сказаў, што ў Вялікай Айчыннай вайне беларускі народ адстойваў не толькі «сваю любімую Радзіму» – СССР, але і «сваю беларускую савецкую дзяржаву, створаную Леніным і Сталіным у 1919 г.» У гэтай барацьбе, адзначыў дакладчык, «яшчэ больш вырасла... нацыянальная самасвядомасць» беларускага народа. Панамарэнка падкрэсліў таксама гістарычнае значэнне аб'яднання беларускага народа ў адной беларускай дзяржаве і прызнанне гэтага гістарычнага акта з боку Часовага ўрада Польшчы і Арганізацыі Аб'яднаных нацый [10].

На той жа VII сесіі Вярхоўнага Савета БССР быў прыняты закон «Аб азнамянанні перамогі і ўвекавечанні памяці воінаў, загінуўшых у перыяд Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза». Сярод мер, пакліканых ушанаваць перамогу і памяць загінуўшых дзеля яе воінаў, гэтым законам дзень 3 ліпеня быў абвешчаны штогадовым Святам Перамогі і вызвалення беларускага народа ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў [11, с. 121].

Такі выбух беларускай патрыятычнай энергіі з боку рэспубліканскіх і абласных кіраўнікоў Беларусі патрабуе рацыянальнага тлумачэння, бо нельга ж западозрыць іх у тым, што ўсе яны раптам і ўсе як адзін трапілі пад уплывы беларускага нацыяналізму. Першая прычына такога беларускага патрыятычнага ўздыму ў гэтым асяроддзі ўгадваецца пры разглядзе яго ў сувязі з разгорнутай у гэты час актыўнасцю Беларусі на міжнароднай арэне. Святкаванне 3 ліпеня як вялікага нацыянальнага свята было разгорнута пасля прыняцця БССР у Арганізацыю Аб'яднаных Нацый (ААН) у якасці адной з дзяржаў-заснавальніц і ў той самы час, калі беларуская ўрадавая дэлегацыя прыступіла да работы на яе ўстаноўчай канферэнцыі ў Сан-Фрацыска [12, с. 151–156]. Шумнае святкаванне дня вызвалення Беларусі, у ходзе якога экспаніравалася не толькі наяўнасць, але і сталасць беларускай савецкай дзяржавы, яе вялікі ўклад у барацьбу народаў супраць фашызма, павінна было служыць пацвярджэннем права БССР на месца ў ААН і аблегчыць працу яе дэлегацыі на ўстаноўчай канферэнцыі.

Але гэта была хоць і важная, але не адзіная прычына. Святкаванне дня вызвалення Беларусі як вялікага нацыянальнага свята арганічна ўстала ў тую лінію ідэалагічнай работы, якую да пачатку другога года вайны выпрацавала беларускае партыйнае кіраўніцтва, калі ўсвядоміла, што ва ўмовах цяжкіх паражэнняў Чырвонай Арміі яно прайграе ворагу прапагандысцкую вайну на акупіраванай тэрыторыі. Агульныя эгаістычныя заклікі савецкага ўрада да татальнага супраціўлення насельніцтва акупантам накшталт спальвання хлеба і г. д., без уліку таго ўплыву, які яны аказвалі на лёс пакінутых уладай людзей, былі неэфектыўнымі [13, с. 155–167]. Давялося звярнуцца да больш глыбокіх і не экспанаваных класавую сутнасць даваеннай савецкай улады ідэй. Такімі ідэямі аказаліся нацыянальныя. Таму следам за паваротам агульнасаюзнага кіраўніцтва да акцэнтацыі даўніх гістарычных традыцый барацьбы рускага народа са знешнім ворагам, ідэі славянскага адзінства ў гэтай барацьбе, следам за ўвядзеннем ордэнаў А. Неўскага, А. Суворова, М. Кутузава, у прапагандзе, адрасаванай насельніцтву акупіраванай Беларусі, з'яўляюцца спасылкі на персанажаў беларускай гісторыі – «народных правадыроў, кіраўнікоў паўстанняў у барацьбе за сваю годнасць, за свой гонар і свабоду». Напэўна, найбольш вымоўнымі ў гэтым кантэксце з'яўляюцца факты прысваення некалькім беларускім партызанскім фарміраванням імя Кастуся Каліноўскага. П. Панамарэнка, ужо тады асвоіўшы беларускую нацыянальную фразеалогію, нават прапанаваў сфарміраваць дзве беларускія арміі са сваімі адрозненнямі ад астатніх савецкіх у форме адзення і з нацыянальнымі назвамі дывізіі і палкоў, са сваімі

традыцыямі выхавання іх асабовага складу [14, с. 5–6]. Гэты праект не быў рэалізаваны па невядомых пакуль прычынах, але сам факт яго з’яўлення добра ілюструе характар павароту ў ідэалагічнай рабоце савецкай улады на тэрыторыі Беларусі, трапіўшай пад акупацыю. Паколькі праз год пасля вызвалення прычыны, якія прывялі да гэтага павароту, не да канца былі ліквідаваныя (між іншым, пачаў усведамляцца ўплыў беларускай калабарацыі на развіццё культуры, адукацыі, на пашырэнне ідэі беларускай дзяржаўнасці), то і новая лінія ідэалагічнай работы яшчэ некаторы час заставалася актуальнай.

Разам з тым, беларускае партыйнае кіраўніцтва паспяшалася абазначыць тую мяжу ў сваім нацыянальным ухіле, якую яно ні ў якім разе не збіралося перайсці, прычым, зрабіла гэта спосабам, аднолькава зразумелым як для мас беларускага народа, так і для яго маскоўскіх уладароў. У маштабную кампанію, разгорнутую ў сувязі са святкаваннем 3 ліпеня 1945 г. «нацыянальнага свята беларускага народа», быў ўключаны збор подпісаў пад пісьмом «працоўных Беларускай ССР Вялікаму правадыру народаў Іосіфу Вісарыёнавічу Сталіну». Пісьмо было надрукавана вялікім накладам у выглядзе брашуры з чыстымі апошнімі старонкамі, прадугледжанымі для яго падпісання. Як адзначалася ў яго тэксце, «пісьмо абыйшло ўсе гарады, пасёлкі, калгасы і вёскі Савецкай Беларусі», і гэта сцвярджае не з’яўляецца перабольшваннем. На апошніх старонках шматлікіх экзэмпляраў гэтага дакумента, якія захоўваюцца ў архіве, мы бачым дзесяткі подпісаў, зробленых не прывыклымі да пісання рукамі калгаснікаў усіх 12 раёнаў былой Палескай вобласці. Відавочна, ёсць яго экзэмпляры і ад іншых абласцей і раёнаў.

Аб чым жа пісалі працоўныя Гомельшчыны і ўсёй Беларусі «вялікаму правадыру», дакладней, ад іх імя – кіраўнікі БССР? У дзень 3 ліпеня, (двойчы ў тэксце названым «нацыянальнага святам беларускага народа»), яны звярталіся да яго «з бязмежнай любоўю і сыноўняй удзячнасцю», услаўлялі яго і «партыю Леніна – Сталіна», дзякавалі «вядучай рускай нацыі» (так у тыя дні рускі народ назваў Сталін) і іншыя народы СССР за дапамогу ў вызваленні. Узгадаўшы далей асноўныя этапы гістарычнага шляху беларускага народа – зразумела, адпаведна з яго бальшавіцкай і прарасійскай трактоўкай – аўтары пісьма падкрэслілі, што толькі дзякуючы Кастрычніцкай рэвалюцыі беларускі народ устаў на шлях будаўніцтва ўласнай дзяржаўнасці і пераадолення векавой адсталасці, дасягнуў вялікіх поспехаў на гэтым шляху, а ў гады вайны пад кіраўніцтвам партыі, «па Вашым закліку, таварыш Сталін» узяўся на барацьбу і адстаяў сацыялістычныя заваёвы. Такі ў самым кароткім пераказе асноўны змест ліста. Але яго сэнс выяўляецца, на нашу думку, на яго апошніх, 13–14 старонках, дзе ад імя беларускага народа дадзена клятва Сталіну як «главе ўрада, правадыру партыі і народа»: «Аб’ячаем Вам, дарагі наш таварыш Сталін, мацаваць сталінскую дружбу народаў, берагчы наш савецкі і калгасны лад, умацоўваць ваенную і эканамічную моц СССР і пад Вашым геніяльным кіраўніцтвам ісці наперад да новых перамог сацыялізма» [15, л. 2–9 адв.]. Такім чынам, пісьмо Сталіну было своеасаблівымі палітычнымі «заручынамі» беларускага народа з савецкай уладай, з яе сталінскім кіраўніцтвам, зладжанымі ад імя народа яго бальшавіцкімі кіраўнікамі. Яны аказаліся неабходнымі гэтай уладзе якраз таму, што больш чым за тры гады вайны асновы гэтай улады, асабліва такія, як калгаснае прыгоннае права, моцна пахіснуліся. Крамлю як бы паведамлялі з Мінска, што нягледзячы на нацыянальную рыторыку, якой суправаджалася ўступленне БССР у ААН і святкаванне дня вызвалення 3 ліпеня, Беларусь застаецца разам з Савецкай Расіяй і пад яе сталінскім кіраўніцтвам.

«Гомельская праўда», якая 13 ліпеня 1945 г. апублікавала тэкст пісьма Сталіну, паведаміла, што яго ў БССР падпісалі 2547300 чалавек. Разгорнутая ў сувязі з падпісаннем палітычная кампанія «ахалоджвала» атмасферу святкавання першай гадавіны вызвалення Беларусі як нацыянальнага свята беларускага народа. Яна сведчыць аб тым, што ўхіл партыйнага кіраўніцтва рэспублікі на нацыянал-камуністычныя пазіцыі быў павярхоўным, кароткачасовым, вымушаным неабходнасцю, з аднаго боку, апанаваць сітуацыю ў краіне, у якой народ за гады вайны прывык супраціўляцца гвалту; з другога боку, яна прызначана была паслужыць візітнай карткай для кіраўнікоў БССР пры ўваходжанні рэспублікі ў ААН. Але прынцыповае прызначэнне абедзвюх звязаных паміж сабой кампаній – святкавання дня

вызвалення Беларусі як нацыянальнага свята беларускага народа і стварэння ад яго імя падданніцкага ліста Сталіну – было ў істоце сваёй адно: яны павінны былі служыць сродкам мабілізацыі мас для працягу працэсу аднаўлення ў поўным аб’ёме сацыялістычнага ладу з яго вядомай з даваеннага часу палітычнай сістэмай.

З наступнага года свята вызвалення Беларусі ў партыйнай прапагандзе перастануць называць нацыянальным, хоць яно застаецца «вялікім» і «ўсенародным». Акрамя таго, яго пачнуць звязваць з датай звароту Сталіна да народаў Савецкага Саюза 3 ліпеня 1941 г. А народ будзе адсунуты на задні план, за плечы «правадыра». За гэтым неўзабаве адновяцца і рэпрэсіі супраць іншадумцаў.

Літаратура

1. «Русские шли волна за волной...» Беседа американского профессора Урбана с бывшим послом в СССР А. Гарриманом // Родина. – 1991. – № 6–7. – С. 58
2. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. – Т. 3: 1933 – 1945. – Минск : Беларусь, 1985. – 551 с.
3. Корж В. З. Докладная записка о проделанной работе в тылу врага за период с первых дней войны, т. е. с июня 1941 г. по 3-е апреля 1942 г. : публ. В.І. Ермаловіча // Беларускі гіст. часопіс. – 1994. – № 2. – С. 16–19.
4. Кузьменка У. Жыццё насельніцтва ў гады акупацыі // Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэдактар) [і інш.] – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – С. 218–233.
5. Беларусь 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память. В 2 кн. – Кн 2. Нац. акад. наук Беларусі, Ин-тут истории; редкол.: А.А. Коваленя (предс.) [и др.] – Минск : Беларус. навука, 2010. – 358 с.
6. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб’яднанняў Гомельскай вобласці (далей – ДАГАГВ). – Ф. 144.– Воп. 5. – Спр. 62.
7. ДАГАГВ. – Ф. 144. – Воп. 2. – Спр. 62.
8. ДАГАГВ. – Ф. 144. – Воп. 1. – Спр. 35.
9. ДАГАГВ. – Ф. 702. – Воп. 13. – Спр. 139.
10. Гомельская праўда. – 10 ліпеня 1945.
11. Очерки истории государства и права БССР. Вып. 2. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1969. – 384 с.
12. Снапкоўскі У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: Вучэб. дапам.: У 2 ч. Ч. 2. Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. / У.Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2004. – 302 с.
13. Болсун Г. Пропагандистская работа противоборствующих сторон среди населения оккупированной Беларуси (1941–1944 гг.) / Г. Болсун // Пытанні гісторыі, метадалогіі і методыкі выкладання. Зб. навук. артыкулаў. – Вып. 1. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1998. – С. 155–167.
14. Вялікі А. Асоба Кастуся Каліноўскага і паўстанне 1863–1864 гг. у ідэалогіі КП(б)Б (другая палова 1920-х – 1950-я гг.) / А. Вялікі // Беларускі гіст. часопіс. – 2014. – № 6. – С. 3–9.
15. ДАГАГВ. – Ф. 702. – Воп. 29. – Спр. 79.

Отношения между СССР и Польшей в условиях нарастания мировой войны в советской и польской межвоенной историографии и публицистике

Н.Н. Мезга

Рассмотрены особенности развития историографии СССР и Польши 1930-х гг., посвященной взаимоотношениям между двумя странами во время назревания Второй мировой войны. Установлено, что в связи с высокой степенью политической актуальности изучаемых проблем на содержание исследований решающее значение оказывало стремление историков и публицистов обосновать и оправдать политику своей страны.

Ключевые слова: историография, СССР, Польша, Германия, агрессия, назревание войны, Восточный акт, Судетский кризис, договор о ненападении, польско-германская декларация.

Some peculiarities of the development of Soviet and Polish historiography of the 1930-s dedicated to the history of connections between two countries in the time of World War II rising are considered. It is stated that due to high level of political topicality of the problem matters, decisive importance for research contents has been influenced by historians and publicists' attempts to ground and justify politics of their own country.

Keywords: historiography, the USSR, Poland, Germany, aggression, war rising, East statement, Soudet crisis, non-aggression pact, Polish-German declaration

Наращение угрозы Второй мировой войны привело к существенным изменениям в советской исторической науке. Руководство СССР во главе со И. Сталиным готовило народ к войне и понимало, что необходимо изменить и массовое историческое сознание. Это потребовало создания новой концепции исторического пути России, способной сформировать у народа чувство патриотизма. В этих целях происходил отказ от концепции М.Н. Покровского, которая кардинально разрывала советскую историю с историей царской России. На смену ей приходила идея преемственности Е.В. Тарле и С.Ф. Платонова [1, с. 220]. В советской политике вместо приоритета мировой революции на первый план вышла борьба с фашизмом, прежде всего, с Германией. Это означало во многом возврат к политике царской России начала XX в. По мнению современного российского исследователя Р.Г. Пихоя, историческая наука с конца 1920-х гг. должна была обосновывать преемственность внешней политики царской России и России советской [2, с. 41, 50].

Наращение угрозы новой мировой войны вело к коррективам, в том числе, в отношениях между СССР и Польшей. Изменения во внешнеполитическом курсе двух стран находили отражение в советской и польской историографии двухсторонних отношений. В данной статье мы попытаемся выяснить, как историки и публицисты СССР и Польши реагировали на изменения во внешней политике своих стран, проследить, в какой степени историография и публицистика находились под влиянием политического фактора.

В советской историографии и публицистике 1930-х гг. отмечается, что заключение советско-польского договора о ненападении 1932 г. не привело к существенному и устойчивому улучшению отношений между двумя странами. Отстаивая эту точку зрения, один из крупнейших советских специалистов по Польше того времени М. Вислинский писал: «Говоря о польско-советских отношениях, приходится отметить, что перелом к лучшему, наметившийся со стороны Польши в 1932 г., и увенчавшийся заключением пакта о ненападении, не получил дальнейшего развития» [3, с. 46–47]. Он считал, что поворот во внешней политике Польши от сотрудничества с СССР к новому витку конфронтации произошел во второй половине 1933 – начале 1934 гг. Связано это с тем, что с середины 1933 г. наметилось сближение Польши с Германией [3, с. 42]. Авторы работы «Фашистская Польша в тупике» отмечали, что во второй половине 1933 г. для внешней политики Польши определилась альтернатива: опора при ее про-

ведении на договор о ненападении с СССР, или сотрудничество с фашистской Германией. Правящие круги Польши избрали второй вариант. Заключение конвенции 1934 г. с Германией характеризуется как поворотный пункт в польской внешней политике [4, с. 39, 41]. На то, что в начале 1930-х гг. польская внешняя политика находилась на перепутье, указывали советские историки А.В. Шустер и М.В. Джервис. Они считают, что некоторое время Ю. Пилсудский колебался «между страхом потерять Познань, Верхнюю Силезию и Данцигский коридор и надеждой получить германскую помощь в войне против СССР. Но это, последнее соображение, оказалось решающим, и Польша начинает медленно, но неуклонно сближаться с Германией» [5, с. 411]. Заместитель наркома по иностранным делам В. Потемкин, который публиковался под псевдонимом В. Гальянов, в своей работе также отмечает возможность выбора при определении внешнеполитической линии польским правительством. Польша для укрепления своей безопасности могла опереться на договор о ненападении с СССР. Однако это маловероятно, так как, по его мнению, во главе Польши стоят фашисты, «враги и ненавистники Советского Союза», которые повели Польшу к сотрудничеству с фашистской Германией. [6, с. 41–42].

При оценке политики Польши после подписания договора о ненападении с СССР в советской историографии акцент делался на сохранение ее антисоветской направленности. Публицист Ю. Братковский обвиняет Польшу в подготовке интервенции против СССР. По его словам, «польский фашизм проводит антисоветскую кампанию под лозунгом расчленения СССР и восстановления польских границ 1772 г.». При этом подчеркивается, что «пилсудчики не отказываются от попыток договориться с германской буржуазией на антисоветской основе. На территории Западной Беларуси есть группа помещиков во главе с Мацкевичем, группирующихся вокруг виленской газеты «Слово», которая выступает за достижение соглашения с Германией на антисоветской основе. Они исходят из того, что «Гитлер является больше антисоветским, чем антипольским». По мнению Ю. Братковского, пилсудчики по-прежнему не оставили планов создания «независимой Украины» на территории Советской Украины и еще более тесного объединения с Польшей Западной Украины» [7, с. 35, 37, 39, 40].

Достаточно известный специалист по внешней политике Польши И. Высоцкий в свою очередь констатирует наличие у польских правящих кругов планов отторжения от СССР Украины, а также БССР. Он пишет, что в качестве «потенциальных колоний монополистический капитал Польши рассматривает Советскую Белоруссию и Советскую Украину. В отторжении от СССР этих двух советских республик заинтересованы и польские помещики, в частности, та их часть, которая до Октябрьской революции владела крупными имениями в Белоруссии и на Украине». Он отмечает, что эти захватнические планы Польша стремилась осуществить еще в 1920 г., потерпела поражение, но от них не отказалась. Еще одним антисоветским направлением польской политики И. Высоцкий считает стремление Польши подчинить своему влиянию Прибалтику [8, с. 12–13].

Обращаясь к проблеме польско-германской конвенции 1934 г., советские исследователи отмечают, что она имеет характер договора о ненападении, причем обязательства ненападения носят безусловный характер. Из этого, например, И. Высоцкий делает вывод, что «оба фашистских государства оставили друг другу полную свободу действий для осуществления своих захватнических планов и прежде всего против СССР» [8, с. 10–11]. Он также отмечает стремление польских политических кругов к союзу с другим фашистским государством – Японией, утверждает, что этот союз нужен «для совместного нападения на СССР». Автор ссылается на труды представителя польских консерваторов, известного публициста В. Студницкого, который предлагает присоединить к Японии советский Дальний Восток вплоть до Байкала. Взамен Япония должна помочь Польше «расчленить Советский Союз и отторгнуть от него громадные территории на западе и юге» [8, с. 12–13]. Для осуществления своих агрессивных замыслов в отношении СССР Польша, по мнению И. Высоцкого, всегда стремится сблизиться с той «из европейских держав, которая на данном отрезке времени агрессивнее всего относилась к Советскому Союзу». Когда после прихода Гитлера к власти наиболее враждебную в отношении СССР политику стала проводить Германия, Польша переориентировалась на союз с ней [8, с. 13–14].

Советский публицист А. Врублевский в свою очередь считает, что тесное сближение Гитлера с «польским фашизмом» происходит «на общей платформе империалистической экспансии на восток и планов совместного похода против СССР» [9, с. 162]. Гитлеровская Германия

«постоянно твердит», что именно роль Польши как барьера против «красной опасности» является «тем звеном, которое объединяет Польшу и Германию» [9, с. 202]. Особую роль в проведении антисоветской политики советская историография отводит Ю. Пилсудскому. А. Врублевский писал, что пилсудчики проявили себя как партия фашистов в Польше, а сам Пилсудский поддерживает связь «с наиболее антисоветскими агрессивными империалистическими государствами» [9, с. 185]. Курс на сотрудничество с фашистскими государствами определяется для правящих кругов Польши их классовыми интересами. По словам А. Врублевского, они готовы «скорее стать приказчиками Гитлера в своей собственной стране, чем лишиться возможности держать трудящиеся массы Польши, Западной Беларуси и Западной Украины в кабале, нищете и голоде» [9, с. 208–209].

После заключения германо-польской конвенции от 26 января 1934 г. советские историки подчеркивают дружеский характер отношений между Польшей и Германией, которые носили антисоветский характер. И. Лемин в этой связи отмечал, что «для осуществления своих грабительских планов германский фашизм создает тесный контакт с Польшей». Со ссылкой на иностранную печать он говорит об обязательстве Германии оказать поддержку Польше в случае польско-советской войны. Именно Польша, по мнению данного автора, является страной, которая наиболее активно поддерживает действия Германии по разрушению системы безопасности в Европе. Примером этого являются резкие возражения со стороны Польши против проекта Восточного пакта, активным сторонником которого был СССР [10, с. 40, 53, 61].

Л. Ломов цель «сговора» Польши с фашистской Германией видит в подготовке войны против СССР. Данный автор также обращает внимание на укрепление связей Польши с Японией, опять же на антисоветской основе. Как факт, свидетельствующий о подготовке Польши к войне, он оценивает отклонение ею Восточного пакта, имевшего целью «поддержание мирных отношений между народами Европы» [11, с. 55–56]. Вопросу отношения Польши к Восточному пакту советская историография уделила пристальное внимание. И. Высоцкий считал, что именно отказ Польши от участия в этом пакте, если его участником не станет Германия, является свидетельством координации политики этих двух стран [8, с. 10–11, 12, 13]. А. Врублевский в свою очередь подчеркивает, что наиболее ярко сотрудничество Германии и Польши обнаружилось в вопросе о восточноевропейском пакте взаимопомощи. Он наткнулся на противодействие лишь со стороны правительств Германии и Польши. Их негативное отношение к договору, имевшим целью «уменьшить опасность возникновения войны в восточной части Европы, объясняется лишь тем, что агрессивные планы правящих групп этих государств направлены именно к захватническим действиям на востоке Европы, к захвату территорий СССР» [9, с. 206–207].

Как враждебную СССР и нацеленную на срыв создания системы коллективной безопасности оценивает И. Высоцкий польскую политику в Прибалтике, отмечая, что она стремится «помешать присоединению Прибалтийских стран к проекту восточного пакта». Летом 1934 г. польский министр иностранных дел Ю. Бек посетил с визитом Эстонию и Латвию. Целью этой поездки было «склонить Латвию и Эстонию к выступлению единым фронтом с Польшей и Германией против восточного пакта, а также упрочить политическое влияние Польши в Прибалтике» [8, с. 13]. В. Гальянов представляет Польшу как главного противника советской политики по созданию системы коллективной безопасности, так как именно она вместе с Германией решительно выступила против подписания Восточного пакта. Он также обвиняет Польшу в стремлении создать «санитарный пояс» из враждебных Советскому Союзу государств, облегчающий нападение на него фашистской Германии [6, с. 41–42].

В. Гальянов отмечает агрессивную политику Польши в связи с разделом Чехословакии, что содействовало обострению польско-советских отношений. По его словам, СССР готов был поддержать Чехословакию и пытался оказать давление на Польшу, чтобы она воздержалась от античехословацких действий. Поверенный в делах Польши был вызван в НКВД и ему было заявлено, что если бы польская армия перешла границу Чехословакии, то СССР расценил бы это как акт агрессии и денонсировал бы договор о ненападении. После этого часть польских войск была отведена от чехословацкой границы [12, с. 50, 57]. В. Гальянов отмечает и изменения, которые произошли в отношении к СССР со стороны Польши под влиянием захвата Гитлером Австрии и «глубокого проникновения в Чехословакию». Эти события показали, что существует реальная угроза для польского коридора, Верхней Силезии, Данцига. В результате «27 ноября минувшего года мир был поражен советско-польским дружественным коммюнике. За ним последовало

торговое соглашение СССР и Польши, подписанное 7 февраля (1939 – Н. Мезга)». Данный автор также отмечает, что Ю. Бек перешел на позицию, согласно которой «дружба Варшавы с Берлином вполне совместима с добрыми отношениями той же Варшавы с Москвой» [12, с. 63].

Новые тенденции в развитии советской историографии советско-польских отношений появились в связи с подписанием пакта Риббентропа-Молотова. Российский исследователь Е.П. Аксенова отмечает, что отношение к Польше после подписания советско-германского договора о ненападении нашло отражение и в исторической литературе [13, с. 22]. Знакомство с работами советских авторов, появившихся после названного соглашения, дает основания согласиться с этим утверждением. В. Пичета представляет Польшу страной, которая развязала Вторую мировую войну: «... польские правители начали войну против Германии» [14, с. 126]. И.Ф. Лочмель также обвиняет Польшу в развязывании войны с Германией. Он пишет, что польские руководители по указанию Англии и Франции ввязались в эту войну [15, с. 153]. Далее он стремится оправдать вступление Красной Армии на территорию Западной Беларуси и Западной Украины, заявляя, что народы этих территорий были брошены на произвол судьбы, подняли восстание против оккупантов и ждали помощи от СССР [15, с. 154].

Польская историография также активно изучала вопрос о роли польско-германской декларации 1934 г. во внешней политике своей страны. Решая проблему, кто из двух великих соседей в большей степени угрожает Польше, А. Бохеньский указывает на опасность, прежде всего, со стороны России. Еще в 1932 г. в своих работах он доказывал необходимость польско-германского сближения [16, с. 19–20]. А. Бохеньский указывает, что в условиях российско-германского антагонизма политика Пилсудского предполагает, что Польша должна быть на стороне Германии, хоть Гитлер и является нападающей стороной [19, с. 37]. Ю. Лукаевич считал, что Пилсудский и Гитлер декларацией 1934 г. «дали своим народам десять лет времени на то, чтобы попробовать жить в мире». Прошедшие на момент издания работы четыре года существования декларации позволяют говорить о поступательном развитии отношений Польши с Германией и с надеждой смотреть в будущее [17, с. 39]. Высоко оценивают польско-германскую декларацию 1934 г. многие другие польские авторы. Так, в работе «Внешняя политика Польши» говорится, что этот договор стал поворотным моментом в отношениях Польши и Германии. Он основа гармоничного сотрудничества двух стран, завершилась эпоха территориальных претензий Германии к Польше [18, с. 13].

А. Бохеньский отмечал, что в противодействии внешней угрозе Польша не может получить поддержки ни со стороны России, ни со стороны Германии. Это связано с тем, что перестройка Европы в соответствии с польскими планами происходила бы за счет интересов русского народа и противоречила бы планам германского народа по перестройке положения вещей в Восточной Европе [20, с. 146–147]. Он также указывал, что одной из аксиом польской политики есть признание невозможности опоры на помощь Красной Армии против Германии и германской армии против СССР. В интересах Польши существование германо-российского антагонизма. При этом правящие круги Польши склоняются к тому, чтобы в этом споре быть на стороне Германии [19, с. 26, 37]. Данный автор считает, что в условиях угрозы для СССР войны на Дальнем Востоке, он будет стремиться к обеспечению мира на своей западной границе через соглашение с сильнейшим партнером. Тем самым может возникнуть угроза советско-германского соглашения, направленного против Польши [19, с. 22]. Он высказывает мнение, что конфликт Польши с Россией возможен в связи с украинским вопросом, если возрастет влияние украинских националистов на политику СССР. Либо, если украинцы, проживающие на территории Польши, проявят стремление к созданию своего национального «Пьемонта» [19, с. 23]. По мнению А. Бохеньского, изложенном в одной из работ, изданной в 1938 г., с 1921 г. по 1926 г. во внешней политике Польши доминировала позиция национальной демократии. Только возвращение к внешнеполитическому курсу Пилсудского делает возможным подготовить общественное мнение Центральной и Восточной Европы к «планам великой польской политики». Народы этого региона должны стать опорой Польши в противостоянии российскому и германскому империализму [20, с. 152].

С. Мацкевич считает, что в начале 1930-х гг. наблюдалась тенденция к улучшению польско-советских отношений. Он связывает это с тем, что в то время Франция шла на большие уступки Германии. В таких условиях сближением с СССР Пилсудский демонстрировал

самостоятельность польской политики, готовил необходимые условия для превентивной войны с Германией. СССР со своей стороны демонстрировал готовность к сближению с Польшей. С. Мацкевич объясняет это ростом влияния Гитлера в Германии [21, s. 241–242]. По его мнению, Бек имел планы достижения польско-германо-российского соглашения. Это была «абсурдная мысль», так как любое германо-российское соглашение «есть гибель Польши» [21, s. 308]. Далее С. Мацкевич признавал в своих работах, что Ю. Бек вынашивал планы совместного похода Польши и Германии против Советского Союза и это составляло основу польско-германских отношений после подписания декларации 26 января 1934 г. С другой стороны в основе политики Бека была формула ни одного шага ближе к Берлину, чем к Москве. Эту политику С. Мацкевич считал ошибочной, и ее крах наступил 17 сентября 1939 г. [21, s. 283, 284]. Он указывает, что в 1939 г. у Сталина в политике в отношении Польши было два выбора. Первый предполагал защиту Польши от Германии. Но сделать это он не мог, так как Красная Армия была слаба, чтобы противостоять Германии. [21, s. 331]. В конце 1930-х гг. польская историография отмечает существование острого советско-германского антагонизма. Это оценивается как благоприятный для Польши внешнеполитический фактор, и задача ее внешней политики видится в том, чтобы поддерживать этот антагонизм. Причем в российско-германском противостоянии Польша должна быть на стороне Германии [22, s. 30].

Польская историография признает нежелание своей страны участвовать в создании системы коллективной безопасности. В. Студницкий в качестве альтернативы ей рассматривает польскую политику сближения с Германией, результатом которой должно было стать создание блока центрально-европейских государств. К такой политике Польшу, по его мнению, принуждает ее географическое положение [23, s. 9]. Это делало для нее невозможным заключение Восточного пакта, направленного против Германии. Ю. Лукасевич указывает на неопределенность политики коллективной безопасности и считает, что Польша поступила совершенно правильно, противопоставив ей соглашения о ненападении с СССР и Германией и сохраняя равновесие между ними. Именно политика равновесия, по его мнению, «позволила ей с достоинством преодолеть кризисы, которые недавно произошли в Европе». Он относит Польшу к числу стран, благодаря «уравновешенной политике» которых «Европа не попала в сентябре 1938 г. в состояние абсурдной войны» [17, s. 48]. Тем самым оправдывается участие Польши в разделе Чехословакии во время Судетского кризиса.

Резкой критике идея заключения Восточного пакта подвергается в коллективной работе «Польская внешняя политика», вышедшей в 1938 г. Ее авторы в качестве главной причины отказа Польши от подписания этого документа называют нежелание ее допустить советские войска на свою территорию. Кроме того, польское правительство считало, что Восточный пакт представлял собой попытку создания антигерманского блока, что не только не гарантировало мира, но, напротив, могло привести к большой войне. Польша рассматривала проектируемый пакт как идеологический блок, а в таких блоках она не участвует. К тому же, исходя из опыта Судетского кризиса, ставится под сомнение реальность получения помощи от Советского Союза [18, s. 10].

Специфика развития историографии СССР и Польши, изучавшей отношения между двумя странами накануне Второй мировой войны, заключалась в том, что она фактически реагировала на текущие политические события. В результате историки и публицисты свои исследования сводили главным образом к оценочным суждениям о внешней политике своей страны и партнера в контексте международной ситуации того времени. Советская историография доказывала, что Польша после подписания пакта о ненападении с СССР в скором времени сделала окончательный выбор в сторону Германии. В основе польско-германского сближения лежали общие агрессивные устремления в отношении СССР. Отмечалась согласованность внешней политики Германии и Польши, что проявилось в деле срыва подписания Восточного пакта и совместных действиях в условиях Судетского кризиса. Польские историки и публицисты в большинстве своем оправдывали политику Пилсудского по сотрудничеству с Германией, высказывали опасения относительно угрозы со стороны СССР. Но в польской историографии, в отличие от советской, наблюдался некоторый плюрализм при оценке внешней политики своего государства. Далекое не все историки разделяли веру в устойчивость и долгосрочность польско-германского сотрудничества.

Литература

1. И.В. Сталин. Историческая идеология в СССР – С.-Пт. : «Наука – Питер», 2006. – 494 с.
2. Пихоя, Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы 20 века / Р.Г. Пихоя // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 28–53.
3. Вислинский, М. Внешняя политика Польши на современном этапе / М. Вислинский // Пропагандист. – 1935 – № 10. – С. 42–47.
4. Фашистская Польша в тупике. – Л. : Ленинградское областное издательство, 1938. – 68 с.
5. Шустер, У.А. Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии / У.А. Шустер, М.В. Джервис // Против фашистской фальсификации истории : сборник статей. / ред. колл. Е.В. Тарле [и др.] – М. : Издательство ЦК МОРП, 1939. – С. 410–445.
6. Гальянов, В. Куда идет Польша / В. Гальянов // Фашистская Польша в тупике. – Лн. : Ленинградское областное издат., 1936. – С. 46.
7. Братковский, Ю. Польско-германские отношения и угроза антисоветской интервенции / Ю. Братковский // Коммунистический Интернационал. – 1933. – № 21 – С. 35–41.
8. Высоцкий, И. Внешняя политика фашистской Польши / И. Высоцкий // Коммунистический Интернационал. – 1935. – № 16–17. – С. 10–17.
9. Врублевский, А. Польша / А. Врублевский. – М. : Гос. социально-экономическое издательство, 1936. – 212 с.
10. Лемин, И. Угроза войны и мирная политика СССР / И. Лемин. – М. : Воениздат, 1940. – 80 с.
11. Ломов, Л. Польша и ее армия / Л. Ломов. – М. : Гос. воен. издат., 1935. – 64 с.
12. Гальянов, В. Международная обстановка второй империалистической войны / В. Гальянов // Большевик. – 1939. – С. 49–65.
13. Аксенова, Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы / Е.П. Аксенова. – М. : Институт славяноведения РАН. 2000 – 224 с.
14. Пичета, В. Основные моменты развития Западной Украины и Западной Белоруссии / В. Пичета. – М. – Л. : Гос. соц. – эконом. издат., 1940. – 136 с.
15. Лочмель, И.Ф. Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов / И.Ф. Лочмель. – М. – Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1940. – 163 с.
16. Gzela, J. Między sowietami a Niemcami. Koncepcje polityki zagranicznej konserwatystów wileńskich, zgrupowanych wokół «Słowa» (1922–1939) / J. Gzela. – Toruń: Wyd. UMK, 2011. – 477 s.
17. Łukasiewicz, J. Polska jest mocarstwem / J. Łukasiewicz. – Warszawa: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1938. – 63 s.
18. Polska polityka zagraniczna. – Warszawa: Druk. Dom Prasy, 1938. – 35 s.
19. Bocheński, A. Między Niemcami a Rosją / A. Bocheński. – Warszawa: Księgarnia F. Hoeseiek, 1937. – 185 s.
20. Bocheński, A. Historia i polityka / A. Bocheński. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989 – 344 s.
21. Mackiewicz, S. Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 września 1939 r. / S. Mackiewicz. – London: M.I. Kolin, 1958. – 347 s.
22. Polska idea imperialna. Zespół «Polityka». – Warszawa : Biblioteka Polska, 1938. – 86 s.
23. Studnicki, W. System polityczny Europy a Polska / W. Studnicki. – Warszawa: Skład główny «Gebethner i Wolff», 1935. – 345 s.

УДК 930(470+571+476)'06:001.8

Актуальные методологические проблемы новейшей российской и белорусской историографии

А.А. РУБАН

Дан анализ состояния историографии современных методологических подходов в изучении истории России и Беларуси. Автор приходит к выводу, что главной задачей исследователей ученых-историков России и Беларуси является углубленное и аргументированное обеспечение исторической объективности направленное на отстаивание национально-государственных интересов указанных стран в мировом сообществе.

Ключевые слова: история, методология, методы, источниковедение, историография, Россия, Беларусь.

The analysis of historiography of modern methodological approaches in the study of the history of Russia and Belarus is given. The conclusion that the main task of research scholars and historians of Russia and Belarus is thorough and well-reasoned historical objectivity provision aimed at protecting the national interests of these countries in the global community is presented.

Key words: history, methodology, methods, source, historiography, Russia, Belarus.

Обращение к проблеме методологического знания историка в современных условиях связано с особенностями развития как самого исторического сообщества, так взаимоотношений историка, его профессиональной деятельности с государством и обществом. На рубеже XX–XXI вв. историки проявили особое внимание в осмыслении своего вклада в познание мира, к изменению статуса истории как науки, а также к потребностям общества в историческом знании и роли профессионалов в формировании общественно-исторического сознания [1, с. 24]. Наиболее представительной оценкой мировой исторической наукой историографического процесса в различных странах мира, дана на XXI Международном конгрессе исторических наук, проходившем в Амстердаме в 2010 г. Здесь на первый план вышли проблемы: как соотносится всемирная история и ее национальные версии, где пределы профессионального знания и как сегодняшнее историописание оказалось зажатым между политикой и правом, возможен ли некий канон в историческом образовании и другие актуальные проблемы [2, с. 3]. История пишется людьми, каждый, из которых имеет собственный опыт, соотносимый с определенным периодом времени, поэтому их труды не могут не нести отпечаток эпохи. Каждое новое поколение вносит свой вклад в изучение истории, приближаясь в той или иной степени к ее объективному освещению. Известный итальянский ученый Б. Кроче, как-то верно заметил, что «любая правдивая история – это современная история». Дело заключается в малом – создать такую историю.

В настоящее время под сомнение ставится главный принцип исторического исследования – объективность. Объективность достигается, прежде всего, разнообразием источников. Ее другой стороной является достоверность, которая обеспечивается применением соответствующих научных методов, в том числе не использованных нетрадиционных, заимствованных из других наук, в первую очередь социальных.

С целью экспертной оценки современного состояния историографии и методологических подходов и изучению прошлого на истфаке МГУ им. М.В. Ломоносова была проведена Международная научная конференция «Может ли история быть объективной?» [3, с. 3]. Каким должен быть критерий объективности при написании истории? Ответ на вопрос, как писать беспристрастные научные труды, полно и всесторонне отражающие исторические события и явления, а также адекватно оценивающие их место в мировой истории, до сих пор остается открытым. Объективность исторической науки как процесса познания прошлого – это недостижимый идеал, к которому нужно стремиться, хотя достигнуть его никогда не удастся, – считает профессор МГУ им. М.В. Ломоносова А.Ю. Ватлин. Ведь когда мы говорим

об объективности и познаваемости, мы должны различать две вещи – историю как процесс, которая абсолютно объективна, и история как познание, которая субъективна, – отмечает академик и профессор МГУ С.П. Карпов.

Историческая наука – одна из самых сложных гуманитарных научных дисциплин. Эта сложность определяется не только тем, что она изучает всю совокупность явлений общественной жизни на протяжении всей истории человечества, но самой спецификой ее предмета. В познании прошлого в его инвариантности и состоит задача исторической науки. За многовековой период своего существования историческая наука разработала разнообразные методы и инструментарию, позволяющие извлекать из исторического материала знания о прошлом, сочетая при этом как классические методы, так и исследования, которые базируются на основе современных технологий. Общей тенденцией, наряду с развитием традиционных способов анализа и интерпретацией материала, является развитие комплексных методик исследования, обладающих данными, полученными различными гуманитарными дисциплинами и естественнонаучными (генетика, химия, физика, геология и др.) науками. История ныне стала мультидисциплинарной и междисциплинарность является основной тенденцией. Между тем есть опасения, что она может раствориться в этой мультидисциплинарности.

Вместе с тем, апеллировать к современной теории истории, междисциплинарности и полидисциплинарности – значит обзавестись ключом к анализу и синтезу исторического текста и созданию соответствующей информационной среды. Разработка на такой основе модели и ее программного обеспечения дает возможность историку не только всесторонне анализировать прошлое, но и заглянуть в будущее [4, с. 64].

Важнейшей тенденцией современной исторической науки стало создание методик обработки массового источникового материала. Важнейшие методы анализа и обработки данных (часто основанные на компьютерных технологиях и математических моделях) широко применяются в археологии, истории и других гуманитарных науках.

История имеет исключительно важное значение в формировании духовно-моральных основ, как отдельного гражданина, так и целой науки, оказывает большое влияние на ход современных событий и разработку перспектив общественного развития.

Для Республики Беларусь, которая только встала на путь самостоятельного национально-государственного строительства, актуальность гуманитарных знаний значительно усиливается. Исторически сложилось так, что многие годы в отечественной истории и литературе культивировался образ белоруса как жертвы, как убогого и отсталого крестьянина. Даже белорусские классики называли белоруса «паном сохи и косы». Многие поколения белорусов выросли на постоянном и целенаправленном навязывании в общественном сознании комплекса неполноценности и национальной обреченности, что не могло пройти бесследно. Даже в наши дни многих трудно убедить в том, что предки белорусов владели богатейшим арсеналом духовной и материальной культуры. Белорусы – великая и самостоятельная нация, имеющая глубинные истоки духовного и интеллектуального развития. Многих представителей нашего народа знали если не во всем мире, то в Европе – точно. Белорусское государство было одним из самых сильных и влиятельных на Европейском континенте, и в настоящее время Республика Беларусь – преемница этих традиций [5, с. 61].

Историческая наука, по сути – одна из основ социально-гуманитарного знания. Важность данной проблемы заключается в том, что со стороны властных структур Беларуси уделяется недостаточное внимание гуманитарным наукам, в том числе и истории. Государство в настоящее время решает проблемы модернизации технико-хозяйственной, информационно-экономической областей. Предпочтение отдается научным разработкам именно в этих сферах. При этом забывается личность, социум, культурный уровень, без чего проблематичным становится реализация принятого курса на модернизацию. На историю смотрят как на дисциплину, выполняющую исключительно воспитательные, идейно-политические функции [6, с. 72]. Историческая наука формирует белорусский взгляд на наше прошлое, национальную идентичность, будучи обращенная в настоящее и будущее, выполняет независимо от отношения к ней, функции социальной памяти и научного познания. За последние два десятка лет белорусская историческая наука достигла немалых успехов в изучении отечественной и всеобщей

истории, анализе исторических и историографических источников, разработки теории и методологии исторического познания. Об этом свидетельствует 6-томное издание «Гісторыі Беларусі», последняя книга, которой увидела свет в 2011 г. 6-томная «Гісторыі Беларусі» издана на основе и в соответствии с национально-государственной концепцией истории белорусского народа и является главным объектом и субъектом этого исторического исследования. Издание продолжает тему начатую еще в «Нарысах гісторыі Беларусі». Только в 6-томнике дано значительно расширенное и системное освещение прошлого Беларуси [7, с. 95]. Кроме того, издано много монографий на актуальную тематику, рецензируемых статей в периодических сборниках, опубликованы мемуары, проведен ряд международных научных конференций. Главной задачей исследователей, ученых-историков Беларуси является углубленное и аргументированное обеспечение исторической правомерности белорусской государственности, направленной на отстаивание национально-государственных интересов Республике Беларусь в мировом сообществе, сохранение духовных и материальных историко-культурных ценностей белорусского народа, укрепление международного престижа белорусского государства и белорусской исторической науки в мире [8, с. 4]. Ученые популяризируют достижения исторической науки и историко-культурного наследия белорусского народа в средствах массовой информации, а также в рамках проведения научно-практических мероприятий, в которых участвуют краеведы, музееведы, архивоведы, которые выступают с докладами и сообщениями.

Отражая действительность прошлого, современный историк не может не руководствоваться современной методологией истории. По мнению профессора Я.С. Яскевич, методология исторической науки – это отрасль рационально-рефлективных знаний, направленных на изучение методов, путей и механизмов формирования и функционирования исторических знаний, их философских основ, регулятивных принципов, природы, структуры коммуникативных и межпредметных связей с другими науками и феноменами культуры.

Все исторические специальности имеют единую методологическую основу. Различие состоит в том, что в «событийных» историях эта основа лишь подразумевается, с указанием ее элементов, в то время как в работах по специальности «историография, источниковедение и методы исторического исследования» она всесторонне анализируется и наращивается [4, с. 61]. Белорусская методологическая наука еще только складывается. В республике есть известные ученые, которые вносят значительный вклад в развитие методологии гуманитарных наук. Среди них доктора наук В. Кошелев, В. Сидорцов, А. Нечухрин, Я. Яцкевич, Ю. Харин и др. Современные исследователи в области истории исходят в своем анализе прошлого из теоретико-методологической основы научного творчества. Она включает как новые концепции, так и инновационные методы. Это позволяет ставить и решать новые научные проблемы в исторической науке, разяснять и предсказывать сценарии исторических событий, определять стратегические приоритеты научно-исследовательских задач в методологии исторической науки, в преподавании исторических и других гуманитарных дисциплин. Взгляды и отношения мировой общественности к вопросам образования меняются с течением времени и социально-культурного развития как мира в целом, так и каждой из стран. За последние два десятилетия не только значительно усовершенствовались методы и формы передачи знаний для отдельно взятого человека, высшее образование стало определенным критерием успешности в жизни, а для общества в целом – основным и определяющим фактором экономического и социального прогресса [10, с. 24].

В этой связи в 2011 г. был принят Кодекс Республики Беларусь об образовании, который имеет особую значимость. Он появился вместо 50 нормативно-правовых документов, касавшихся системы образования. В Кодексе зафиксировано, что отечественная система образования на данном этапе способна решать стоящие перед ней задачи: и в плане подготовки специалистов для различных отраслей экономики, и в плане формирования личности, и в плане создания условий для развития науки, создания новых знаний и т.д., – отмечает министр образования республики Беларусь С.А. Маскевич [9, с. 3].

Сегодня разрабатывается концептуальная модель оптимизации содержания социально-гуманитарного образования в вузах Беларуси в контексте Болонского процесса, ведутся дискуссии о соотношении национальных образовательных систем с международным стандартом, обсуждаются проблемы гармонизации содержательных подходов системной трансформации историческо-

го образования. Болонский процесс изначально направлен на создание единой европейской зоны в высшем образовании, условий для мобильности студентов, преподавателей и исследователей, ликвидацию препятствий на пути научного обмена. Однако среди белорусских историков есть и такие, кто выступает категорически против такого присоединения. Они считают, что Республику Беларусь подталкивает к отказу от одной из лучших систем образования и переходу на качественно более низкую западную систему подготовки кадров высшей квалификации. Западными политтехнологами делается попытка вынудить нас заменить научно-фундаментальный подход к образованию «компетентностным» (профельным) подходом с мозаичным набором узкопрофессиональных знаний одной операции, которую работник выполняет на протяжении всей жизни, ибо ничего другого делать не умеет [11, с. 50–51].

Представители Гродненского государственного университета им. Я. Купалы Ч.С. Кирвель и С.З. Семерник считают, что белорусские, украинские и российские специалисты ценятся за рубежом именно потому, что они способны выходить за рамки европейского стандарта, превосходить его. Поэтому, в сфере преподавания гуманитарных наук необходимо опираться на собственный социокультурный продукт. В противном случае заимствование гуманитарных идей в сфере экономики, политологии, философии, истории способно порождать, своего рода культурный империализм, то есть трансформирование идей выгодных доминирующей культуре, на все остальное образовательное пространство [12, с. 62].

В последние годы историки России и Беларуси активно приступили к разработке принципиально новых методик анализа и осмысления исторического материала. Их работы отмечены тематическим богатством, сочетанием документально-источниковедческих и проблемно-аналитических проектов, коллективных трудов и индивидуальных монографий. Для исторической науки России и Беларуси характерно сочетание классических методов исследования с исследованиями, базирующимися на основе современных технологий.

Литература

1. Селунская, Н.Б. Методологические знания и профессионализм историка / Н.Б. Селунская // Новая и новейшая история. – 2004. – № 4. – С. 24–28.
2. Тишков, В.А. Новая историческая культура (размышления после XXI Международного конгресса исторических наук) / В.А. Тишков // Новая и новейшая история. – 2011. – № 2. – С. 3–23.
3. Международная научная конференция на истфаке МГУ «Может ли история быть объективной?» // Новая и новейшая история. – 2012. – № 3. – С. 3–40.
4. Каваленя, А.А. Гістарычная навука Беларусі на переломе эпохі: выклік часу / А.А. Каваленя // Беларускі гістарычны часопіс, 2009. – № 12. – С. 7–11.
5. Сидорцов, В.Н. Наставница жизни. Анализ и представление научно-исторической информации / В.Н. Сидорцов – Беларуская думка. – 2012. – № 1. – С. 72–78.
6. Забаўскі, М. Грунтоўная вандроўка ў мінулае / М. Забаўскі, А. Люты, М. Сакалоў // Беларуская думка. – 2012. – № 9. – С. 95–99.
7. Жилинский, М.Г. Новейшие научные достижения и разработки ученых Института истории Национальной академии наук Беларуси в области исторических наук / М.Г. Жилинский // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2012. – № 3. – С. 3–9.
8. Маскевич, С.А. Качество обучения – важнейшая составляющая инновационного общества / С.А. Маскевич // Беларуская думка, 2011. – № 2. – С. 3–7.
9. Михайловская, С. Пути гармонизации образовательного пространства / С. Михайловская // Беларуская думка. – 2012. – № 9. – С. 24–33.
10. Новик, Е.К. «Болонские тайны». Реформы в образовании не гарантируют повышения его качества / Е.К. Новик // Беларуская думка. – 2012. – № 10. – С. 45–52.
11. Кирвель, Ч.С. Модернизация образования: скупой платит дважды / Ч.С. Кирвель, С.З. Семерник // Беларуская думка, 2012. – № 8. – С. 60–65.

УДК 94(477.5):(266+255)«1864/1917»

Внутренняя миссия православных церковных братств Левобережной Украины (1864–1917 гг.)

В.Г. СЕРГИЕНКО

Проанализированы причины образования православных церковных братств в Российской Империи в 60-х гг. XIX в., региональная специфика внутренней миссии братств Левобережной Украины. Определены организационные формы и содержание миссионерской деятельности православных церковных братств данного региона в 1864–1917 гг.

Ключевые слова: православные братства, миссионерская деятельность, старообрядчество, православные секты, протестантские деноминации.

The causes of the formation of the orthodox brotherhoods in the Russian Empire at the 60-ies of the XIX-th century are analyzed. The regional specific of the inland mission of the orthodox brotherhoods of Left-Bank Ukraine is elucidated. The organizational forms and content of the missionary activity of the brotherhoods in the region in 1864–1917 are described.

Keywords: orthodox brotherhoods, missionary activity, Old Belief, Orthodox sects, Protestant denominations.

Основанием для учреждения православных церковных братств была дискредитация Русской православной церкви как института в глазах народа по причинам вымогательства, низких профессиональных и моральных качеств служителей, сотрудничества с властью. Церковные братства были призваны наладить более тесное взаимодействие между православными прихожанами и клиром в целом. Одной из значимых целей их деятельности была «охранительная» – предупреждение перехода православного населения в другие конфессии. Кроме того, братства занимались миссионерской деятельностью среди членов Римско-католической церкви, протестантских и старообрядческих деноминаций, православных сект и т. д.

Комплексного исследования деятельности православных братств Левобережной Украины, не существует. Отдельные стороны их функционирования отражены в общих трудах, посвященных истории церкви, например, в исследованиях С. Гладкого [1], С. Жилюк [2], В. Меши [3], Г. Надтоки [4], Н. Стоколос [5] и т. д.

Целью статьи является исследование организационных форм и содержания миссионерской деятельности православных церковных братств Левобережной Украины в 1864–1917 гг.

Географические рамки исследования охватывают 3 губернии Левобережной Украины (Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую). Выбор региона объясняется характерной общностью развития здесь православных церковных братств. Кроме того, в отличие от правобережных братств, которые в первую очередь создавались для противодействия католической традиции, для левобережных братств, где большинство населения принадлежало к православию, актуальной была борьба против центробежных тенденций в Русской православной церкви, а также сдерживание распространения различных не православных религиозных меньшинств.

Хронологические рамки исследования охватывают 1864–1917 гг. Нижняя граница обусловлена изданием в ходе церковной реформы «Основных правил для учреждения православных церковных братств» от 8 мая 1864 г., которые положили начало основанию братств. Верхняя граница достигает 1917 г., после которого деятельность и организационная структура братств коренным образом изменилась, вплоть до прекращения их функционирования.

На Левобережной Украине с последней четверти XIX в. функционировали четыре епархиальных братства, три из которых ставили целью миссионерскую деятельность.

Черниговское братство имени Святого Михаила, князя Черниговского, и Харьковское Озерянское братство специально создавались с миссионерской целью, лишь впоследствии их деятельность расширилась за счет других направлений. В первом Уставе Полтавского Свято-Макарьевского братства от 1890 г. миссионерская цель не была первоочередной, а сочеталась с религиозно-просветительской и благотворительной. Еще одно епархиальное братство Полтавской епархии – Лубенское Спасо-Преображенское – ставило целью исключительно религиозно-просветительскую и благотворительную деятельность.

Каждая из епархий Левобережной Украины собственную ориентацию на религиозные меньшинства. Так, в Черниговской епархии первоочередной была миссия среди старообрядцев, в Харьковской братства преимущественно противодействовали распространению протестантских деноминаций. Стоит отметить, что по сравнению с православным населением, общее количество иноверцев было незначительно. Однако, протестантские деноминации, несмотря на малый удельный вес среди населения Левобережья, быстро распространяли свое влияние, в частности, благодаря тотальному прозелитизму неопитов. Особенностью некоторых православных сект (например, скопцов, хлыстов и т.д.) было то, что они практически не поддавались учету – формально их адепты оставались в списках православных. Оценить численность «иноверцев» и проводить среди них миссионерскую деятельность братствам было трудно.

К субъектам миссионерской деятельности, подчиненным епархиальным братствам, их уездным отделениям и приходским братствам, следует отнести миссионеров (епархиальных, их помощников, окружных миссионеров и миссионеров-книгоношей), находившихся на содержании братств, а также членов братств (священников православных и единоверных церквей, а также ревнителей православия среди мирян).

На первом этапе деятельности братств миссией занималось ограниченное количество миссионеров с богословским образованием. Они действовали на основе принятых Святейшим Синодом «Правил об организации миссий и способы действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам» от 25.05.1888 г. под № 1116.

Братства возмещали миссионерам за их работу значительные суммы, которые вместе с официальной зарплатой священника (300–400 руб.), а также прибылью от ружной земли (300–400 руб.) [6, с. 413], обеспечивали последним достойный уровень жизни. Так, в 1900 г. Черниговское епархиальное братство имело в своем распоряжении двух миссионеров. В 1911 г. должность второго миссионера была заменена четырьмя окружными миссионерами с пунктами пребывания в Конотопе, Кролевце, Нежине и селе Вершинная Муравейка Черниговского уезда. На содержание каждого окружного миссионера из бюджета братства выделялось по 600 руб. в год [6, с. 413–414].

В 1903 г. при Черниговском епархиальном братстве были созданы 27 должностей окружных миссионеров, назначенных в благочинные округа с иноверным населением [8, с. 494, 500]. Полтавское епархиальное братство, учредило в апреле 1913 г. должности уездных миссионеров. И через год они находились уже в 13 уездах губернии, кроме Переяславского и Гадячского [9, с. 1536]. Отделение братств, если они обладали достаточными средствами, могли финансировать содержание уездных миссионеров. В обязанности уездных (окружных) миссионеров входили сбор сведений об иноверцах, отчеты советам епархиальных братств, миссионерские собеседования и помощь миссионерской работе приходских священников.

Миссионеры-книгоноши посещали села и посады, в которых проживали верующие других вероисповеданий, ярмарки, привокзальные рынки, крестные ходы и другие массовых скопления народа, где за плату или бесплатно распространяли литературу религиозно-нравственного и полемического содержания. Они доставляли религиозную литературу в самые отдаленные приходы по просьбе их священников. Книгоноши Черниговского епархиального братства помогали миссионерам организовывать публичные и частные беседы, давали сведения об изменениях в среде иноверцев. Мобильность книгонош возросла после предоставления им правительством возможности бесплатно передвигаться по государственной железной дороге [10, с. 71].

В 1909 г. Святейший Синод разрешил епархиальным братствам выполнять функции епархиальных миссионерских советов. Так, в 1911 г. в ведение Полтавского и Черниговского епархиальных братств вошли епархиальные миссионерские советы. В Полтавском епархиальном братстве это объединение *de facto* произошло только 16.07.1913 г.

В мае 1908 г. Святейшим Синодом «Правилам об организации внутренней миссии Православной Русской Церкви», которые ввели принцип всеобщей обязательности миссии как постоянно действующей епархиальной церковно-народной организации. Теперь миссия делилась на три направления: Народно-приходскую, Пастырско-приходскую и Специальную, которая предусматривала деятельность профессиональных миссионеров с богословским образованием. Акцент делался на участии в миссии мирян и приходских священников [11].

Члены братств привлекались к миссионерской деятельности различными способами. Например, братства собирали любую информацию о местных религиозных меньшинствах, и, в случае нарушения ими законодательства, докладывали о данных фактах власти. Так, члены Огульчанского (Шаровского) братства «о любой тайной или открытой пропаганде сектантства сразу отчитывались Совету епархиального братства» [14, с. 2].

Одним из средств реализации цели братств были публичные и частные миссионерские беседы. Публичные чаще проводились в церковно-приходских школах (ЦПШ), в приходских храмах или народных чайных и продолжались по несколько часов. К сожалению, подробной и систематической отчетности о количестве бесед и их участников братства не фиксировали. Но, например, в 1900 г. каждую беседу Черниговского епархиального братства посещали в среднем 400 человек [7, с. 356]. В 1914 г. братством было проведено более 100 бесед [10, с. 66].

Братскими миссионерами, братчиками-священниками православных и единоверных церквей организовывались частные беседы с православными, реже – с представителями других конфессий. Эта практика была широко распространенной, хотя ее статистика отсутствует. Один из уездных миссионеров Черниговского епархиального братства отмечал: «Провел я 30 частных бесед с сектантами и приходится отдать <им> преимущество <...>, ведь многие сектанты на публичных беседах не желают говорить с миссионером, а в частной беседе они общаются охотно и откровенно» [10, с. 67].

Отделения епархиальных братств следили за тем, чтобы в борьбе против старообрядчества и других религиозных объединений принимали участие все братчики-священники единоверных и православных церквей.

К одной из форм религиозно-просветительской деятельности братства относились позабогослужбные религиозно-нравственные и богословские чтения, однако часто их темами становились вопросы, связанные с миссионерской деятельностью братств. Практиковалось сопровождение чтений молитвенным пением, раздачей брошюр религиозно-просветительского или полемического содержания, использования для иллюстрации рассказа эпидиаскопов – аппаратов для проекции изображений.

Средством для достижения миссионерской цели служила издательская деятельность, приобретение и раздача миссионерской литературы. Она распространялась при посредничестве благочинных, приходских священников, библиотек (церковных школ, церквей, братских) и читален, книжно-иконных лавок и складов, миссионеров и книгонош и т. д.

Миссионерский Совет Черниговского епархиального братства, например, бесплатно распространял антисектантскую литературу авторства известных российских миссионеров В. Скворцова, М. Кальнева, Д. Боголюбова, М. Варжанского и т. д. [10, с. 52].

К созданию миссионерской литературы Совет Черниговского епархиального братства привлекал местных миссионеров. Так, была издана брошюра миссионера, священника Спасского «Послание к Творишинским сектантам» [10, с. 51–52]. Харьковское епархиальное братство распространяло через уездные отделения «Противоштундистский катехизис» епископа Сумского Алексея (Дородницына), брошюры харьковских епархиальных миссионеров Т. Буткевича и И. Айвазова [15, с. 22]. В населенные пункты, где проживало неправославное население, по постановлению Совета Полтавского братства высылались экземпляры книги члена Совета, священника И. Ольшевского «Разоблачение штундизма» [13, с. 1158].

Считая распространение литературы антисектантского направления важным средством охраны православной веры, руководство братств не жалело на него средств. На благотворительность выделялись на порядок меньшие суммы.

Миссионерской цели способствовало открытие стационарных и передвижных библиотек и читален. Полтавское, Харьковское и Черниговское епархиальные братства имели библиотеки с читальнями, а в братской читальне Полтавы существовал специальный отдел под названием «Русские секты и раскол» [13, с. 1160].

В 1903 г. Совет Черниговского епархиального братства бесплатно предоставил миссионерам 28 благочинных округов, где возросло число верующих иных конфессий, антисектантские библиотеки на общую сумму в 450 руб. [8, с. 465]. В 1914 г. Совет Полтавского епархиального братства приступил к обеспечению миссионерскими библиотеками стоимостью до 30 руб. каждого из приходов, где видел угрозу своей миссии [9, с. 1539]. Кроме того, братства поставляли литературу религиозно-просветительского и миссионерского характера церковным библиотекам и библиотекам ЦПШ [12, с. 20], организовывали передвижные библиотеки.

В отчете Черниговского епархиального братства отмечалось, что максимальной задачей миссионерской деятельности было стремление добиться того, чтобы каждый православный верующий мог быть миссионером. Этот идеал братства пытались реализовать, организуя народные миссионерские курсы. Так, Огульчанским (Шаровским) братством, которое находилось в подчинении у Харьковского епархиального братства, в 1906–1907 гг. проводились занятия с крестьянами по изучению Библии. Разъяснялась ошибочность положений учений иных религиозных направлений, распространенных в данной местности. Всего в 1907 г. состоялось 25 уроков, которые постоянно посещало в среднем 20–25 человек [16, с. 251].

Организовывались краткосрочные народные миссионерские курсы. Так, в 1914 г. силами Полтавского епархиального братства была организована следующая их сеть: Драбово – 40 чел.; Константиново – около 100 чел.; Борисполь – более 100 чел., Кременчуг – 250 чел. На вечерних занятиях число посетителей обычно увеличивалось. Например, в г. Борисполе беседы происходили в училище и храме. В г. Кременчуге число посетителей курсов утром доходило до 700–800 человек, а вечером, особенно во время полемических бесед, аудитория, которая была рассчитана почти на 1500 чел., не вмещала в себя всех желающих [9, с. 1538]. Программы курсовых занятий были сходными, однако частично вносилось разнообразие, согласно местным условиям. Следует отметить, что тяжело оценить точность указанных выше цифровых данных, приведенных в отчетах братств. Этот источник довольно тенденциозен, поскольку епархиальное руководство ожидало от братств постоянного повышения годовых показателей успешности их работы. Соответственно у руководящих органов братств были основания, чтобы завышать результаты своей деятельности.

Специальные миссионерские курсы были рассчитаны на приходских священников. Например, пастырские курсы проводились Полтавским епархиальным братством в 1911–1914 гг. с целью заинтересовать миссионерским делом духовенство, предоставить ему общие знания по этому предмету [9, с. 1537].

Миряне могли принять участие в братской миссии, в частности, путем членства в миссионерских кружках. Последние создавались в местностях, где проживали представители религиозных меньшинств. Например, подчиненный Черниговскому епархиальному братству, миссионерский кружок «Союз юношества» был организован с целью «поднятия нравственности среди посадского юношества и для выяснения ему истин святой Православной Церкви» [17, с. 402] и управлялся братским епархиальным миссионером. Свою деятельность кружок начал со старообрядческого поселка Воронок, а затем распространил ее на другие населенные пункты.

Как особенно полезное для миссионерских целей мероприятие братствами признавались крестные ходы и паломничества. Они приурочивались к празднованию событий церковно-общественной жизни местного и общегосударственного значения. Преимущественно в паломничествах участвовали верующие Русской православной церкви, однако братства охотно отчитывались о присутствии на них представителей других религиозных организаций.

Миссионерский аспект имела церковно-организационная деятельность братств: ремонт, строительство и обустройство храмов, церковных хоров осуществлялись в первую очередь в приходах, где проживали представители религиозных меньшинств.

Особая роль в воспитании в традициях ортодоксального православия отводилась церковным школам. Так, на первом епархиальном съезде представителей братств Полтавской епархии в декабре 1910 г. было постановлено: «Одним из существенных проявлений братствами миссионерства признать заботы и наблюдения братств за просвещением детей в школе, – как церковной, так и народной, – в строгой согласованности с учением и дисциплиной Православной Церкви» [18, с. 469]. При проведении в сентябре 1900 г. педагогических курсов в местечке Карловка Константиноградского уезда Полтавской губернии, где присутствовали также члены православных братств, была принята миссионерская программа для преподавания Закона Божьего в церковных школах Полтавской епархии. Подобная программа в то время уже действовала в школах Харьковской епархии [19, с. 622–623]. Братчики-священники братств Левобережной Украины дополняли уроки Закона Божьего сведениями из православного вероучения, которые отвергались другими религиозными направлениями, а также вводили дополнительные уроки по отрицанию догматов этих вероучений.

Кроме того, братства Левобережной Украины заботились о материальном обеспечении ЦПШ в районах проживания других религиозных общин, о наполнении школьных библиотек миссионерской литературой и т.д. Например, братские школы Черниговского епархиального

братства находились преимущественно в посадах со старообрядческим населением – Воронок, Елионка, Лужки, Новомлинцы. В Новозыбкове действовала женская братская школа.

В условиях крайней бедности части прихожан и при отсутствии систематической государственной социальной помощи отмечались случаи, когда материальная поддержка иных религиозных организаций становилась мотивом для изменения православными прихожанами вероисповедания. Православные братства видели в таких случаях угрозу своей миссии, обвиняя религиозные общины в кажущемся «братолюбии» с пропагандистскими целями. Поэтому братства оказывали материальную помощь нуждающимся, в первую очередь, тех приходо́в, где проживали иноверцы. Именно наличие угрозы православию со стороны других религиозных организаций часто была основным мотивом, побуждавшим братства к благотворительности.

Исследование проблемы миссионерской деятельности православных церковных братств Левобережной Украины в 1864–1917 гг. позволяет сделать некоторые выводы.

1. Одной из главных причин основания православных братств Левобережной Украины во второй половине XIX – начале XX в. было стремление усилить позиции Русской православной церкви на собственной канонической территории.

2. Деятельность братств Левобережной Украины имела региональную специфику, обусловленную преобладанием в той или иной местности иноверческих деноминаций – протестантских, старообрядческих или же православных сект.

3. Миссия братств реализовалась в следующих организационных формах: публичные и частные беседы, курсы и кружки, проведение крестных ходов и паломничеств, распространение миссионерской литературы при посредничестве членов братств и библиотек (братских, церковных школ, церковных) и читален, братских книжно-иконных лавок и складов, т. д. С миссионерством пересекались церковно-устроительная, благотворительная работа и деятельность в сфере религиозного образования.

4. На результативность миссии братств Левобережной Украины влияла общественно-политическая ситуация в Российской Империи. В результате революционных событий 1905–1907 гг. с провозглашением свободы совести и вероисповедания братства столкнулись с быстрым ростом числа религиозных организаций и их адептов и активным противодействием последних православной миссии братств. На ситуацию братства отреагировали путем изменения принципов миссионерской работы, привлекая к ней, кроме профессиональных миссионеров, рядовых членов братств – мирян и приходских священников. Тем не менее, говорить об особой результативности таких действий не приходится.

Одновременно, несмотря на сложность и неоднозначность возможной оценки деятельности, православные церковные братства Левобережной Украины второй половины XIX – начала XX в. заняли отдельное место среди церковно-общественных организаций региона. Несмотря на официальный курс на пропаганду православия образца Русской православной церкви, которую братства, как организации полузависимые от государственного аппарата, частично воплощали в жизнь, волонтерская работа братчиков содействовала повышению культурно-образовательного уровня малообразованной прослойки населения, обратила общественное внимание на христианскую культуру и традицию.

Литература

1. Гладкий, С. Культурницька діяльність парафіяльного духовенства православних єпархій України на початку XX ст. / С. Гладкий. – Запоріжжя : б.в., 1997. – 50 с.
2. Жилюк, С. Російська православна церква на Волині (1793–1917) / С. Жилюк. – Житомир : Вид-во Національного університету «Острозька академія», 1996. – 173 с.
3. Меша, В. Конфесійний та суспільний аспекти розвитку православної церкви в Україні 1875 – 1900 років / В. Меша. – Донецьк : Норд-Прес, 2007. – 357 с.
4. Надтока, Г. Православна церква в Україні 1900 – 1917 років: соціально-релігійний аспект / Г. Надтока. – К : Знання, 1998. – 271 с.
5. Стоколос, Н. Конфесійно-етнічні трансформації в Україні (XIX – перша половина XX ст.) / Н. Стоколос. – Рівне : РІС КСУ–ППФ «Ліста-М», 2003. – 480 с.

6. Журналъ Совѣта Братства святаго Михаила, князя Черниговскаго // Черниговскія епархіальныя извѣстія (далее – ЧЕИ). – 1911. – Часть официальная. – № 14. – С. 411–415.
7. Отчетъ в состояніи и дѣятельности Братства св. Михаила, кн. Черниговскаго (20.09.1900 – 20.09.1901 г.) // ЧЕИ. – 1902. – Часть официальная. – № 11. – С. 334–389.
8. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Братства святаго Михаила, князя Черниговскаго (съ 1.01.1903 по 1.01.1904 г.) // ЧЕИ. – 1904. – Часть официальная. – № 12. – С. 450–496.
9. Отчетъ в состояніи и дѣятельности Полтавскаго Епархіальнаго Свято-Макарьевскаго Братства за 1914 годъ // Полтавскія епархіальныя вѣдомости (ПЕВ). – 1915. – Часть официальная. – № 19. – С. 1465–1475.
10. Жизнь и деятельность Братства святаго Михаила, князя Черниговскаго за 1914 г. – Чернигов: Типография Братства св. Михаила, князя Черниговскаго, 1915. – 142 с.
11. Правила об устройстве внутренней миссии Православной Россійской Церкви // Церковные ведомости. – 1908. – № 22. – С. 190–196.
12. Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго Религіозно-Просвѣтительнаго Епархіальнаго Братства Озерянскон иконы Божіей Матери за время съ 1.10.1911 – по 1.10.1912 г. – Харьковъ : Тип. «Мирный Трудъ», 1912. – 28 с.
13. Десятилѣтняя дѣятельность Полтавскаго Епархіальнаго Свято-Макарьевскаго Братства (по архивнымъ даннымъ и официальнымъ источникамъ) // ПЕВ. – 1900. – Часть неофициальная. – № 29. – С. 1144–1161.
14. Отчетъ (Огульчанскаго) Шаровскаго Братства Покрова Пресвятыя Богородицы съ 5 апрѣля 1907 г. – по 5 апрѣля 1908 г. // Вѣра и Разумъ. – 1908. – № 15. – 15 Августа. – С. 1–8.
15. Общее Собраніе членовъ Озерянскаго братства и отчетъ за 1906 – 1907 гг. – Харьковъ : Тип. Губ. Правленія, 1907. – 31 с.
16. Отчетъ Шаровскаго Братства Покрова Пресвятыя Богородицы (5.04.1906 – 5.04.1907 г.) // Вѣра и Разумъ. – 1907. – № 14. – с. 251–254.
17. Отчетъ в состояніи и дѣятельности Братства святаго Михаила, князя Черниговскаго, за 20 годъ его существованія (съ 1.01.1908 – 1.01.1909 г.) // ЧЕИ. – 1909. – Часть официальная. – № 12. – С. 377 – 403.
18. Захаржевскій, И. Изъ жизни Братствъ г. Полтавы / И. Захаржевскій // ПЕВ. – 1911. – Часть неофициальная. – № 8. – С. 468–471.
19. Обзорѣніе бесѣды о штундизмѣ, веденныхъ при педагогическихъ курсахъ въ г. Карловкѣ Константиноградскаго уѣзда Полтавской губернии, 5 – 8 чисель м. сеньбря 1900 года // ПЕВ. – 1901. – Часть неофициальная. – № 13. – С. 614–623.

Герхард Шрёдер: ключевые аспекты политической биографии

М.В. СТРЕЛЕЦ

В статье раскрываются основные этапы государственной и политической деятельности экс-канцлера Германии Герхарда Шрёдера. Автор предпринимает попытку постичь феномен этого неординарного политика. В публикации показано также место данного деятеля в истории Социал-демократической партии Германии. Автор сформулировал оригинальный взгляд на «политику нового центра», которую проводил Шрёдер в качестве главы высшего органа исполнительной власти ФРГ.

Ключевые слова: Германия, Герхард Шрёдер, канцлер, коалиция, политика, Социал-демократическая партия Германии, Союз 90/Зелёные.

The main stages of the state and political activity of Former German Chancellor Gerhard Schroeder are covered. The attempts are undertaken to comprehend the phenomenon of this extraordinary politician. The place of this statesman in the history of the Social Democratic Party of Germany is shown. The original view on «Neue Mitte policy», which Schroeder pursued as the Head of FRG's supreme executive authority is formulated.

Keywords: Germany, Gerhard Schroeder, Chancellor, coalition, politics, Social Democratic Party of Germany, Alliance '90/The Greens.

Введение. Личность экс-канцлера ФРГ Герхарда Шрёдера представляет большой интерес для исследователей политических элит. Автор настоящей статьи попытался постичь феномен этого человека, разбирая ключевые аспекты его политической биографии. Это первый опыт исследования государственной и политической деятельности Г. Шрёдера в отечественной исторической науке.

Герхард Шрёдер – германец трех эпох. Он появился на свет в Третьем рейхе, постоянно проживал в Западной Германии в период существования германского раскола, достиг апогея своей карьеры в объединенной Германии. Ключевым моментом первой эпохи для Г. Шрёдера явилась принадлежность к поколению детей войны. Он родился в стране, которая развязала Вторую мировую войну, но уже в то время, когда стратегическую инициативу в данной войне прочно удерживали противники Германии. Война черным крылом затронет семью Шрёдеров. Глава семьи – Фриц Шрёдер – станет ее жертвой. Пройдет менее шести месяцев после рождения 7 апреля 1944 г. сына Герхарда, и отец будущего федерального канцлера – солдат гитлеровской армии, погибнет в боевых действиях на румынской земле. Фриц так и не увидел своего пятого ребенка Герхарда. Его вдова вынуждена была в тяжелейших условиях растить пятерых детей. Главной ее гордостью станет младший сын.

Следующая эпоха германской истории была отмечена феноменальным продвижением для выходца из нижней страты германского общества Герхарда Шрёдера. Отрезок его биографии с 1950-х гг. до воссоединения Германии включал прохождение рабочих, образовательных, политических университетов, реализацию в качестве субъекта оказания юридических услуг, прорыв в политическую элиту земли Нижняя Саксония, логическим продолжением которого стало избрание главой высшего органа исполнительной власти субъекта федерации, вхождение в федеральную партийную элиту социал-демократов, выдвижение в парламентарии федерального уровня. Будущий канцлер стал обозначать свою принадлежность к работополучателям еще до достижения совершеннолетия. Ему приходилось днем работать, а вечером учиться. Первые шаги в рабочей биографии свелись к выполнению вспомогательных функций в продаже скобяных изделий. Затем была более сложная и более ответственная работа по строительной специальности. Рабочая биография уроженца рурского Моссенбурга Герхарда Шрёдера всецело связана с известным своим университетом Геттингеном. Именно здесь 19-летний рабочий-строитель пополнит членский корпус Социал-демократической партии Германии (СДПГ). Он сразу же стал позиционировать себя как левый социал-демократ, во многом разделявший марксистскую

доктрину и не вполне вписывавшийся в идеологическую платформу, заложенную в партийной программе. Молодой социал-демократ Шрёдер был замечен среди тех бундесбюргеров, которые были далеко не формальными субъектами антивоенного движения. Была своя логика в том, что рабочие университеты сменились обучением в Геттингенском университете. 22-летний Герхард Шрёдер поставил перед собой цель стать высококвалифицированным специалистом в области права и на протяжении пяти лет весьма ответственно подходил к учебному процессу, что имело своим итогом успешное окончание данного вуза. У дипломированного юриста были связаны со своей альма-матер и первые шесть поствузовских лет, отмеченные преподавательской работой по специальности.

Геттингенский этап биографии Герхарда Шрёдера был сменен ганноверским. Первые двенадцать лет данного этапа, связанного со столицей земли Нижняя Саксония, он постоянно сочетал разные направления деятельности. Все двенадцать лет Герхард Шрёдер на основании выданной компетентным органом лицензии предоставлял бундесбюргерам юридические услуги в сфере уголовного права, работая вне государственных структур. Это не помешало ему первые два года быть первым лицом в федеральном руководстве организации «Молодые социалисты в СДПГ», в 36-летнем возрасте дебютировать в качестве депутата бундестага, в 42 года стать председателем фракции социал-демократов в Государственной Ассамблее этого субъекта германской федерации, в 45 лет быть включенным в высший руководящий орган СДПГ на период между съездами – президиум.

Принципиально важно отметить, что Герхард Шрёдер стал набирать политический вес еще в то время, когда его партия несла правительственную ответственность на федеральном уровне. После ухода СДПГ в оппозицию в партии происходила смена элит. Генерацию членов президиума СДПГ, к которой принадлежал Шрёдер, обычно называют политическими внуками Вилли Брандта. Брандта и Шрёдера объединяет то, что они оба использовали нахождение во власти на региональном уровне как трамплин для попадания в высшую исполнительную власть германской федерации. Шрёдер стал размышлять в данном направлении после того, как 21 июня 1990 г. Нижняя Саксония получила в его лице очередного премьер-министра, сформировавшего кабинет в составе СДПГ и «Зеленых». Разница между политиками в том, что Брандт сначала поменял пост обер-бургомистра на должность федерального министра и только потом взошел на федеральный политический олимп, а путь Шрёдера от статуса главы субъекта федерации до статуса главы федерального правительства был лишен промежуточных звеньев.

Основной отрезок нахождения Шрёдера на посту премьер-министра Нижней Саксонии приходится на третью для данного деятеля эпоху германской истории, стартовавшую 3 октября 1990 г., когда произошло воссоединение Германии. До 1998 г. он руководил коалицией в составе СДПГ и «Зеленых». «На этом посту Г. Шрёдер проявил себя как самостоятельный, волевой и амбициозный политик, способный на резкие шаги и порой склонный к единоличному принятию неожиданных решений. В результате он неоднократно балансировал на грани развала правительственной коалиции, но, в конечном счете, ему всегда удавалось удержать ситуацию под контролем. В целом политика его правительства в Нижней Саксонии была достаточно успешной, что обеспечило социал-демократам абсолютное большинство на земельных выборах в 1994 и 1998 гг.» [5, с. 388–389].

Шрёдер как глава правительства и лидер социал-демократов Нижней Саксонии по многим программным, стратегическим, тактическим позициям дистанцировался от того Шрёдера, которого на протяжении ряда лет знали как левого социал-демократа. Имея иной политический вес, иные рычаги влияния, премьер-министр Нижней Саксонии был озабочен угрозой полевения СДПГ, считал, что концептуальные подходы первых лиц в партии не адекватны реалиям. Он «не раз выступал с резкой критикой партийной линии, прежде всего в области экономической политики, даже действовал вопреки ей, чем заслужил в СДПГ репутацию “интригана” и “бунтаря”» [5, с. 389]. Этот политик «стал центральной фигурой «нового центра» в СДПГ, представители которого считали образцом для подражания Гельмута Шмидта. Шрёдер наладил прочные связи с ведущими предпринимателями страны, не растеряв своего влияния среди профсоюзных лидеров [3, с. 294].

Конечно, Шрёдер был не удобен для руководства СДПГ. Однако последнее было вынуждено считаться с ростом его авторитета в партии. Уже в 1994 г. премьер-министр Нижней Саксонии был включен в состав «теневых кабинетов» социал-демократов. В случае победы СДПГ на выборах в нижнюю палату Федерального собрания, проходивших в том же году, Шрёдер сменил бы либерала К. Кинкеля, возглавлявшего внешнеполитическое ведомство. Однако СДПГ в четвертый раз подряд проиграла общегерманские парламентские выборы. Яркая победа социал-демократов на выборах в парламент Нижней Саксонии в марте 1998 г., которая принесла им свыше 50 % мест в местном ландтаге, заставила действующего председателя СДПГ О. Лафонтена в мае 1998 г. отказаться от участия в канцлерской гонке в пользу Шрёдера. На выборах 27 сентября 1998 г. СДПГ получила 40,9 % (+4,5 %), ХДС/ХСС – 35,1 % (–6,4 %), СвДП – 6,2 % (–0,7 %), «Союз 90/Зеленые» – 6,7 % (–0,9%), ПДС – 5,1 % (+0,7 %) [5, с. 328].

Причины поражения возглавляемого Г. Колем блока ХДС/ХСС московские исследователи определяют следующим образом: «Население устало от пустых обещаний скорого экономического процветания и дружно проголосовало, скорее, не за оппозиционные партии, а против, прежде всего, внутренней политики правительства христианско-либеральной коалиции, которая за 8 прошедших после объединения лет не претерпела кардинальных изменений. Поражению христианских демократов способствовала также непоследовательная позиция их председателя, который, как в свое время и его политический прародитель, долго выбирал себе наследника, но в последний момент предпочел вновь выдвинуть свою кандидатуру на пост главы правительства» [5, с. 327].

Итоги выборов предопределили появление нового федерального правительства во главе с Г. Шрёдером. С 27 октября 1998 г. страной стала править «красно-зеленая» коалиция, в которую вошли СДПГ и «Союз 90/Зеленые». Седьмым канцлером ФРГ стал человек, «не лишенный актерского таланта и, безусловно, харизматичный. Г. Шрёдер блестящий оратор и полемист. К его личным качествам относят интеллигентность..., высокую работоспособность» [5, с. 389]. Впервые высший орган исполнительной власти германского государства был возглавлен бундесбюргером, состоявшим в четвертом браке, имевшим троих приемных детей. «Решение Шрёдера о разделении правительственной ответственности с партией “зеленых” стало новой страницей в политической истории ФРГ. В его основе лежали скорее прагматические соображения, нежели близость программных ориентиров обеих партий. “Зеленые”, будучи достаточно неудобным и неискушенным в большой политике партнером, не имели в то же время достаточного влияния, чтобы серьезно ограничить поле маневра для социал-демократов. Большинство в 21 мандат избавляло новое правительство от угрозы “парламентского пата”, имевшего место в 1972 г.» [3, с. 295].

Если судить по первоначальному составу правительства Шрёдера, то можно прийти к выводу о том, что оно оказалось самым левым из всех кабинетов, которые возглавлялись канцлерами, принадлежащими к СДПГ. Федеральный председатель СДПГ О. Лафонтен, ставший федеральным министром финансов, с самого начала стремился к тому, чтобы этот вывод полностью относился и к содержанию проводимой политики, что никак не стыковалось с провозглашенной Шрёдером «политикой нового центра». «О. Лафонтен... предпринял попытку сформировать рядом с ведомством федерального канцлера новый полюс власти и принятия решений, создавая тем самым ситуацию двоевластия» [5, с. 327]. Ключевым моментом «концепции преодоления кризиса», на которой настаивали левые социал-демократы во главе с О. Лафонтеном, было повышение налогообложения более состоятельных слоев общества [1]. Стремясь навязать «красно-зеленой коалиции» указанную концепцию, Лафонтен явно недооценил Шрёдера. Последний, проявив исключительную напористость, полностью исключил свободу маневра для федерального министра финансов. Под влиянием эмоций, Лафонтен объявил о тройной отставке, датированной мартом 1999 г. Он одновременно ушел с постов федерального министра, федерального председателя партии, покинул ряды депутатов бундестага.

С мая 1999 г. новым федеральным председателем СДПГ стал действующий канцлер. После отставки Лафонтена правительственный кабинет консолидировался вокруг главы высшего органа исполнительной власти, сделавшего ставку на «новую середину». «“Новая середина” – относительно новый термин, применяемый политологами и политиками. Для причисления в эту социальную страту учитываются те специфические моменты образа

жизни, характера труда, привычек, которые связаны единым либерально-демократическим мировоззренческим знаменателем. Когда Шрёдер взошел на политический олимп, этот слой преобладал в германском обществе и представлялось уместным говорить о появлении общества «новой середины». Он принимал ответственность за общество, которое кардинально отличалось от того социума, который был реальностью в начале правления первого кабинета В. Брандта. К чиновникам и служащим относилось более 54 %, к рабочим – 34,8 %, к самостоятельным хозяевам – 10 %. Хорошо известно, что аграрный комплекс, лесное хозяйство, рыболовство образуют первичный сектор народного хозяйства. В начале 1970-х гг. в этом секторе было занято 8,5 % бундесбюргеров, спустя немногим более четверти века – всего 3 %. По вторичному сектору экономики за данный отрезок времени прослеживалось изменение с 49 % до 34,3 %. Вторичный сектор – это добывающая и перерабатывающая промышленность. В третичный сектор входят торговля, транспорт, сфера услуг и информация, маркетинг. «Если в 1970 г. число занятых в этом ... секторе экономики составляло 43 %, то в 1997 г. – уже 63 % и продолжало расти. В соответствии с этими процессами правительство Шрёдера заявило о поощрении развития средних и мелких предприятий, так как именно они обеспечивали жителям Германии 80 % рабочих мест. При этом если на крупных предприятиях каждое новое рабочее место обходилось в 250 тыс. марок, то на мелких и средних – только в 6 500 марок» [2, с. 399].

Проводимая Шрёдером политика исключала заикливание на «кейнсианских рецептах стимулирования экономического роста... Финансовые льготы и прямая поддержка ограничивались теми сферами высоких технологий, где заметно отставание германских ученых и предпринимателей» [3, с. 297]. Предпринимались первые шаги в направлении энергетической реформы. Была сформулирована концепция экологической модернизации ФРГ. Уже в течение первого срока «пребывания на посту бундесканцлера Шрёдер сумел создать вокруг себя образ арбитра в последней инстанции, способного добиться разрешения зашедших в тупик общественных конфликтов» [3, с. 297].

Были и моменты, которые работали против Шрёдера. Во-первых, серьезным вызовом для канцлера стал рост цен, который сопровождался ухудшением экономической конъюнктуры, высокой безработицей и ростом курса евро по отношению к доллару, что сильно било по ориентированной на экспорт германской экономике [5, с. 393]. Во-вторых, нерешенной проблемой для «красно-зеленой» коалиции оставалась ситуация в Восточной Германии, социальная интеграция которой явно опережала экономическую модернизацию [3, с. 298]. При анализе тех корректив в области внешней политики, которые внесла «красно-зеленая» коалиция, следует, прежде всего, исходить из кардинальных различий между старым и новым миропорядком. «В условиях старого миропорядка ... суверенная расстановка акцентов в германской внешней политике вряд ли была бы возможной. Для этого Германия была слишком зависимой от американских гарантий безопасности» [6, с. 72]. Теперь Германия продемонстрировала полноту суверенитета при проведении внешней политики. Такая «расстановка акцентов» впервые в истории ФРГ была произведена Г. Шрёдером. Федеральный канцлер, выступая в бундестаге и адресуя это США, указал, что «жизненно важные для германской нации вопросы будут решаться в Берлине» [6, с. 72]. Формулируя внешнеполитическую доктрину, стратеги «красно-зеленой» коалиции дали ответ на такой вызов времени, как глобализация. В эру Шрёдера стали приобретать реальные очертания «глубокая включенность страны в систему многосторонних межгосударственных отношений, прежде всего через международные организации» [5, с. 405].

После смены власти на федеральном уровне четко прослеживались качественно иные, возросшие масштабы участия ФРГ в международных миротворческих акциях. С начала нового века во всем мире задействованы постоянно до 10 тыс. военнослужащих бундесвера, с 1999 г. – даже в боевых действиях против агрессоров, террористов и пиратов [6, с. 72]. В эру Шрёдера «на смену традиционным двусторонним политическим контактам в российско-германских отношениях пришел функциональный многоступенчатый диалог, в котором Федеративная Республика стала выступать не как самостоятельный партнер, а как представитель наиболее авторитетных западных военных, политических и экономических альянсов, вынужденный действовать с оглядкой на своих партнеров» [4, с. 11].

На общегерманских выборах 2002 г. шансы Шрёдера и его соперника Штойбера, выдвинутого блоком ХДС/ХСС, первоначально были приблизительно равны. Все предрешили нежелание канцлера поддержать американскую агрессию против Ирака, энергичные действия правительства во время наводнения, случившегося летом 2002 г. Правившая с 1998 г.

«красно-зеленая» коалиция осталась у власти. Вместе с тем возглавляемая Шрёдером партия могла записать себе в пассив тот факт, что на предыдущих выборах за СДПГ проголосовало на 2,4 % избирателей больше.

В первый для Шрёдера год второго канцлерского срока в Федеративной Республике темпы экономического роста составили 0 % [5, с. 393]. Это заставило правительство задуматься о неординарных шагах в социально-экономической политике, рассчитанных на долгосрочную перспективу. В 2003 г. «красно-зеленая» коалиция внесла на рассмотрение парламентариев «Программу действий 2010». В этом документе предусматривался демонтаж социальной модели, сложившейся во времена внедрения неолиберальных экономических рецептов. Социал-демократ Г. Шрёдер пошел на явно непопулярные меры, которые никак не стыковались с традиционной идеологией его партии. Было прописано, что во-первых, бундесбюргеры, имевшие статус безработных, будут получать уменьшенные пособия; во-вторых, приобретет реальные очертания дерегулирование рынка труда, начнется его либерализация; в-третьих, устанавливается более высокая возрастная планка для выхода на пенсию. Оппозиционный блок ХДС/ХСС однозначно заявил, что не имеет кардинальных расхождений с «Программой действий 2010». Вместе с тем в рамках согласительной комиссии со стороны демохристиан прозвучали явно неформальные замечания, которые были учтены их партнерами. К удовлетворению «красно-зеленой» коалиции, настоящая корректировка нормативно-правовой базы социально-экономической политики была одобрена в неконтролируемом ею бундесрате. Были за нее поданы голоса депутатов от блока ХДС/ХСС и в нижней палате германского парламента.

Второй кабинет сохранил преемственность в области внешней политики. Г. Шрёдер был весьма активен на предмет принятия Конституции Евросоюза, глубоко сожалел, что из-за отрицательных результатов референдумов во Франции и Нидерландах этот важнейший документ так и не вступил в силу. Возглавляемое им федеральное правительство было во многом причастно к резкому расширению ЕС и НАТО на восток в 2004 г.

Во втором избирательном цикле у «красно-зеленой» коалиции были основания для позитивных оценок места германской экономики в глобальном масштабе. В 2003–2005 гг. она три раза подряд была «чемпионом мира по экспорту». Доля Германии в мировой торговле приближалась к 9 %. Ее важнейшими партнерами оставались Франция, Нидерланды, США и Великобритания [6, с. 85]. После расширения Евросоюза на восток наряду с торговлей со «старыми» государствами ЕС толчок получила торговля с центрально- и восточноевропейскими государствами ЕС. Непрерывно росло также значение торговых и экономических связей с азиатскими пороговыми странами. Важнейшим партнером при этом являлся Китай [6, с. 86].

После поражения Штойбера стало ясно, что следующим главным соперником Шрёдера станет председатель Христианско-демократического союза и фракции ХДС/ХСС в бундестаге Ангела Меркель. Время все более активно работало на этого амбициозного политика. В 2003 г. были получены позитивные сигналы из двух субъектов федерации, где традиционно имели сильные позиции социал-демократы. По итогам выборов в ландтаги Гессена и Нижней Саксонии демохристиане сформировали высшие органы исполнительной власти соответствующих земель. Речь шла о земельных правительствах, в которых ранее работали действующий канцлер Шрёдер и действующий вице-канцлер лидер «Союза 90/Зеленых» Фишер. Уже упоминалось, что Шрёдер был премьер-министром Нижней Саксонии с 1990 по 1998 гг., Фишер определенное время являлся экологическим министром в Гессене. Благодаря указанным победам сложился вполне удовлетворяющий демохристиан расклад сил в бундесрате. У них появился сильный рычаг для влияния на принятие важных государственных решений, с которым просто обязано было считаться правительство Шрёдера – Фишера. Ряд изменений, который произошел в ФРГ в 2003–2005 гг., свидетельствовал о том, что официально не несущий правительственную ответственность блок ХДС/ХСС частично выполнял функцию субъекта управления федерацией.

Очередные позитивные сигналы для лидера демохристиан появились в феврале 2004 г. Понимая, что время работает против его партии, что у него нет убедительных аргументов для достойного противодействия демохристианам, лидер СДПГ Г. Шрёдер с 6 февраля по собст-

венной инициативе становится экс-председателем партии, которая являлась старшим партнером в правительственной коалиции. Новый председатель СДПГ Франц Мюнтеферинг явно не дотягивал до уровня Шрёдера. Второй сигнал исходил из родного города председателя ХДС Гамбурга. Партия Меркель на много пунктов опередила социал-демократов по итогам парламентских выборов в этом субъекте германской федерации.

Перевес демохристиан в бундесрате еще больше усилился после потери социал-демократами Рура – промышленного сердца Германии. Хорошо известно, что самая большая по численности населения земля Северный Рейн-Вестфалия – это прежде всего Рур. Выборы в законодательный орган данного субъекта федерации всегда считались ключевыми как для ХДС, так и для СДПГ. На соответствующих выборах от 22 мая 2005 г. демохристиане на много пунктов оторвались от социал-демократов, добившись подлинного триумфа. Выборы имели ряд последствий. Партия Меркель добавила себе 6 голосов в бундесрате. Но главное заключалось в том, что первые лица в СДПГ и высшей исполнительной власти решились на досрочные выборы в нижнюю палату Федерального собрания. Была объявлена их дата – 18 сентября 2005 г. Меркель удалось достичь главного: убедительно консолидировать вокруг себя партийные ряды. Совместное заседание высших руководящих органов двух христианских партий по указанному вопросу, проходившее через 8 дней после рурского триумфа ХДС, чем-то напоминало советское «одобрямс». Именно с него начался старт Меркель в избирательной кампании, которая официально развернулась позднее.

Поведение Меркель во время данной кампании нельзя оценить однозначно. Казалось, у нее были все шансы закрепить успехи, достигнутые ХДС на уровне субъектов федерации, убедительной победой на общегерманском уровне. Однако дебютанту в статусе кандидата в канцлеры явно не хватило опыта. В конечном итоге главные соперники – ХДС/ХСС и СДПГ – оказались в патовой ситуации. По итогам выборов сложилась ситуация, когда и ХДС/ХСС и СДПГ никак не могли быть старшими партнерами в правительственных коалициях. Оставался только один вариант: создание большой коалиции в составе ХДС/ХСС и СДПГ. По вопросу о кандидатуре канцлера стороны были едины в следующем: за блок Меркель проголосовало 35,2 % пришедших на избирательные участки, за СДПГ – 34,2 %. Тот факт, что ХДС/ХСС опередил социал-демократов по указанному показателю на один процент, должен был преопределить вопрос о главе высшего органа исполнительной власти. В качестве компенсации социал-демократы получили право иметь в правительстве на одного федерального министра больше, чем блок ХДС/ХСС: СДПГ была представлена 8 федеральными министрами, а ХДС/ХСС – 7. Передав эстафету Меркель, Шрёдер решил завершить политическую карьеру. Опыт функционирования первого и второго кабинетов Меркель, позитивные результаты работы ее нынешнего кабинета свидетельствуют о жизнеспособности концептуальных подходов, сформулированных Шрёдером в его «Программе действий 2010». С этими подходами генетически связана социально-экономическая политика данных правительств.

Уйдя из политики, Шрёдер сосредоточился на крупном международном проекте – строительстве Северо-Европейского газопровода (СЕГ). В конце 2005 г. стало известно, что экс-канцлер будет главным должностным лицом комитета акционеров North European Gas Pipeline Company, компании-оператора Северо-Европейского газопровода. Полномочия этого комитета были расписаны таким образом, что вполне можно было ставить знак равенства между ним и советом директоров. Функциональное назначение комитета было таково: «принятие всех стратегических решений по всем направлениям деятельности компании» [7]. Политический класс ФРГ раскололся в своём отношении к новому повороту в судьбе седьмого канцлера. Немало представителей элиты «обвиняло Шрёдера в том, что он собирается выступить в качестве прикрытия для легализации российских активов на Западе... В середине декабря 2005 г. вопрос о назначении Шрёдера был вынесен на обсуждение в бундестаге. Представители правящей коалиции потребовали от него представить общественности все подробности соглашения о строительстве СЕГ. Газета «Tagesspiegel» выразила мнение, что Шрёдер назначил досрочные выборы на сентябрь для того, чтобы успеть довести до конца проект СЕГ и обеспечить там себе выгодную

должность. И действительно, соглашение о СЕГ было подписано всего за десять дней до выборов. Председатель фракции партии «зеленых» в бундестаге Фриц Кун обвинил Шрёдера в намерении «поддерживать управляемую демократию и ущербное демократическое общество в России» [7].

Даже восьмой канцлер заняла позицию, которая не во всём могла удовлетворить Шрёдера. 20 декабря 2005 г. канцлер Ангела Меркель в интервью газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» заявила, что не была в курсе готовящегося назначения до того, как об этом сообщили СМИ. По ее мнению, это решение лежит вне политической сферы, однако оно может создать проблемы в отношениях Германии с Польшей и странами Балтии... Весной 2006 г. Гамбургский земельный суд удовлетворил иск Г. Шрёдера к главе Свободной демократической партии Германии (СвДП) Гвидо Вестервелле и запретил последнему повторять высказывания в адрес Шрёдера о том, что тот якобы был лично заинтересован в проекте строительства Северо-Европейского газопровода (СЕГ). Несмотря на подобные обвинения, Герхард Шрёдер в отличие от множества политиков «старого Евросоюза» на деле сумел при помощи СЕГ обеспечить энергобезопасность Германии [7].

Закключение. Герхард Шрёдер являет собой пример политика, оперативно реагирующего на вызовы времени, глубоко осознающего интересы своей страны. Возглавлявшиеся им федеральные правительственные кабинеты внесли важный вклад в решение задач внутренней и внешней политики объединенной Германии. При этом возглавляемая им СДПГ внесла существенные изменения в свои программные установки, отвечавшие современным вызовам.

Литература

1. Шрёдер, Герхард – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ru.wikipedia.org/wiki/Шрёдер,_Герхард – Дата доступа: 28. 10. 2013].
2. Патрушев, А.И. Германия в XX веке: учеб. пособие / А.И. Патрушев. – М. : Дрофа, 2004. – 432 с.
3. Ватлин, А. Ю. Германия в XX веке / А.Ю. Ватлин. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 336 с.
4. Павлов, Н.В. Германия и Россия в новой Европе 1990–2010 гг. (к периодизации российско-германских отношений / Н.В. Павлов // Германия и Россия в новой Европе (конец XX – начало XXI вв.: материалы Международной Интернет-конференции (май–июнь 2012 г.) / сост. Б.В. Петелин, Т. Шнайдер. – Череповец : ЧГУ, 2012. – С. 9–15.
5. Павлов, Н.В. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шрёдера / Н.В. Павлов, А.А. Новиков. – М. : ЗАО «Московские учебники – СиДиПресс», 2005. – 608 с.
6. Германия. Факты. – Франкфурт-на-Майне: Societaets-Verlag, 2010. – 192 с.
7. Шрёдер, Герхард [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rudata.ru/wiki/%D0%A8%D1%80%D1%91%D0%B4%D0%B5%D1%80_%D0%93%D0%B5%D1%80%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B4. – Дата доступа: 29.10.2013.

Этнаканфесійны склад пяхоты рэгулярнай арміі ВКЛ у першай палове XVIII ст.

С.А. ЧАРОПКА

Даследуецца пытанне аб этнаканфесійным становішчы пяхотных падраздзяленняў рэгулярнай арміі Вялікага княства Літоўскага ў першай палове XVIII ст. На аснове інфармацыі аб месцы нараджэння і канфесійнай прыналежнасці мушкетэраў палкоў гвардыі і польнага гетмана высвятляецца ўдзельная вага салдатаў беларускага і замежнага паходжання. У выніку даследавання ўстаноўлена, што ў этнаканфесійным плане пяхота арміі ВКЛ складалася пераважна з беларусаў каталіцкага веравызнання.

Ключавыя словы: Вялікае княства Літоўскае, армія, пяхота, мушкетэры, афіцэры, салдаты, рэгімент, католікі, лютэране.

The question on an ethnic and religious condition of infantry divisions of the army of the Grand Duchy of Lithuania in the first half of the 18-th century is investigated. On the basis of the information on the birthplace and a religious accessory of musketeers of Guards regiment and a regiment of the High Constable relative density of soldiers Belarusian and a foreign extraction is found out. As a result of the conducted research it is established that in the ethnic and religious plan the infantry of the GDLs army infantry consisted mainly of Byelorussians of Catholic religion

Keywords: Grand Duchy of Lithuania, army, infantry, musketeers, officers, soldiers, regiment, Catholics, Protestants.

Цяжка перабольшыць значэнне арміі, як структурыраванай баявой арганізацыі для развіцця і нармальнага існавання любой дзяржавы. Гэты інструмент дапамагае стварыць спрыяльныя ўмовы для вядзення знешняй палітыкі, а таксама абароны цэласнасці і незалежнасці краіны ў выпадку знешняй агрэсіі. Па меры станаўлення цэнтралізаваных дзяржаў у Еўропе ішоў паступовы працэс фарміравання каралеўскай, а гэта значыць дзяржаўнай, сталай або гэтак званай «рэгулярнай» арміі. Працэс гэты аказаўся надзвычай працяглым, што тлумачыцца вялікімі затратамі на ўтрыманне рэгулярнага войска, аднак важнасць гэтага інструмента ў палітычным жыцці дзяржавы прымушала еўрапейскіх манархаў выдаткоўваць значныя сродкі на развіццё сваіх узброеных сіл. Выкарыстанне новых відаў узбраення ў Еўропе ў перыяд Новага часу дало магчымасць скараціць тэрмін падрыхтоўкі чалавека да ваеннай службы, што ў наступным прывяло да дэвальвацыі ролі рыцарства і ўзрастання ролі пяхоты, у якой маглі служыць людзі ўсіх станаў грамадства. Інтэнсіфікацыя маштабных баявых дзеянняў у Еўропе ў XVI–XVIII стст. запатрабавала стварэння масавых армій, што ва ўмовах існавання наёмнай сістэмы стала ў эканамічным плане надзвычай цяжкай справай. Менавіта гэта прывяло да ўвядзення рэкруцкай сістэмы камплектавання ўзброеных сіл, а гэтая акалічнасць, у сваю чаргу, садзейнічала фарміраванню нацыянальных па свайму характару армій.

У навуковай літаратуры існуе вялікая колькасць спецыяльных даследаванняў, якія прысвечаны працэсу фарміравання, структуры і арганізацыі французскай, англійскай, прускай, расійскай і іншых еўрапейскіх армій. Аднак пры спробе даведацца аб гісторыі айчынай рэгулярнай арміі, даследчык сутыкаецца з невялікім колам даследаванняў прысвечаных гэтай праблеме. Гэтая акалічнасць звязана з метадалагічным уяўленнем, што калі ў продкаў сучасных беларусаў не існавала ўласнай беларускай дзяржавы, то не магло існаваць і ўласных узброеных сіл. Дыскусія адносна таго ці было Вялікае княства Літоўскае (ВКЛ) або Рэч Паспалітая дзяржавамі, у тым ліку, і продкаў сучасных беларусаў, не з'яўляецца аб'ектам нашага даследавання, аднак канстатуем, што рэгулярная армія ў ВКЛ у XVIII ст. усё ж з'явілася. Польскія гісторыкі XIX – пачатку XX стст. К. Гурскі, Б. Гэмбажэўскі, М. Кукель, Н. Растафіньскі, зыходзячы з пазіцый тоеснасці паняццяў «Рэч Паспалітая» і «Польшча», разглядалі літоўскую армію XVIII ст. як частку польскага войска [1]–[6].

Нягледзячы на сумніўнасць такога падыходу, тым не менш менавіта ім мы абавязаны з'яўленню першых даследаванняў па гісторыі арміі ВКЛ. У другой палове XX ст. польскія навукоўцы Т. Новак, Я. Вімер і іншыя, даследуючы гісторыю польскіх узброеных сіл, таксама не маглі абысці ўвагай і многія аспекты развіцця рэгулярнай арміі ВКЛ [7]–[9].

У беларускай гістарыяграфіі доўгі час пытанне вывучэння арміі ВКЛ не з'яўлялася актуальным, што аб'ектыўна звязана з гістарычнымі рэаліямі, якія існавалі на момант зараджэння і фарміравання айчыннай гістарычнай навукі. Але з набыццём незалежнасці Рэспублікі Беларусь абудзілася цікавасць навукоўцаў да вывучэння гісторыі айчыннага войска. У прыватнасці, асобныя аспекты фарміравання рэгулярнай арміі ВКЛ знайшлі адлюстраванне ў работах А. Гужалоўскага, М. Грыгор'ева і С. Чаропкі [10]–[14]. Гэтымі аўтарамі зроблены пэўны задзел у распрацоўцы пытання станаўлення рэгулярнай арміі ў ВКЛ, але шмат аспектаў яе развіцця і існавання яшчэ застаюцца не даследаванымі. Да такіх аспектаў належыць і пытанне аб нацыянальным складзе літоўскай арміі. Калі адносна этнічнага паходжання асабістага складу літоўскай кавалерыі сітуацыя ўяўляецца даволі зразумелай і дыскусіі не існуе, то адносна нацыянальнага складу рэгулярнай пяхоты існуюць спрэчныя пытанні. Менавіта вывучэнне этнаканфесійнага складу пяхотных падраздзяленняў ВКЛ з'яўляецца мэтай прадстаўленага даследавання. Мэта дасягаецца вырашэннем наступных задач: выяўленне колькасці каталіцкага, пратэстанцкага, уніяцкага і праваслаўнага кампанентаў ў пяхоце арміі ВКЛ; высвятленне колькасці ўраджэнцаў Беларусі сярод мушкецёраў; суаднясенне звестак аб веравызнанні з месцам нараджэння салдат для ўдакладнення магчымай этнічнай прыналежнасці жаўнераў пяхоты рэгулярнай арміі ВКЛ.

У 1717 г. на «Нямым» сойме быў зацверджаны штат польска-літоўскага войска, крыніцы фінансавання арміі і канкрэтныя лічбы бюджэту. Такім чынам пачаўся працэс арганізацыі рэгулярных узброеных сіл Рэчы Паспалітай, якія, як і раней, складаліся з дзвюх армій – кароннай і літоўскай. З 6 тыс. порцый, якія выдзяляліся на рэгулярную армію ВКЛ, 1850 порцый прыпадала на пяхоту, што тэарэтычна дазваляла давесці яе колькасць да 1500 мушкецёраў (менавіта так называюцца літоўскія пехацінцы XVIII ст. у аўтэнтчных крыніцах). Структурна ўся пяхота ВКЛ складалася з 3 рэгіментаў (палкоў), у прыватнасці з Рэгімента гвардыі пешай, Рэгімента пешы булавы вялікай і Рэгімента пешы булавы польнай [15, s. 193–194]. На гвардзейскі полк выдзялялася 1000 порцый, што дало магчымасць давесці колькасць яго асабістага складу да 840 мушкецёраў, на палкі кожнага з гетманаў выдзялялася па 425 порцый, адпаведна яны маглі налічваць каля 350 ваяроў. Такая структура пяхоты праіснавала без істотных змен да 1775 г. [16, s. 39], [17, s. 7–8].

Для вывучэння пытання аб этнаканфесійным складзе літоўскай пяхоты правядзем адпаведны аналіз этнаканфесійнай прыналежнасці і паходжання афіцэраў і жаўнераў двух палкоў: Рэгімента гвардыі пешай і Рэгімента пешага булавы польнай М.К. Радзівіла Рыбанькі ў перыяд з 1736 па 1754 гг. Для даследавання этнічнай прыналежнасці вайскоўцаў звернем асабліваю ўвагу на інфармацыю аб наступных маркерах: імя і прозвішча, месца паходжання і канфесійная прыналежнасць. Зыходзячы з гэтага падыходу адносна проста выявіць вайскоўцаў нямецкага паходжання і вызначыць іх колькасць. Як сведчаць дакументы, у якіх падаецца інфармацыя аб месцы нараджэння і рэлігійнай прыналежнасці вайскоўца, уладальнікі нямецкіх прозвішчаў часцей за ўсё былі лютэранамі і паходзілі з германскіх княстваў [18], [19]. Але адносна польскага, літоўскага і беларускага кампанентаў у сучасным разуменні, справа прадстаўляецца больш цяжкай. Гэта звязана з тым, што звесткі аб роднай мове вайскоўцаў адсутнічаюць, а канфесійная прыналежнасць дакладнага адказу аб этнічнай прыналежнасці не дае. Як трапна адзначылі аўтары акадэмічнага выдання «Гісторыя Беларусі», у XVIII ст. «самымі шматканфесійнымі былі беларусы, якія належалі да розных адгалінаванняў хрысціянства, і ў сувязі са змешанымі шлюбамі і ваганнямі курса дзяржаўнай рэлігійнай палітыкі пераходзілі з адной канфесіі ў другую» [20, с. 302]. Паводле даследаванняў айчынных гісторыкаў, у 1791 г. у ВКЛ большасць складалі прадстаўнікі каталіцкай царквы (77%), у яе візантыйскім (39%) і лацінскім (38%) варыянтах. Прадстаўнікі праваслаўнага насельніцтва складалі 6% і яшчэ 4% былі стараверамі, якія, як мы ведаем, мелі расійскае паходжанне [21, с. 5]. Пры гэтым у адзначаныя лічбы ўваходзяць і жыхары этнічнай Літвы,

але не ўлічана Ўсходняя Беларусь, якая ў 1772 г. была анэксіравана Расійскай імперыяй. Аднак вядома, што ў 1777 г. у Магілёўскай губерні больш 68 % цэркваў і манастыроў належалі ўніятам, а яшчэ 10 % – католікам. Праваслаўным належала больш 21 % цэркваў [20, с. 302]. Гэтыя звесткі красамоўна абвяргаюць распаўсюджаную міфалагему аб тым, што ў нашым рэгіёне католікамі былі палякі, а беларусы з’яўляліся праваслаўнымі. У сувязі з гэтым пры вывучэнні этнічнага складу пяхоты ВКЛ трэба ўлічваць, што прадстаўнікі беларускага этнасу маглі быць як уніятамі, так і католікамі і праваслаўнымі. Пры спалучэнні звестак аб месцы нараджэння з інфармацыяй аб канфесійнай прыналежнасці і формай імя і прозвішча ў комплексе можа даць агульную карціну прысутнасці продкаў сучасных беларусаў у арміі ВКЛ.

Адносна этнаканфесійнага складу Рэгімента гвардыі пешай ВКЛ дакладнай інфармацыі, на жаль, няма. Тым не менш, трэба адзначыць, што практычна ўвесь штаб гвардзейскага палка у сярэдзіне XVIII ст. меў замежнае паходжанне, аб чым сведчаць імёны і прозвішчы афіцэраў. Так, камандзірам палка быў палкоўнік Крысціян Людвіг дэ Катцэлер, падпалкоўнікам – Людвіг д’Аву (Даву), маёрам – Іаган дэ Дэскур, капітанам – Іаган Грасэнберг, ад’ютантам – Леон Шылінг, аўдытарам – Андрэас Лібэ, палкавым квартэрмайстрам – Готфрыд Калік. Сярод 11 членаў штаба палка толькі імёны двух афіцэраў маюць відавочна славянскае паходжанне (капітаны Я. Кабылінскі і М. Кршымоўскі), што складае толькі 18 % [22, с. 2]. Сярод обер-афіцэраў, якія непасрэдна камандавалі ротамі, колькасць уладальнікаў славянскіх прозвішчаў павялічваецца да 62 % і дасягае ў абсалютных лічбах 5 з 8 (капітан К. Лепарскі, паручнікі Г. Лепарскі, А. Бараноўскі, харунжыя І. Нарбут і А. Матоўскі) [22, с. 3–10]. А вось сярод 17 прадстаўнікоў унцер-афіцэрскага складу зноў пераважаюць уладальнікі нямецкіх прозвішчаў – іх налічваецца 11. Толькі 6 падафіцэраў маюць славянскія прозвішчы (Хамантоўскі, Якавіцкі, Астафавіч, Хрушыцкі, Сабалевіч, Скорскі), што складае 35 % [22, с. 2]. Рэванш уладальнікі славянскіх прозвішчаў бяруць сярод шараговых мушкецёраў. Іх колькасць складае не менш за 87 % ад усяго асабістага складу [22, с. 3–10]. Такім чынам, што ў гвардыі сярод афіцэраў пераважалі выхадцы з германскіх зямель, а сярод шараговых – з Рэчы Паспалітай. Але адкрытым застаецца пытанне адкуль канкрэтна паходзілі мушкецёры – з Польшчы або ВКЛ, і колькі з іх непасрэдна з тэрыторыі сучаснай Беларусі?

Адказ на пытанне можа даць аналіз асабістага складу пяхотнага палка польнага гетмана, які традыцыйна складаўся са штаба і чатырох рот [23, с. 67]. У 1736 г. тут назіраецца наступная у канфесійнай сітуацыя. Сярод 11 штаб-афіцэраў 9 былі католікамі, што складае 86 %. 2 штаб-афіцэры былі лютэранамі, адзін – кальвіністам. Пры гэтым большасць афіцэраў штаба паходзіла з ВКЛ – 45 %, непасрэдна з Беларусі – 27 %: сам палкоўнік М.К. Радзівіл, а таксама 4 капітаны – 2 з этнічнай Літвы (Бокум і Дыялевіч), а 2 – з тэрыторыі сучаснай Беларусі (Шэмёт і Пачынскі з Лідскага і Браслаўскага павеатаў адпаведна). Ураджэнцамі каронных зямель з’яўляліся 4 штаб-афіцэры, што складае 27 % асабістага складу і толькі капітан Гайл прыехаў з Курляндзіі, якая, была васальным уладаннем Рэчы Паспалітай [18, с. 60–64]. Абсалютна ўсе штаб-афіцэры з беларускай часткі ВКЛ з’яўляліся рыма-католікамі.

Сярод обер-афіцэраў колькасць католікаў складае 56 %. Пратэстантаў сярод гэтай катэгорыі вайскоўцаў налічвалася толькі 4 (трое лютэран і адзін кальвініст), што разам дае 44 %. У 1736 г. з 8 сярэдніх афіцэраў 4 (50 %) паходзілі з этнічна-беларускіх тэрыторый (паручнік і харунжы Воланы, харунжы Барташэўскі, ад’ютант Цыбінскі), 3 – з Польшчы, 1 – з Курляндзіі [18 с. 60–64]. Праз 6 гадоў, у 1742 г. у гэтым палку сітуацыя прынцыпова не змянілася і ў адносных лічбах суадносіны складалі 50 % католікаў да 34 % лютэран. З 5 старшых афіцэраў палка, чые паходжанне ўдалося высвятліць, трое былі родам з Беларусі, прычым усе католікі: паручнікі Г. Волан і Цыбінскі, харунжы Корсак з Ашмянскага і Навагрудскага павеатаў. Двое афіцэраў былі немцамі з Сілезіі і Курляндзіі (паручнік Шэмберн і харунжы Я. Гін), што таксама пацвярджае іх лютэранскае веравызнанне [19, с. 1–4].

Сярод унцер-афіцэраў 78 % складалі рыма-католікі, а калі далучыць да іх уніятаў, то колькасць католікаў сярод падафіцэраў павысіцца да 82 %. Прыхільнікаў лютэранства сярод унцер-афіцэраў усіх кампаній было толькі 2 (13 %), яшчэ адзін вызнаваў кальвінізм. Такім чынам, колькасць пратэстантаў сярод унцер-афіцэраў не перавышала 18 %. З беларускай зямлі паходзілі як мінімум 7 вайскоўцаў (падхарунжы і капрал Стшэбельскія, капралы

Я. Кейхорт і Герман, трубач Рапніцкі з Навагрудскага ваяводства, добаш Марцынкевіч з Нясвіжа і фур'ер Ю. Шэйн з Аршанскага павету). У адносных лічбах гэта складае 39 %. Пяцёра з іх былі рыма-католікамі (71 %), трубач Рапніцкі з'яўляўся грэка-католікам, капрал Герман (шляхціц Навагрудскага ваяводства) вызнаваў кальвінізм. Яшчэ 4 унцер-афіцэры нарадзіліся таксама ў ВКЛ, але ў балцкім рэгіёне (падхрунжы І. дэ Раэс, фур'ер Пісткевіч і добаш Рыбінскі з Троцкага ваяводства і сержант Бем з Вількамірскага павету – усе католікі). Такім чынам, як мінімум 61 % унцер-афіцэрскага складу былі мясцовага паходжання і з'яўляліся падданымі княства. Два падафіцэры (капрал Рыбінскі і трубач Ясінскі) паходзілі з каронных зямель, прычым Рыбінскі - з беларуска-польскага памежжа (Падляшскае ваяводства). Пяцёра унцер-афіцэраў нарадзіліся ў германскіх дзяржавах. У прыватнасці падхарунжы Бістром і капрал Роп нарадзіліся ў Курляндыі, а сержант Траубэнталь, капралы Я. Шмек і А. Сабалеўскі паходзілі з Прусіі, прычым апошні быў верагодна славянінам, аб чым сведчыць і яго прозвішча, і яго каталіцкае веравызнанне, што не характэрна для лютэранскай Прусіі. Месца нараджэння яшчэ 5 падафіцэраў ня вызначана [19, s. 1–4].

Сярод шараговых жаўнераў прысутнасць рыма-католікаў была яшчэ большай. У першай роце – іх налічвалася 44 з 50, у другой – 49 з 53, а ў трэцяй – 48 з 50. У адносных лічбах колькасць рыма-католікаў сярод мушкецёраў дасягае 92 %. Салдаты лютэранскага накірунку хрысціянства прысутнічалі ў кожнай з харугваў - усяго 7 чалавек, што складала 5 %. У палку служылі таксама 2 грэка-католікі, 1 праваслаўны і 1 кальвініст, што роўна толькі 1,8 % разам. Практычна ўсе пратэстанты былі немцамі, колькасць мясцовых дысідэнтаў была не проста мінімальнай, а нават мізэрнай.

Колькасць ураджэнцаў Беларусі была таксама вельмі значная. Са 106 мушкецёраў палка, чыё месца нараджэння ўдалося дакладна вызначыць, 67 паходзілі з тэрыторыі сучаснай Беларусі, што складае 63 %. Прычым геаграфія дастаткова шырокая: Ашмянскі, Гарадзенскі, Менскі, Рэчыцкі, Мсціслаўскі, Брэсцкі, Полацкі, Ваўкавыскі, Слоніўскі, Браслаўскі паветы. Пры гэтым відавочная большасць мушкецёраў з'яўлялася ўраджэнцамі Навагрудскага ваяводства (17 чалавек). Практычна ўсе выхадцы з Беларусі былі рыма-католікамі (97 %). Мушкецёры Г. Матусевіч быў грэка-католікам, Я. Янкевіч – лютэранінам (абодва з Навагрудскага ваяводства).

З этнічнай Літвы паходзіла 7 пехацінцаў, з Кароны - 17, прычым трое з іх – з памежнага беларуска-польскага Падляшскага ваяводства, а двое з кароннай Украіны. Ураджэнцамі нямецкіх княстваў былі 11 мушкецёраў, у асноўным з Прусіі, але былі таксама немцы з Саксоніі і Гамбурга. Па аднаму мушкецёру было венгерскага і шведскага паходжання, яшчэ двое нарадзіліся ў Расійскай імперыі. Адзін з іх – Васіль Хмызнякоўскі быў адзіным у Рэгіменце пешым булавы польнай салдатам праваслаўнага веравызнання, а другі ўраджэнец Расіі, якога звалі Ян Лебедзь, як гэта не дзіўна, вызнаваў каталіцызм рымскага чыну [19, s. 3–11].

З праведзенага ў прадстаўленым артыкуле аналіза можна зрабіць наступныя высновы. Па-першае, відавочна, што абсалютная большасць асабістага складу пяхотных падраздзяленняў рэгулярнай арміі ВКЛ у рэлігійным плане належала да каталіцкай канфесіі. Вышэйшае камандаванне пяхотных падраздзяленняў было пераважна каталіцкім. Сярод штаб-афіцэраў колькасць каталікоў дасягала 86 %. Сярод пратэстантаў, агульная колькасць якіх у гэтым сегменце афіцэраў складала 14 %, пераважалі лютэране. На обер-афіцэрскім узроўні колькасць католікаў зніжаецца да 56 %, рэзка павялічваецца колькасць пратэстантаў – лютэран (33 %) і кальвіністаў (11 %). Важна адзначыць, што сярод прадстаўнікоў штаб- і обер-афіцэраў цалкам адсутнічаюць грэка-католікі і праваслаўныя. На ўнцер-афіцэрскім узроўні колькасць рыма-католікоў зноў узрастае і дасягае 78 %, колькасць пратэстантаў зніжаецца да 18 %. На гэтым узроўне сярод прадстаўнікоў камандавання з'яўляюцца грэка-католікі, якіх налічваецца 4 %. Сярод шараговых мушкецёраў бясспрэчна пануюць рыма-католікі (92 %), а разам з грэка-католікамі іх колькасць дасягае 94 %. Сярод шараговых мушкецёраў з'яўляюцца прадстаўнікі праваслаўнай канфесіі, якія разам з пратэстантамі складаюць толькі 6 %. Такім чынам, у канфесійным плане пяхота арміі ВКЛ з'яўлялася пераважна каталіцкай, што цалкам адпавядала агульнаму кірунку рэлігійнай палітыкі кіраўніцтва Рэчы Паспалітай. Пратэстанты, якія ў пераважнай большасці былі нямецкага паходжання, выступалі ў якасці ваенных спецыялістаў, сваеасаблівых «мэнэджэраў», таму што большасць з іх мелі досвед службы ў прускай, саксонскай або іншых арміях.

Па-другое, у выніку праведзенага даследавання ўстаноўлена, што сярод ўсіх узроўняў камандавання і шараговых жаўнераў значную ролю адыгрывалі ўраджэнцы беларускіх зямель ВКЛ. У прыватнасці сярод штаб-афіцэраў колькасць выхадцаў з Беларусі складала 27 %, а сярод обер-афіцэраў іх было ўжо не менш паловы ад усяго асабістага складу. На ўнцер-афіцэрскім ўзроўні колькасць ураджэнцаў Беларусі зменшылася да 39 %, але варта адзначыць, што памяншаецца і колькасць выхадцаў з каронных зямель (нават з улікам Украіны і Падляшша), што тлумачыцца павелічэннем колькасці нямецкіх спецыялістаў. Пры гэтым этнічныя немцы ў пераважнай большасці паходзілі з васальнай Курлянды. Відавочная большасць шараговых мушкецёраў былі ўраджэнцамі ВКЛ (70 %), перш за ўсё з яго беларускай часткі (63 %). Колькасць замежнікаў, нават уключаючы сюды выхадцаў з саюзных Польшчы і Курлянды, хаця і была не маленькай (30 %), але відавочна не дамінаруючай.

Па-трэцяе, на аснове першакрыніц можна зрабіць выснову аб канфесійным складзе вайскоўцаў менавіта з беларускай зямлі. Усе прадстаўнікі штаб і обер-афіцэрскага корпусу, якія паходзілі з Беларусі былі католікамі. Сярод унцер-афіцэраў пераважная большасць таксама былі рыма-католікамі (72 %). Разам з тым, сярод ваяроў з Беларусі былі таксама грэка-католікі і кальвіністы (па 14 %). Пры вывучэнні канфесійнай сітуацыі сярод шараговых беларускіх мушкецёраў можна заўважыць бясспрэчнае панаванне рыма-католікаў. Колькасць грэка-католікаў і лютэран была мізэрнай (3 % разам). Гэтая карціна ў пяхоце ў цэлым адпавядае агульнай канфесійнай сітуацыі ў краіне, асабліва ў заходняй і цэнтральнай Беларусі. Устойлівае перакананне ў тым, што ў пяхоце рэгулярнай арміі Вялікага княства Літоўскага ў XVIII ст. служылі пераважна нямецкія або польскія найміты, з'яўляецца міфалагемай. Усе мушкецёры, натуральна, былі наймітамі, таму што ў адрозненне ад суседніх краін, дзе ўжо была ўведзена рэкруцкая павіннасць, набор асабістага складу ў пяхотныя палкі літоўскага войска праводзіўся шляхам гэтак званага «вольнага бубна». Сутнасць гэтай методы зводзілася да таго, што для вярбоўкі жаўнераў кожны ратмістр атрымліваў пэўную суму грошай, пасля чаго мог праводзіць набор добраахвотнікаў на канкрэтна вызначанай тэрыторыі. Аб'ектам вярбоўкі ў склад вайсковых падраздзяленняў звычайна былі прадстаўнікі мяшчанства і свабоднага сялянства. Але гэтыя найміты не з'яўляліся іншаземцамі. Пяхота рэгулярнай арміі ВКЛ па свайму паходжанню была беларуска-літоўскай, яна камплектавалася за кошт каталіцкага беларускага і літоўскага насельніцтва, паступова набываючы, такім чынам, нацыянальны для Рэчы Паспалітай характар.

Літаратура

1. Górski, K. *Historia piechoty polskiej* / K. Górski. – Kraków : nakładem księgarni polskiej spółki wydawniczej, 1893. – 274 s.
2. Górski, K. *Historia jazdy polskiej* / K. Górski. – Kraków : nakładem księgarni polskiej spółki wydawniczej, 1894. – 366 s.
3. Górski, K. *Historia artylerii polskiej* / K. Górski. – Warszawa : w księgarni E. Wende, 1902. – 325 s.
4. Gembarzewski, B. *Rodowody pułków polskich i oddziałów równorzędnych od r. 1717 do r. 1831* / B. Gembarzewski. – Warszawa : nakładem tow. wiedzy wojskowej, 1925. – 100 s.
5. Kukiel, M. *Zarys historii wojskowości w Polsce* / M. Kukiel. – Kraków : nakładem Krakowskiej spółki wydawniczej, 1929. – 356 s.
6. Rostafiński, N. *Zarys historii rozwoju wojskowości w Polsce (992-1792)* / N. Rostafiński. – Poznań : Nakł. księgarni Fr. Gutowskiego, 1922. – 164 s.
7. Nowak, T.M. *Historia oręża Polskiego 963-1795* / T.M. Nowak, J. Wimmer. – Warszawa : Wiedza powszechna, 1981. – 700 s.
8. Wimmer, J. *Historia piechoty polskiej do roku 1864* / J. Wimmer. – Warszawa : MON, 1978. – 615 s.
9. *Historia wojskowości polskiej*. – Warszawa : MON, 1972. – 871 s.
10. Гужалоўскі, А. Войска ВКЛ: апошнія старонкі гісторыі / А. Гужалоўскі // Бел. гіст. часопіс. – 1994. – № 1. – С. 48–52.
11. Грыгор'еў, М. Войска ВКЛ ад Сасаў да Касьцюшкі (1765–1794) / М. Грыгор'еў. – Мінск : Тэхналогія, 1994. – 168 с.
12. Чаропка, С.А. Войска ВКЛ у святле ваеннай рэформы 1717 г. / С.А. Чаропка // Науч. труды Респ. инст. высш. школы: сб. науч. ст.; в 2 ч. Ч. 1 / редкол. В.Ф. Берков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2012. – С. 336–343.

13. Чаропка, С.А. Ваенная рэформа ў Вялікім княстве Літоўскім 1764–1766 гг. / С.А. Чаропка // Беларусь і суседзі: шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны: зб. навук. артык. Вып. 1. / рэдкал.: Р.Р. Лазько [і інш.]. – Гомель: УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2012. – С. 25–30.
14. Чаропка, С.А. Кавалерыя арміі Вялікага княства Літоўскага: эвалюцыя структуры / С.А. Чаропка // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2013. – № 4(79). – С. 146-151.
15. Volumina Legum. – Petersburg, nakładem i drukiem J. Ohryzki, 1860. – 340, VII s.
16. Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). – Archiwum Radziwiłłowskie. Dział VII (AR VII). – Sygn. 89. – S. 67.
17. AGAD. – Zbiór Popielów. – Mkrf. A 34575.
18. AGAD. – AR VII. – Sygn. 89. – S. 60–65.
19. AGAD. – AR VII. – Sygn. 105. – 18 s. – 20. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.). – Мінск : «Экаперспектыва», 2004. – 344 с.
21. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава. – Мінск : «Экаперспектыва», 1998. – 341 с.
22. AGAD. - AR VII. – Sygn. 96/I. – 485 s. 23. AGAD. – AR VII. – Sygn. 89. – S. 67

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 23.12.2013

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811. 161. 3'373. 21(476.2 – 37* Петрыкаў)

Тапанімічная лексіка Петрыкаўшчыны на лексіка-семантычным узроўні

Н.А. БАГАМОЛЬНИКАВА

Аналізуюцца тапонімы і мікратапонімы Петрыкаўшчыны ў лексіка-семантычным аспекце. Высветляюцца інфарматыўныя сувязі груп тапонімаў і мікратапонімаў з падзеямі ў мясцовасці, асаблівасцямі ландшафту і тапаграфіі Прыпяцкага Палесся.

Ключавыя словы: прапрыяльная лексіка, апелятывы, онімы, тапонімы, мікратапонімы, матывавальныя асновы, лексіка-семантычныя групы.

The article analyses lexical-semantic aspect of toponyms and microtoponyms of the Petrikov region.

Key words: proprial lexis, appealatives, onyms, toponyms, microtoponyms, motivating bases, lexical-semantic groups.

На сённяшні дзень актыўна вядуцца даследаванні тапаніміі Усходняга Палесся [1], [2], якое з'яўляецца неад'емнай часткай усяго Палесся і працягла час характарызувалася як кансерватыўная зона бытавога ўкладу і захавання архаічных рыс не толькі ў культуры, але і ў прапрыяльнай лексіцы. Такія абставіны можна патлумачыць тым, што Палессе як макразона ніколі не належыла, у тым ліку і ў глыбокай старажытнасці, да густа заселеных рэгіёнаў. Асноўная частка тапонімаў рэгіёна славянскага паходжання з відавочным уплывам мясцовых дыялектных гаворак, аб чым сведчыць іх празрыстая матывацыя, другасная структура. У рэдкіх выпадках прасочваецца індаеўрапейскі след, як, напрыклад, у назве балота *Хідры*, дзе даследчыкі бачаць інд.-еўр. лексему *ghidra* 'рака', ці, згодна з меркаваннем І.М. Жалызняк, у назве ракі *Прыпяць* інд.-еўр. *pet мае значэнне 'пашырацца' (маюцца, праўда, і іншыя гіпотэзы, яны пададзены ў манаграфіі аўтара артыкула [3, с. 11–12]).

Петрыкаўшчына – рэгіён, які вывучаны не ў поўнай ступені. Гэтым мы тлумачым выбар тэмы дадзенага даследавання, што мяркуе аналіз асобных тапонімаў і мікратапонімаў адзначанага рэгіёна на структурна-семантычным узроўні. Крыніцай фактычнага матэрыялу з'яўляюцца онімы, сабраныя і запісаныя інфарматапамі палявым метадам.

Тэрыторыя раёна размешчана ў межах Прыпяцкага Палесся, на захадзе Гомельскай вобласці. Утвораны раён як адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка 17 ліпеня 1924 г. і займае плошчу ў 2,8 тыс. кв. км. 55,2 % яго тэрыторыі занята лесам, пад балотамі знаходзіцца 4% плошчы. У складзе раёна сёння 126 населеных пунктаў, у тым ліку 1 горад (Петрыкаў) і 1 гарадскі пасёлак (Капаткевічы) [4, с. 247]. З рэк, што працякаюць на тэрыторыі раёна, самая вялікая па памеры – *Прыпяць* з прытокамі *Пціч*, *Бобрык*, *Трэмя*, *Убарць* і прыток *Пцічы Арэса* (матывавальныя асновы найменняў большасці рэк разгледжаны [3], [5]). Найбольшае возера носіць назву *Дзікае* і ўтрымлівае ў ёй квалітатыўную характарыстыку: 'глухое, запушчанае', 'недаступнае, нязведанае' [6, т. 2, с. 174]. Створаны меліярацыйныя каналы *Міхедава-Грабаўскі*, *Лукіч*, *Курьцікі*, *Галоўчыцкі*. Семантычны аб'ём іх назваў у параўнанні з іншымі разрадамі гідронімаў (рэк, азёр, балот) звужаны да адной лексіка-семантычнай групы і, як бачна з прыкладаў, матывуецца айконімамі, каля якіх ці паміж якімі яны пракапаны (вв. Міхедавічы, Грабаў, Курьцічы, Новыя і Старыя Галоўчыцы).

Назва ракі *Арэса* (мясц. *Гарэса*, *Раса*) гіпатэтычная. Некаторымі даследчыкамі яна звязваецца з балтыйскай асновай птушкі *ares* 'кулік, вадзяны дрозд' [5, с. 271–272], які і сёння сустракаецца на Палессі, іншыя ж бачаць у фіналіі *-ca* сэнс 'вада', 'рака', 'возера' [3, с. 21]. Аднак фонам тапаніміі амаль паўсюдна на Беларусі, у тым ліку і на Гомельшчыне, з'яўляюцца славянскія найменні, нешматлікія балцкія, у прыватнасці гідронімы,

сустракаюцца толькі на паўночны захад ад прыкладнай лініі Пружаны – Касцюковічы. Патамонімы *Новая Арэса* і *Старая Арэса* з’явіліся ў савецкі час у сувязі з меліярацыяй Палесся, калі русла Арэсы было выпрамлена ў накірунку Шостая – Красная Слабада. Так утварылася *Новая Арэса*, ці ў мове жыхароў в. Фаставіч *Новая рака*. Частка ж ракі, што засталася ў старых берагах, захавала найменне *Арэса*, або *Старая Арэса*. На сучасны момант яны лічацца рознымі рэкамі, бо, па сутнасці, абазначаюць розныя геаграфічныя аб’екты, а палярызатыўныя прыметнікі *стары–новы* паказваюць на адносны час узнікнення аб’ектаў.

Асобныя ўчасткі ракі *Старой Арэсы* маюць свае ўласныя найменні, што захавалі інфармацыю пра пэўныя падзеі ў мясцовасці, асаблівасці яе ландшафту і тапаграфіі:

Белка. Назва супадае з найменнем ляснога масіву ўздоўж ракі. Матывавальнай асновай для ўтварэння оніма паслужыла, магчыма, разнавіднасць прадстаўніка фаўны *белкі* (менавіта так называюць на Гомельшчыне вавёрку), што ў вялікай колькасці, па ўспамінах старажылаў, вадзіліся раней па берагах ракі. Можна таксама выказаць меркаванне і пра сувязь дадзенай назвы са шматлікім значэннем на Палессі лексемы *бель*: ‘мясцовасць, дзе пераважна расце чэзлы, белы бярэзнік’, ‘забалочанае нізкае месца’, ‘невялікае балота’, ‘балотная сенажаць сярод лесу’, ‘балота, парослае белым мохам’ [7, с. 22–23].

Брады (супадае з назвай поля). Так называюць мелкія месцы ў рэчках, азёрах, старыцах, балотах, якія пераязджаюць з возам або пераходзяць пешшу [7, с. 25]. Магчыма, што дадзены адрэзак ракі ў даўнія часы прымяняўся для пераправы.

Вусце. Найменне захоўвае значэнне прыродна-геаграфічнага кампанента *вусця* ‘месца ўпадзення адной ракі ў другую, возера, мора’ [7, с. 39] (у гэтым месцы Старая Арэса ўпадае ў Новую Арэсу).

Дзядзінскі (вар. *Дзедзінскі*) *дуб*. Каля гэтай часткі ракі калісьці знаходзіўся стары вялікі дуб. За свой узрост дрэва атрымала назву *дзед*. Паступова састаўное найменне *Дзядзінскі дуб* жыхарамі было перанесена і на частку ракі.

Луг. У час веснавой паводкі дадзеная частка ракі выходзіць з берагоў, заліваючы прырэчныя палі, лугі.

Патапленік (вар. *яма Патапленіка*). Відавочна, што назва атрымана ад дыялектнай лексемы *патапленік* ‘тапелец’ у выніку няшчаснага выпадку: калісьці тут утапіўся чалавек, імя якога не захавалася.

Цёмны вір. Гідронім сведчыць аб кругавароце вады ў гэтым глыбокім месцы. Меркаванне падмацоўваецца і тым фактам, што вада на глыбокіх месцах сапраўды цёмная.

Петрыкаўшчына была ў свой час багатая на гелонімы, вялікая частка якіх асушана ў выніку правядзення меліярацыі, аднак назвы іх захаваліся ў мікратапонімах (найменнях палёў). Разгледзім некаторыя з іх:

Казелькі – назва балота, што знаходзілася паміж вв. Сасноўка і Фаставічы. Відаць па ўсім, утваральная аснова былога гелоніма матывавана народнай назвай шматгадовай травяністай расліны, што расце на балотах.

Камаровіцкі Мох – назва сельскагаспадарчага палетка, былога балота, размешчанага каля в. Камаровічы. Лексема *мох* успрымаецца мясцовымі жыхарамі толькі ў значэнні ‘забалочаная мясцовасць’. Адзначаны сэнс захоўвае і асобны мікратапонім *Мох*.

Язінскі Мох – былое балота. Згодна з інфармацыяй мясцовых жыхароў, на тэрыторыі балота было шмат сажалак, у якіх вадзілася рыба *язь*. Найменне магло ўзнікнуць і ад тэрміна *яз* ‘месца, якое перагароджана частаколам або пераплотам упоперак, каб не даць рыбе ходу ўверх, ці сам пераплот’ [7, с.209].

Галоўчыцкае балота, Камаровіцкае балота, Фаставіцкае балота (цяпер палеткі) размешчаны паблізу адпаведных вёсак. У мясцовасці для лексемы *балота* характэрна яго першаснае значэнне ‘нізкае месца, парослае слоём моху, журавінамі, дурніцамі, багуном і нізкарослымі дрэвамі’, ‘багна, дрыгва’, ‘балотная сенажаць’ [7, с.20]. Але ў дадзеных выпадках першапачатковае значэнне страцілася і ў выніку набылося другаснае – ‘асушаная мясцовасць, прыгодная для сельскагаспадарчай дзейнасці’. Як бачна, яно не выражае рэальную характарыстыку аб’ектаў.

У рэгіёне захаваліся назвы балот, у аснове матывацыі якіх знаходзяцца рэдкія архаічныя лексемы: *Кнея, Кінея, Окнеяцкое* (*кнея* ‘лясны гушчар’ [7, с. 94].), *Банковае* (*бана* ‘яма круглай

формы, у якой здабывалі жалеза, соль' [8, с. 72]), *Чарское* (вар. *Чэрскае*) (ад *чарцёж* 'цаліна').

Звернем увагу на такія лімнанімы Петрыкаўшчыны, як *Качатнік*, *Корбутава Яма*, *Яма*. Да сярэдзіны XX ст. названія азёры былі часткай ракі Арэса, асобнымі воднымі аб'ектамі яны сталі пасля правядзення меліярацыйных работ у дадзенай мясцовасці.

Папярэдне найменне *Качатнік* як частка ракі атрымала сваю назву ад сельскагаспадарчай пабудовы, дзе разводзілі *качак*, а пазней яно замацавалася за асобным возерам.

Возера *Корбутава Яма* матывуецца антрапонімам – прозвішчам чалавека, які, мяркуем, або жыў непадалёку ад гэтага возера, або нейчым чынам меў да яго дачыненне. Дарэчы, яшчэ некалькі год таму ў вёсцы Фаставічы на беразе Корбутавай Ямы жыла жанчына з прозвішчам Корбут.

У аснове лімнанімаў *Яма* (*Корбутава Яма*) знаходзіцца апелятыў *яма* 'самае глыбокае месца на рацэ'. Матывацыя пацвярджаецца тым фактам, што на самой справе глыбіня гэтых азёраў дасягае каля 9-10 метраў. Калісьці на тэрыторыі вёскі Фаставічы, вакол якой і размяшчаюцца азёры, існавала некалькі вадзяных млыноў, што прыводзіліся ў рух плыню Арэсы. У працэсе працы млыны вымывалі такія «ямы».

Непадалёку ад месца ўпадання Старой Арэсы ў Новую Арэсу знаходзіцца возера *Ноября*. Лімнанім яскрава адлюстроўвае асаблівасці савецкай тапанімікі – даўніна мінулае «савецкай сучаснасці» (мемарыяльная назва), калі існавала мода на перайменаванне розных геаграфічных адзінак. На вялікі жаль, носьбіты не захавалі старадаўняй назвы адзначанага воднага аб'екта.

Не меншую цікавасць выклікаюць і назвы палёў, лясоў, што ў колькасных адносінах у сотні разоў перавышаюць іншыя віды тапонімаў. Іх маеца мноства, незалежна ад памераў населеных пунктаў. Для чалавека, занятага працай у сельскай гаспадарцы, такія мікратапонімы з'яўляліся добрымі, надзейнымі арыенцірамі на мясцовасці, бо адлюстроўвалі спецыфічныя, істотныя, галоўныя рысы аб'ектаў у параўнанні з астатнімі. Аднак у сувязі з пэўнымі цяжкасцямі, калі назвы вядомы толькі вузкаму колу карыстальнікаў і збор матэрыялу патрабуе палявога метаду, вывучаны лінгвістамі яшчэ недастаткова. Мы спынім сваю ўвагу на аналізе семантыкі мікратапонімаў, зафіксаваных у наваколлі вёсак паўночна-заходняй часткі Петрыкаўшчыны.

Азярэдзішча – месца на полі, дзе знаходзіліся *азяроды* 'прыстасаванні са слупоў і жэрдак, прызначаныя для прасушвання збажыны і сена'.

Дворышча – назва поля, што ўзнікла ў выніку пераасэнсавання старажытнага тыпа пасялення 'месца, дзе быў двор з самастойнай незалежнай гаспадаркай'.

Дзедава ніва – найменне поля мае сувязь з апелятывам *дзед*, якому яно належыла.

Дубнік. Матывацыя вынікае з асаблівасцей мясцовай флоры: месца, дзе растуць дубы. Сучасныя дубнікі – рэшткі знакамітых поймавых дубраў Палесся, дзе падобныя назвы захаваліся амаль паўсюдна (напрыклад, *Слабадскі дубнік* непадалёку ад в. Красная Слабада Акцябрскага р-на і інш.).

Паходжанне назвы *Зубарайскі рог* звязана з прозвішчам ці мянушкай чалавека *Зубар*, поле якога знаходзілася на *рагу* адносна іншых участкаў або мела канфігурацыю ў выглядзе *рога*.

Калодкі. Лясны масіў мае некалькі версій узнікнення свайго наймення: вызначаецца вялікім і прыдатным для пабудовы лесам (*калодкамі*); некалі на гэтым месцы стаялі калоды пчол.

Найменне лесу *Крывуля* з'явілася пад уплывам мясцовай лексікі, дзе *кывуляй* называюць няроўны лес, які немагчыма выкарыстоўваць у будаўніцтве, або няроўную дарогу.

Онім *Ляцца* (назва падаецца ў мясцовым вымаўленні) матываваны працоўнай дзейнасцю людзей – распаўсюджаным на тэрыторыі Беларусі так званым падсечна-агнявым спосабам земляробства, ці лядным (*ляда* 'месца, ачышчанае ад лесу і прыстасаванае пад палетак').

Тапонім *Малаінава палянка* (месца ў лесе) абавязаны сваім паходжаннем чалавеку па імені *Малаін*.

Назва лесу *Малыш* гаворыць аб невялікай па памерах тэрыторыі, якая ім занята.

Падгалле. Веданне мясцовасці дазваляе пагадзіцца з думкай навукоўцаў, якія звязваюць падобныя найменні з лексмай *гал*, *гала* 'бязлеснае балота'. Такім чынам, *падгалле* – 'месца побач, перад балотам, на якім няма лесу'.

Паходжанне назвы лесу *Печкі* вызначаецца працэсам вытворчасці смалы, якую выраблялі ў спецыяльных печах-смалакурнях. Найменні такога кшталту, па даследаваннях В.П. Лемцюговай, часта сустракаюцца на Палессі.

Назвы хутароў *Руклі*, *Сукач*, што былі атрыманы ад мянушак іх заснавальнікаў, перайшлі ў мікратапонімы. Сведчаннем таму – рэшткі ад паселішчаў, якія захаваліся і на сённяшні дзень.

Стойлаўскае – лясны масіў. Відавочна, што назва матывавана сельскагаспадарчай дзейнасцю чалавека: калісьці тут знаходзіліся кашары, дзе ўтрымлівалася, “стаяла” жывёла.

Увалішча ўяўляе сабою вялікі, пакрыты лесам пагорак, вакол якога калісьці ляжала непраходная дрыгва – гіблае месца, дзе можна было ўваліцца ‘праваліцца’ (месца цяпер асушанае).

Лясны масіў *Цёмнавішча* матываваны яго асаблівасцю: цёмны, непраходны бор (квалітатыўнае найменне).

Язінская палянка – кавалак зямлі пасярод балота Язінскі Мох – арыентуе на месцазнаходжанне.

Тэрыторыя, якая знаходзіцца на правым беразе ракі Арэса, носіць агульную назву-арыенцір *Зарэчча*. Але гэтая мясцовасць у сваю чаргу дзеліцца на пэўныя часткі пад найменнямі Ваўкаўня, Доўгае поле, Первае Затменне, Другое Затменне, Круглая даліна, Снапішча, Уладымераў рог.

Назва мясцовасці *Ваўкаўня* мае непасрэдную сувязь з драпежным зверам *ваўком* – месца, дзе раней было шмат ваўкоў. Наогул, у сучаснай беларускай тапаніміі звыш 70 населеных пунктаў сваёй асновай нагадваюць пра *ваўка*, а падобных мікратапонімаў увогуле мноства.

Назва *Доўгае поле* матывавана геаметрычнымі памерамі палетка, які дасягае ўздоўж некалькі кіламетраў. З геаметрычнай формай аб’екта звязаны онімы *Круглая даліна* (нізкае месца ў выглядзе *круга*), *Уладымераў рог* (палетак, што належыў чалавеку па імені *Уладымер*, меў падобнасць формы на сапраўдны *рог*).

Найменні *Первае Затменне* і *Другое Затменне* звязаны з адпаведнымі астранамічнымі з’явамі, калі “адно нябеснае цела або яго цень закрываюць другое нябеснае цела” [6, т.2, с. 413–414]. У дадзеным выпадку, мяркуем, палі знаходзяцца ў слаба асветленым месцы, відаць, у цяні лесу.

Мікратапонім *Снапішча* ўказвае на месца, куды звозілі (або стаўлялі) снапы, бо пясчаныя глебы не характарызуюцца ўрадлівасцю.

Лясны масіў *Кальнікі* таксама падзелены на самастойныя тэрыторыі. Агульная назва можа паходзіць ад апелятыва *кальнік*, які на поўдні Беларусі і ў суседніх раёнах Украіны абазначае ‘печ для саматужнага абпальвання цэгля або гліняга посуду’ [5, с. 152]. Народная этымалогія тлумачыць сувязь са словамі *колкі*, *калоць*, *калоцца* (лясны масіў складаецца амаль поўнасю з хвойных парод дрэў) ці *накаляць*, што малаверагодна.

Участкі Кальнікаў *Первая Парасля*, *Другая Парасля* пры дапамозе азначальных кампанентаў *первая* і *другая* (лічэбнікаў) паказваюць на парадак размяшчэння іх у адносінах да вёскі, *параслэй* жа называюць ‘высокае пясчанае месца ў бары, дзе расце малады лес і рэдкае кустоўе’.

Трэцяя мясціна – *Рудня*. Фармант *-ня* сведчыць аб месцы вытворчасці чаго-небудзь, у дадзеным выпадку, аб дробным прамысловым прадпрыемстве, на якім здабывалі балотную жалезную руду або плавілі, выраблялі з яе жалеза. Палессе багатае на залежы чырвонага і бурага жалезняку і балотных руд, што адлюстравана ў шматлікіх тапонімах з кампанентам *рудня*. Прыродна-краязнаўчыя звесткі пацвярджаюць гэтае тлумачэнне: месца *Рудня* размяшчаецца на ўзвышшы, дзе захаваліся рэшткі шлакаў, а праз 400 метраў ёсць у балоце былыя ямы-кар’еры, дзе, відаць па ўсім, здабывалі балотную руду.

Пры ўсім неабходна зазначыць той факт, што большасць урочышчаў, лясных масіваў яшчэ з сярэдзіны ХХ ст. з’яўлялася землямі, на якіх вялася сельскагаспадарчая дзейнасць, і толькі пасля маштабнай меліярацыі Палесся яны страцілі сваё значэнне.

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што мікратапанімічная лексіка Петрыкаўшчыны даволі разнастайная. На яе фарміраванне і развіццё аказалі ўплыў:

1) Назвы, якія адлюстроўваюць асаблівасці прыроды краю. Даволі распаўсюджаную

групу ўтвараюць онімы, што характарызуюць рэльеф мясцовасці, асаблівасці гідраграфіі, глебава-грунтавыя ўмовы. Асобную групу складаюць геаграфічныя назвы, што супастаўляюцца з назвамі мясцовай флоры і фаўны.

2) Назвы, звязаныя з эканамічнымі з’явамі, матэрыяльнай культурай насельніцтва. Іх пераважная частка ўтворана ад прозвішчаў, мянушак людзей, што мелі да аб’ектаў пэўнае дачыненне.

3) Мясцовыя онімы, што паслужылі назвамі-арыенцірамі.

4) Падзеі лакальнага характару, мясцовыя гаворкі.

Даследаванне тапаніміі Усходняга Палесся (айконімаў, урбанонімаў і гідронімаў) на лексіка-семантычным узроўні атрымала свой лагічны працяг у вывучэнні ўласных найменняў дробных геаграфічных аб’ектаў і паказала, што ў мікратапонімах паводле семантыкі ўтваральных асноў захаваны дзве асноўныя, характэрныя для тапанімікону катэгорыі матывацыі: адапелятыўныя і аданамастычныя найменні з пэўнымі групамі і падгрупамі ўнутры іх.

Літаратура

1. Багамольнікава, Н.А. Тапанімія Гомельшчыны: структурна-семантычная характарыстыка : манаграфія / Н.А. Багамольнікава; навук. рэд. А.А. Станкевіч; М-ва адукацыі РБ, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2008. – 242 с.
2. Иванова, А.А. Микротопонимия Мозырского Полесья / А.А. Иванова. – 2-е изд. – Мозырь : МГПУ им. И.П. Шамякина, 2003. – 220 с.
3. Багамольнікава, Н.А. Гідронімы басейна ракі Прыпяць: структурна-семантычныя тыпы матывацыі [Тэкст] / Н.А. Багамольнікава. – Гомель : ГДУ, 2004. – 195 с.
4. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Гомел. вобл.: нармат. давед. / Н.А. Багамольнікава [і інш.]; пад агул. рэд. В.П. Лемцюговай. – Мінск : Тэхналогія, 2006. – 382 с.
5. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии: словарь / В.А. Жучкевич. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 448 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. Т. 2: Г – К [рэд. А.Я. Баханькоў]. – Мінск : гал. рэд. БелСЭ імя П. Броўкі, 1978. – 765 с.
7. Яшкін, І.Я. Беларускія геаграфічныя назвы. Тапаграфія. Гідралогія / І.Я. Яшкін; рэд. д. філ. н. М.В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1971. – 256 с.
8. Мурзаев, Э.М. Словарь народных географических терминов / А.М. Мурзаев. – М. : Мысль, 1984. – 653 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 08.01.2014

Роля паэтычных сродкаў у замоўным жанры (на матэрыялах Гомельшчыны)

С.А. ВЯРГЕЕНКА

Аналізуюцца найбольш распаўсюджаныя сродкі мастацкай выразнасці, характэрныя для замоўнага жанру, у якім нежывыя аб'екты і стыхіі адухаўляюцца і паводзяць сябе як людзі. У прыватнасці акцэнтуюцца ўвага на ролі такіх мастацкіх тропіў як метафара (дае магчымасць слову выконваць функцыю новай характарыстыкі прадмета), эпітэт (падкрэслівае характарыстычныя адзнакі прадмета), антрапамарфізм (звязаны з анімічным светапоглядам старажытнага чалавека) і іншых, а таксама прыводзіцца ілюстрацыйны матэрыял.

Ключавыя словы: замовы, мастацкі троп, метафара, эпітэт, гіпербала, зваротак, антрапамарфізм

This article analyzes the most common means of artistic expression, typical for the genre of conspiracy in which inanimate objects and elements are endowed with soul and behave like humans. In particular, attention is focused on the role of artistic tropes such as metaphor (enables a new way of performing the function characteristics of the object), the epithet (emphasizes the characteristic signs of the object), anthropomorphism (associated with the worldview of the ancient person) and others, and also provides an illustrative material.

Keywords: the conspiracy, art trails, metaphor, epithet, hyperbole, appeal, anthropomorphism.

Замовы, з'яўляючыся па прыродзе сваёй жанрам прагматычна-ўтылітарным, раскрываюць перад намі даволі багаты, дасканалы вывераны і апрацаваны паэтычны свет. У мастацкай прасторы гэтага найбольш архаічнага жанру мы адкрываем не толькі багаты духоўны свет і нацыянальныя рысы светапогляду беларусаў, але і высокі інтэлектуальна-паэтычны погляд на прыроду, макра- і мікракосм. Замовы – гэта прастора, дзе ўзаемадзеіваюць, суіснуюць прырода, чалавек, стыхіі, рэчывы і рэчы, дзе «нежывыя» (на наш погляд) аб'екты маюць душу, адчуваюць боль і радасць, могуць любіць і спачуваць, думаць, гаварыць і паводзіць сябе як людзі. Таму зразумела, што ядром мастацкай прасторы замоў з'яўляецца метафара («...сарока сына жэніць, варона дочку замуж аддае» («Урокі», в. Малыя Зімовішчы Мазырскага р-на*) «сарока сына жаніла, варона дочкі аддавала, нас на вяселле звала» («Ат іспуга», в. Млынок Мазырскага р-на), «лішай жаніўся на дзевяці жонках» («Ад лішая», в. Дуброва Лельчыцкага р-на), «разгарелась, расшумелась у нутре нарадка» («Ад нарадкі», в. Старое Сяло Веткаўскага р-на), «банная вада, бояся мяне» («Ад балячак на целе», в. Прудок Калінкавіцкага р-на), «у рабы Божай ... косці стонуюць» («Каб не балелі рукі», в. Дарашэвічы Петрыкаўскага р-на)). Метафара дае магчымасць слову выконваць функцыю новай характарыстыкі прадмета, з'явы, дзеяння праз яго намінацыю па прычыне падабенства да іншага аб'екта праз параўнанне, супастаўленне агульных адзнак: «Як сук сохне, так і ты, чыр, сохні» («Ат чыр'я», в. Бібікі Мазырскага р-на); «как камень сей крепок, так закаменей зубы мои» («От зубной боли», в. Млынок Мазырскага р-на); «сонейка на захад, дзень на сход, сучок (ячмень – С.В.) на глазу на звод» («Ад ячменя», г. Калінкавічы); «как рыба молчит, так и раб (имя) не кричит» («От истерик», г. Рэчыца); «як пясок у вадзе мыецца, ачышчаецца, так бяльмо ў вадзе атражаецца» («Ад бяльма ў вачах», в. Міхалкаўская Рудня Мазырскага р-на).

Замовы вызначаюцца надзвычайна складанай метафорыкай. Гэта не толькі перанос уласцівасцей аднаго прадмета на другі, але і арганічная паяднанасць першабытна-міфалагічных, традыцыйных і сацыяльна-культурных набыткаў: «Пад дубком сядзяць трыццаць тры дзевіцы, коляць кашку іголкамі булатнымі...» («Ад крыві», в. Ператок Калінкавіцкага р-на), «встань, каса, на камень, і кроў у рабы Божай (імя) не кане, встань на тапор – і ўвесь заговор. Амін» («Ад крыві», в. Асінаўка Кармянскага р-на); «устану рана-раненька, памыюся бела-беленька, выцеруся сухенька, выйду на чыстае поле, там на сінім моры стаіць дуб, пад дубам ляжыць камень, на тым камені ляжыць прыстол, на прыстолі стаяць чары, усе віном паналіваны. Над тым прыстолам стаіць поп і з жыватварашчым і

з вялікім крастом. У царкові, у саборы, у алтарэ нявернай сіле не бываць і прыстол не калыхаць, і іарданскія воды не разліваць. Так у рабы Божай (імя) нявернай сіле не бываць, касці не ламіць, крыві не сушыць і сэрца не таміць, галавы не звініць» («Ад нарадкі», в. Янаўка Лельчыцкага р-на).

Як найбольш эфектыўны сродак мастацкай выразнасці ў замовах выкарыстоўваецца антрапамарфізм: «Лішай жаніўся» («Ад лішая», в. Дуброва Лельчыцкага р-на); «сарока сына жэніць...» («Урокі», в. Малыя Зімовішчы Мазырскага р-на); «варона дочкі аддавала» («Ат іспуга», в. Млынок Мазырскага р-на). Параўнаем: «Ехаў Завой на вараном кане» («Ад жывата», в. Ручное Лельчыцкага р-на) і «Ехал Гасподзь Бог на вараном кане» («Вывіх», г.п. Уваравічы Буда-Кашалёўскага р-на), «Ехаў Гаспод на чорнам кане, на залатом сядле» («Ад ушыбаў, сінякоў», в. Прыбалавічы Лельчыцкага р-на), «Ехав Ісус Хрыстос на Сіянскую гору на воронем кане, на золотом седле, на шолковым шнуре» («Грызь, параліч, звіх», в. Клімаўка Гомельскага р-на); «Вадзіца-травіца па мору хадзіла» («Ат парэза», в. Бібікі Мазырскага р-на) і «Шла Маць Прачыстая» («На добрыя роды», в. Хамічы Калінкавіцкага р-на). Як і людзі, аб'екты замоў (хваробы, напрыклад) надзяляюцца ўласнымі імёнамі («чырый-Васілій» («Ад чыр'яў», в. Новая Гусявіца Буда-Кашалёўскага р-на), «ранішняя зара Марыя, вячэрняя зара Дар'я, маці-сыра зямля Пелагея і сіне мора Елена» («Ад крыксаў», в. Ператок Калінкавіцкага р-на), «душа Ульяна» («Перхоть», в. Баравое Лельчыцкага р-на). Антрапамарфізм – адзін з распаўсюджаных у вуснай народнай творчасці трыпаў, звязаны з анімічным светапоглядам старажытнага чалавека. Вера ў сваяцкія адносіны адносіны чалавека і прыродных з'яў таксама знайшла сваё месца ў замовах, напрыклад «скула-скуліца, родная сястрыца» («Ад скулы-залатухі», в. Малыя Зімовішчы Мазырскага р-на), «зара-зарнічка, мая сястрычка» («Каб дзіця добра спала», в. Дарашэвічы Петрыкаўскага р-на), «начніцы-сястрыцы» («Дзецкая болель», в. Клімаўка Гомельскага р-на), «курачкі-сястрычкі» («Ад начніц», г. Жыткавічы), «жывот, жываток, братка мой» («Ад жывата», в. Патапаўка Буда-Кашалёўскага р-на), «матушка-рака» («Ад энурэзу», в. Прудок Калінкавіцкага р-на), «матухна вада чыста» («Ад зглазу», в. Засінцы Ельскага р-на), «сасна-матушка» («Ад горла», в. Прудок Калінкавіцкага р-на).

Функцыянальна-прагматычная роля замоў – гарманізаваць жыццёвую прастору і самое жыццё чалавека. Хвароба – гэта дысгармонія. Значыць неабходна пазбавіцца ад «сатано ліхога» («Ад дзівак», в. Замошша Лельчыцкага р-на). Сродкі могуць быць любыя, але найперш трэба наладзіць з ёй камунікатыўныя стасункі: звярнуцца да самой хваробы і ці задобрыць ласкавым словам («залатнічку – Божы чалавеку, ідзі на месечка...») («Каб не балей жывот», в. Яміцы Жыткавіцкага р-на); «залатнічку, залатнічку, гаварніценьку, добры чалавечаньку» («Ад залатніка», г. Нароўля); «сінюшка, жаўтушка, сінявачка, паланяначка ... тут табе не быць» («Ад скулы», в. Баравая Буда Кармянскага р-на)), ці зняважыць, каб нячысты дух абурыўся і сам са злосці пакінуў хворага («ідзіце вы, начнічышчы, у чыста поле» («Ад бяссонніцы» в. Кольна Жыткавіцкага р-на); «лячэ, паганы чалавечэ» («Ад іспуга», в. Прыбалавічы Лельчыцкага р-на); «ячмень-дурак, не садзіся тут так» («Ад ячменю», в. Града Жыткавіцкага р-на)). Можна ўздзейнічаць пагрозай: «Лячэ-перапалочэ, у цябе воўча галава, клочана барада, чэрэцяныя ногі. Воўчу галаву разаб'ю, клочану бараду разарву, а чэрэцяныя ногі пераламаю» («Ад ляку», в. Мілашэвічы Лельчыцкага р-на). Часта пагроза знішчэння гучыць даволі канкрэтна і катэгарычна: «Дуб-дубок, я цябе з'ем са ўсімі ветвямі, каранямі» («Ад ангіны», в. Уборак Лоеўскага р-на); «рожа-рожа, тый не прыгожа. ... Я цябе словам убіваю» («Ад рожы», в. Вялікі Бокаў Мазырскага р-на). Калі лекар-замаўляльнік не ўпэўнены ў сваіх сілах, тады спасылаецца на сваіх памочнікаў, у тым ліку і нябесных: «святой Міхаіл... будзет вас (вужа, гадзюку і сліўня-гада – С.В.) асіновымі аднолеткамі на мелкіе кускі рубіць і ў огонь бросаць» («Малітва – вужаў яд», в. Клімаўка Гомельскага р-на). Калі чалавек звяртаецца з пэўнай прапановай да пэўнай сілы (хваробы, напрыклад), то ён прызнае тым самым, што гэтая сіла, істота, аб'ект з'яўляецца свядомай і яна, гэтая істота, зразумее накіраваны да яе зварот.

Як адзначаюць Т. Агапкіна і В. Усачова, «хвароба чалавека – стан, які ўспрымаецца ў народнай культуры як вынік дзейнасці дэманаў хваробы, іншай нячыстай сілы, ведзьмаў,

калдуноў, людзей з дурным вокам і да т.п.» [1, с. 225]. Цікавай з'яўляецца знішчэнне хваробы у замове «От всех болезней» (в. Млынок Мазырскага р-на), дзе вербальны і сінхронны кампанент і каментарый інфарматара сведчыць аб тым, што лячэнне ўтрымлівае элементы чорнай магіі (вуду): «Сначала надо слепить из глины какое-нибудь страшное чудище и при заговоре ножом отсекает от него сначала лапы, а потом на маленькие куски искромсать голову и туловище, затем выйти на двор и разбросать в разные стороны. Нож тоже выбросить. – Из лесов дремучих, из болот трясухих, из песков гремучих ты зачем принеслось-приползло, чудище треклятое, к рабу Божему (имя), зачем кровь его чистую поганишь, печень склёвываешь, жаром опаляешь, глаза ясные туманишь? Понадеялось, чудище треклятое, что не заметят тебя мои глаза зоркие, не почувет тебя моё сердце чуткое, что всласть ты над рабом божьим (имя) потешишься-распотешишься потехой страшною. Понапрасну ты понадеялось – не отдам тебе его на глумление, на глумление-убиение. Вот, гляди, как с тобой расправлюся. У тебя, распроклятое, отсекаю лапу я и бросаю в леса дремучие, вторую утоплю в болото трясухее, третью зарываю в пески гремучие, четвертую скидываю с горной кручи. А голову твою и тулово разрубаю на куски мелкие и разбрасываю в разные стороны, чтоб зло твое, чудище треклятое, прекратилось и от раба Божего (имя) ты во веки веков отступилось. Мое слово крепко, как замок, а ключ у Пресвятой Богородицы – заступницы тех, кто на свет божий родится. Аминь» [7, с. 150–151, № 617].

Каб пазбавіцца ад ліха-хваробы, яе адсылаюць на непрыгодныя для чалавека месцы: «... рожа, выклікаю ва зялёныя лугі, глыбокія моры, у густыя лясы, у шырокія палі, у далёкія краі, дзе людзі не ходзяць, дзе месяц не свеціць і сонца не грэе» («Ад рожы», г. Хойнікі), або «ідзі, скула-скуліца, красна дзевіца на густыя лозы, на топкія балоты, на высокія горы, дзе сонца не ўсходзіць, пціцы не лётаюць, сабакі не брэшучь...» («Ад скулы», г. Нароўля). Такія локусы знаходзяцца «за трыдзевяць зямель, у трыдзятым пустым царстве» («Ад ліхаманкі», г. Хойнікі) і па тых дэталях, якія ўпамінаюцца ў тэкстах (дзе сонца не свеціць, людзі не ходзяць і г.д.) мы без памылкі пазнаем «той свет», якім ён паўставаў у міфалагічнай свядомасці старажытнага (і не толькі) чалавека. Каб завуаляваць непрывабны малюнак «пустога» месца, наш творца «расквечвае» яго прывабнымі на першы погляд, а па сутнасці парадасальнымі, бытавымі рэаліямі багацця: «твая (скулы – С.В.) хатка ў лазе, на курынай назе, там сталы засціла ны, кубкі наліваны, сахарныя напіткі, мядовыя наедкі, там табе гулянне, мяккае дыханне» («Ад скулы», в. Каменка Мазырскага р-на); «иди туда, где певни не поют, собаки не брешут, там тебе коровати тесовые, подушки пуховые, столы засланные, кубки наливанные. Там тебе пить, гулять и в коровати лежать, и в лице не стоять» («Скула», г. Рэчыца); «ідзі ў нічыя лозы, у цёмныя лясы, у пінскія балоты. Там табе сталы засціланья, кубкі наліванья, піценне, ядзенне, гулянне, красаванне» («Ад скулы», в. Каменка Мазырскага р-на). На самой справе кантраст – хатка на курынай назе (алюзія на казачную хатку Бабы Ягі) і раптам парадокс («парадокс (ад грэч. *paradoxos* – дзіўны, нечаканы, які супярэчыць разумнаму сэнсу) – меркаванне, выказванне, якое адрозніваецца глыбінёй думкі, але супярэчыць традыцыйным паняццям і ўяўленням, разбежнае з разумным сэнсам ці нават аспрэчваюць яго» [2]) – такая гасціннасць, а чым яна заканчваецца агульнавядома, а ў замове спакушаюць хваробу з адной мэтай: «ідзі ... назад не варочайся» («З ветру», в. Яміцы Жыткавіцкага р-на), каб «спакаення даваць» («Ад скулы», в. Прыстарань Светлагорскага р-на) хвораму.

Звяртае на сябе ўвагу і тая дэталі, што ва ўсіх прыведзеных (ды і не толькі) прыкладах ужыты зваротак, які выконвае розныя функцыі: – *намінатыўную* («агонь, згубі свой жар» («Ад апёку», в. Ператок Калінкавіцкага р-на)); – *камунікатыўную* («чаго, братцы, тут седзіце» («Ад дзіцясай хваробы», в. Малевіцкая Рудня Жлобінскага р-на); «куда ты, Божья Мать, идешь» («От заикания», в. Млынок Мазырскага р-на); «чего ты, Мацер Божая, плачеш» («Ад нарадкі», в. Старое Сяло Веткаўскага р-на)); – *характарыстычную* («скула, скула-скуліца, красна дзевіца» («Ад скулы», в. Каменка Мазырскага р-на); «ляк-лячок, красны панічок» («Ад іспуга», в. Крупец Добрушкага р-на); «удар-ударышчэ, звіху-звішышчэ» («Ад удару і здвіху», в. Чамярное Лельчыцкага р-на); «ячень-дурак» («Ад ячменю», в. Града Жыткавіцкага р-на)).

Апрача адзначанай функцыянальнай ролі зваротак у замовах вызначаецца і адметнай пабудовай. Найчасцей гэта неразвіты зваротак: «Ты, старец, остановись, ты, ворон, не каркай, ты, руда, не капли» («На остановление руды», в. Каплічы Калінкавіцкага р-на); «ідзі ў зямлю, вада, вмесце з маёй галаўной боллю» («Ад галаўных болей», в. Даманавічы Калінкавіцкага р-на), «не жги, изжога, не ожигай» («От изжоги», в. Церабаў Петрыкаўскага р-на). Каб прыцягнуць увагу і надаць большай важнасці зваротку, ужываецца паўтор назвы аднаго і таго ж аб'екта, да якога адрасаваны зварот: «Звіх, звіх, не будзь ліх» («Штоб спіна не балела», г. Гомель); «вадзічка, вадзічка, забяры балячкі ўсе...» («Ад усіх балезней», г. Гомель); «месяц, месяц, дзе ты быў?» («Ад зубнога болю», в. Васілёўка Светлагорскага р-на). Такія таўталагічныя канструкцыі надаюць большую эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку. Да таго ж заўважым, што такія канструкцыі часцей за ўсё змяшчаюцца ў пачатку сказа, што псіхалагічна можна растлумачыць: магчыма, адрасат адразу не пачуе звернутых да яго слоў і тады ўвесь «курс лячэння» не адбудзецца. Затое, калі звярнуцца «скула, скула, скулушка, борушка, залатушка» («Ад скулы», в. Каменка Мазырскага р-на); «лішай, лішай, лішаіна» («Ад лішая», в. Ручное Лельчыцкага р-на), «маладзік, маладзік малады» («Ад зубнога болю», в. Града Жыткавіцкага р-на), можна быць упэўненым, што звернутае слова будзе пачутым. Тое ж самае можна сказаць і пра развіты зваротак, які найбольш поўна характарызуе прадмет («матушка-крапівушка, святое дзерево» («Замовляць зубі на крапіве», в. Старое Высокае Ельскага р-на); «залатніча – Божы чалавеча» («Ад залатніка», г. Жыткавічы); «скула, скула-скуліца, красная дзявіца» («Ад скулы», в. Каменка Мазырскага р-на). У прыведзеных прыкладах у склад зваротка ўваходзіць прыдатак, які надае аб'екту характэрныя рысы, якасці і ўзмацняе эмацыянальнае ўздзеянне («матушка-рака, падземная вада» («Ад энурэзу», в. Прудок Калінкавіцкага р-на); «месяц-князь малады» («Ад зубу», в. Страдубка Лоеўскага р-на)).

Найбольшай частотнасцю таксама вылучаецца яшчэ адзін з найбольш ужывальных у вуснай народнай творчасці тропай – эпітэт («драхлая магіла, сухая трава» («Ад сухотаў», в. Дарашэвічы Петрыкаўскага р-на), «чорны камень» («Як выратаваць чалавека ад пасмяротнай хваробы», в. Дарашэвічы Петрыкаўскага р-на)). Асобую групу складаюць пастаянныя (сталыя) эпітэты («азначэнне, якое ўстойліва спалучаецца з вызначаным словам і ўтварае ў спалучэнні з ім вобразна-паэтычны выраз» [3]): «светлы месяц, ясны звёзды» («От колодца», в. Радуша Жлобінскага р-на); «чыстае поле, сіняе мора» («Ад дзецкай балезні», г. Нароўля); «буйны ветры» («Ад сухотаў», в. Дарашэвічы Петрыкаўскага р-на). Значную частку ў замовах складаюць эпітэты, якія не толькі падкрэсліваюць нейкія характарыстычныя адзнакі прадмета, але і пераносяць на яго з другога прадмета або з'явы (метафарычныя эпітэты): «Ішла Божая Маці па залатых пясках, па залатых мастах» («К родам», в. Новая Гусявіца Буда-Кашалёўскага р-на); «сярдзечная таска ... ізлечыцца» («Ад сэрца», в. Новая Гусявіца Буда-Кашалёўскага р-на). Сярод метафарычных сустракаюцца і гіпербалічныя эпітэты («залаты остраў» («Ад бессонніцы ў ребёнка», в. Каплічы Калінкавіцкага р-на); «залаты мост» («К родам», в. Новая Гусявіца Буда-Кашалёўскага р-на)). Адметную групу складаюць таўталагічныя эпітэты («таўталагія (ад грэч. *tauto* – тое ж самае і *logos* – слова) – ... паўтарэнне ў тэксце аднакаранёвых слоў (зноў узнавіць, у апавяданні апавядаецца)... У мастацкім тэксце – стылістычная фігура, сродак узмацнення выразнасці мовы...» [4]): «ангелы светлыя, ангелы чыстыя» («Каб не балелі ногі», в. Дарашэвічы Петрыкаўскага р-на); «святая Божа цэркаў» («Аб спасенні», г. Рэчыца), «старая баба» («Ад зубнога болю», г. Калінкавічы), «дзядок» («Ад уроку», в. Каменка Мазырскага р-на), «святыя апосталы» («Патайнік», г.п. Уваравічы Буда-Кашалёўскага р-на). Н.С. Гілевіч дае даволі разгорнутае апісанне таўталагічнага эпітэта далёкае ад канкрэтнай і лаканічнай фармулёўкі тэрміна: «Эпітэт таўталагічны, як сведчыць сама назва, азначае такую якасць або ўласцівасць прадмета, якая, здавалася б, не патрабуе асобнага моўнага выяўлення, бо яна разумееца сама сабой як рыса, у якой заключаецца назыўное значэнне прадмета» [5, с. 16]. І тут дарэчы нагадаць, што таўталагія з'яўляецца разнавіднасцю плеаназма («ад грэч. *pleonasmus* – празмернасць) – тэрмін антычнай стылістыкі, які азначае назапашванне ў мове слоў, што маюць тое ж значэнне і таму лішніх: «стары стары», «юны юнак» [6]). Так, у замовах мы сустракаем падобныя стылістычныя фігуры: «царыца-вадзіца, *атдайце, вярніце*

тое зло, што мне прыйшло» («Сняціе порці с самого себя», г.п. Азарычы Калінкавіцкага р-на), «ходзіць ён (хворы – С.В.) плача, рыдае» («Ад хваробы вачэй», в. Каменка Мазырскага р-на), «дванаццаць разоў загаварваю і замаўляю» («Ад залатніка», в. Пухавічы Жыткавіцкага р-на) і інш. У замоўных тэкстах сустракаюцца і таўталагізмы – такія спалучэнні, якія ў сваім складзе маюць словы аднаго караня або якія ўтварыліся спосабам паўтарэння аднаго і таго ж слова. Напрыклад, замова «Ад горла» (в. Прудок Калінкавіцкага р-на) амаль поўнасцю пабудавана па прынцыпу таўталагіі: «Сасна-матушка, стаіш ты на храпце засохшая, перасохшая, суччас твае і корні засохшыя, перасохшыя. Так і ў раба Божага (імя) засохне, перасохне балець у горле» [7, с. 90, № 332], ці ў замове «От колоцьця» (в. Радуса Жлобінскага р-на): «Пойду ... із дверей в двери, із ворот в ворота, под восток, под восточну сторону» [7, с. 58, № 162], ці ў замове «Ад дурных вачэй» (в. Церуха Гомельскага р-на): «... каб ніхто, ніколі, ні ў якія ўрэмена не ўзяў, не забраў маёй удачы» [7, с. 45, № 109].

Вылучаецца цэлы пласт аднакарэнных таўталагічных эпітэтаў: «маладзік маладой» («Ад зуба», в. Карма Добрушкага р-на), «пухлая пухлоніца, красная красновіца» («Золотуха», в. Буда Калінкавіцкага р-на), «болі балючыя» («Ад ажогу», в. Прудок Калінкавіцкага р-на) і інш. Сутнасць таўталагічных эпітэтаў заключаецца ў тым, што яны адначасова і называюць, і ацэньваюць прадметы або з'явы і, як і любыя іншыя эпітэты, узмацняюць эмацыянальную афарбоўку мовы і падкрэсліваюць, акцэнтуюць індывідуальныя якасці азначаемага аб'екта. І ўсё ж дзеля справядлівасці трэба прызнаць, што менавіта для замоўнага жанру найбольш характэрныя апісальныя эпітэты («крыксы-плаксы, нашніцы дзённыя, палудзённыя, нашныя, палуношныя, часавыя, мінутныя, урошныя і прыгаворныя, вадзяныя, ветраныя, пужаныя і зліканыя...») («Калі дзіцёнак плача», в. Асінаўка Кармянскага р-на). А каб не памыліцца і не ўпусціць нейкай адной, лекар пералічвае ўсе магчымыя вытокі (разнавіднасці) хваробы: «... урокі бацькіны, маткіны, бабіны, дзедавы, цёткіны, дзядзькіны, мужчынскія, жаночкія, дзявоцкія, хлапоцкія, сера вока, сіне вока, чорна вока» («Ад уроку», в. Асінаўка Кармянскага р-на).

Што тычыцца характарыстыкі мастацка-вобразных сродкаў, то кожны з прыведзеных апісальных радоў вызначаецца выключнай прадуманасцю падбора кампанентаў апісальнага ланцуга, апрацаванасцю і дасканаласцю яго пабудовы.

Абмежаваныя памеры артыкула не дазволілі дэтальна прааналізаваць паэтычныя таямніцы замоўнага жанру і мы спыніліся толькі на найбольш частотных. Але і гэтага дастаткова, каб адназначна разглядаць замову не толькі як прагматычна-сугестыўны, але і як высокаарганізаваны мастацкі жанр.

* Прыклады прыведзены па выданні [7].

Літаратура

1. Агапкина, Т.А., Усачева В.В. Болезнь человека / Т.А. Агапкина, В.В. Усачева // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – Т. 1. – А-Г – М. : Международные отношения, 1995. – С. 225-227.
2. Парадокс / Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://literary_criticism.academic.ru/236/парадокс.
3. Постоянный эпитет / Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://literary_criticism.academic.ru/274/постоянный_эпитет.
4. Тавтология / Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://literary_criticism.academic.ru/376/тавтология.
5. Гілевіч, Н.С. Паэтыка беларускай народнай лірыкі. Слова і вобраз. Паэтычны сінтаксіс. Гукапіс і рыфма / Н.С. Гілевіч. – Мн.: Вышэйшая школа, 1975. – 288 с.
6. Плеоназм / Литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3705/Плеоназм
7. Вярзеенка, С.А. «На моры-акіяне, на востраве Буяне...» (лекавыя замовы Гомельшчыны): фальклорна-этнаграфічны зборнік / С.А. Вярзеенка; пад рэд. В.С. Новак; М-ва адукацыі РБ, Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2009. – 220 с.

УДК 811.111:81'42:821.111

Объективация художественного образа «маленького человека»: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

О.В. ДЕЛЬВА

Предложена методика исследования вербальной ипостаси художественного образа на материале сборника Джеймса Джойса «Дублинцы» в соответствии с ключевыми доменами художественного концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, который лежит в основе формирования самого образа как доминантная содержательная единица его концептуального пространства. Методика предполагает рассмотрение корреляции понятий художественного и словесного образа, концептуального пространства и концепта, установление и анализ прямых и косвенных номинаций, активизирующих в сознании участников художественной коммуникации базисные фреймы как способ интерпретации эксплицитно и имплицитно выраженной в тексте информации. В исследовании вербального пространства образа «маленького человека» использованы интерпретационно-текстовый, семантический и лингвостилистический анализы.

Ключевые слова: концепт; фрейм; домен; образ; концептуальное пространство.

This article focuses on the ways of “little man’s” image verbalization in compliance with key domains of LITTLE MAN concept underlying image building, being the dominant unit of its conceptual space. The article reveals the correlation of image and verbal image, conceptual space and concept notions, illuminates the analysis of direct and indirect nominations, activating such cognitive structures as frames in the mind of discourse situation participants, which enable the interpretation of explicitly and implicitly expressed information of the text. The revealing of “little man’s” image verbalization is based on text-interpreting, semantic and linguostylistic analyses.

Keywords: concept; frame; domain; image; conceptual space.

Художественный образ является специфической формой отображения действительности сквозь призму конкретно-чувственной данности предмета изображения, под которой понимается совокупность индивидуально-предметных признаков, активируемых в человеческом сознании [9, с. 97]. Общеизвестным является толкование художественного образа с точки зрения кумулятивности [2], [5], [8], [11], т.е. как обобщающий, собирательный, синтетический, построенный на основе словесных образов, локализованных в рамках контекста [7, с. 11]. Такой художественный образ не может быть реализован только в одном тексте. Он носит кумулятивный характер и формируется постепенно, активируя и интегрируя определенные когнитивные структуры, вербализованные различными языковыми средствами.

В рамках концепции Л.И. Белеховой словесный образ трактуют как лингвокогнитивный текстовый конструкт, инкорпорирующий предконцептуальную, концептуальную и вербальную ипостаси, т.к. является точкой пересечения различных типов знаний: архетипного, индивидуального и стереотипного. Эмоциональный опыт человека понимается нами, вслед за Л.И. Белеховой, как когнитивное бессознательное, активирующее его смысл, архетип, и, таким образом, составляет предконцептуальную ипостась словесного образа. Концептуальная ипостась словесного образа является своеобразной целостностью, которая объединяет и упорядочивает разные типы семантических знаний, интегрируя различные концептуальные признаки сфер источника и мишени словесного образа в виде концептов и их трансформаций в концептуальные схемы. Вербальная ипостась является воплощением концептуальных схем в словесную ткань текста [2, с. 189–202].

Концептуальное измерение художественного образа предполагает определение информации об окружающем мире на концептуальном уровне. Концептуальная ипостась структурируется «когнитивными блоками» – концептами. Концепт – это «смысловая единица коллективного сознания» [1, с. 14], «квант структурированных знаний человека о мире» [13, р. 14]. Вслед за В.В. Красных, трактуем концепт как максимально свернутую структуру, которая воплощает мотив, интенции автора [6, с. 202]. Концепт зарождается как образ, а уже потом в сознании участников художественной коммуникации абстрагируется до различных понятий и смыслов [10, с. 77].

Художественный концепт МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, являясь параболическим по содержанию своей репрезентации, т.е. содержащий в свернутом виде мотив, вызванный эпохой и интенциями автора [3, с. 59], служит основой раскрытия образа «маленького человека». Этот концепт формируется впервые в русской художественной литературе 20–30 гг. XIX в. с началом эпохи реализма. Будучи откликом на предшествующий языковой и культурный опыт, выраженный в художественной языковой картине мира первой пол. XIX в., актуализация концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК в текстах Дж. Джойса выражает индивидуально-авторское осмысление национальной матрицы, образа человека конца XIX в., обуславливая актуальность его исследования.

Концептуальная ипостась художественного образа «маленького человека» репрезентована в виде фреймовой сетки концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, в рамках которой установлены связи между доменами концепта путем использования, вслед за С.А. Жаботинской [4], пропозиций или схем пяти базисных фреймов: предметного, идентификационного, посессивного, акционального и компаративного. Концептуальный анализ и фреймовое моделирование концептуальной ипостаси художественного образа «маленького человека» выявили, что базовое пространство художественного концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, заложенное русскими реалистами первой пол. XIX в., практически соотносится с понятийным пространством художественного образа Дж. Джойса. Вследствие этого, мы наблюдаем явление «закрепления художественных фреймов» («reinforcing») [12, p. 191] в ходе усиления признаков концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК на материале текстов сборника «Дублинцы»: (НЕКТО) МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК есть (ТАКОЙ) пассивный, безразличный, равнодушный, разочарованный / чувствует (НЕЧТО-каузатив) тщетность, бесполезность существования / работает (ТАК) тяжело / (для ТОГО), чтобы не выделяться из толпы, влачить свое существование / чувствует (НЕЧТО-фактив) стыд за социальный статус перед (НЕЧТО-объект) обществом / существует (ТАК) отдельно от (НЕЧТО-целое) окружения.

Ввиду выше сказанного, целесообразным является дальнейшее определение способов вербализации фреймов и их слотов в словесной ткани художественных текстов Дж. Джойса с целью выявления языковых средств вербализации художественного образа «маленького человека». Выполнение поставленной цели требует использования семантического, интерпретационно-текстового и лингвостилистического анализов. Вербальная ипостась художественного образа «маленького человека» будет раскрыта в соответствии с ключевыми доменами концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК, который является основой формирования соответствующего образа.

Домен ПОРТРЕТ является наиболее значимым в экспликации художественного образа «маленького человека» в текстах Дж. Джойса, о чем свидетельствует высокая частота использования существительных-репрезентантов, активирующих данную макроструктуру: face (123), head (106), eyes (96), hair (55), body (53), figure (23), look (144), appearance (5), clothes (12), manners (21), features (8), character (5), temper (9), nature (11).

Следуя традиции русских писателей, Дж. Джойс пытается создать образ человека, искалеченного меркантильным укладом жизни, бездуховностью существования, погрязшего в «тотальном» пессимизме, который переполнял западное общество на стыке двух веков. Таков образ «маленького человека» в цикле коротких рассказов «Дублинцы» – зависимый, пассивный, «парализованный», не желающий перемен. Уже с первого рассказа цикла («Сестры») смерть пожилого священника Флинна от паралича (In the dark of my room I imagined that I saw again the heavy grey face of the paralytic, I remembered that it had died of paralysis) в рамках художественного контекста становится одной из характерных черт «маленького человека», активируя фрейм НЕКТО есть ТАКОЙ: парализованный, пассивный, не желающий действовать. Это номинативно-производное значение проходит через все рассказы цикла, играя центральную роль в создании образа «дублинца» как одна из главных черт его психологического портрета. В системе художественной коммуникации адресант – текст – адресат первый не скрывает осуждения, как бездействия, паралича «маленького человека», так и любых проявлений обмана, притворства, являющегося результатом его пассивности: My voice had an accent of forced bravery in it and I was ashamed of my paltry stratagem. Основой этого словесного образа служит метонимия: под голосом (часть) имеется в виду сам «дублинец» (целое). Также образ «маленького человека» активируется прилагательным paltry

с пейоративной коннотацией – ‘ничтожный’, ‘жалкий’ человек (слот ТАКОЙ). Единица forced с семантикой ‘напускной’, ‘притворный’, ‘лицемерный’ является тем недостатком, который циклично всплывает в каждом рассказе сборника и не оставляет «маленького человека» до конца его жизни. Освобождение от «паралича» для «маленького человека» Дж.Джойса возможно только после смерти, которая воспринимается как очищение: It began to confess to me in a murmuring voice and I wondered why it smiled continually and why the lips were so moist with spittle. Улыбка на лице «дублинца» практически никогда не фигурирует при описании его внешности и является символом его духовного освобождения, свободы, т.к. семантика номинативной единицы to smile несет позитивную нагрузку (‘быть довольным’, ‘добрым’, ‘веселым’).

Субдомен ЛИЦО «дублинца» вербализован прилагательными ‘безразличный’ (vacant), ‘мрачный’ (heavy), ‘массивный’ (massive, fleshy), ‘серый’ (grey, colourless), даже ‘мертвенно-бледный’ (pallid, pale, unhealthy): he was a little man, with a white, vacant face; In the dark of my room I imagined that I saw again the heavy grey face of the paralytic; His face was very truculent, grey and massive; His face was heavy, pale and cleanshaven. His eyes, which were of bluish slate-colour, relieved his unhealthy pallor...; and his face... had a ravaged look; face, which carried the entire tale of his years, was of the brown tint of Dublin streets. His cheekbones also gave his face a harsh character...; His face was fleshy and pallid. Такое портретное описание активизирует фрейм НЕКТО есть ТАКОЙ и свидетельствует об индифферентности (vacant) «маленького человека», его душевной черствости (harsh, truculent) и безразличии (ravaged). При описании женского лица доминирует ‘белый’ цвет (white), чрезмерная ‘бледность’ (pale), ‘слабость’ (flaccid), выступающие в художественном контексте синонимами пассивности и паралича личности: An unknown solitary woman with a pale face walked through the room; ...and grey also, with darker shadows, was her large flaccid face.

Домен ВНЕШНИЙ ВИД «дублинца» вербализирован существительными ‘внешний вид’ (look) и ‘одежда’ (clothes), прилагательными ‘осунувшийся’, ‘увядший’ (faded, pale), ‘потрепанный’ (shabby), ‘мрачный’ (black), что придает образу «маленького человека» характеристику посредственности, незаметности, слияния с толпой: His black clothes were tightly buttoned on his short body... the collar of his shabby frock-coat was turned up about his neck; The women followed with keen eyes the faded blue dress which was stretched upon a meagre body; She wore the pale blue summer blouse...; The light of the lamps of the church fell upon an assembly of black clothes. Номинативные единицы pale, faded, shabby не только активизируют фреймы НЕКТО имеет НЕЧТО, НЕЧТО есть ТАКОЕ, но и апеллируют к образу «маленького человека» с негативной коннотацией ‘жалкий’, ‘слабый’, активизируя предметный фрейм НЕКТО есть ТАКОЙ.

Домен БЫТ в художественных текстах Дж. Джойса, как и русских писателей-реалистов, характеризуется признаками стабильности и цикличности. Повседневная жизнь «маленького человека» ‘однообразна’ (evenly, regular, everyday life), ‘трудна’ (hard, life of sacrifices), ‘скучна’ (useless, irksome, tiresome, dull, weariness) и ‘бесцветна’ (sober, colorless, inartistic): His life rolled out evenly – an adventureless tale; She had hard work to keep the house together. It was hard work, a hard life; After three weeks she had found a wife's life irksome and, later on, when she was beginning to find it unbearable, she had become a mother. Постоянное недовольство укладом своей жизни неизбежно приводит к ‘отчуждению’ (impersonal) и ‘одинокости’ (loneliness), активизируя фрейм НЕКТО-часть существует ТАК (отдельно) от НЕКТО-целое: he heard the strange impersonal voice which he recognised as his own, insisting on the soul's incurable loneliness.

Домен ДОМ играет важную роль в экспликации художественного образа «маленького человека» в силу того, что практически все события коротких рассказов Дж.Джойса происходят в многочисленных помещениях, которыми переполнен Дублин. Их пространство является неотъемлемой составляющей жизни «маленького человека», а именно его внутреннего мира. Субдомен ЭКСТЕРЬЕР, т.е. внешний вид помещения, активизируется номинативными единицами house/home – ‘дом’, ‘жилище’. Среди концептуальных признаков внешнего очертания дома доминируют его ‘мрачность’ (somber house) и ‘темный’ оттенок (dark house): He lived in an old somber house; I looked over at the dark house where she lived; When we met in the street the

house had grown somber. К другим эксплицитно выраженным репрезентантам относятся лексемы empty house ('пустой'), grey house ('серый'), poor house ('убогий'), old house ('старый'), uninhabited house ('пустующий'), ruinous house ('губительный'). Среди косвенных номинаций преобладает метафора. Содержание метафорического образа ...and felt more at ease in the dark quiet street, the somber look of which suited his mood структурировано в рамках двух областей – области-источника (экстерьер улицы – dark street, somber look) и области-цели (внутренний мир «дублинца» – mood), активирующие схему НЕЧТО есть будто НЕЧТО. Значение последнего слота расширяется за счет эпитетов dark, quiet, somber ('мрачный', 'неподвижный').

Сопоставляя различные экстерьеры помещений «дублинцев», мы пришли к выводу, что дом не просто ассоциируется с его хозяином, а является скрытым средством создания образа «маленького человека». Прилагательные экспликации в описании внешнего облика помещений предварительно обозначены и определены нами как пейоративные черты психологического портрета «маленького человека», активированные доменами ПОРТРЕТ и БЫТ – душевные 'паралич' (stupefied) и 'бедность' (poor), социальные 'несущественность' (little, stunted, unassuming) и 'ничтожность' (vague): As he crossed Grattan Bridge he pitied the poor stunted houses. They seemed to him a band of tramps, huddled together along the riverbanks, their old coats covered with dust and soot, stupefied by the panorama of sunset; I went down to look at the little house in Great Britain Street. It was an unassuming shop, registered under the vague name of Drapery. В рамках вышеупомянутых макроконтэкстов активирован фрейм НЕЧТО (экстерьер/ интерьер дома) есть будто НЕЧТО (характер «маленького человека»). Среди косвенных номинаций следует отметить персонификацию. В словесном образе: The other houses of the street gazed at one another with brown imperturbable faces, – построенном на основе данного тропа, дома приобретают черты живого существа («дублинца»), а именно способность смотреть на мрачные невозмутимые лица друг друга. Этот словесный образ активирует фрейм НЕКТО («маленький человек») имеет НЕЧТО (лицо/внешность, одежду/внешний вид) → есть ТАКОЕ (невозмутимое/ мрачное, увядший).

Для «маленького человека» его дом, как и сам Дублин, ассоциируется с тюрьмой, ловушкой (house of mourning), активируя идентификационный фрейм НЕЧТО (дом) есть НЕЧТО (тюрьма, ловушка). Мотив тюрьмы является маргинальным для доменов ДОМ и БЫТ. Несмотря на мечты и желания вырваться из своего заточения (Could he not escape from his little house?; He longed to ascend through the roof and fly away to another country), героини рассказов «Eveline», «Two Gallants», «The Boarding House», «Mother» оказываются неспособными оставить свой дом, как и избавиться от своего паралича при жизни: She set her white face to him, passive, like a helpless animal; They talked for a few moments and then the young woman went down the steps into the area of a house. Слот НЕЧТО (тюрьма) активирован глаголами to escape, to ascend, to fly away с семантикой 'избавиться', 'обрести свободу'. Мотив тюрьмы достигает апогея в ходе использования лексемы iron – 'железо', которая символизирует непреодолимую преграду на пути к свободе: Her hands clutched the iron in frenzy; She rested the nape of her neck against the cool iron bed-rail and fell into a reverie. Также частое употребление лексемы iron для номинации предметного убранства комнаты создает пейоративную коннотацию, которая ассоциируется с психологическим портретом «маленького человека» – холодного, сдержанного, угнетенного, непреклонного (НЕКТО есть ТАКОЙ). При этом доминантная роль в создании художественного образа «дублинца» принадлежит субдоменам ПРЕДМЕТЫ и ЦВЕТ, активированным номинативными единицами, обозначающими металлическую мебель и черно-белое убранство дома: a black iron bedstead, an iron washstand, a fender and irons, shelves of white wood, white bedclothes and a black rug, a white-shaded lamp, white wooden shelves.

Субдомены МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ и ОКРУЖЕНИЕ, активированные в макроконтэксте: He had neither companions nor friends, church nor creed. He lived his spiritual life without any communion with others, visiting his relatives at Christmas and escorting them to the cemetery when they died. He performed these two social duties for old dignity's sake but conceded nothing further to the conventions which regulate the civic life лексемами communication, visiting, escorting, companions, friends, relatives, – также создают негативный психологический портрет «маленького человека» – замкнутого, безразличного, одинокого. Субдомен МОРАЛЬНЫЕ

ЦЕННОСТИ, номинированный словосочетаниями *social duties, dignity's sake*, также указывает на пассивную позицию «дублинца» и активизирует акциональный фрейм НЕКТО выполняет НЕЧТО (общественный долг) для ТОГО (дань уважения, чтобы не выделяться из толпы). Встреча с родными на рождество и похороны – это все, что он признает, ради чего «должен» не на долго оставлять свой ничтожный мирок. Такое поведение активизирует поссессивно-предметный фрейм НЕКТО-часть («дублинец») существует ТАК (отдельно / *without any communion with others*) от НЕКТО-целое (окружение / *relatives, civic life*). Прямые номинации в виде прилагательного *old* и отрицания *nothing further* усиливают ощущение душевного паралича «маленького человека», его нежелание перемен, пассивность.

Рассмотренная нами методика анализа вербальной ипостаси художественного образа «маленького человека» направлена на установление путей актуализации художественных фреймов в словесной ткани текстов Дж. Джойса в соответствии с ключевыми доменами концепта МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК. Среди прямых номинаций центральную роль в вербализации художественного образа «маленького человека» играют прилагательные экспликации (*little, faded, dark, heavy, pallid, pale, lonely, iron*), когерентные ключевым доменам концепта, существительные (*face, nature, look, house, room, bond, intercourse, living, routine*), активизирующие эти домены в художественной речи, и глаголы, определяющие их межпространственные связи (*to concede, to veil, to break off, to run away*). Косвенные номинации вербализованы в виде словесных образов, в основе которых лежат, преимущественно, метафора, метонимия, персонификация. Перспективой дальнейшего исследования является установление комбинаторики периферийно расположенных концептов, относящихся к концептуальному пространству художественного образа «маленького человека», и способов их вербализации.

Литература

1. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 1996. – 104 с.
2. Белехова, Л.І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект : дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / Лариса Іванівна Белехова. – К., 2002. – 476 с.
3. Воробйова, О.П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки / О.П. Воробйова // Вісник КНЛУ. Сер. Філологія. – 2011. – Т. 14. – № 2. – С. 53–63.
4. Жаботинская С.А. Онтологии для словарей тезаурусов: лингвокогнитивный поход / С.А. Жаботинская // Філологічні трактати. – 2009. – № 2. – Том 1. – С. 71–87.
5. Колесова А.О. Художній образ Коханої / Коханого в англомовних поетичних текстах ХІХ–ХХ століття: лінгвокогнітивний та гендерний аспекти : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / А.О. Колесова. – Херсон : Херсонський держ. ун-т, 2012. – 210 с.
6. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). – М. : Диалог, 1998. – 352 с.
7. Кухаренко, В.А. Інтерпретація тексту / В.А. Кухаренко. – Вінниця: Нова Книга, 2004. – 272 с.
8. Маріна О.С. Контрастивні тропи і фігури в американській поезії модернізму: лінгвокогнітивний аспект : дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Олена Сергіївна Маріна. – К., 2004. – 202 с.
9. Назарець, В.М. Літературно-художній образ // О. Галич, В. Назарець, Є. Васильєв. Теорія літератури / За наук. ред. О. Галича. – К. : Либідь, 2001. – С. 96–176.
10. Ніконова, В.Г. Концептуальний простір трагічного в п'єсах Шекспіра : поетико-когнітивний аналіз : дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук : 10.02.04 / В.Г. Ніконова. – К., 2008. – 558 с.
11. Ярова Н.В. Компаративні блоки у сучасній американській поезії: лінгвокогнітивний аспект : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Н.В. Ярова – К., 2003. – 20 с.
12. Cook, G. *Discourse and Literature: the Interplay of Form and Mind*. / Cook, G. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 285 p.
13. Dirven, R., Verspoor V. *Cognitive Exploration of Language and Linguistics*. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998. – 301 p.

Синтаксические модели аппозитивных конструкций в английском языке XII–XVII веков

А.Е. ЗИНЧЕНКО

Статья посвящена анализу аппозитивных конструкций в текстах средне- и ранненовоанглийских памятников письменности. Изучение конструкций проводится в рамках X'-модуля генеративной грамматики. Это позволяет рассматривать аппозитивные конструкции как именные фразы и представить их основные синтаксические модели.

Ключевые слова: аппозитивная конструкция, аппозитив, генеративная грамматика, синтаксическая модель, среднеанглийский язык, ранненовоанглийский язык.

The article is devoted to the analysis of appositive constructions in the texts of Middle English and Early Modern English written records. The study of the constructions is fulfilled within the framework of X'-theory of generative grammar. This allows to consider the appositive constructions to be noun phrases as to their structure and present their basic syntactic models.

Key words: appositive construction, appositive, generative grammar, syntactic model, Middle English, Early Modern English.

Среди многочисленных исследований в современном языкознании актуальными остаются вопросы о строении предложения и его составляющих. Одной из популярных лингвистических теорий, в рамках которой проводится анализ различных синтаксических конструкций, является генеративная (порождающая) грамматика. Изучая аппозитивные структуры в английском языке, мы используем инструментарий наиболее глубоко разработанного варианта генеративной грамматики, а именно теории принципов и параметров, сложившейся в 1980-х гг. на основе идей Н. Хомского. Теория имеет модулярную структуру: она состоит из нескольких автономных компонентов-модулей, включающих универсальные принципы и параметры. В частности, X'-модуль грамматической теории содержит принципы и параметры устройства структуры предложения и других фразовых категорий. Основным положением X'-теории является то, что существует лишь одна универсальная структура фразовой категории, различие в заполнении элементов которой полностью выводимо из свойств вершины (ядра). Кроме того, частеречные признаки вершин определяют тип возглавляемых ими фраз. Так, например, фразовая категория, возглавленная существительным, является именной фразой. В свою очередь, грамматические характеристики ядерного элемента определяют свойства всей фразы [1, с. 554–574].

Исходя из вышесказанного и учитывая тот факт, что базовым элементом синтаксических структур, образованных на основе аппозиции, выступает существительное, мы рассматриваем аппозитивные конструкции (АК), которые являются объектом нашего исследования, как именные фразы (NP – noun phrase). Ядром АК выступает именная фраза (определяемый аппозитив), а зависимым элементом – другая именная фраза (определяющий аппозитив).

Анализируя АК в памятниках письменности средне- и ранненовоанглийского периодов, мы выделяем основные синтаксические модели данных конструкций. В английском языке XII–XVII вв. наиболее распространенными являются двухкомпонентные АК, образованные единицами одного синтаксического уровня – именными фразами (NPs). В приведенных ниже примерах АК представлены кореферентными именными фразами [_{NP} *Bishop*] и [_{NP} *Bawdewyn*] (1), а также [_{NP} *the poor king*] и [_{NP} *her father*] (2), которые находятся между собой в отношении аппозиции.

(1) с.-англ. <...> *Bishop Bawdewyn abof biginez þe table* <...> (*Sir Gawain and the Green Knight*, p.4) – «<...> епископ Болдуин во главе стола <...>».

(2) р.-н.-англ. *I here take my || oath before this honourable assembly, she kicked the || poor king her father* (*King Lear*, Act III Scene III).

Аппозитивные структуры, образованные более чем двумя именными фразами, представлены трехкомпонентными, а также четырех- и пятикомпонентными АК. В составе предложения (3) выделяем трехкомпонентную АК, которая состоит из именных фраз [*NP this scorioun*], [*NP this wikked goost*] и [*NP The Sowdanesse*]. Пример (4) демонстрирует АК, состоящую из четырех аппозитивов: [*NP Drake*], [*NP the scourge of Spain*], [*NP The dreadful Dragon*], [*NP terror to your foes*].

Каждая из указанных именных фраз находится в отношении аппозиции с любой другой NP-аппозитивом в границах соответствующей конструкции, при этом первая именная фраза функционирует как ядро АК, а остальные – как зависимые от ядра аппозитивы. Эта зависимость схематически представлена на рис. 1, 2.

(3) с.-англ. *But this scorioun, this wikked goost, || The Sowdanesse, for all hir falteryngе || Caste under this ful mortally to styngе* (CT, *The Man of Law's Tale*, 404–406) – «Но этот скорпион, этот злой дух, султаниша, под льстивыми словами задумала смертельно ужалить».

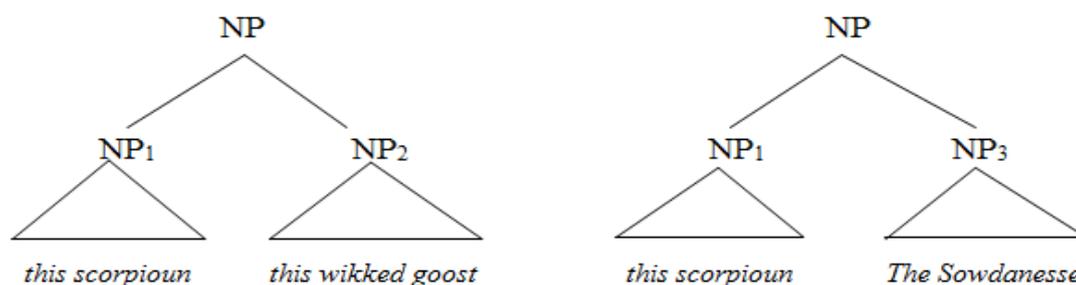

Рисунок 1 – Схема глубинной структуры трехкомпонентной АК

(4) р.-н.-англ. *You follow Drake by Sea, the scourge of Spain, || The dreadful Dragon, terror to your foes* (*A Farewell*, 56 – 57).

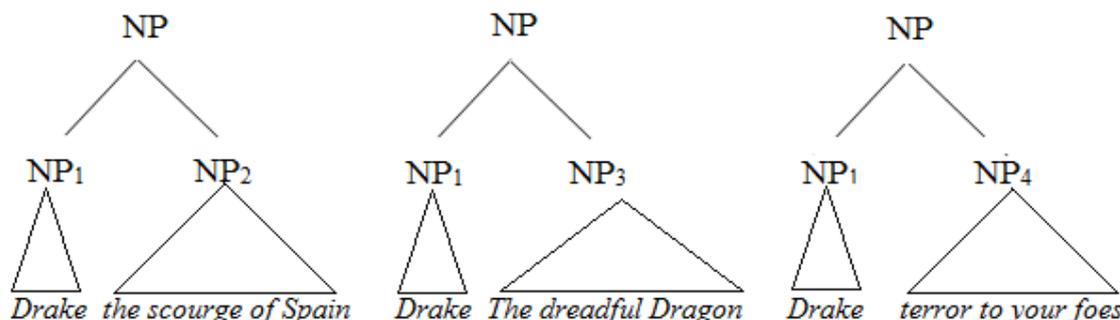

Рисунок 2 – Схема глубинной структуры четырехкомпонентной АК

Необходимо отметить, что аппозитивное образование является целостной составляющей, которая входит в состав предложения в виде именной фразы. Кроме того, аппозитивная связь присутствует не только между ядром и зависимыми от него элементами АК, но между всеми аппозитивами одновременно. Следовательно, возникает необходимость объединить отдельные части каждой их структурных схем на рис. 1, 2 в единое целое.

Глубинную структуру таких АК следует изображать в виде правильной пирамиды. В основе пирамиды лежит фигура, количество углов которой равно количеству аппозитивов. Так, в случае трехкомпонентной АК в основе пирамиды имеем равносторонний треугольник (рис. 3), в случае четырехкомпонентной АК – квадрат (рис. 4) и т. д. Вершины треугольника или квадрата соответствуют узлам дерева зависимостей, которые обозначают аппозитивы АК (NP₁, NP₂, NP₃, NP₄). Вершина пирамиды NP (АК) – это узел диаграммы-дерева, который представляет аппозитивную конструкцию как целостный элемент предложения. Способность аппозитивов изменять последовательность относительно друг друга схематически демонстрируется вращением пирамиды вокруг своей оси, например рис. 3(а) и 3(б), а также 4(а)

и 4(б). Таким образом, мы приходим к выводу, что АК, образованные тремя и более аппозитивами, имеют трехмерную структуру.

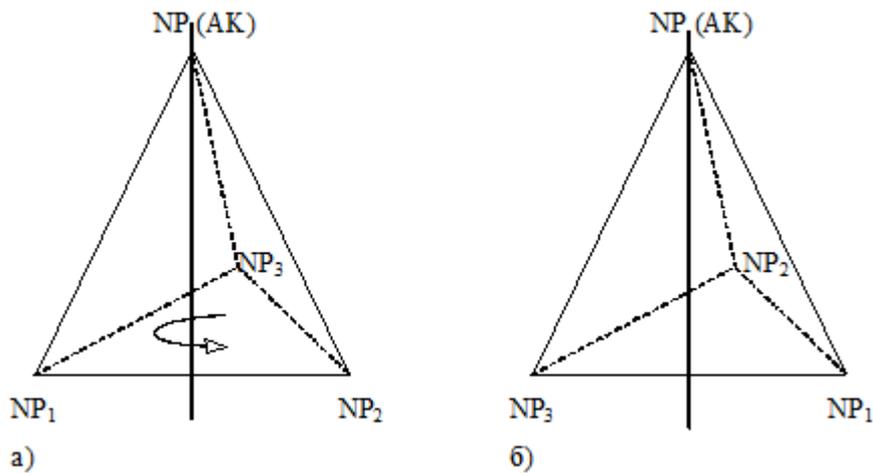

Рисунок 3 – Трехмерная схема глубинной структуры трехкомпонентной АК

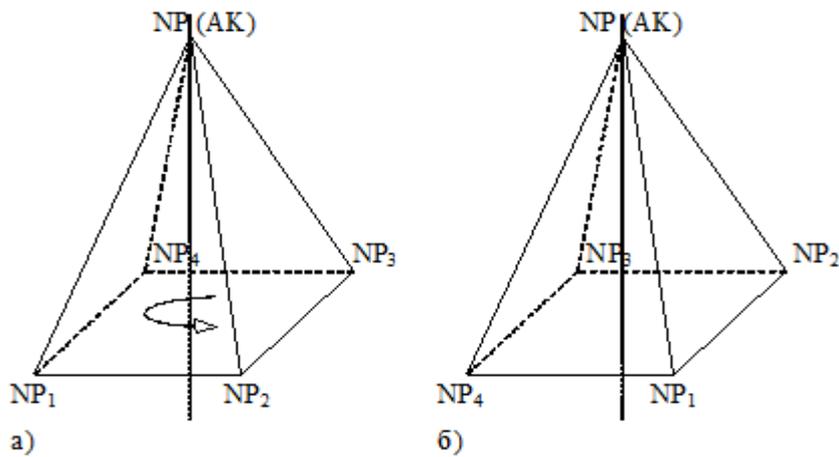

Рисунок 4 – Трехмерная схема глубинной структуры четырехкомпонентной АК

Следующий тип АК средне- и ранненовоанглийского языка представлен структурами, в которых один из аппозитивов имеет обобщающее значение по отношению к именным фразам, объединенным сочинительной связью и образующим другой аппозитив АК. Элемент конструкции с обобщающим значением может занимать позицию как до, так и после объединенных сочинительной связью именных фраз, например [*NP the Poets*] и [*NP two knyghtes of fraunce*] в предложениях (5), (6).

(5) р.-н.-англ. <...> *so in the Italian language, the first that made it aspire to be a treasure-house of Science, were the Poets Dante, Bocace, and Petrach* (*Defence of Poesie*).

(6) с.-англ. *Thenne ther come ladynas & Grastian two knyghtes of fraunce* (*Morte d'Arthur*, p. 50) – «Потом туда прибыли Ладинас и Грастиан, два рыцаря из Франции».

В текстах исследуемых периодов развития английского языка фиксируются аппозитивные конструкции, которые функционируют в составе другого аппозитивного образования. Такие синтаксические единицы мы определяем как внутренние АК и отмечаем, что они демонстрируют иерархию аппозитивных отношений. Это означает, что в структурном плане внутренние АК отличаются по глубине вложения во внешнюю по отношению к ним АК.

Аппозитивные образования [*kyng Arthur*] и [*Sultan Mustapha*] в предложениях (7), (8) служат примерами внутренних АК первого уровня. Они образуют один из аппозитивов внешней двухкомпонентной АК.

(7) с.-англ. *And whan he herde in his contreye that Syr Mordred was crowned kyng in Englund and maad warre ayenst [[kyng Arthur] his owne fader]* <...> (*Morte d'Arthur*, p. 852) –

«И когда он услышал в своей стране, что сэр Мордред был коронован в Англии и пошел войной против короля Артура, своего собственного отца <...>».

(8) р.-н.-англ. *Roxalana, Solyman's wife, was the destruction of [that renowned prince, [Sultan Mustapha]], and otherwise troubled his house and succession (The Essayes: Of Empire).*

Генитивная АК [*kinges ... Henries*] в примере (9) функционирует в качестве зависимого элемента по отношению к ядру третьего аппозитива *sune* внешней трехкомпонентной АК. Аппозитивная структура в (10) является одной из связанных сочинительным союзом *and* именных фраз в составе второго аппозитива внешней АК. В соответствии с глубиной вложения, АК в (9) и (10) находятся на втором структурном уровне.

(9) с.-англ. *On þis gær wolde [þe king Stephne] tæcen [Rodbert eorl of Gloucestre þe kinges sune Henries]. ac he ne myhte for he wart it war (Peterborough Chronicle, 1140) – «В этом году хотел король Стефан захватить Роберта, графа Глостерского, сына короля Генриха, но не смог, потому как тот об этом знал».*

(10) р.-н.-англ. *And, in the second degree, two noble Primeroses of Nobilitie, the yong Duke of Suffolke, and [Lord H. Matreuers], were soch two examples to the Court for learnynge < ... > (The Scholemaster, p. 33).*

В примере (11) в состав аппозитивной конструкции входит придаточное определительное предложение (= релятивная клауза), выполняя функцию постмодификатора аппозитивов. В свою очередь, в границах релятивной клаузы присутствует АК [*Leil ... þes riche kinges*], то есть внутренняя АК третьего уровня.

(11) с.-англ. *Tuenti winter hafde Bladud; þas kine-lond an hond. || æfter [his fader Ruhhudibras; þe Leil sune þes riche kinges wes] (Brut, 1448–1449) – «Двадцать зим держал Бладуд это королевство в руках после своего отца Руд-Рудибраса, который был сыном великого короля Лайла».*

Из вышеизложенного следует, что в английском языке XII–XVII вв. существуют внутренние АК трех структурных уровней, которые функционируют как 1) аппозитивы внешней АК, 2) зависимые элементы в составе аппозитивов внешней АК и 3) составляющие структурных единиц, зависимых от аппозитивов или внешней АК в целом.

Что касается средств выражения аппозитивных отношений, то следует отметить, что в большинстве случаев определяющий аппозитив присоединяется к определяемому аппозитиву асиндетически. В то же время, среди проанализированных АК средне- и ранненовоанглийского языка присутствуют конструкции, содержащие эксплицитные маркеры аппозиции. Связь ядерных элементов АК осуществляется с помощью связывающих адвербиалий (*linking adverbials*) [4, с. 763–765], которые реализуются наречиями (с.-англ. *namely, as*; р.-н.-англ. *namely/namelie, not*), наречиями в сочетании с союзом (с.-англ. *and namely / and namelic*; р.-н.-англ. *and namelie, but specially*), отглагольными предлогами (р.-н.-англ. *including*), финитными клаузами (с.-англ. *þæt/þet/pat/that is (wæs, was, wæron), this/that is to seyn, that is to wete, I meene*; р.-н.-англ. *that is, which is/are, that is to say, that is to witte*), например:

(12) с.-англ. *The presentes been ful roially yfet, || This is to seyn, the swerd and the mirror (CT, The Squire's Tale, 174–175) – «Эти дары были величественно принесены, то есть меч и зеркало».*

(13) р.-н.-англ. *We passed from children and came to yonge men, namely, Ientlemen (The Scholemaster, p. 5).*

Еще одним эксплицитным маркером аппозиции выступает сочинительный союз *and*, который в данном случае не устанавливает соединительные смысловые отношения, а связывает кореферентные составляющие АК. Примером служит предложение (14).

(14) р.-н.-англ. *The noble duke [my master], || My worthy arch and patron, comes to-night (King Lear, Act II Scene I).*

Таким образом, материал исследования показывает, что аппозитивные образования среднего и ранненового периодов развития английского языка характеризуются разнообразием своих структурных моделей и средств выражения аппозитивных отношений между со-

ставляющими конструкции. Перспективным является более глубокий анализ состава аппозитивов, в частности их ядерных и зависимых элементов.

Литература

1. Тестелец, Я.Г. Введение в общий синтаксис / Я.Г. Тестелец. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 800 с.
2. Ascham, R. The Scholemaster [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://scholarsbank.uoregon.edu/jspui/bitstream/1794/722/1/scholemaster.pdf>. – Дата доступа 10.12.2013.
3. Bacon F. The Essayes or Covnsels Civill and Morall [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.luminarium.org/renascence-editions/bacon.html>. – Дата доступа 28.11.2013.
4. Biber, D. Longman Grammar of Spoken and Written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech. – 6th ed. – Harlow : Pearson Education, 2007. – 1204 p.
5. Chaucer G. Canterbury Tales [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.librarius.com/cantales.htm>. – Дата доступа 08.12.2013
6. Layamon Brut (British Museum Ms. Cotton Caligula A. IX) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://quod.lib.umich.edu>. – Дата доступа 07.12.2013
7. Malory Th. Le Morte d'Arthur [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=cme;idno=MaloryWks2>. – Дата доступа 08.12.2013
8. Peele G.A Farewell Entitled to the Famous and Fortunate Generals of our English Forces [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rpo.library.utoronto.ca/poem/3361.html>. – Дата доступа 06.01.2013.
9. Shakespeare W. King Lear [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://shakespeare.mit.edu/lear/index.html>. – Дата доступа 03.12.2013.
10. Sidney Ph. Defence of Poesie [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://www.luminarium.org/renascence-editions/defence.html#\(text\)](http://www.luminarium.org/renascence-editions/defence.html#(text)). – Дата доступа 07.01.2013.
11. Sir Gawain and the Green Knight [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=cme;cc=cme;view=toc;idno=Gawain>. – Дата доступа 30.11.2013.
12. The Anglo-Saxon Chronicle (Manuscript E: Peterborough Chronicle) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://asc.jebbo.co.uk/e/e-L.html>. – Дата доступа 08.01.2013.

Киевский национальный
лингвистический университет

Поступила в редакцию 31.12.2013

Готическая традиция в прозе Ларисы Рублевской

О.А. ЛИДЕНКОВА

Исследуются пути трансформации элементов готического романа, в частности, готического хронотопа в современном белорусском историческом романе на примере творчества Л. Рублевской. Новизна исследования заключается в рассмотрении значения основных элементов и способов пространственно-временной организации текста в тесной связи с жанровыми стратегиями и основной идеей произведения. Основное внимание уделяется изучению символических функций образов пространства и времени, а также их роли в отражении основных особенностей национального менталитета.

Ключевые слова: готический роман, хронотоп, менталитет, белорусский исторический роман, лабиринт, урбанизм.

The article explores the ways how certain elements of the Gothic novel, Gothic chronotope in particular, are transformed in the modern Belarusian historical novels by L. Rublevskaya. The novelty of the article lies in the attempt to interpret the representation of different configurations of time and space in the text closely in connection with genre strategies and the message of the work. The main attention is paid to the study of the symbolic implications of the gothic spatio-temporal images, as well as their role in the reflection of the national mentality.

Keywords: Gothic fiction, chronotope, mentality, Belarusian historical novel, labyrinth, urban Gothic

Готический роман, зародившийся во второй половине XVIII в., продолжает развиваться и трансформироваться, отражая творческие искания современных авторов. Неизбежное смешение в готической традиции детективной, мистической, любовной, религиозно-психологической составляющих (соответственно, и различных жанровых стратегий) органично вписывается в рамки постмодернистской парадигмы современной литературы. Более того, готическая традиция оказалась настолько востребована, что это дало основания исследователям назвать ее «всепроникающей», и причину подобного видят в ее способности резонировать с желаниями, страхами современного человека и всевозрастающей общественной тревожностью: «Like a malevolent virus, Gothic narratives have escaped the confines of literature and spread across disciplinary boundaries to infect all kinds of media, from fashion and advertising to the way contemporary events are constructed in mass culture» [1, с. 8].

В настоящее время произведения в стилистике готического романа обычно создаются в русле массовой литературы с акцентом на приключенческо-развлекательную сторону, что, к сожалению, иногда приводит к их неоднозначному восприятию или недооценке со стороны серьезных литературных критиков.

В современной белорусской литературе черты готической прозы, коллизии которой основаны на столкновении, причинно-следственных взаимоотношениях прошлого и настоящего, наиболее ярко проявляются в историческом романе, в частности, в творчестве Л. Рублевской. Для исследования взяты ее романы и повести «Сутарэнні Ромула», «Скокі смерці», «Пярсцёнак апошняга імператара», «Сэрца мармуровага анёла», «Золата забытых магіл».

Первое, что обращает на себя внимание в этих произведениях – характерное для готического канона присутствие и переплетение нескольких временных пластов. История страны «просвечивает», интерпретируется и воспринимается именно через личную и семейную историю. В центре повествования, как правило, оказывается канонический готический мотив родового проклятия, который может быть связан с реальным грехом или преступлением («Сутарэнні Ромула», «Сэрца мармуровага анёла», «Золата забытых магіл»), так и может заключаться в манкуртизме, передающемся из поколения в поколение случайным, а чаще намеренном уничтожении собственной исторической памяти, что неизбежно приводит к личностному кризису, нежизнеспособности, а также разительным, даже курьезным различиям между поколениями одной семьи: «сярэднявечную прынцэсу з сябе ўяўляем, а прадзед у НКУС служыў?» [2, с. 321] Демонстрируется, что без знания о своем роде формируется

неполноценная личность, лишенная чувства самодостаточности, принадлежности, легко поддающаяся влиянию и манипуляции: «Я думаю пра тое, што мы – аднадзёнкі, людзі сьвету аднаразовага посуду і аднаразовай культуры. Продкі, шматкроць болей вартыя за нас <...> А іх абылгалі і забылі» [3].

Мотив родового греха тесно сплетается с темой сиротства и искажения семейных ролей, что выражается через описание целых поколений матерей-одинок («Золата забытых магіл», «Сутарэнні Ромула», «Скокі смерці»). Обесценивание фигуры отца имеет не только разрушительное влияние на личную жизнь героинь (почти все они разведены и не умеют выстраивать отношения с мужчинами), но и важные духовные последствия. Образ отца тесно связан с архетипом Бога-Отца, и его негативное восприятие отражает кризис веры, отсутствие скрепляющего стержня нации.

Еще один важный готический мотив в текстах Л. Рублевской – мотив изоляции, выражающийся, в том числе, в одиночестве героев: «я падрыхтавалася да пажышчэвай самоты» [4, с. 77]. Центральными персонажами становятся люди, «не такие, как все»: несовременные «паненкі», повстанцы, идеалисты-изгнанники, добровольные отшельники, получающие характеристику «вар'ят», «дзівак». А так как в произведениях писательницы история и судьба народа представлены через историю семьи и личности, то борьба с одиночеством, поиск себя и своих корней (через детективный сюжет и расследование исторических тайн) становится путем к обретению понимания национальной идентичности.

По мнению А.Б. Трейси, готика всеми своими темами и проблематикой связана с попытками обрести семейные связи как способом организовать хаос вокруг себя: «the search for one's origins, identity, and family connections is certainly one of the commonest quests in Gothic fiction and may be seen as an attempt to impose order upon a chaotic environment» [5, с. 5]. В создании атмосферы потерянности, хаоса, изолированности большая роль отводится пространственно-временной организации текста, что является еще одной характерной чертой готического жанра: «Gothic is one of those rare genres (like the pastoral or the western) defined primarily by their settings» [6, с. 14]. Готический хронотоп прослеживается во всех рассмотренных произведениях и сочетает черты как классической, так и урбанистической готики.

Центральный и неизменный образ готических романов – замок – присутствует в текстах хотя бы условно, трансформируясь в соответствии с местными реалиями. Это может быть самый обычный, но изменивший судьбу героини «вузкі, як саркафаг, пакойчык» коммунальной квартиры с черным диваном и черным вороном, живущим на темных полках с книгами [4, с. 6]. Это и полуразрушенное имение («Золата забытых магіл»), средневековая подземная церковь-усыпальница, тюрьма НКВД («Сутарэнні Ромула»), дворец Людвисаров («Скокі смерці»). Иногда уподобление присутствует во внешнем облике строения: «княжацкі паляўнічы домік» выглядит как «мініяцюрная крэпасць са стылізаванымі абарончымі вежамі па кутах і вострым чарапічным дахам» [4, с. 81]. Сам владелец может воспринимать свою собственность именно как замок: «Я цяпер усё роўна што князь – замак маю! Юрась спадылба кінуў на сябрука скептычны позірк, і Аркадзь раздражнёна ўдакладніў: – Ну ня замак, ня замак... Вежу» [3].

Практически во всех произведениях «замок» – это готическое «проклятое место», место заключения, испытания и страданий, где герою грозит опасность или смерть, и откуда трудно выбраться. Так как действие в произведениях развивается одновременно и в прошлом, и в настоящем, у каждого из описанных поколений может быть свой «замок с привидениями». В романе «Скокі смерці» для средневековой героини это башня, которую «абыходзяць, як магілу вісельніка» [3]. Современные же герои – практически пленники в имении влиятельного олигарха, старинном дворце, последний владелец которого сошел с ума: «Ці не таму гэтыя таўшчэзныя сьцены працягваю вар'яцтвам, і нават з-пад сучаснай акрылавай фарбы нібыта цягне пахам плесні, буцьвення, застарэлага жаху і тугі?» [3]

Другие составляющие готического хронотопа также присутствуют во всех рассмотренных произведениях: холодные пустоши, заброшенные дома и кладбища, затерянные вдаль от цивилизации городки, подземелья, скрытые переходы и тайники.

В описании сельских пейзажей доминируют образы руин, разрушающегося культурного наследия страны: «Княскі дом нагадваў арыстакрата, перавыхаванага рэвалюцыйным народам. Урачысты ганак з калонамі знік. Замест дахоўкі – звычайная бляха. <...> Вокны другога паверха забітыя дошкамі» [4, с. 81].

Преобладающая пора года – осень, часто на границе с зимой, что создает мрачную и гнетущую атмосферу постепенного умирания и одиночества: «Пошасьць прыйшла ў Старакежск з восеньскім ветрам, перавітым сівым павуціньнем, з горкім пахам верасу, і як павуцінкі бабінага лета, паляцелі лёсы ў невядомы вырай, пакідаючы жывым адчай збуць-велей лістоты» [3].

Действие обычно разворачивается в темное время суток либо на фоне ненастья, когда небо низко затянуто серыми облаками: «рэдактарка ляцела скрозь прыщемак, а ён імкліва згущаўся, быццам кісель з чарніц, які паставілі на агонь» [2, с. 373]. Солнечные лучи крайне редко появляются на страницах произведений, даже весной или летом в ключевые моменты повествования идет дождь. При этом особенностью героев писательницы является нелюбовь к зонтам: «Кастусь, сунуўшы рукі ў кішэні мокрай наскрозь джынсовой куртачкі, белазуба ўсміхаўся» [4, с. 37], «выглядае ён смешнавата <...> пінжак, абвіслы ад вады, доўгі чуб прыліп да лба» [2, с. 277], «стаіць няшчасны Артур, мокры, як вадзянік, на лесвічнай пляцоўцы» [7]. Учитывая некоторую внутреннюю незрелость и потерянность главных героев, подобная открытость для воздействия стихии может означать как поиск себя, стремление реализовать внутренний потенциал, так и «неотмирность», неприспособленность к жизни и идеализм. Например, в романе «Сутарэнні Ромула» именно на фоне дождя, «залевы» выписаны все сцены неосторожной прямоты или неуместной искренности Алеся Важевича, которые и привели его к гибели.

В стилистике урбанистической готики город, городские строения приобретают черты подземного царства мертвых, Гадеса, где асфальт – река Лета, мухи – вестницы Аида, кружащие стаи городских птиц – ожившие могильные кресты. Неявно, через секундные наваждения в сознании героя создается представление о современном обществе как собрании «мертвых душ», теней потустороннего мира, лишенных подлинной жизни: «Чамусьці ягонья мерныя рухі нагадалі мне Харона ў чоўне мерцвякоў» [4, с. 90]. Примечателен образ троллейбуса из романа «Скокі смерці»: «Я на хвілю ўявіла, што так можа выглядаць сучасны Харонаў транспарт. Вось прыпыніўся, каб прыняць у сябе новыя памерлыя душы» [3]. Когда же из города действие переносится в сельскую местность, герои попадают в Навье «Наўеўскі павет» – мир мертвых, на этот раз не с античными, а славянскими ассоциациями, где даже в лесу «кожная хмарка магла ператварыцца ў човен Харона» [4, с. 51].

Образы смерти связаны с мотивом становления личности (и обретением чувства национальной идентичности), когда, приняв и примирившись с прошлым, исправив ошибки, герой, наконец-то обретает себя, то есть из тени и призрака превращается в по-настоящему живого человека (что в тексте символически показывается как возвращение к любимой работе, творчеству и обретение семейного счастья). Кроме того, это отражение типичного для готического романа восприятия окружающего мира как лежащего во зле, мира после грехопадения: «The Gothic world is quintessentially the fallen world, the vision of fallen man, living in fear and alienation, haunted by images of his mythic expulsion» [5, с. 3]. Острая неудовлетворенность окружающей действительностью, ощущение ее ненормальности и поврежденности в произведениях Л. Рублевской проявляются на нескольких уровнях. Во-первых, это недовольство героев собой, своей внешностью (Винцэс из «Золата забытых магіл», Ася из «Сутарэнняў Ромула»), разочарованность в своих творческих способностях («Сэрца мармуровага анёла», «Золата забытых магіл», «Сутарэнні Ромула»).

Множественные описания руин обозначают сквозную тему распадающегося, деградирующего мира, общества и человека. Образы памятников истории, либо превращенных в недосмотренные музеи, либо «доразрушенных» кустарной реставрацией и евроремонтом, – символ разрушения истории, которая замалчивается, заменяется кичем, пропагандой, фальсифицируется: «Навошта паляўнічы дамок з вашай падачы зруйнавалі? – Гучнае слова – «паляўнічы дамок», – скрыўіўся Калантай. – Звычайны будан» [2, с. 359].

Лейтмотивом звучит тема осквернённого сакрального места, храма или кладбища, которые сначала переделываются «пад зерня-бульбасховішча» («Пярсцёнак апошняга імператара», «Сутарэнні Ромула»), а затем становятся пристанищем алкоголиков, бродяг и малолетних наркоманов: «Дзе могілкі мо тысячу гадоў – падземны гараж... Падлеткі чарапамі ў футбол гуляюць» [3]. Здесь постепенное падение мира показывается через переход от пищи духовной сначала к земному хлебу, а затем и к наркотической отраве.

Еще один пространственный готический образ – подземелье – словно отражает одну из черт национального менталитета: крайнюю обособленность, инертность и страх перед жизнью. Отсюда и образ «смоўжа», которому уподобляется герой: «Ася, прыйшоўшы на працу, усведамляла, што забылася надзець свае «цацкі», пачувалася, як пазбаўлены ракавінкі смоўжык» [2, с. 246]. Автор словно приглашает читателя спуститься вслед за героями в подземелья своей души, чтобы через перерождение выйти на свет, не заблудившись во внутреннем лабиринте: «І не абавязкова для гэтага трэба хавацца ў сваю ракавінку. У кожнай ракавінцы – гучыць мора» [3].

Только одно из рассмотренных произведений имеет подзаголовок «гатычны раман» («Скокі смерці»), однако многие канонические черты готической прозы в модифицированной форме присутствуют во всех рассмотренных текстах, если исходить из принципа восприятия мира, хронотопа, типа конфликта и образного ряда.

Готическая традиция органично входит в современный исторический роман Беларуси благодаря созвучию и актуальности своей проблематики: восстановление семейных связей и преемственности поколений, осознание себя и своей идентичности, поиск опоры и равновесия в хаотичном мире. Мотив родового проклятия символически напоминают читателю о духовных механизмах и законах, которые действуют на человеческие судьбы ничуть не менее явно, чем более привычные естественно-научные. Одновременно наглядно демонстрируется, насколько необходима опора на прошлое для построения настоящего, неслучайно именно современному герою дается шанс преодолеть грехи прошлого. Трудно найти более подходящий жанр для отражения тесного переплетения причинно-следственных нитей прошлого и настоящего, констатации проблемных моментов современности, корни которых – в ошибках отцов.

Мистические образы призраков, теней и загробного мира позволяют говорить о сложных метафизических судьбах людей и народа в целом.

Готический хронотоп словно отражает мировосприятие народа – отгороженность, склонность к изолированному индивидуалистичному сознанию, инертность и страх выйти из своей «раковины». Ментальность белорусского народа, погруженного в свои внутренние лабиринты, созвучна готическому мотиву блужданий в подземельях.

Готическая стилистика позволяет показать прошлое и настоящее в их неразрывной связи, противоречивости, не идеализируя темные, неприглядные страницы истории, значительно расширяет возможности художественного выражения автора, позволяет в иносказательной и развлекательной форме изобразить проблемы и страхи каждого нового поколения и размышлять над причинами и способами их преодоления

Литература

1. Spooner, C. Contemporary Gothic / C. Spooner. – Reaktion Books, 2006. – 174 p.
2. Рублеўская Л. Сутарэнні Ромула : раманы / Л. Рублеўская. – Мінск : Кнігазбор, 2012. – 520 с. – (Бібліятэка Саюза беларускіх пісьменнікаў «Кнігарня пісьменніка» ; вып. 26).
3. Рублеўская, Л. Скокі смерці / Л. Рублеўская // Дзеяслоў [Электронный ресурс] . – 2005. – №18-19. – Режим доступа: <http://kamunikat.org/dziejaslou.html>. – Дата доступа: 15.11.2013.
4. Рублеўская, Л. Сэрца мармуровага анёла. Апавесці, апавяданні [Электронный ресурс] / Л. Рублеўская. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2003. – Режим доступа: http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=14933. – Дата доступа: 08.12.2013.
5. Tracy, Ann B. The Gothic Novel 1790–1830: Plot Summaries and Index to Motifs / Ann B. Tracy. – Kentucky : The University Press of Kentucky, 1981. – 216 p.
6. Williams, A. Art of Darkness: A Poetics of Gothic / A. Williams. – University of Chicago Press, Apr 15, 1995. – 311 p.
7. Рублеўская, Л. Золата забытых магіл. Паралельны раман / Л. Рублеўская // Родныя вобразы [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: http://rv-blr.com/demo/all_glava/3773. – Дата доступа: 01.12.2013.

УДК 46: 811.161.1' 373.46:811.161.3'373.46

Полікампанентныя тэхнічныя тэрміны ў рускай і беларускай мовах: параўнальна-супастаўляльны аналіз

Л.М. МИНАКОВА

У артыкуле праводзіцца параўнальна-супастаўляльны аналіз тэрміналагічных тэхнічных словазлучэнняў рускай і беларускай моў на структурна-граматычным узроўні.

Ключавыя словы: тэрміны-словы, тэрміны-словазлучэнні, састаўныя тэрміны, полікампанентныя тэрміны, сінтаксічны спосаб утварэння, параўнальна-супастаўляльны аналіз.

The article deals with the comparative analysis of terminological technical word combinations of the Russian and Belarusian languages at the structural-grammatical level.

Keywords: terms-words, terms-word combinations, compound terms, polycomponent terms, syntactical method of formation, comparative analysis.

Як вядома, сярод патрабаванняў, што прад'яўляюцца да тэрміна, важнае месца займае патрабаванне сцісласці. Многія даследчыкі да найбольш сур'ёзных недахопаў тэхнічнай тэрміналогіі адносяць тэндэнцыю да ўжывання шматлікіх словазлучэнняў. Бясспрэчна, было б ідэальным такое становішча ў тэрмінасістэме, пры якім кожнаму паняццю адпавядала б яго сціслае, дакладнае абазначэнне. Але ў большасці выпадкаў гэта немагчыма, паколькі працэс дыферэнцыяцыі паняццяў навукі і тэхнікі з'яўляецца аб'ектыўнай перадумовай выкарыстання комплекснай намінацыі, якая імкнецца да дакладнага абазначэння дадзенага паняцця. Выкарыстанне шматслоўных тэрміналагічных адзінак дыктуецца неабходнасцю мець строга адназначныя абазначэнні. Мы прытрымліваемся думкі вядомых айчынных тэрміналагаў (Д.С. Лотэ, А.А. Рэфармацкага, Б.М. Галавіна, В.П. Даніленка і інш.), што асноўнымі структурнымі тыпамі тэрмінаў з'яўляюцца тэрміны-словы (невыворныя, вытворныя, складаныя), тэрміны-словазлучэнні (раскладальныя і нераскладальныя), сімвала-словы (у склад якіх, побач са слоўнымі знакамі, уваходзяць сімвалы – літары, лічбы, графічныя знакі).

Полікампанентныя тэрміны займаюць значнае месца ў любой рэальнай тэрміналогіі. Яны служаць для абазначэння новых паняццяў, якія абапіраюцца на ўжо існуючыя. Зыходны тэрмін уваходзіць у новы як састаўная частка, таму працэс утварэння новай тэрміналагічнай адзінкі можна разглядаць як дэрывацыйны, аналагічны словаўтваральнаму. Тэрмін-словазлучэнне (або тэрміналагічнае словазлучэнне) абазначае адзінае складанае паняцце, больш вузкае, канкрэтнае, чым адпавядае родавае паняцце, што абазначаецца тэрмінам-словам. Нельга не пагадзіцца з В.П. Даніленка, што «складаная ўнутраная суадноснасць паняццяў сучаснай навукі і тэхнікі вылучае традыцыйны ў мове спосаб утварэння тэрмінаў шляхам словазлучэнняў розных тыпаў – сінтаксічны спосаб тэрмінаўтварэння – у лік найбольш прадуктыўных» [1, с. 103].

Параўнальна-супастаўляльны аналіз тэрміналагічнай лексікі рускай і беларускай моў дазваляе сцвярджаць, што вялікая колькасць тэхнічных полікампанентных найменняў у абедзвюх мовах характарызуецца аднолькавай структурна-граматычнай арганізацыяй. Найбольш ужывальнымі структурнымі тыпамі іх выступаюць двухслоўныя намінацыі. Па характары ядзернага і залежнага кампанентаў пераважаюць двухкампанентныя тэрміналагічныя словазлучэнні: 1) з постпазіцыйным прыметнікам пры назоўніку (*балансир весовой – балансир вагавы, ёмкость барьерная – ёмістасць бар'ерная*), кампаненты словазлучэння звязаны дапасаваннем, уступаюць у атрыбутыўныя адносіны; 2) з постпазіцыйным назоўнікам у Р.скл. пры назоўніку (*автомат безопасности – аўтамат бяспечнасці, кнопка предохранителя – кнопка засцерагальніка, аппарат для биговки – аппарат для бігоўкі, барабан для ленты – барабан для стужкі*), кампаненты ТС звязаны беспрыназоўнікавым і прыназоўнікавым кіраваннем, уступаюць у аб'ектна-атрыбутыўныя адносіны; 3) з постпазіцыйным назоўнікам ў В. скл.

(болт под развёртку – болт пад разгортку, бурение на нефть – бурэнне на нафту), кампаненты звязаны прыназоўнікавым кіраваннем, уступаюць у аб'ектна-атрыбутыўныя адносіны; 3) з постпазіцыйным назоўнікам у Тв. скл. (балластировка гравием – баласціроўка гравіем, блиширование погружением – блишыраванне апусканнем, антенна с отражателем – антэна з адбівальнікам, бак с окислителем – бак з акісляльнікам), кампаненты звязаны беспрыназоўнікавым і прыназоўнікавым кіраваннем, уступаюць у аб'ектна-атрыбутыўныя адносіны; 4) з постпазіцыйным назоўнікам у М. скл. (бетон на гравии – бетон на гравіі, буксировка в воздухе – буксіроўка ў паветры), кампаненты звязаны прыназоўнікавым кіраваннем, уступаюць у аб'ектна- акалічнасныя адносіны.

Сярод трохкампанентных тэрмінаў-словазлучэнняў (ТС) у беларускай і рускай тэрміналогіі пераважаюць найменні з прэпазіцыйным азначэннем, выражаным прыметнікам. Гэта тэрміны, у склад якіх уваходзяць простае словазлучэнне і залежнае ад яго асобнае слова. Такія складаныя словазлучэнні, як адзначае М.М. Пракаповіч, «па сутнасці заўсёды парныя: у аснове іх ляжыць мадэль простага двухслоўнага словазлучэння» [2, с. 67]. Большай колькасцю прадстаўлены тэрміны, у якіх ядзерны кампанент (простае словазлучэнне) выражаны спалучэннем прыметніка з назоўнікам: *автомобильная* [аккумулятарная батарэя] – *аўтамабільная* [аккумулятарная батарэя], *осевой* [собственный вес] – *восевая* [ўласная вага], *зимний* [автомобильный бензин] – *зімні* [аўтамабільны бензін], *наибольший* [динамический фактор] – *найбольшы* [дынамічны фактар], меншай – адзінкі, у якіх ядзерны кампанент выражаны спалучэннем двух назоўнікаў: *оптический* [элемент фары] – *аптычны* [элемент фары], *наименьшая* [скорость автомобиля] – *найменшая* [хуткасць аўтамабіля], *погрузочная* [высота кузова] – *пагрузачная* [вышыня кузава], *свободный* [радиус колеса] – *свабодны* [радыус кола]; кампаненты звязаны дапасаваннем, уступаюць у атрыбутыўныя адносіны.

Непрадуктыўную групу чатырох-, пяці-, шасці- і больш кампанентных тэрмінаў у рускай і беларускай мовах складаюць найменні-словазлучэнні, якія з'яўляюцца складанымі кампазіцыямі, утворанымі на базе традыцыйна двух- і трохчленных апорных словазлучэнняў. Агульнае значэнне ўсіх гэтых утварэнняў складаецца з фіксаваных значэнняў яго кампанентаў: *вал* [зависимого отбора мощности] – *вал* [залежнага адбору магутнасці], [воспламенитель ракетного двигателя] [с пусковым факелом] – [запальнік ракетнага рухавіка] [з пусковым факелам], *дорожный* [автомобильный подвижной состав] [обычной проходимости] – *дарожны* [аўтамабільны рухомы састаў] [звычайнай праходнасці], *рычаг* [переключения света фар] и [световой сигнализации фарами] – *рычаг* [пераключэння святла фар] і [светлавой сігналізацыі фарами] і інш. В.П. Даніленка, вылучаючы дзесяць асноўных прадуктыўных мадэлей тэрмінаў-словазлучэнняў, звяртае ўвагу на тое, што ў «практычнай тэрмінатворчасці» можна сустрэць мноства іншых, больш ускладненых па структуры намінатыўных адзінак, але іх нельга расцэньваць як нармальную з'яву, як тыповыя тэрміны [1, с. 133].

У радзе выпадкаў адзначаецца частковае несупадзенне фармальнай арганізацыі тэрмінаў-словазлучэнняў блізкароднасных моў. Пераважнай большасці рускамоўных дзеепрыметнікавых па паходжанні форм у беларускай мове адпавядаюць прыметнікавыя: *автомат считывающий* – *аўтамат считвальны*, *антенна следящая* – *антэна сачыльная*, *башимак скользкий* – *башимак слізгальны*, *блокин-генератор ждущий* – *блокінг-генератар чакальны*, *бобина подающая* – *бабіна падавальная*, *газ охлаждающий* – *газ ахаладжвальны*, *диск уравнивающий* – *дыск ураўнаважвальны*, *излучение мешающее* – *выпраменьванне перашкаджальнае*, *импульс сопутствующий* – *імпульс спадарожны*, *искатель быстрогодействующий* – *шукальнік хуткадзейны*, *искатель смешивающий* – *шукальнік змешвальны* і інш.

Пэўная колькасць незваротных дзеепрыметнікаў незалежнага стану цяперашняга часу ў складзе ТС набывае пастаянную, статычную прымету і ад'ектывуецца, захоўваючы ў рускай і беларускай мове толькі фармальны паказчык (суфікс) дзяслоўнай формы: *агент консервирующий* – *агент кансервуючы*, *агрегат регулирующий* – *агрэгат рэгулюючы*, *анод зажигающий* – *анод запальваючы*, *утулка изолирующая* – *утулка ізаляючая*, *испаритель на отходящих газах* – *выпаральнік на адыходзячых газах*, *карман вентилятора всасывающий* – *кішэнь вентылятара ўсмоктваючая*, *кессон с циркулирующей водой* – *кесон з цыркулюючай вадой*, *клизрон с тормозящим полем* – *клістрон з тармозячым полем* і інш.

Шматлікія рускамоўныя ТС са зваротнымі адзіночнымі дзеепрыметнікамі ў беларускай мове маюць адпаведнікі ў выглядзе складаназалежных сказаў з даданай азначальнай часткай: *анод вращающийся – анод, які верціцца; атом делящийся – атам, які дзеліцца; бадья опрокидывающаяся – бодня, якая пераккульваецца; башня вращающаяся – вежа, якая верціцца; бочка вращающаяся – бочка, якая верціцца; вал качающийся – вал, які вагаецца; величина отклоняющаяся – велічыня, якая адхіляецца; величина установившаяся – велічыня, якая ўстанавілася; вещество воспламеняющееся – рэчыва, якое загараецца; выраж установившийся – віраж, які ўстанавіўся; водовод саморегулирующийся – вадавод самарэгулявальны; газ выделившийся – газ, які вылучыўся; грохот качающийся – грохат, які вагаецца; деталь вращающаяся – дэталі, якая верціцца; подвижка вращающаяся – засаўка, якая верціцца; замыкание перемежающееся – замыканне, якое перамяжоўваецца; зеркало светящееся – люстра, якое свеціцца і інш.*

Вялікай колькасці рускамоўных зваротных адзіночных дзеепрыметнікаў у тэрмінах-словазлучэннях адпавядаюць прыметнікі. Прыкладам: *алгоритм самонастраивающийся – алгарытм саманастройвальны, барабан самозарубающийся – барабан самазарубальны, баржа саморазгружающаяся – баржа самаразгружальная, бункер опрокидывающийся – бункер пераккульны, бункер саморазгружающийся – бункер самаразгружальны, векторы сходящиеся – вектары сыходныя, вагон саморазгружающийся – вагон самаразгружальны, вязкость кажущаяся – вязкасць уяўная, гак самовыкладывающийся – гак самавыкладвальны, захват самозажимающийся – захоп самазаціскальны. Тое ж самае можна сказаць і пра зваротныя дзеепрыметнікі ў складзе неадасобленых дзеепрыметных словазлучэнняў: *вагон с опрокидывающимся дном – вагон з пераккульным дном, вагонетка с опрокидывающимся кузовом – ваганетка з пераккульным кузавам, вертолёт с перекрещивающимися осями несущих винтов – верталёт з перакрывацьцём осямі нясучых вінтоў, каратаж методом кажущегося сопротивления – каратаж метадам уяўнага супраціўлення, вертолёт с перекрещивающимися осями несущих винтов – верталёт з перакрывацьцём осямі нясучых вінтоў, а таксама пра дзеепрыметнікі ў складзе спецыфічных трохкампанентных словазлучэнняў: *камера шины самоклеивающаяся – камера шыны самазаклейвальная, вагон опрокидывающийся рудничный – вагон пераккульны рудніковы, винты перекрещивающиеся несущие – винты перакрывацьцём нясучыя, камера шины самоклеивающаяся – камера шыны самазаклейвальная і інш.***

Сустракаюцца прыклады, калі ў беларускамоўных трохкампанентных тэрмінах вышэйназванага тыпу адпаведнікамі зваротных дзеепрыметнікаў выступаюць даданыя азначальныя часткі складанага сказа: *ванна перемешивающаяся шлаковая – ванна шлакавая, якая перамешваецца; воздухоподогреватель регенеративный вращающийся – наветрападагравальнік рэгенератыўны, які верціцца; диаметр циркуляции установившийся – дыяметр цыркуляцыі, які ўсталяваўся; каверномер раскрывающийся каратажный – кавернамер, які раскрываецца, каратажны; кантователь сварочный вращающийся – кантавальнік зварачны, які верціцца; каретка шпиндельная наклоняющаяся – карэтка шпіндэльная, якая нахіляецца; ванна вращающаяся шлаковая – ванна шлакавая, якая верціцца; винт вертолота убирающийся – вінт верталёта, які складваецца.*

Асобным рускамоўным ТС з адасобленымі і неадасобленымі дзеепрыметнымі зваротамі адпавядаюць сказы з даданай азначальнай часткай: *блок, распределяющий нагрузку – блок, які размяркоўвае нагрузку; блюм, подвергнутый огневой зачистке – блюм, які перанёс агнявую зачыстку; бульдозер с качающимся ножом – бульдозер з нажом, які вагаецца; вагонетка, автоматически разгружающаяся – ваганетка, якая разгружаецца аўтаматычна; вагонетка, опрокидывающаяся на бок – ваганетка, якая пераккульваецца на бок; вагонетка, опрокидывающаяся на обе стороны – ваганетка, якая пераккульваецца на абодва бакі; включение, образующее золу – уключэнне, якое ўтварае попел; капсула, возвращаемая на землю – капсула, якую вяртаюць на зямлю; водослив с тонким переливающимся слоем – вадазліў з тонкім слоем, які пераліваецца; калориметр с плавящимся твёрдым телом – каларыметр з цвёрдым целам, якое плавіцца; вакуум-аппарат с поднимающейся плёнкой – вакуум-апарат выпарны з плёнкай, якая падымаецца;*

воспроизводство делящихся веществ – узнаёненне рэчываў, якія дзеляцца; винт вертолётна ўбіраюцца – вінт верталёта, які складаецца; винт со складаюцца лопасцямі несучы – вінт з лопасцямі, якія складаюцца, нясучы.

Некаторыя полікампанентныя назвы адлюстроўваюць асаблівасці дапасавання (*апарат легча воздуха летательный – апарат лягчэйшы за паветра лятальны; бык ниже горизонта воды – бык, ніжэйшы за гарызонт вады; затуханне выше критического – затуханне вышэйшае за крытычнае; картаж нейтронный по тепловым нейтронам – картаж нейтронны па цеплавых нейтронах; пласт опасный по внезапным выбросам – пласт небяспечны па раптоўных выкідах; пласт опасный по горным ударам – пласт небяспечны па горных ударах*) і кіравання (*боров к дымовой трубе – газаход да дымавой трубы; вагранка на горячем дутье – вагранка з гарачым надзіманнем; водосброс вне тела плотины – вадаскід па-за целам плаціны; возврат к основной программе – зварот да асноўнай праграмы; восприимчивость к импульсным помехам – успрымальнасць да імпульсных перашкод; выемка по восстанию – выманне ўздоўж падняцця; выемка по протиранию – выманне ўздоўж кірунку; выемка по падению – выманне ўздоўж падзення пластычнасть по Муні – пластычнасць паводле Муні; подвод тепла к системе – падвод цяпла да сістэмы; подготовка к полету – падрыхтоўка да палету; подготовка руды к плавке – падрыхтоўка руды да плаўкі; подготовка химического аппарата к работе – падрыхтоўка хімічнага апарата да работы).*

Наяўнасць полікампанентных назваў, разнастайных паводле семантычнай злітнасці кампанентаў і структурнай арганізацыі, іх узаемадзеянне ў тэрмінасістэме, узаемаабумоўленасць і ўзаемазалежнасць дазваляе сцвярджаць пра сістэмнасць тэхнічнай тэрміналогіі ў сінтагматычным плане.

Параўнальна-супастаўляльны аналіз тэхнічных ТС дазваляе вылучыць тэрміны з аднолькавай структура-граматычнай арганізацыяй, а таксама адзінкі, што адлюстроўваюць спецыфічныя асаблівасці абедзвюх моў.

Літаратура

1. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 247 с.
2. Прокопович Н.Н. Словосочетание в современном русском языке/ Н.Н. Прокопович. – М. : Просвещение, 1966. – 400 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 26.12.2013

Моўныя сродкі стварэння вобразнасці ў мове гістарычных раманаў Леаніда Дайнекі

Л.В. ПАПЛАЎНАЯ

Даследуюцца моўныя сродкі мастацкай выразнасці ў мове гістарычных раманаў Леаніда Дайнекі. У артыкуле разглядаюцца асноўныя разнавіднасці метафар і параўнанняў, якія складаюць адметнасць мастацкага стылю аўтара.

Ключавыя словы: семантыка, структура, тропы, метафара, увасабленне, суб'ект, аб'ект, параўнанне.

The article investigates the linguistic means of artistic expression in the language of historical novels Leanida Daineka. The paper examines the main types of metaphors and comparisons that are a feature of author's artistic style.

Keywords: semantics, structure, trails, metaphor, personification, subject, object, comparison.

З іменем Леаніда Дайнекі звязваюць з'яўленне ў беларускай літаратуры гістарычнага цыкла раманаў. Яго раманы «Меч князя Вячкі», «След ваўкалака», «Жалезныя жалуды» прасякнуты матывамі любові да роднага краю, яго гісторыі. У сваіх творах пісьменнік часта звяртаецца да традыцыйных вобразаў-сімвалаў, перадае адухоўленае стаўленне беларуса да прыродных з'яў. Яго праявітая мова насычана сродкамі мастацкай выразнасці, якія ствараюць адметны метафарычна-сімвалічны стыль пісьменніка.

Самым дасканалым паэтычным тропам, у аснове якога ляжыць перанос назвы з аднаго прадмета на другі на падставе падабенства іх прыкмет, з'яўляецца метафара. Метафарычнае бачанне свету заўсёды лічылася прыкметай неардынарнага таленту пісьменніка або паэта.

Выключнай метафарычнасцю здзіўляе нас праявітая мова Леаніда Дайнекі. Аўтар ў сваіх гістарычных раманах аддае перавагу такой разнавіднасці метафары, як увасабленне (персаніфікацыя), калі неадушаўлёным прадметам, рэчам, з'явам прыроды надаюцца дзеянні і ўласцівасці чалавека: Тысячамі нябачных, пагрозлівых вачэй **глядзела** на яго **цемра** [1, с. 25]; **Сонца** тым часам **стральнула са свайго залатога лука** [1, с. 48]; **Цёмны лес ажыў, загуў, замахаў галінамі-рукамі** [1, с. 68]; **Восень запальвала** над прыціхлым возерам журботныя чырвоныя кастры лясоў [1, с. 223]; Ружовыя **промні сонца змрок нябесны запалілі** [1, с. 85]; Густым бурлівым дажджом **плакала ноч** аб грахах чалавечых [1, с. 17]. Выкарыстанне ўвасаблення дазваляе аўтару злучыць элементы чалавечага жыцця са светам прыроднага акружэння, паказаць пры гэтым цесную сувязь чалавека з прыродай.

Увасабленне – адзін з самых старажытных тропай, які генетычна заснаваны на аніمالістычных уяўленнях чалавека, яго рэлігійных вераваннях. Як падкрэслівае А.С. Аксамітаў, «персаніфікацыя прыроды і прыродных сіл – вынік псіхалагічнай адаптацыі старажытнага чалавека да навакольнага свету, маральна-псіхалагічнае і духоўнае прыстасаванне свету да сябе» [2, с. 154]. Леанід Дайнека ў сваіх раманах персаніфікуе вобразы прыроднага свету. Адметным для структуры яго гістарычных раманаў з'яўляецца наяўнасць у іх лірычных пейзажных замалёвак, у якіх прырода з'яўляецца асноўнай дзеючай асобай:

Крочыла ноч па балотных пустках, па лазняках, па рактніках, па сыпучых пясках дзюнаў. **Стамляўся, ляютна брыў** у Варажскае мора **дождж**. Але ноч не вечная, нават самая цёмная і доўгая. І вось ужо замест сляпой сажы **замігцела на небасхіле чэрненае срэбра**. Потым сталёвы водсвет з'явіўся ў нябёсах, ён святлеў, званчэў, бышчам сталь награвалі ў агні. Потым пачуўся лёгкі няўлоўны хруст, нібы нехта, як хлебны каравай, пераламаў над яшчэ **соннай зямлёй** агромістую дажджыстую хмару. І дождж раптам сціх [1, с. 37].

Адметнымі ў мове гістарычных твораў Л. Дайнекі з'яўляюцца генітыўныя метафары, якія па сваёй структуры двухкампанентныя і будуцца па мадэлі 'метафарызаваны назоўнік у назоўным склоне' + 'залежны назоўнік у родным склоне'. Такія метафары вылучаюцца сваёй вобразнасцю і лаканічнасцю.

Першая **іскрынка світаньня** слаба і нясмела запалілася ў апраметнай цемры [1, с. 162]; У акенцы затрапятаў залацісты **матылёк свечкі** [1, с. 19]; У Вячку Дабранега знайшла таго, аб кім неаднойчы марыла ў бяссонныя вясновыя ночы, калі цёмна-блакітнае неба стаіць над зямлёю, як нерухомая рачная плынь, калі ясныя **вугольчыкі зорак**, здаецца, прапякаюць душу [1, с. 169]; Вячка стаяў адзін у цемры, настроена прыслухоўваўся да **ўсхліпаў дажджу** [1, с. 32]; **Крумкач трывогі** зляцеў з душы, вальней стала дыхаць, будучыня зрабілася святлейшаю і весялейшаю [1, с. 33].

Адным з пашыраных сродкаў мастацка-вобразнай канкрэтызацыі з'яўляюцца параўнанні, якія трапна характарызуюць прадметы, з'явы рэчаіснасці, дапамагаюць ствараць яркія і запамінальныя вобразы.

Як адзначаюць даследчыкі, сутнасць параўнання заключаецца ў супастаўленні аднаго прадмета, з'явы, дзеяння з другім па інтэгральных прыметах з мэтай тлумачэння сутнасці аднаго праз характэрныя прыметы, уласцівасці другога. Мова гістарычных раманаў Леаніда Дайнекі насычана каларытнымі і адметнымі параўнаннямі.

Размежаванне параўнальных канструкцый у мове твораў Л. Дайнекі мэтазгодна пачаць са спосабу марфалагічнага выражэння суб'екта параўнання. Адпаведна гэтаму крытэрыю выдзяляюцца субстантыўныя, ад'ектыўныя, вербальныя і адвербіяльныя параўнанні.

Субстантыўныя параўнанні вобразна характарызуюць прадмет, паясняюць дзейнік у сказе, выражаны назоўнікам: *Кроплі рачной вады, як зорачкі*, густа заззялі на аголеных смуглых руках і нагах [1, с. 10]; *Слёзы, як спорны дождж*, пырснулі ў яе з вачэй [1, с. 369]; Нарэшце *сцежкі, як ручайкі*, замігалі між дрэў [1, с. 372]; *Белыя воблакі, як кашлатыя авечкі*, беглі за небасхіл [1, с. 381].

Субстантыўныя параўнанні ў мове гістарычных раманаў Л. Дайнекі часцей за ўсё характарызуюць:

а) чалавека і жывых істот: Наш князь, **як алень хутканогі** [1, с. 94]; Сядзеў князь, **як паранены вепр**, за валам глядзеў на дым і агонь [1, с. 108]; Ён сам зведаў холад сірочага жыцця, калі на месцы роднай маці, на месцы сонца, якое павінна саграваць дзіцячую душу, была чужая, незразумелая жорсткая *жанчына, як ледзяная зорка ў марозным зімовым небе* [1, с. 28]; *Тэўтон, як лісіны хвост*, адразу ж шмыгануў следам [1, с. 28]; *Усевалад зноў, як мудры ліс*, увільнуў ад адказу [1, с. 62]; Чалавек, асабліва маленькі чалавек, не можа без *маці. Як сонца*, узыходзіць яна над сынавым ложкам. **Як белы непагасны месяц**, асцярожна стаіць над сынам уначы [1, с. 114];

б) прыродныя з'явы: Сонечныя *промні, як залатыя ніткі*, затрапяталі на шчоках у ідала [1, с. 104]; *Месяц усё-такі заззяў над зямлёй, як вялізная срэбная грыўня* [1, с. 8]; *Вецер, як злы дух*, пагрозна галёкае ў лясах, калючым снежным клубком коціцца па ледзяной Свіслачы [1, с. 87]; З паных тарфяных балотаў, з цёмных залітых расой лясоў павольна ўсплывала *сонца, як чырвоны, апалены полымям бясконцых бітваў шчыт грознага бога Сварога* [1, с. 54].

Ад'ектыўныя параўнанні характарызуюць прыкмету прадмета і маюць цесную сувязь з прыметнікам у сказе. Леанід Дайнека ўжывае такія канструкцыі для характарыстыкі:

а) фізічных, псіхічных і душэўных якасцей чалавека: Хай кожны з вас будзе *адважным і моцным, як тур, маўклівым і пільным, як начная сава* [1, с. 349]; – Дзе айцец Сцяпан? – спытаў Вячка ў дзяка, суханькага, *согнутага, як сярпок, старога* [1, с. 32]; Ён лічыў сябе *мудрым і вастравокім, як начная сава* [1, с. 34]; Князь у нас *харобры, як леў* [1, с. 83]; Ваявода быў *сярдзіты, як мядзведзь-бадзяга, якога нечакана ўспаролі з бярогі* [1, с. 139]; Уся яна была *зграбнаю, лёгкаю, як лугавы ветрык* [1, с. 354]; Пальцы былі *моцныя, як дубовыя сукі* [1, с. 39];

б) якасцей і ўласцівасцей, якія ўспрымаюцца органамі пачуццяў: *Густая, як смала*, начная цемра стаяла ў грыдніцы [1, с. 162]; А ўнізе чакаюць вострыя, *цвёрдыя, як жалеза*, частаколіны [1, с. 163]; Нейкі час яны моўкі ляжалі побач, і толькі шумела *цёмная, як дзёгаць*, рачная вада [1, с. 9]; Такія валасы павінны быць *халоднымі, як струмені лясной ракі* [1, с. 354]; *Сухія* былі вочы, **як халодны калядны снег** [1, с. 169]; Скура на твары пасмуглела, стала *цвёрдаю, як бубен* [1, с. 181]; Не *мяккае, як сыр*, а *цвёрдае, як камень*, патрэбна сэрца ў Лівоніі [1, с. 202];

в) колеру і яго адценняў: Нейкі час яны моўчкі ляжалі побач, і толькі шумела *чорная, як дзёгаць*, рачная вада [1, с. 9]; Усё добра, княжа, – аблізнуў *пунсовыя, як у дзяўчыны*, вусны Нядзіл [1, с. 29]; З княжацкіх паграбоў выкочвалі чалядзіны дубовыя кадоўбцы, у якія быў

наліты густы, цягучы, *светла-жоўты*, **як летняе сонца**, мёд-ліпец [1, с. 86]; Быў тут мядовы колер, і чырванавата-буры, і *агністы*, **як восеньскае кляновае лісце** [1, с. 92]; Ён спачатку быў ярка-чырвоны, потым жаўцеў і ўрэшце рэшт рабіўся *срабрыста-белым* **як снег** [1, с. 180].

Вербальныя параўнанні адносяцца да дзеяслова, які ў сказе выконвае ролю выказніка. Такія параўнанні ў мове твораў Л. Дайнекі вобразна характарызуюць працэс дзеяння, рух, стан, зрокавыя і слыхавыя асацыяцыі:

Старыя вужы, скруціўшыся ў клубок, ляжалі, *блішчалі* на цёпрых пнях, **як срэбныя талеркі** [1, с. 336]; Месячныя промні ўспыхнулі над металічным наканечніку суліцы, і той *засвяціўся*, **як вугалёк** [1, с.9]; Нічога не памагло, *патухла* маладая княгіня, **як свечка** [1, с. 26]; Драўляны шар *скакаў, мітусіўся*, **як смяртэльна перапалоханы зайчык**, па траве [1, с. 363]; *Зловяць* яго, **як зайца ў цянёты**, і зарэжуць [1, с. 12]; *Гарыць*, **як у лютым агні**, не спіць, плача цэлыя ночы [1, с.21]; А дні *цяклі*, **як цячэ вада ў Дзвіне** [1, с. 172].

Адвербіяльныя параўнанні вобразна характарызуюць прымету дзеяння і дапамагаюць аўтару ў канкрэтна-пачуццёвай форме адлюстравання свае ўяўленні пра навакольны свет:

Чалядзін між тым пастаяў на вільчыку, павярнуўся, пайшоў назад па даху, *спрытна*, **як кот**, спуściўся па вуглу грыдніцы на зямлю, адчыніў дзверы і зайшоў у грыдніцу [1, с. 154]; Ён ішоў *лёгка, роўна*, **быццам трымаўся за месячныя промні, быццам быў прывязаны да іх** [1, с. 154]; Жывучы ў пушчы, з малалецтва навучыўся ён лазіць на самыя высокія дрэвы *лёгка і хутка*, **як вавёрыца** [1, с. 162].

Сярод параўнанняў, зафіксаваных у мове твораў Л. Дайнекі, адметную групу складаюць устойлівыя параўнанні: Ганцы вярнуліся **як мыла з'еўшы** [1, с. 537]; Гняздзіла, чаму адстаеш, едзеш **як мокрая курыца?** [1, с. 351]; Мірошка ад разгубленасці **як язык праглынуў** [1, с. 181]; Усе спалі **як забітыя** [1, с. 150]; **Як за сцяной** былі чалядзіны за сваім баярынам [1, с. 142]; Мірошка, **як аглушаны громам**, з непаразуменнем глядзеў на маці [1, с.67]; Воі для прыліку дзівіліся спрыту князеўны, але па іх тварах было відно, што патрэбны ім гэтыя грыбы **як сабаку пятая нага** [1, с. 185]; І княжныя харомы ён ведае, вывучыў **як свае пяць пальцаў** [1, с. 15]; Усе з палёгкай уздыхнулі, **як камень з плячэй звалілі** [1, с. 93]; Еўных зьялеў **як палатно** [1, с. 402]. Такія вобразныя параўнальныя канструкцыі выкарыстоўваюцца ў якасці гатовых мастацкіх сродкаў для характарыстыкі прадметаў, з'яў, дзеянняў.

Спецыфіка гэтых параўнанняў заключаецца ў тым, што ў іх адсутнічае суб'ект параўнання і значэнне не вынікае поўнаасцю са значэння кампанентаў, што ўваходзяць у іх склад. Яны «характарызуюцца ўстойлівасцю структуры і саставу, цэласнасцю значэння і ўніверсальнасцю словаўжывання» [3, с. 22].

Аналіз параўнальных канструкцый у залежнасці ад таго, што з'яўляецца аб'ектам параўнання, дазваляе вызначыць, да якіх жыццёвых з'яў найбольш часта звяртаўся аўтар і якія вобразы ўзніклі ў яго пры гэтым. У мове гістарычных раманаў Леаніда Дайнекі найбольш пашыраны параўнальныя канструкцыі, лексічнымі напаяўняльнікамі якіх выступаюць:

а) назвы жывёл: Сядзеў князь, **як паранены вепр**, за валам, глядзеў на дым і агонь, што паўсюдна небасхіл засланылі, і плакаць хацелася, бо гэта ягонае багацце, ягоная сіла дымам у неба ішлі, ворагу даставаліся [1, с. 109]; Наш князь, **як алень хутканогі** [1, с. 94]; Яна, **як раз'ятраная ваўчыца**, ускочыла на ногі [1, с. 52]; І вось ён стаяў перад Белавалодам і Ульяніцай, нізенькі, тоўсценькі, рухавы, **як вожык** [29, с. 340]; Той, каго яны лічылі ледзь не богам, хто выхваляўся сваёй несмяротнасцю, бездапаможна і квола ляжаў на снезе, **як дохлая кошка** [1, с. 101]; Усевалад зноў, **як мудры ліс**, увільнуў ад адказу [1, с. 63]; Жывучы ў пушчы, з малалецтва навучыўся ён залазіць на самыя высокія дрэвы лёгка і хутка, **як вавёрыца** [1, с. 164]; **Як пушчанскі тур**, муж твой будзе. Смелы і вастрарогі будзе. [1, с. 172]; Чалядзін між тым пастаяў на вільчыку, павярнуўся, пайшоў назад па даху, *спрытна*, **як кот** [1, с. 154]; Цябе, **як псы**, дзень і ноч ахоўваюць верныя воі [1, с. 23]; Белыя воблакі, **як кашлатыя авечкі**, беглі за небасхіл [29, с. 381]; *Зловяць* яго, **як зайца ў цянёты**, і зарэжуць [1, с. 12];

б) назвы насякомых і земнаводных: Ён, **як вуж**, поўз па гэтай зямлі, ён уплішчваўся ўсім целам у яе, каб пад покрывам ночы прабрацца ў Кукейнос і забіць князя Вячку [1, с. 14]; Гэтае смердава племя жыве непрыкметна і бяшумна, **як мышы**, як нічая трава пры дарозе [1, с. 90];

Генрых пачырванеў, **як вараны рак**, з якімі студыёзусы любілі піць піва [1, с. 210]; Мокрыя ад поту, **як балотныя жабы** [1, с. 268]; Выкінь з нашай зямлі рамейскую веру, **як мязотную балотную жабу** [1, с. 532]; Яны былі прыгожыя, дробненькія, **як бліскучыя мошкі** [1, с. 118]; А зараз ён **як чарвяк**, на якога магутным капытом наступіў пушчанскі зубр [1, с. 51]; Дрэвы жылі прадчуваннем недалёкай вясны, і хоць замест бурлівага соку ў жылах дрэў быў яшчэ халодны лёд, і хоць карані іхнія драмалі ў мёрзлай зямлі, **як спруцянелыя чорныя вужакі**, нешта змянілася ў дрэвах, і Мірошка адразу ж прыкмеціў гэту перамену [1, с. 110]; Яны былі голыя, беласкурыя, слізкія ад поту, **як рыбіны** [1, с. 269];

в) назвы птушак: Гулі завірухі, круціўся снег, знянацку, **як птушка з мокрымі крыламі**, прыляцела адліга [1, с. 80]; Сэрца білася ў грудзях, **як злоўлены ў цянёты верабей** [1, с. 22]; Зараз я яго стралой саб'ю, **як курапатку**... Зараз... – мармытаў ён, і ў голасе была няўпэўненасць [1, с. 165]; Ты **як арол**, князь мой [1, с. 175]; Мірошка нічога не адказаў, але сэрца затрапятала, **як хуткакрылы стрыж над рачной стромаю** [1, с. 84]; Ён лічыў сябе мудрым і вастравокім, **як начная сава** [1, с. 34]; Верыць, што Пярун трымае маланкі, **як сакалоў**, на сваім рукаве [1, с. 323]; Слава засталася ззаду, яе не пусцілі ў гэты смярдзючы поруб, **як сокал з перабітым крылом**, знясілена лётала яна дзесьці над Палатаю і Няміга [1, с. 307];

г) з'явы прыроды: Чалавек, асабліва маленькі чалавек, не можа без маці. **Як сонца**, узыходзіць яна над сынавым ложкам [1, с. 115]; Мы зробімся **як туман** [1, с. 13]; Слёзы, **як спорны дождж**, пырснулі з вачэй [1, с. 369]; З княжацкіх паграбоў выкочвалі чалядзіны дубовыя кадоўбцы, у якія быў наліты густы, цягучы, светла-жоўты, **як летняе сонца**, мёд-ліпец [1, с. 86]; Ён сам звездаў холад ірочага жыцця, калі на месцы роднай маці, на месцы сонца, якое павінна саграваць дзіцячую душу, была чужая, незразумелая жорсткая жанчына, **як ледзяная зорка ў марозным зімовым небе** [1, с. 29]; То стаяў ён пасярод жытнёвага поля, якое дыбілася крутымі жоўтымі хвалямі, пакрываючы князя з галавой, і толькі васількі, **як халодныя сінія зорчкі**, зрэдку міргалі ў гарачай жаўцізне [1, с. 266]; **Як дыханне ветру**, **як сонечны прамень**, яна сама сабою павінна ўлівацца ў чалавечую душу [1, с. 226]; Тэўтон, **як галодны начны вецер**, увайшоў са двара [1, с. 22];

д) назвы канкрэтных прадметаў: Нічога не памагло, патухла маладая княгіня, **як свечка** [1, с. 27]; Сваім позіркам, **як кап'ём**, прабіваў ён мяккае сэрца Сцегіса [1, с. 20]; Вячка стаяў разам з усімі, слухаў, аб чым гавораць людзі, і словы іхнія рэзалі яго, **як нажы** [1, с. 287]; Не мяккае, **як сыр**, а цвёрдае, **як камень**, патрэбна сэрца ў Лівоніі [1, с. 204]; Скура на твары пасмуглела, стала цвёрдаю, **як бубен** [1, с. 183]; Яны падышлі да гарадскога вала, селі каля яго, прыхіліўшыся да цвёрдай **як камень** гліны [1, с. 184]; Аднаго мяне схопіць гарадская варта, і будзе мая галава вісець на частаколе, **як пусты гладыш** [1, с. 164].

Праведзены аналіз тропаў дазваляе зрабіць вывад, што Леанід Дайнека ў сваіх гістарычных раманах аддае перавагу такім моўным сродкам вобразнасці, як параўнанне і метафара. Яны дапамагаюць зрабіць тэкст твораў жывапісным, наглядным, па-мастацку дакладным, выяўляюць эмацыянальныя адносіны аўтара да таго, пра што ён піша.

Літаратура

1. Дайнека, Л. Меч князя Вячкі. След ваўкалака: Раманы / Л. Дайнека. – Мінск : Юнацтва, 1993. – 606 с.

2 Аксамітаў, А.С. Беларуская фразеалогія ў граматычным, семантычным і функцыянальным аспектах / А.С. Аксамітаў // Слова беларускае. 3 гісторыі лексікалогіі і лексікаграфіі. – Мінск : Народная асвета, 1994. – 273 с.

3 Янкоўскі, Ф.М. Беларускія народныя параўнанні / Ф.М. Янкоўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, – 1973. – 297 с.

821.161.3.09(092)+821.161.3.09-3

Наратыўная арганізацыя рамана-хронікі М. Гарэцкага «Віленскія камунары» ў кантэксце беларускай прозы мяжы 1920–1930-х гг. (А. Мрый, М. Зарэцкі, Л. Калюга): камунікатыўныя ўзроўні

Н.С. ПАХОМЧЫК

Аналізуецца наратыўная арганізацыя рамана-хронікі М. Гарэцкага «Віленскія камунары», яго камунікатыўныя узроўні. Вызначаецца роля суадносін паміж камунікатыўнымі ўзроўнямі твора ў павелічэнні яго магчымых інтэрпрэтацый: выкарыстанне наратарам ідэалагем як крыніцы для скажэнняў апавядаемага функцыянуе на ўзроўні абстрактнага аўтара як паказнік крытычнай (у адносінах да тагачаснага ідэалагічнага дыскурсу) скіраванасці твора. Праз параўнанне з прозай А. Мрый, М. Зарэцкага і Л. Калюгі даводзіцца, што высокая рэlevantнасць структур камунікацыі ў закладанні крытычнага вымярэння праявітых твораў беларускай літаратуры мяжы 1920–1930-х гг. набывае рысы тыпалагічнай.

Ключавыя словы: наратыўная арганізацыя, камунікатыўныя ўзроўні, ідэалагемы, дыскурс, наратар, абстрактны аўтар

The article is devoted to the analysis of M. Haretsky's novel «The communists of Vilnius» in its narrative organization, primarily – to the analysis of its communication levels. The question is the role of the correlation of communication levels in the aspect of increasing its probability interpretations: narrator's use of the ideologeme as a source for the distortions of narrative, this functions at the level of the abstract author as an indicator of critical (in regard to an ideological discourse of that time) orientation of the work. It is emphasized (by the comparison with the prose by A. Mryj, M. Zaretsky, L. Kaluha) that the high relevance of the communication structures in the initiation of critical dimension in the Belarusian prosa at the turn of the 1920–1930-s acquires typological features.

Key words: narrative organization, communication levels, ideologeme, discourse, narrator, abstract author

Уступ. Просьбай ссыльнага Гарэцкага да жонкі ў лісце ад 16 кастрычніка 1931-га года выслать «бандэроллю... нататкі пра “Віленскіх камунараў”» [8, с. 312] распачынаецца гісторыя напісання гэтага твора: задуманы задоўга да высылкі, твор ва ўмовах зняволення набывае для пісьменніка выключнае значэнне як магчымасць далейшай рэабілітацыі. Мэту Гарэцкі ставіць перад сабой на той момант выразную – «да друку».

Ужо маючы вопыт сутыкнення з цэнзурнымі абмежаваннямі, Гарэцкі, абіраючы «гісторыка-рэвалюцыйную тэму», займаў на той момант асабліва ўразлівую пазіцыю.

У сувязі з гэтым ужо звярталася ўвага на выбар галоўнага героя і формы апавяду – ад яго імя – прадыктаваных «імкненнем аўтара замаскіраваць ад пільнага цэнзарскага вока сваё разуменне сацыялістычнай рэвалюцыі, схавацца за героя-апавядальніка» [10, с. 425], што прыпісвае Гарэцкаму – з улікам усіх экстрэмальных умоў напісання твора – пазіцыю крытыка ў адносінах да тагачаснага афіцыйнага ідэалагічнага дыскурсу.

Разгляд крытычнай скіраванасці твора найчасцей накіроўваецца да выяўлення ў яго падтэксце¹ закадзіраваных значэнняў, характарызуемых, як правіла, у этычным вымярэнні – як паказнікаў гуманістычнасці² пазіцыі аўтара. Мы звяртаемся да больш вузкага аспекта праблемы: на аснове якіх канкрэтных наратыўных сродкаў гэтыя закадзіраваныя значэнні рэалізоўваліся?

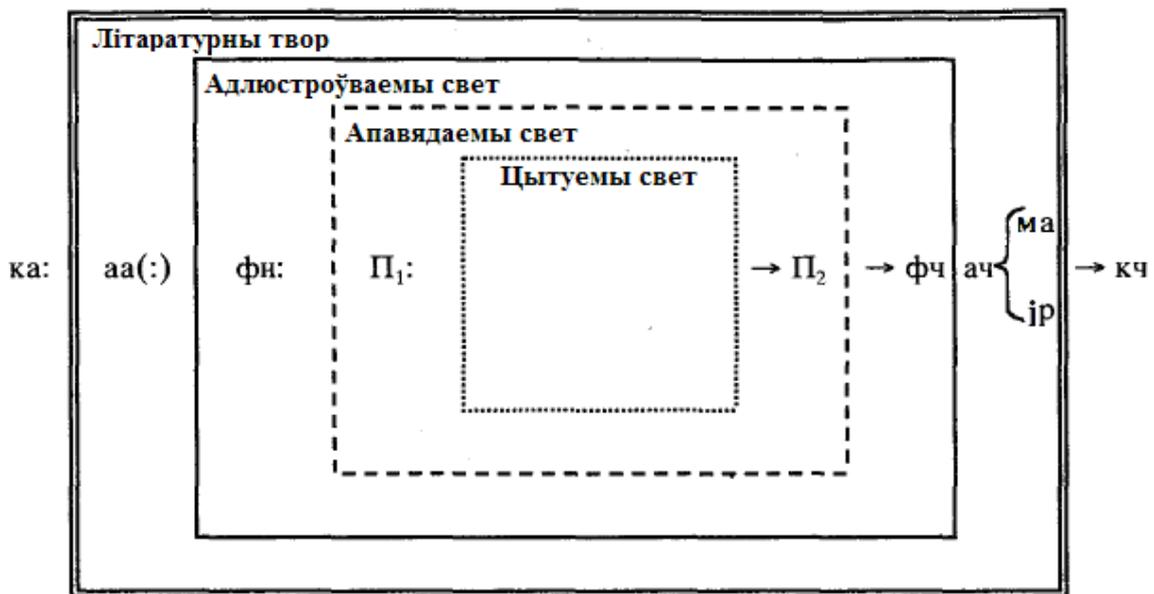
¹ «...выказаны погляды [...] не праз разгорнутыя разважанні герояў, а апасродкавана, логікай сюжэтнага развіцця, праз структуру твора і яго падтэкст» [10, с. 418]; «пісьменнік ускладаў вялікія надзеі на чытача, спадзяючыся, што чытач здолее заглябіцца ў змест твора і яго падтэкст...» [10, с. 425] і інш.

² «...М. Гарэцкі ўносіць істотнае ўдакладненне ў сваю ідэйна-мастацкую канцэпцыю народа і канцэпцыю рэвалюцыі, напаўняючы іх гуманістычным зместам, пафасам абароны чалавека як найвялікшай каштоўнасці свету» [10, с. 432]; «Вось у такой трактоўцы героя – удзельніка рэвалюцыі – і відаць гуманістычная сутнасць пазіцыі аўтара “Віленскіх камунараў”» [10, с. 439] і інш.

Пытанне ставіцца і вырашаецца на тэарэтыка-метадалагічнай базе нараталогіі – «тэорыі аповеду» [11, с. 10], закладзенай і актыўна выкарыстоўваемай (т. зв. «нараталагічны бум» з другой паловы ХХ ст.) перадусім у межах літаратуразнаўства.

Аналіз рамана М. Гарэцкага «Віленскія камунары» сканцэнтраваны найперш на спецыфічнай арганізацыі яго *камунікатыўных узроўняў* і ажыццёўлены ў кантэксце прозы А. Мрыя, М. Зарэцкага і Л. Калюгі мяжы 1920–1930-х гг. («Запіскі Самсона Самасуя» (1929), «Лісты ад знаёмага» (1930), «Нядоля Заблоцкіх» (1931) – адпаведна) з мэтай больш дакладнай і тыпалагічна ўпарадкаванай характарыстыкі рамана. Адною з першых спроб разгляду дадзенага твора ў яго наратыўным аспекце можна аднесці артыкул В. Губскай «Наратыўная структура рамана М. Гарэцкага “Віленскія камунары” (1931–1932)» (2012), які сярод іншага закранае і праблему шматузроўневасці камунікатыўнай структуры аповеду. Аднак пішучы, напрыклад, пра «адчуванне ў рамане двух удзельнікаў, двух герояў, дзвюх “свядомасцей” – наратара Мышкі і пісьменніка М. Гарэцкага» [3, с. 125], аўтар, здаецца, крыху адыходзіць ад тэарэтыка-метадалагічнага інструментарыя нараталогіі.

Камунікатыўныя ўзроўні: тэарэтычны аспект. На нетыповага для папярэдняй творчасці М. Гарэцкага наратара «Віленскіх камунараў» увага літаратуразнаўцаў звярталася неаднаразова. У слушных разважаннях наконт яго выключнага значэння заўважаецца, аднак, пэўная тэрміналагічная нязладжанасць пры размежаванні ў творы камунікатыўных узроўняў. Прывядзём некаторыя з іх: «“Летапісец” Мацей Мышка – другі “аўтар” рамана» [10, с. 417]; «паміж аўтабіяграфіяй героя і хронікай гістарычных падзей у тэксце “Віленскіх камунараў” ёсць віртуозны пасрэднік, дзіўна-відушчы інтэлектуал Максім Гарэцкі» [7, с. 47]; «вобраз Мацея Мышкі – гэта і ёсць тая “істотная, нявыдуманая” маска, якая дапамагае зразумець, адкуль сам пісьменнік “бачыць і раскрывае гэта прыватнае жыццё”» [3, с. 123] і інш.

Малюнак 1 – Мадэль камунікатыўных узроўняў (паводле В. Шміда).

«Ка» – «канкрэтны аўтар», «:» – «стварае», «aa» – «абстрактны аўтар», «фн» – «фіктыўны наратар», «П1, П2» – «персанажы», «→» – «скіроўвае», «фч» – «фіктыўны чытач (наратар)», «ач» – «абстрактны чытач», «ір» – «ідэальны рэцыпіент», «ма» – «мяркуемы адрасат твора», «кч» – «канкрэтны чытач» [11, с. 41]

У сувязі з гэтым ёсць сэнс падрабязней спыніцца на тэарэтычным аспекце дадзенага пытання.

Паводле мадэлі камунікатыўных узроўняў В. Шміда, «апавядальны твор адрозніваецца <...> складанай камунікатыўнай структурай, якая складаецца з аўтарскай і наратарскай камунікацыі. Да гэтых двух канстытутыўных у апавядальным творы ўзроўняў дадаецца факультатыўны трэці, дадаецца ў тым выпадку, калі апавядаемы персанажы, у сваю чаргу, выступаюць як інстанцыі-апавядальнікі» [11, с. 41]. Пры гэтым на кожным узроўні вылучаюцца два бакі – адпраўніка і атрымальніка:

Абсалютнае атаясамліванне пазіцыі наратара і аўтара неправамернае ў любым выпадку – гэта пазіцыі адрозных узроўняў: функцыянальна за наратарам замацоўваецца «падбор апавядаемых элементаў з падзей, злучэнне гэтых элементаў адзін з адным для стварэння канкрэтнай гісторыі, іх ацэнка і абазначэнне» [11, с. 77], у той час як «выдумляюцца апавядаемых падзей і іх распавядаючага наратара – гэта справа аўтара. У гэтым плане ўсе індэксы ўказваюць на абстрактнага аўтара як на канчатковую адказную інстанцыю» [там жа]. З іншага боку, яны адначасова выяўляюць і абстрактнага аўтара, і наратара (гл. Малюнак 1: уключанасць аднаго ўзроўню ў другі), і праблема размежавання гэтых узроўняў – «герменеўтычная праблема, якая павінна вырашацца падчас аналізу тэксту».

Аповед-скажэнне (1). Статусам героя-норатара «Віленскіх камунараў» у прынцыпе закладаецца прыземленасць, спрошчанасць адлюстроўваемага: «Мацей Мышка, улічваючы яго грамадскі статус, быццам бы і не павінен прэтэндаваць ні на паўнату абмалёўкі падзей рэвалюцыйнай эпохі, ні на асаблівую глыбіню іх асэнсавання, бо ён распавядаў пра асабіста ўбачанае і пачутае» [10, с. 425]. «Бачыць свет з пункту гледжання “галоднага сабакі” – але ўжо ўзору XX стагоддзя» [7, с. 48] – пункт погляду, які, аднак, нярэдка рэалізуецца не праз зніжэнне плана адлюстроўваемага, але, здаецца, наадварот: *«І як ўсе людзі і ўсякія істоты патрошку рассыпаўся прахам – на новы плён прыроды, у новых яе формах, формах вечнага жыцця. Толькі дачушкі свае так і не пабачыў. [...] ... акуратна вытрымаўшы тэрмін, была гатова ісці рассыпацца прахам. Толькі дачушку сваю асіраціла на ўсе бакі...»*³ [2, с. 140-141]; «Пацяшаў я сябе тым, што і тут не без добра: гэтак я *скіну з сябе, нарэшце, ланцугі сямейнай прывязанасці, не буду трымацца за матку, як сысунок*» [2, с. 222]. То бок, герой-апавядальнік парадаксальным чынам не «зазямляе» апавядаемае, а, наадварот, – нібыта імкнецца яго ўзвысіць, здзяйсняючы праз *эўфемізацыю* фактычна падмену такіх сацыяльназначных паняццяў, як «смерць», «гвалт», «зняволенне» на «пераход у формы вечнага жыцця» ці «пазбаўленне ланцугоў сямейнай прывязанасці».

Устаноўка на максімальна станоўчую перспектыву ў прэзентацыі палітычна- і сацыяльназначнага ў творы нярэдка выяўляецца і непасрэдна ў ацэнках наратара: «Мушу прызнацца, што пазіцыя камфракцыі *задалася мне спярша як бы крыху нейкім гвалтам над правамі іншых партый, – настолькі яшчэ быў я тады наіўны і палітычна слабаразвіты*» [2, с. 285]. Тут усё ж такі агучаная негатыўная ацэнка «пазіцыі камфракцыі» як «гвалту над правамі іншых партый» змякчаецца і блізкая да таго, каб перайсці ў станоўчую не толькі праз актуалізацыю адрознасці часу гісторыі і нарацыі – *«настолькі яшчэ быў я тады наіўны і палітычна слабаразвіты»*, але і на аснове перагрувашчвання ўказанняў на няўпэўненасць наратара ў такой ацэнцы (*«задалася спярша як бы крыху нейкім»*).

На такім жа прынцыпе будуюцца, напрыклад, і ацэнка наратарам дзеянняў аднаго з персанажаў рамана: «Ува ўсім ім было штосьці ад *старога бывалага ваўка і ад гордага моцнага арла...* Гаварыў ён гучным голасам, у якім *толькі на самых высокіх нотах зрэдку чуваць была стрыманая рэзкасць – след перажытых моцным чалавекам вялікіх пакут...*» [2, с. 286]. Тут негатыўная рыса персанажа («рэзкасць») змякчаецца як спасылкай на яе нетыповасць («толькі на самых высокіх нотах» і «зрэдку»), так і паслядоўным дубліраваннем іншых станоўчых рыс («старога бывалага», «гордага моцнага», «моцным чалавекам вялікіх пакут»).

Такімі шляхамі (падменай паняццяў, пераацэнкай апавядаемага) наратар робіць свой уласны аповед супярэчлівым, шмат у чым падвяргаючы яго дэканструкцыі на эстэтычным узроўні. І двайная прыналежнасць аповеду як узроўню наратара, так і ўзроўню абстрактнага аўтара набывае тут, як выглядае, прынцыповае значэнне: такія супярэчлівасці на ўзроўні наратара здольныя актуалізаваць іранічны модус і крытычную скіраванасць твора на ўзроўні абстрактнага аўтара – так, прыведзеныя вышэй прыклады могуць тэматызаваць канфлікт ідэалагічнага і эстэтычнага вымярэнняў твора.

Кантэкст. Наратар у «Лістах ад знаёмага» Міхася Зарэцкага (1930) – творы, напісаным у адносна крызісны для пісьменніка перыяд свайго творчага шляху пасля выключэння з КП(б), – таксама цесна звязаны з рэпрэзентацыяй у творы ідэалагічнага дыскурсу свайго часу. Пры гэтым таксама дэманструюцца шырокія магчымасці дэканструкцыі аповеду самім наратарам, але ўжо адваротнага характару:

³ Тут і далей вылучэнне шрыфтам у цытатах з мастацкіх тэкстаў – Пахомчык Н. С.

«А таварыш адзін апавядаў мне, што ў другім месцы, здаючы жывёлу ў агульную калгасную маёмасць, мужчыны цалаваліся з коньмі, а бабы з каровамі...

Што? Мо расчуліўся? Мо сляза набягае на вока?

Так, варта заплакаць, варта заплакаць ад злосці і абурэння, што чалавек – *раб жывёлы*...

Прабачай, браце, што я мо не да рэчы ўдаўся ў разважанні, але я шчыра жадаю, каб ты ў сваёй творчасці блаславіў Вялікую Рэвалюцыю, якая вызваліць чалавека ад *апошняга рабства, ад рабства сваіх уласных рэчаў*» [5, с. 107].

Тут праз выкарыстанне ідэалагем апавядаемае набывае дадатковую негатыўную перспектыву (гэта ў прынцыпе шлях, адваротны эўфемізацыі ў Гарэцкага, – дысфемізацыя): у такім асвятленні «вясковец-гаспадар» ператвараецца ў «раба жывёлы».

У «Запісках Самсона Самасуя» А. Мрыя (творы, напісаным прыблізна за два гады да пачатку актыўнай працы Гарэцкага над «Віленскімі камунарамі», 1929) наратарам ажыццяўляецца паслядоўная і адпаведная шаблонам тагачаснага ідэалагічнага дыскурсу травестацыя апавядаемага. Так, напрыклад, нервовае ўзрушэнне бацькі падчас распрагання кабылы герой-апавядальнік каментуе наступным чынам: «Кабыла зусім не хацела разумець бацькавай крыўды і здзіўлена пазірала на слаба каардынаваныя рухі свайго гаспадара і яго *палітычна нявытрыманую тактыку*» [9, с. 32]. Аднак у Мрыя гэты прынцып становіцца канстытутыўным для ўсяго мастацкага цэлага твора: у такім рэчышчы асвятляюцца ўсе падзеі твора – у незалежнасці ад іх палітычнай рэлеватнасці, сацыяльнай значнасці і г. д. Яркі выражаны сатырычны пачатак робіць тут збыткова дадатковую пераактуалізацыю значэнняў на ўзроўні абстрактнага аўтара – як і так дастаткова выразных.

Высновы. Такім чынам, уведзены ва ўсіх трох выпадках наратар-персанаж так ці інакш спрычыняецца да ўвядзення ў мастацкі дыкурс твора ідэалагем, суправаджаемага пэўнай трансфармацыяй-скажэннем (эўфемізацыяй, дысфемізацыяй, травестацыяй) апавядаемага і дэканструкцыяй аповеду на эстэтычным узроўні. Ва ўсіх трох выпадках гэта ў той ці іншай ступені спрыяе адкрыццю крытычнага вымярэння твораў на ўзроўні абстрактнага аўтара.

Калі ў выпадку «Запісак Самсона Самасуя» А. Мрыя і «Лістоў ад знаёмага» М. Зарэцкага гэтае крытычнае вымярэнне адносна выразна выяўлена (ярка – у першым выпадку, адчувальна – у другім), то ў «Віленскіх камунарах» М. Гарэцкага яно старанна імпліфікуецца.

На мяжы камунікатыўных узроўняў (2). Пэўная гульня з мяжой паміж камунікатыўнымі ўзроўнямі наратара і абстрактнага аўтара назіраецца ў эпізодах, якія актуалізуюць уласна-мастацкае вымярэнне самога твора (з’ява, блізкая да таго, што Ж. Жэнет вызначаў як *металепсіс* – «усялякае ўмяшанне апавядальніка ці экстрадыегетычнага адрасата ў дыегетычны свет (ці дыегетычных персанажаў у метадыегетычны свет і г. д.)» [4, с. 245]). Так, апісваючы «турэмную грамату» Лукішак, Мышка звяртае ўвагу чытача: «*Калі каму яшчэ трапіцца сядзець на Лукішках, хай гэта возьме пад увагу. Толькі размаўляць трэба ціхенька, каб не пачуў наглядч [...] А ведаць яе ў нашы часы павінен кожны, як і ўсякую грамату [...] Не ведаю, хто яе выдумаў. Але трэба было б паставіць яму помнік як вялікаму чалавеку, што наўчыў усіх людзей размаўляць праз глухія мураваныя сцены*» [2, с. 294–295].

Дадзеная парада можа прачытвацца па-рознаму – у залежнасці ад узроўня камунікацыі, якія мы, абапіраючыся на прыведзеную вышэй мадэль камунікатыўных узроўняў В. Шміда (маецца на ўвазе «вертыкальнасць» у адлюстраванні ўзроўняў наратара і абстрактнага аўтара), паспрабавалі схематычна і вельмі прыблізна адлюстраваць ніжэй:

абстрактны аўтар	тэматызацыя вымушанасці («каб не пачуў наглядч») імпліфікаваць («размаўляць [...] ціхенька»; «размаўляць праз глухія мураваныя сцены») крытычнае вымярэнне твора
фіктыўны наратар	выкладанне патэнцыяльна карыснай для чытача інфармацыі

Скарачэнне дыстанцыі паміж узроўнямі наратара і абстрактнага аўтара, суправаджаемае актуалізацыяй уласна-мастацкага вымярэння твора, набліжае тут «Віленскіх камунараў» па гучанні да асобных, у прынцыпе не характэрных для ранняга Калюгі (калі ён яшчэ не сутыкаўся з папярэдняй цензурай) месцаў з яго «Нядолі Заблоцкіх»:

«Выбачайце мне, таварыш чытач! Ну што я зраблю?! Ну чым я тут напраўлю?! Зямлі ж у заколадку не зложыш, каб гразкія, мокрыя мясціны схаваць, каб толькі пасуху хадзіць. Не памыкайцеся пра меліярацыю распачынаць гаворку! Я гэта ведаю. Але вы, мусіць, забыліся, як далёка адышліся мы. Забыліся, што яшчэ перад вайною ходзім мы па гэтых заручычах. Дзе тады, скажыце, тая меліярацыя была?! А ведаеце, праз каго псуецца ваш хром? Хто тут вінен, калі самакрытычна да гэтага пытання шчыльна – лоб у лоб, як цеслі кажучь – падысці? *Мае героі. Цераз лад яны ўпартыя ўдаліся. Не навядзеш іх на навозах, дзе лепшая, сушэйшая дарога, калі яны ведаюць, што тудою далей, кружней*» [6, с. 246]. Тут па сутнасці закранаецца тагачасны літаратурны канон, неадпаведнасць якому «непаслухмяных» герояў нібыта не датычыць наратара. «Упартасць» герояў, што выкарыстоўваецца тут як абгрунтаванне немагчымасці іх ідэалізацыі, адначасова тэматызуе і непадкантрольнасць выбару таго, пра якіх герояў распавядаць.

Высновы. Гульня на невыразнасці мяжы паміж камунікатыўнымі ўзроўнямі як у «Віленскіх камунарах» Гарэцкага, так і ў «Нядолі Заблоцкіх» Калюгі, дазваляе выяўляць асобныя палемічныя ў адносінах да тагачаснага ідэалагічнага дыскурсу моманты (асцярожна – у першым выпадку, больш выразна – у другім) і адначасова заставацца ў яго рамках (што шмат у чым забяспечвала для пісьменнікаў «алібі» перад ідэалагічна заангажаванай крытыкай).

Заклучэнне. У наратыўнай арганізацыі рамана-хронікі «Віленскія камунары» М. Гарэцкага выключную ролю набываюць суадносіны паміж яго камунікатыўнымі ўзроўнямі, якія становяцца крыніцай варыятыўнасці інтэрпрэтацый твора: асобныя паказнікі ўзроўню наратара (напрыклад, выкарыстанне наратарам ідэалагем як крыніцы для трансфармацыі апавядаемага і дэканструкцыі такога аповеду на эстэтычным узроўні) скіроўваюць да іх пераактуалізацыі на ўзроўні абстрактнага аўтара як паказнікаў крытычнага вымярэння твора; гэтаму ж спрыяе і размытасць мяжы паміж камунікатыўнымі ўзроўнямі там, дзе аповед блізкі да праблематызацыі свайго ўласна-мастацкага вымярэння.

Параўнанне з іншымі праявістымі творамі беларускай літаратуры мяжы 1920–1930-х гг. («Запіскі Самсона Самасуя» (1929) А. Мрыя, «Лісты ад знаёмага» (1930) М. Зарэцкага, «Нядоля Заблоцкіх» (1931) Л. Калюгі) сведчыць пра тое, што такая рэлевантнасць у наратыўнай арганізацыі твораў суадносінах іх камунікатыўных узроўняў шмат у чым набывала рысы тыпалагічнай.

Літаратура

1. Гарэцкі, М. Выбраныя творы / М. Гарэцкі. – Мінск : Кнігазбор, 2009. – 637 с.
2. Гарэцкі, М. Збор твораў : у 4 т. / М. Гарэцкі. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1985. – Т. 3: На імперыялістычнай вайне; Віленскія камунары. – 397 с.
3. Губская, В. Наратыўная структура рамана М. Гарэцкага «Віленскія камунары» (1931–1932) / В. Губская // Жыццём і словам прысягаючы... : да 90-годдзя заслужанага работніка адукацыі Рэспублікі Беларусь, д-ра філал. навук, праф. Міхася Яўгенавіча Цікоцкага: зб. навук. прац / пад агул. рэд. д-ра філал. навук праф. В.І. Іўчанкава. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2012. – С. 121–125.
3. Женетт, Ж. Фигуры: Работы по поэтике: в 2 т. / Ж. Женетт. – М : Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 469 с.
4. Зарэцкі, М. Збор твораў: у 4 т. / М. Зарэцкі. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1992. – Т. 4. – 414 с.
5. Калюга, Л. Творы: Раман, аповесці, апавяданні, лісты / Л. Калюга. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1992. – 607 с.
6. Корань, Л. Цукровы пеўнік: Літаратурна-крытычныя артыкулы / Л. Корань. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1996. – 286 с.
7. Ліс, А. Максім Гарэцкі: успаміны, артыкулы, дакументы / склад.: А. Ліс, І. Саламевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1984. – 365 с.
8. Мрый, А. Творы: Раман, апавяданні, нататкі / А. Мрый. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1993. – 317 с.
9. Мушыньскі, М. Падзвіжнік з Малой Багацькаўкі: жыццёвы і творчы шлях Максіма Гарэцкага / М. Мушыньскі. – Мінск: Беларуская навука, 2008. – 510 с.
10. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М: Языки славянской культуры, 2008. – 312 с.

УДК: 811.111`06:821.111`04+`06::510.3-04/-049:573

Голограмма как эффект контрапунктной организации системы словесных образов баллады

Т.Н. СУВОРОВА

Обсуждается возможность применения методов точных наук в лингвистических исследованиях, в частности, на материале поэтических произведений. Целью является доказательство эффективности использования интегративного подхода к анализу текста на вербальном и ментальном уровнях. Автор привлекает внимание к потенциалу лингвосинергетической методологии, которая позволяет глубже изучить художественное произведение как динамическое ментальное образование, воплощенное посредством словесных знаков.

Ключевые слова: словесный образ; система; структура; организация; голограмма; контрапункт; метод.

The new method of poetic word images investigation is studied. The chief purpose of the paper is to prove the consistency of the integral methodology while researching the verbal and the conceptual levels of a literary work. The combination of linguistic and systemic methodology enables a scientist to make a deeper observation of a literary work as a dynamic mental creation embodied in word signs.

Keywords: word image; system; structure; organization; hologram; counterpoint; method.

Современная научная тенденция определяется не столько сближением точных и филологических направлений, сколько взаимным действием, дополнением методологического инструментария одной сферы другой. Такая ситуация объясняется сменой взгляда на роль и место человека в мире, исходя из последних достижений в нейробиологии, эндофизике, нейропсихологии, сфере искусственного интеллекта. Открытия, совершенные в этих сферах в последние годы, коснулись филологических наук в целом, и лингвистики в частности. Этот факт заставляет ученых гуманитарного и филологического профиля пересмотреть концепции и теории функционирования языка, понимания речи, интерпретации творчества.

В свете последних исследований [1], [32], [34], [35] человеческий мозг является самой сложной из известных биологических структур, которая функционирует как сложная адаптивная система в пределах своей экологической ниши [2, с. 29]. Из огромного потока получаемой сенсорной информации мозг извлекает образы и ощущения, придавая форму миру, который воспринимает человек. Тот фрагмент мира, который человек в состоянии познать, реконструировать и идентифицировать Г. Фоллмер назвал 'когнитивной нишей' [2, с. 30], 'мезокосмом', то есть миром средних размерностей. Биологические работы чилийских ученых У. Матураны и Ф. Варелы [25] свидетельствуют о том, что познание является непрерывным сотворением мира через процесс самой жизни, автопоэзисом. Знания, полученные человеком в ходе своей жизни, отображают онтологический (индивидуальное развитие) и филогенетический (эволюцию вида) аспекты. Сохраняются знания в памяти, для описания структуры которой прибегают к голографической метафоре [1, с. 254].

Резонирующим ответом на сдвиг в понимании места человека в мире стала смена глобальной научной метафоры [19], отражающей основы мировоззрения общества. На смену 'мозговой метафоры' пришла метафора 'живое знание' [18], суть которой заключается в определении места языка как одного из психических проявлений мозговой деятельности наравне и во взаимодействии с мышлением, вниманием, памятью, восприятием и так далее. Интерфейсная концепция значения слова, предложенная А.А. Залевской [17], акцентирует внимание на том факте, что само слово без человека, коммуникативной ситуации не имеет никакого значения. Слово активизирует и активизирует социальные и индивидуально-личностные вербальные и невербальные опоры, поиск которых можно представить как навигацию по живому гипертексту [20].

Предложенная концепция является продолжением идей Потебни [28], Выготского [10], Шпета [38], коррелирует с биологическими теориями языка У. Матураны и Ф. Варелы [25],

концепциями телесного воплощения М. Тернера [42], Ж. Фоконье [40], И. Семино [41], распределенного знания [8], [24], распределяемого знания [37]. Фокус внимания ученых сосредоточен на человеке мыслящем и познающем, а, значит, структурирующим образ мира здесь и сейчас, опираясь не только на логико-рациональный анализ, но и эмоционально-оценочное переживание воспринимаемого и осмысляемого. На современном этапе науки идет поиск методологии, которая смогла бы удовлетворить запрос ученых на возможность описания деятельности человека, которая происходит с опорой на эмпирию, абстракцию, воображение и эмоцию [14–[17].

Выходом из сложившейся ситуации может быть синергетический подход, представленный конфедерацией математических теорий о сложных саморазвивающихся и самоорганизующихся системах, что позволяет понять и описать работу не только мозга, но и результатов мыслительной деятельности, например, поэтических творений.

С позиций современной лингвистики словесные произведения являются в силу своей знаково-материальной определенности [13] неким результатом речемыслительной деятельности, с одной стороны. С другой же, текст обладает признаками процессуальности, поскольку предполагает определенные отношения между автором как создателем текста, и реципиентом как интерпретатором системы текстовых смыслов [37, с. 127]. В таком ключе, лингвосинергетический аспект изучения словесных произведений представляется актуальным, поскольку позволяет дополнить методологический инструментарий лингвистики возможностями синергетической парадигмы. Это дает возможность приоткрыть завесу творческой ‘кухни’ и пролить свет на то, что такое эстетический объект и как возможно его существование.

Поворот научной мысли в сторону процессуального и динамического представления о тексте прослеживается в последних публикациях [3]–[5], [8]–[9], [13], [24], [30], [37]. Стратегии по изучению художественного творчества отображают переход из плоскости языковой представленности текста в плоскость ментальных репрезентаций знаний о мире, которые опираются на мышление и воображение [24]. Сам художественный текст представляется моделью сознания определенным образом преломляющей бытие, то есть художественный текст автореферентен в том смысле, что формирует идеальную действительность [36, с. 438–460]. Поскольку знание всегда контекстуально [31, с. 128], то художественный текст как особый вид знания структурируется как на ментальной, так и эмоциональной основе [3], [8], [24]. Таким образом, информация в художественном произведении характеризуется смысловой, эмоциональной и идейно-эстетической направленностями, которые в совокупности, в интегративном вхождении в общий текстовый смысл, рожают качественно новое целое, нежели сумма отдельных языковых единиц [13, с. 10–11], [37, с. 128]. Отход от модели текста как алгебраического множества в сторону модели, представленной сложной адаптивной системой, предполагает интегративную методику по изучению текста.

В поэтике существуют следующие подходы к изучению эстетических объектов: с позиций автора (изучается идиостиль), реципиента (главным является понимание содержания и смысла произведения) и самого текста (в фокусе находятся единицы текста разного уровня). В нашей работе мы исходим с позиций реципиента, так как ученый находится именно в этой роли относительно текста, а не просто метанаблюдателя.

Учитывая тот факт, что интерпретация есть часть восприятия [35, с. 140], в процессе которого выделяют три типа понимания [22, с. 229]: 1) семантизирующее (декодирования единиц текста, понимание значений слов), 2) когнитивное (освоение содержательной информации), 3) смысловое (личностно-ситуативное осмысление) – то конечной целью отношений реципиента и текста становится смысл художественного целого [37, с. 128].

С точки зрения лингвистической эстетики понятия ‘художественная целостность’ и ‘эстетическая квалификация языкового материала’, введенные Б.А. Лариным [23] в продолжение идей Л.В. Щербы о необходимости эстетики поэтического языка [39, с. 26–44] предполагают изучение поэтических форм речи и развернутых словесно-художественных структур [7, с. 9]. То есть, приоритетным становится изучение вербального оформления мысли.

В свете когнитивных исследований смысл имеет диффузный, размытый характер [30, с. 85]. Он конструируется посредством когнитивного инструментария (ментальных схем, пропозиций, фреймов и т. д.) на базе фундаментального, ориентационного, субстанционального и процедурного знания [21, с. 227]. С позиций нашего исследования смысл постигается через цепь: словоформа – значение – концепт – интегративный смысл [14, с. 418].

Системный подход к изучению смысла произведения позволяет не только объединить семиотический и когнитивный подходы, но и отобразить динамичность творения смысла в процессе интерпретации. Смысловая перспектива предполагает многослойную структуру, сложную организацию, рекуррентность процессов понимания и, как итог, работу интерпретатора с кодами различного уровня.

Поскольку в качестве объекта исследования выбраны поэтические произведения, а именно американские баллады, то следует отметить, что результатом художественного творчества является создание словесного образа, который не существует сам по себе, а встроен в семантическое пространство всего поэтического произведения и, шире, во все семантическое пространство американской поэзии, которое, в свою очередь, входит в семиотическое пространство всей мировой культуры [4, с. 10–34].

Словесный поэтический образ является сложным ментальным образованием, которое инкорпорирует три ипостаси согласно теории образа Л.И. Белеховой [3] – предконцептуальную (смысл образа, архетип, базовые знания о мире), концептуальную (содержание образа, образ-схемы, прототипные ментальные схемы) и вербальную (выражение мысли посредством языковых знаков). Именно словесные образы являются основным компонентом поэтического текста, которые, образуя сложную систему в процессе восприятия, объединяются различными связями и отношениями. Результатом такого взаимодействия словесных образов на вербальном и концептуальном уровнях есть сотворение сложного концепта-впечатления [24, с. 26–41], который является гештальтным по структуре.

Таким образом, можно сделать вывод, что при участии различных кодов текста образуется целостная картинка, что соответствует понятию контрапункта [33] как организующему принципу системы словесных образов, результатом которого является голограмма как цельный текстовый образ всего произведения.

С позиций системного подхода любая система содержит элементы, описывается при помощи понятий ‘структура’ и ‘организация’ [26, с. 583]. Словесная поэтическая система в качестве элементов использует словесные образы, структура отображает то, как устроена система, а организация – то, почему возможна такая система. При системном подходе к изучению объектов разной природы решаются задачи анализа, то есть предмета исследования, и синтеза, то есть наилучшего в определенном смысле варианта решения проблемы [6, с. 22]. Основываясь на знаниях (фундаментальном, ориентационном, субстанциональном и процедурном), задействованных при интерпретации текста, исследователь может извлечь три типа информации рече-мыслительной деятельности: содержательно-фактуальную, концептуальную и подтекстовую [11, с. 41–50]. В этой связи когнитивный процесс построения смысла протекает в взаимосвязи симуляции (активация когнитивных структур знаний об архетипических образах, мотивах и сюжетах), эмпатизации (активация стереотипных ментальных схем) и инференции (раскрытие содержания и смысла произведения) [5, с. 10–34]. Учитывая содержание системы словесных образов произведения и функции, следует применить комплексную методику к раскрытию смысла как результата взаимодействия словесных образов в рамках одного произведения. Предполагаются три этапа системного анализа: 1) декомпозиция системы словесных образов с опорой на вербальный уровень, 2) анализ с опорой на концептуальный уровень и 3) синтез, предполагающий разработку модели системы словесных образов, отражающей организацию системы.

В ходе исследования американских баллад было сделано заключение о том, что словесные поэтические образы представляют собой динамическую, сложно организованную, нелинейную, разнородную сетевую структуру, которая существует в социокультурной среде, состоит из отдельных словесных триггеров и ментальных топов, которые объединены коммуникативными связями, позволяющими генерировать эмоциональную энергию и создавать знание. Такое знание может быть представлено в качестве голограммного эффекта как следствие контрапунктной организации системы словесных образов баллады.

Перспективным видится исследование авторских текстов на предмет функционирования словесных образов, так как в такого рода произведениях можно исследовать индивидуально-творческие принципы организации системы образов, в то время как фольклорные сочинения представляют по большей части прототипные структуры знания.

Литература

1. Арбиб, М. Метафорический мозг: Пер. с англ. / под ред. и с предисл. Д.А. Поспелова. Изд. 3-е. – М. : Едиториал УРСС. – 2010. – 304 с.
2. Баксанский, О.Е. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: от познания к действию./ О.Е. Баксанский, Е.Н. Кучер. – Изд. 3-е. – М.: КРАСАНД, 2010. – 184 с.
3. Белехова, Л.І. Інтегративна модель інтепретації поетичних текстів у контексті перекладу/ Л.І. Белехова // Проблема зіставної семантики. Вип. 5 / ред. Кочерган М.П. – К. : КДЛУ, 2001. – С. 314–321.
4. Белехова, Л.І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект : дис... докт. філол. наук : 10.02.04 «Германські мови» / Л.І. Белехова. – К., 2002. – 476 с.
5. Белехова, Л.І. Прототипическое и непрототипическое прочтение поэтического текста (на материале американской поэзии) [Электронный ресурс] / Л.І. Белехова // Когниция. Коммуникация. Дискурс. 2013. – № 6. – С. 10–34. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/> . – Дата доступа : 14.06.2014.
6. Вершинина, Л.П. Системный анализ для гуманитариев: учеб. пособие / Л.П. Вершинина. – СПб. : СПбГУКИ, 2007. – 248 с.
7. Виноградов, В.В. К построению теории поэтического языка. Учение о системах речи литературных произведений / В.В. Виноградов // Поэтика: сб. статей. Временник Отдела словесных искусств. III. – Л., 1927. – С. 9.
8. Воробйова, О.П. Поетика хвиль в контексті емоційного резонансу (нарис з когнітивної емотіології) / О.П. Воробйова // Мова, культура й освіта в сучасному світі : зб. наук. праць до 90-річчя д. філол. н., проф. Романовського О.К.: відп. ред. О.А. Стишов. – К., 2008. – С. 126–135.
9. Воробйова О.П. Концептологія в Україні: здобутки, проблеми, прорахунки / О.П. Воробйова // Вісник КНЛУ. Сер. Філологія, 2011. – Т. 14. – № 2. – С. 53–63.
10. Выготский, Л.С. К вопросу о развитии научных понятий в школьном возрасте // Ж.И. Шиф Развитие научных понятий у школьников. – М., 1935. – С. 3–17.
11. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
12. Глазунова, О.И. Синергетика творчества: Опыт анализа художественного текста / О.И. Глазунова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 344 с.
13. Гончарова, Е.А. Интерпретация текста. Немецкий язык / Е.А. Гончарова, И.П. Шишкина. – М.: Высшая школа, 2005. – 365 с.
14. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. / А.А. Залевская – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
15. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику. / А.А. Залевская. – М. : РГГУ, 2007. – 560 с.
16. Залевская, А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование / А.А. Залевская. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 278 с.
17. Залевская, А.А. Значение слова и метафора «живой поликодовый гипертекст» / А.А. Залевская [Электронный ресурс]. – 2013 – Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/13717>. – Дата доступа : 14.06.2014.
18. Залевская, А.А. Принципы навигации в живом поликодовом гипертексте / А.А. Залевская [Электронный ресурс] – 2013 [а] – Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/21650>. – Дата доступа : 14.06.2014.
19. Залевская, А.А. Роль общенаучной метафоры в познании: метафоры и мифы / А.А. Залевская [Электронный ресурс] // Вчера, сегодня, завтра: историко-философское осмысление как основа научного мировоззрения – 2013 [б] – Режим доступа: <http://gisap.eu/node/23507> . – Дата доступа : 14.06.2014.
20. Залевская, А.А. Что там – за словом? / А.А. Залевская [Электронный ресурс] // Словесная культура человечества через призму веков / 2013 [в] – Режим доступа: <http://gisap.eu/node/29958> . – Дата доступа : 14.06.2014.
21. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2013. – 320 с.
22. Карасик, В.И. Языковая кристаллизация смысла / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2010. – 351 с.
23. Ларин, Б.А. Эстетика слова и язык писателя / Б.А. Ларин. – Л., 1974. – 344 с.
24. Маслова, Ж.Н. Поэтическая картина в контексте гуманитарного и филологического знания / Ж.Н. Маслова [Электронный ресурс] // Когниция. Коммуникация. Дискурс. 2013. – № 6. – С. 10 – 34. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/> . – Дата доступа : 14.06.2014.
25. Матурана, У., Варела Ф. Дерево познания / У. Матурана, Ф. Варела. – М., 2001.

26. Махлина, С.Т. Словарь по семиотике культуры / С.Т. Махлина– Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2009. – 752 с.
27. Осокин, Ю.В. Современная культурология в энциклопедических статьях. / Ю.В. Осокин. – М. : ДомКнига, 2007. – 384 с.
28. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М. : Искусство – 1976. – 612 с.
29. Раков, Д.Л. Структурный анализ и синтез новых технических систем на базе морфологического подхода / Д.Л. Раков. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 160 с.
30. Селіванова, О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: підручник / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.
31. Аршинов, В.И. Синергетическая парадигма. «Синергетика инновационной сложности» / В.И. Аршинов. – М. : Прогресс-Традиция, 2011. – С. 127–148.
32. Сороко, Э.М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем: Введение в общую теорию гармонии систем / Э.М. Сороко. – М. : книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 264 с.
33. Суворова, Т.Н. Контрапункт как организующий принцип системы словесных поэтических образов / Т.Н. Суворова [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gisap.eu/ru/node/34557>. – Дата доступа : 14.06.2014.
34. Тарасенко, В.В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания / В.В. Тарасенко. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 232 с.
35. Цыганов, В.В. Адаптивные механизмы и высокие гуманитарные технологии. Теория гуманитарных систем. / В.В. Цыганов. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2012. – 346 с.
36. Чернейко, Л.О. Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста / Л.О. Чернейко // Структура и семантика художественного текста. – М. : СпортАкадемПресс, 1999. – С. 438 – 460.
37. Чернявская, В.Е. Текст статичен или текст процессуален? / В.Е. Чернявская [Электронный ресурс] // Когнития. Коммуникация. Дискурс. – 2010. – № 1. – С. 123–131. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>. – Дата доступа : 14.06.2014.
38. Шпет, Г.Г. Внутренняя форма слова: этюды и вариации на темы Гумбольдта. / Г.Г. Шпет. – М., 2009. – 203 с.
39. Щерба, Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений: «Воспоминание «Пушкина» <1922> // Л.В. Щерба Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 26–44.
40. Fauconnier, G. Mapping in Thought and Language / G. Fauconnier . – Cambridge University Press, 1997. – 205 p.
41. Semino, E. Language and World Creation in Poems and Other Texts / E. Semino. – L.; N.Y.: Longman, 1997. – 274 p.
42. Turner, M. The Literary Mind: The Origin Of Thought and Language / M. Turner. – N.Y., Oxford : Oxford University Press. – 1998. – 187 p.

УДК 811.111'42:811.161.1'42

Сходства и различия между коммуникативно-прагматической организацией англо- и русскоязычной научной дискуссии

О.Н. ЧАЛОВА

Представлены результаты исследования, посвященного сравнению структурных и лингвопрагматических характеристик англо- и русскоязычной устной научной дискуссии. В работе сопоставляются композиционные модели, языковые и иллокутивные характеристики, а также функциональные особенности англо- и русскоязычного научного диалога. Новизна полученных результатов состоит в выявлении общих и лингвоспецифичных черт между англо- и русскоязычной научной дискуссией.

Ключевые слова: устная научная дискуссия, английский язык, русский язык, диалогическое единство, реплика, общие и лингвоспецифичные черты.

The article presents the results of the research devoted to the comparison of structural and pragmalinguistic characteristics of English and Russian scientific forum discussions. The work establishes correlations between English and Russian scientific dialogues in terms of their compositional models, language, illocutionary, and functional features. The novelty of the results obtained is predetermined by revealing common and pragmalinguistic features of the English and Russian scientific forum discussions.

Keywords: scientific forum discussion, the English language, the Russian language, dialogue units, speech turns, common and specific characteristics.

В рамках настоящей работы под научной дискуссией понимается жанр научного общения, предполагающий и простой обмен мнениями представителей научной общественности, и полемическое обсуждение учеными научной проблемы с целью ее решения и доказательства состоятельности той или иной точки зрения. По нашим наблюдениям, научная дискуссия представляет собой весьма неоднородный феномен, включающий целый ряд разновидностей, которые отличаются друг от друга по ряду параметров: по форме взаимодействия (устная, письменная или электронная дискуссия), количеству участников, степени регламентированности, предметной области (дискуссии по проблемам лингвистики, математики, астрономии, психологии и др.), результативности (неопределенные и результативные дискуссии) и т.д.

Особый исследовательский интерес представляет такая разновидность дискуссии, как устная научная дискуссия, которая является весьма привлекательным объектом анализа в силу ряда причин: необходимости оптимизации данной разновидности коммуникации, богатства ее лингвопрагматического потенциала, а также недостаточной изученности: лингвисты сосредоточивают свое внимание лишь на отдельных ее аспектах [1]–[5], в то время как цельная картина лингвопрагматической организации научной дискуссии остается на периферии лингвистических исследований.

Устная научная дискуссия (далее – УНД) как непосредственное речевое взаимодействие ученых, разворачивающееся на научном форуме (научной конференции, круглом столе и др.), протекает в реплицирующем режиме, то есть предполагает обмен репликами и взаимную активность субъектов коммуникации и, таким образом, представляет собой диалог в узком смысле слова, основными коммуникативными и строевыми единицами которого являются диалогические единства и реплики.

Наш коммуникативно-прагматический анализ 5000 диалогических единств (2500 русских и 2500 английских), отобранных путем сплошной выборки из стенограмм научных дискуссий на 37 научных форумах (по гуманитарным дисциплинам, естественным наукам и медицине), проведенных в период с 1994 по 2010 гг., позволяет сделать вывод о том, что англо- и русскоязычная УНД имеют сходную лингвопрагматическую и структурную организацию: в обоих языках основные функциональные типы и подтипы диалогических единств и реплик как главных конститутивных единиц научного диалога совпадают, равно как и их языковые и семантические особенности.

Несмотря на очевидные сходства, между англо- и русскоязычной УНД все же имеются некоторые расхождения. Выявлению основных сходств и различий между научными дискуссиями на обоих языках и посвящена настоящая статья. Значимость определения общих и лингвоспецифичных черт англо- и русскоязычного диалога мотивирована важностью расширения и углубления представлений о потенциальных трудностях международной научной коммуникации и способах их преодоления.

Обнаруженные в ходе анализа лингвоспецифичные черты англо- и русскоязычной научной дискуссии целесообразно рассматривать в рамках двух основных групп:

- структурные особенности англо- и русскоязычной УНД,
- функциональные особенности англо- и русскоязычной УНД.

Остановимся подробнее на каждой из этих групп особенностей.

Структурные особенности англо- и русскоязычной научной дискуссии

В структурном отношении изучаемый вид коммуникации представляет собой последовательность диалогических единств, при этом *диалогическое единство* (далее – ДЕ) в УНД интерпретируется как совокупность смежных реплик, связанных прагматическими («стимул–реакция») и семантическими («основной–вспомогательный») отношениями, например:

(1): *So, an epidemiologist takes as much time as you did to write it.* ('То есть у эпидемиолога это занимает ровно столько времени, сколько Вам понадобилось, чтобы написать это')

(2): *I agree with it.* ('Я согласен с этим')

(3): *But you do talk about a core competency.* ('Но вы говорите о ключевой компетенции')

(4): *I think I said the opposite.* <...> ('Мне кажется, я утверждал обратное')

Данную совокупность реплик целесообразно трактовать как цельное единство, так как все реплики в нем оказываются взаимосвязанными: между репликами 1 и 2 (*So, an epidemiologist takes as much time as you did to write it. – I agree with it*), а также 3 и 4 (*But you do talk about a core competency. – I think I said the opposite.*) устанавливаются прагматические отношения («стимул–реакция»), в то время как между репликами 1 и 3 (*So, an epidemiologist takes as much time as you did to write it. – But you do talk about a core competency.*) обнаруживается другой вид связности – семантической («основной–вспомогательный»), при которой вторая реплика является тематическим и коммуникативным продолжением первой. Таким образом, все реплики в приведенном примере оказываются взаимосвязанными, что и позволяет рассматривать их в качестве единого образования – ДЕ.

Наблюдения за функционированием ДЕ в УНД показывают, что, независимо от своей языковой принадлежности, они варьируются от простых/двухкомпонентных до весьма сложных/многокомпонентных и могут включать вплоть до шестнадцати реплик. Кроме того, в обоих языках многокомпонентные ДЕ имеют одинаковые модели организации: а) *бинарную*, при которой ДЕ состоит из нескольких пар иллокутивно согласующихся реплик (эта модель может реализовываться с помощью следующих действий: основной вопрос – ответ на основной вопрос – дополнительный вопрос – ответ на дополнительный вопрос); б) *прерывающуюся*, в которой одна пара иллокутивно согласующихся реплик «прерывает» другую (такая модель может иметь следующее наполнение: основной вопрос – встречный вопрос – ответ на встречный вопрос – ответ на основной вопрос); в) *цепочечную* – способную совмещать в себе функции речевого стимула и речевой реакции (например, вопрос – возражение – возражение – мотивировка своей позиции); г) *смешанную* – сочетающую элементы предыдущих структур, а также д) *усложненную* – обогащенную регулятивными репликами, например выражающими благодарность за ответ (данная модель зачастую получает следующее наполнение: вопрос – ответ на вопрос – благодарность за ответ).

Несмотря на явные структурные сходства, между англо- и русскоязычной научной дискуссией имеются расхождения частного характера, которые заключаются в количественной представленности того или иного типа диалогического единства. Так, в английском языке доминирующим количественным типом многокомпонентных единств является трехкомпонентное (14% от общего числа ДЕ, в то время как в русском – только 8%), а преобладающей моделью – усложненная (около 25%, а в русском же – 12%), что вызвано более частым использованием англоязычными коммуникантами дополняющих и регулятивных реплик, например:

(1): *Does the dichotomy hold up when we consider schizophrenia with deficit syndrome?* ('Является ли данная дихотомия актуальной, если речь идет о шизофрении с синдромом дефицита?')

(2): *Deficit state is an important variable. It's really so. <...>* ('Синдром дефицита является важной переменной. Это действительно так. <...>')

(3): *I see. Thank you.* ('Я понял. Спасибо')

Как видно, данное трехкомпонентное ДЕ состоит из стимулирующей, ответной и регулятивной реплик. Роль регулятива в приведенном примере заключается в сообщении о том, что ответ понят, принят к сведению, а также выражении благодарности за ответ. Отсутствие регулятивной реплики не разрушило бы данное единство, как и любое другое. Это обстоятельство позволяет приписывать регулятивам статус необязательных, факультативных компонентов ДЕ.

Более частотное использование в УНД регулятивных реплик, автором которых может быть как администратор научного форума (например, руководитель секции), так и любой участник УНД, позволяет интерпретировать англоязычный научный диалог как имеющий сравнительно более регламентированный характер, чем русскоязычный.

Что касается русскоязычной УНД, то в ней типичной структурой ДЕ является четырехкомпонентная (22%), которая может иметь бинарную или цепочечную модели организации. Доминирование четырехчастных конструкций (бинарных и цепочечных) связано, в том числе, и с более широким использованием русскоязычными коммуникантами негативнооценочных реплик (реплик-несогласий, возражений), выражающих критику позиции оппонента, что позволяет говорить о большей степени проявления полемичности русскоязычного научного диалога, например:

(1): *Ты же начал интерпретировать то, что я предлагаю, в другой логике.*

(2): *Я сказал две разные вещи.*

(3): *На мой взгляд, между первым и вторым нет большой разницы.*

(4): *Огромная разница.*

(5): *Здравствуйте!*

(6): *Для меня нет. Для меня изначально целевая установка.*

В данном случае ДЕ имеет цепочечную модель, в которой каждая последующая реплика представляет собой несогласие (возражение) с предыдущей. Как видно, реплики в цепочечном ДЕ находятся в такой структурной и смысловой связи, при которой предшествующая реплика выступает как обуславливающая, а каждая из последующих, с одной стороны, обуславливается предыдущей, а с другой, – обуславливает следующую за ней.

Следует обратить внимание на то, что под яркой выраженностью полемических свойств русскоязычной дискуссии понимается лишь более частотное использование критики русскоязычными коммуникантами, а не активное употребление прямых, эксплицитных способов несогласия. Наоборот, участники русскоязычной УНД, равно как и англоязычной, при общей тенденции к выражению критики стремятся деинтенсифицировать негативную оценку позиции оппонента за счет приемов маскировки несогласия, смягчения критики (например, за счет инициальной похвалы) и т.д.

Функциональные особенности англо- и русскоязычной УНД

Реплики, конституирующие диалогические единства в УНД, подразделяются на четыре основных типа: *иницирующие*, *ответные*, *промежуточные* (встречные вопросы и критические замечания) и *факультативные* (регулятивные реплики – этикетные и метакоммуникативные, призванные организовывать формальный ход УНД). Если иницирующие и ответные реплики являются обязательным компонентом любого ДЕ, то промежуточные, дополняющие и регулятивные реплики входят в состав исключительно многочастных единств. В следующем примере представлены все четыре типа реплик.

(1): *<...> Is it the nuclear transfer that generates the doubt about whether we actually have an organism or is the position indifferent as to whether the means is nuclear transfer or gamete union?* ('Заставляет ли наличие ядерной транспозиции сомневаться в том, что это – живой организм, или же не существует никакой разницы в том, что является средством его образования – ядерная транспозиция или слияние гамет?')

(2): *So for any normal gamete union we don't know if we have an organism?* ('То есть в случае обычного слияния гамет у нас нет уверенности в том, что мы имеем дело с организмом?')

(3): *That's what I'm wondering.* ('Да, именно это меня интересует')

(4): *There's a certain probability that we have an organism, and we don't actually have as good numbers as we would like about what percentage of fertilized eggs <...>.* ('Существует определенная степень вероятности, что мы имеем дело с живым организмом, однако мы не располагаем достаточными данными о количестве оплодотворенных яйцеклеток')

(5): *Yeah, but my only question, just for clarification is ...* ('Да, но мой вопрос, просто чтобы уточнить ...')

(6): *Well, you called a blastocyst an organism, which I would never do.* ('Понимаете, Вы назвали бластоцист организмом, что я бы никогда ни сделал')

(7): *Whether it's gamete union or nuclear transfer.* ('Независимо от того, слияние это гамет или ядерная транспозиция.')

(8): *Right.* ('Именно')

Приведенное ДЕ следует трактовать следующим образом:

(1): *основной вопрос* (инициирующая реплика=стимулирующая)

(2): *встречный вопрос* (промежуточная реплика=стимулирующе-реактивная)

(3): *ответ на встречный вопрос* (ответная реплика)

(4): *ответ на основной вопрос* (ответная реплика)

(5): *уточняющий вопрос* (промежуточная реплика=стимулирующе-реактивная)

(6): *критика вопроса* (промежуточная реплика=стимулирующе-реактивная)

(7): *уточняющий вопрос* (промежуточная реплика=стимулирующе-реактивная)

(8): *подтверждающий ответ* (ответная реплика).

Как в англо-, так и русскоязычной научной дискуссии основными прагматическими характеристиками *инициирующих и промежуточных реплик* являются, во-первых, обязательное наличие интеррогативной и/или негативнооценочной иллокуции (это обусловлено тем, что вопрос и критика являются основным средством вовлечения коммуникантов в научный диалог и служат «питательной средой» для активизации и развития научного общения) и, во-вторых, способность сочетать несколько иллокуций. Основными комбинациями иллокуций в иницирующих и промежуточных репликах являются следующие: а) интеррогативная и репрезентативная: 7% в русском языке от общего числа стимулов и 8% в английском языке (*We think that the current classification is not perfect, Don't you think so?* 'Мы считаем, что принятая классификация несовершенна. Вы так не считаете?'); б) негативнооценочная и репрезентативная: 12% и 7% (*Небольшое уточнение к вашей реплике. На мой взгляд, нельзя отождествлять результативность и эффективность воспитательной деятельности*); в) позитивно- и негативнооценочная: 8% и 15% (*Это важно, но вторично*); г) интеррогативная и негативнооценочная: 7% и 2% (Вызывает **сомнение** такая процедура. **Зачем** нужна оценка в процессе понимания?); д) интеррогативная и директивная: 4% и 1% (*Clarify what you mean* 'Поясните, что Вы имеете в виду' = *What do you mean?* 'Что Вы имеете в виду?'); е) сочетания трех и более иллокуций (38% и 48%).

Отличие между англо- и русскоязычными УНД в отношении употребления иницирующих и промежуточных реплик состоит в том, что русскоязычные реплики несколько чаще, чем англоязычные, содержат негативнооценочную иллокуцию (38% vs. 29%). Кроме того, русско- и англоязычные коммуниканты прибегают к разным способам деинтенсификации критики. Так, русскоязычные участники научного общения при выражении негативной оценки склонны как маскировать критику, то есть использовать косвенные средства выражения негативной оценки (в частности, выражать критику под видом непонимания), так и смягчать ее за счет положительной оценки отдельных сторон позиции собеседника (*Я согласен с первой частью. Что касается второй, то такая позиция мне совершенно непонятна*). Что касается англоязычных коммуникантов, то они предпочитают деинтенсифицировать негативную оценку за счет инициального одобрения, похвалы, благодарности за интересное, важное, своевременное и под. сообщение, что обогащает англоязычную научную дискуссию позитивнооценочной лексикой (как правило, прилагательными, выражающими психологическую,

утилитарную, телеологическую и другие виды оценок): *I think that's an interesting point of view <...>, but <...> it's not working.* ('Я думаю, это интересная позиция, но она не работает').

Что касается *ответных реплик*, то в обоих языках они представлены аналогичными разновидностями: позитивными/кооперативными ответами – максимально удовлетворяющими информационные потребности адресата, и негативными/ некооперативными – не соответствующими объему или характеру запрашиваемых адресатом сведений (неполные, неточные и мотивированные отказы отвечать). Основное различие между *ответными репликами* в англо- и русскоязычной УНД заключается в том, что участники англоязычных дискуссий, как правило, сопровождают свои ответные высказывания метакоммуникативными речевыми действиями, выражающими благодарность за интересный, своевременный, актуальный и под. вопрос (*Thank you for your interesting question!*), то есть положительное отношение к реплике партнера, что является еще одним фактором, обуславливающим, во-первых, активное функционирование позитивнооценочной лексики, а во-вторых, наличие позитивнооценочной иллокуции в коммуникативно-прагматической структуре англоязычной УНД.

Касательно *факультативных (регулятивных)* реплик нельзя не отметить следующее. Независимо от языковой принадлежности, данный тип речевых действий имеет невысокую частотность и составляет всего 20% в английском и 7% в русском языке. Как видно, факультативные реплики более широко представлены в англоязычной УНД, что позволяет, как уже отмечалось, приписывать последней сравнительно большую степень регламентированности, чем русскоязычной.

Таким образом, основные различия между англо- и русскоязычным научным диалогом, составляющие их специфику, состоят в степени проявления полемичности и регламентированности: если русскоязычной научной дискуссии присуща относительно более высокая степень полемических свойств, что выражается в регулярном использовании коммуникантами негативнооценочных речевых актов, то англоязычная дискуссия отличается сравнительно более высокой степенью регламентированности, что проявляется в активном употреблении регулятивных реплик.

Литература

1. Иванов, Л.Ю. Семантико-прагматические характеристики текста научной дискуссии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л.Ю. Иванов. – М., 1992. – 292 л.
2. Маслова, Л.Н. Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации : гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л.Н. Маслова. – М., 2007. – 192 л.
3. Михайлова, Е.В. Интертекстуальность в научном дискурсе : на материале статей : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.В. Михайлова. – Волгоград, 1999. – 205 л.
4. Соловьева, Н.В. Толерантность в научной дискуссии : лингвостилистический аспект : на материале текстов научных дискуссий 1950–2000 гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.В. Соловьева. – Пермь, 2007. – 244 л.
5. Троянская, Е.С. Культура научной дискуссии в социально-психологическом и лингвистическом аспектах / Е.С. Троянская // Типология текста в функционально-стилистическом аспекте : межвуз. сб. науч. тр. / Перм. ун-т ; под ред. О.И. Богуславской. – Пермь, 1990. – С. 15–26.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

Трансформация государственного института под влиянием процессов глобализации и регионализации

С.В. АДАМОВИЧ

Рассматривается проблема трансформации государственного института под влиянием процессов глобализации и регионализации. На основе социально-философского анализа экономических, политических, социальных и культурных проблем современности определен потенциал и специфические задачи института государства в их решении. Анализируются состояние и перспективы развития государственного института в условиях многоуровневой трансформации мирового сообщества. Прослеживается трансформация возможностей современного государства стать организующим началом в формировании качественно новой социальной картины мира. Особое внимание уделено процессам формирования региональных центров экономического, политического и культурно-цивилизационного характера.

Ключевые слова: государство, глобализация, регионализация, трансформация суверенитета, международные отношения, цивилизация, интеграция, унификация.

The problem of transformation of public institute under the influence of globalization and regionalization is analyzed. The potential and specific tasks of the Institute of the State in their decision are defined through the prism of social-philosophical analysis of the economic, political, social and cultural problems of our time. The status and prospects of development of the institution of the state in a multi-level transformation of the global community are examined. The transformation potential of the modern state to become the main organizing principle in the formation of a qualitatively new social world view is traced. Special attention is given to the formation of regional centers of economic, political, cultural and civilization character.

Keywords: government, globalization, regionalization, transformation of sovereignty, international relations, civilization, integration and unification.

Геополитические сдвиги в мировом обществе и социально-политическая обстановка последних десятилетий XX – начала XXI вв. привносят существенные изменения в основы мироустройства. По мнению многих исследователей, происходит своеобразная смена эпох, цивилизационный слом или гигантская бифуркация, характеризующаяся нарастанием новых и весьма опасных процессов, выражающихся в антропологических, социально-политических, финансово-экономических, экологических, демографических, этических, религиозных и других кризисах. Современные глобальные трансформации затрагивают базовые структуры и ценности современной цивилизации, что в свою очередь активизирует научные поиски моделей нового жизнеустройства, механизмов и институтов, которые будут способны противостоять негативным проявлениям со стороны глобальной геополитической либерализации.

В этой ситуации резко обостряются дискуссии о причинах кризисного состояния общества и о возможных путях преодоления данных негативных тенденций. Все чаще большое место в данных дискуссиях отводится вопросам государственности. Обсуждаются вопросы природы, преемственности конкретно-исторических форм государства, эффективность регионального и империоподобного устройства государств в прошлом и настоящем. Это связано в первую очередь с тем, что сам ход исторических событий, показывает, что глобализация в либерально-западном варианте приводит к кризису национальной государственности.

Таким образом, под влиянием современных геополитических процессов произошла существенная модификация представлений о природе, назначении и незыблемости традиционных институтов общества. В этой связи, и перед нашим регионом появилась острая необходимость выработки адекватной и современной парадигмы социально-политического развития социума, которая могла бы соответствовать национально-историческим особенностям восточного славянства и согласовываться с реалиями стремительно изменяющейся мировой

геополитической ситуации. Именно социально-философский анализ потенциальных возможностей современного государства стать главным организующим началом в формировании качественно новой социальной картины мира, дает возможность прогнозирования вариантов современного общественного развития. Данный анализ позволяет также выявить комплекс проблем, порождаемых происходящими процессами ограничения национальных суверенитетов и возможные пути их решения.

По мнению многих ученых и аналитиков, в современном мире отчетливо просматривается тенденция стремления субъектов глобализации к типизации и стандартизации мирового сообщества путем слома либо ограничения основных суверенных признаков государств посредством унификации политических и правовых ценностей. В результате универсализации западноевропейских и американских ценностей и интересов, в форме правовой легитимации либеральной идеологии, нарастает опасность «размывания», «исчезновения» суверенитета государства. Наряду с этим, увеличение количества негосударственных участников международных отношений в лице национальных и транснациональных экономических структур, неправительственных организаций, общественных объединений, в период современной стадии интернационализации общественной и хозяйственной жизни в форме глобализации, выделяется современными исследователями, как особая угроза для государственного института. Их разновекторные действия на международной арене нередко противоречат государственной политике тех или иных стран. Особый акцент делается на транснациональных корпорациях, потому как они, в первую очередь, реализуя корпоративные интересы, отодвигают международные, региональные и национальные интересы на второй план или вовсе игнорируют. Современная динамика экономических процессов не оставляет сомнения в том, что роль ТНК выросла именно в период современной стадии интернационализации хозяйственной жизни в форме глобализации. Так, еще в 1970 г. было зарегистрировано примерно 7 тыс. ТНК, имевших 27 тыс. филиалов. Вместе с тем, в период с 1980 по 2000 гг. число ТНК возросло с 10 тыс. до более чем 63 тыс. [1].

Особую актуальность эта угроза приобретает в сегодняшней ситуации умело внушенных иллюзий об отмирании роли государства в экономике руководителям многих незападных стран, идущих в результате на уменьшения влияния государственного аппарата на своей территории. В результате закономерно увеличивается влияние государственных структур стран Запада, поскольку мир не терпит вакуума власти. Посредством тысяч советников, международных структур, наподобие МВФ, ВТО и ВБ, базирующихся в странах Запада ТНК, они стремятся нарастить возможности политического и экономического влияния на ситуацию в мире. Единственным противовесом центру остаются страны, никогда не поддававшиеся полностью идеологическому обаянию доктрин неолиберализма, наподобие Китая, Индии, Вьетнама, и страны, сбрасывающие путы неолиберализма из-за экономических проблем, которые он им принес – наподобие России и Венесуэлы. Опыт Китая свидетельствует о возможности манипулирования даже таким важным средством западного глобализационного проекта, как международные экономические организации [2, с. 68]. Таким образом, только обдуманное и добровольное делегирование некоторой части суверенитета в различные международные и региональные интеграционные объединения может соответствовать национальным интересам и способствовать защите. При этом институт государства остается основным, хоть и не единственным элементом развития мировой политики.

Национальное государство должно искать пути для сохранения и укрепления основных атрибутов своей власти. Очевидно, что во многих случаях при решении значительного числа жизненно важных вопросов национальная власть остается незаменимой и ее дефицит, тем более капитуляция перед натиском власти глобальной, несет в себе реальную угрозу наступления деструктивных и регрессивных по своей сути и характеру последствий.

Существует великое множество процессов и проблем, которые гораздо эффективнее регулируются и решаются на национальном, региональном, местном, а отнюдь не мировом уровне [3, с. 45]. В условиях господствующей в мировом хозяйстве рыночной, капиталистической экономики именно институт государства должен оставаться доминирующим субъектом хозяйствования и на сегодняшний день является наиболее эффективным стабилизатором

экономического развития и социального благополучия. Основным направлением при стремлении минимизировать негативные проявления со стороны глобальной геополитической либерализации, должна выступать реализация ведущих задач государства:

- конструктивное ограждение от влияния многочисленных политических и экономических надгосударственных образований и ТНК (поддержка государством бизнеса в его внешней экспансии с одновременно жестким регулированием в интересах населения внутри страны (например антимонопольное законодательство));

- осуществление процесса накопления и инвестиций в национальное производство и установление ориентиров и приоритетов деятельности предпринимательских и других структур;

- поддержка целостность и безопасность общества, установление ограничительных мер для общественно опасной деятельности;

- формирование единого социального пространства, обеспечение национального единства, т.е. сотрудничества и действий в общем направлении различных общественных сил (классовых, национальных, интеллектуальных);

- инвестиции в фундаментальную науку и человеческий потенциал.

Таким образом, не существует объективной необходимости в ослаблении силы воздействия государственного аппарата на внутригосударственные процессы. Напротив, такое воздействие должно стать более гибким, умелым, продуманным, проводя в жизнь использование возможностей глобализации под контролем высококомпетентных экспертов [2, с. 68].

В целом, говоря о влиянии различных международных органов и самой глобализации на суверенитет государства, нельзя не согласиться с С. Кизимой, в том, что негативный эффект для института государства имеет не глобализация, а глобализм, если руководство и элиты национальных государств оказываются восприимчивы к его идеологии и компрадорские круги приобретают значимое влияние на политические процессы в обществе [2, с. 5].

Наиболее актуальным вариантом противодействия негативным тенденциям, вызванным глобализацией, становится существенный рост регионализации – попытки путем региональной экономико-политической изоляции (которую обычно пытаются представить в виде «региональной интеграции») защититься от нестабильности мирового рынка, от всеподавляющего влияния мировых финансовых центров, ТНК и поддержать конкурентоспособность национальных экономик, а также распространение сепаратизма и усиление военно-политической активности во всем мире [4, с.88]. Глобализация, «сжимая» мир, тем самым способствует и его «расколу».

На фоне данного «раскола» формируются региональные центры экономического, политического и культурно-цивилизационного характера, внутри которых можно наблюдать некоторую трансформацию государственного суверенитета, что в свою очередь не означает его полную передачу либо утрату. Прослеживается тенденция, характеризующая преимущественно «размыванием» государственных рамок на региональном, а не на глобальном уровне. Регионализация становится доминирующим фактором мирового развития. Дело в том, что в современных условиях, прежде всего из-за ограниченности ресурсов ужесточается конкуренция по всем направлениям и азимутам. В ситуации ужесточения глобальной конкуренции на мировых рынках подавляющее большинство государств нашей планеты могут сохранить суверенитет и политическую субъективность только в союзе с другими государствами созданием коалиции государств, позволяющей успешно противостоять давлению глобальных монополий и прочим глобальным опасностям и кризисам, которые породила глобализация [5 с. 425]. Регионализацию, таким образом, можно рассматривать как реакцию стран на вызовы глобализации, как способ ограничить ее негативное влияние на национальные экономики посредством установления внутрирегиональных преференций, внешних барьеров и коллективного протекционизма [6, с. 150].

Таким образом, сегодня действуют две противоречивые тенденции. Первая – это реальный процесс общемирового усиления роли интегративных, в том числе наднациональных (отметим опыт ЕС) структур, повсеместно крепнущее чувство необходимости повышения эффективности межгосударственных организаций в условиях, когда международное сообщество находится в процессе выработки адекватных ответов на вызовы и угрозы современности.

Вторая – сохранение и порой углубление фрагментации мира (национальной, этнической, культурно-цивилизационной, социально-экономической и т.д.). Эта тенденция во многом усиливается благодаря «давлению» глобализации [7 с, 7].

Обобщая вышеизложенное, нельзя не согласиться с взаимообусловленным характером и всевозрастающим масштабом влияния процессов как глобализации, так и регионализации на государственный институт и его суверенность. Очевидно, что трансформация суверенитета, его внутренней сущности и его носителя – государства, неизбежна. По какому сценарию она будет проходить в современной специальной литературе, нет однозначного решения. Ученые и эксперты высказывают различные предположения по поводу того, кто станет наследником национально-государственного суверенитета либо его части. Ряд исследователей полагает, что это будет мировое правительство, другие – локальные цивилизации, третьи – региональные центры («государства-регионы»), либо империи.

Судя по всему, в современную эпоху, где сплетаются процессы глобализации и регионализации вопрос о суверенитете государства и его конкретно-исторических формах, не имеет однозначного решения в научных кругах. Нет единства во взглядах на его судьбу, как нет и однозначных путей решения данного вопроса.

Нужно помнить, что только обращение к собственной культурно-исторической идентичности позволяет выработать продуктивные векторы развития. Так в отечественной науке, в противовес, западной институциональной модели государственности, с набором ее традиционных признаков (рыночная экономика, приоритет индивидуальных ценностей над коллективными, материальными над духовными и т.п.) принято выделять этическую (восточную) модель. В ее основе, как правило, лежит централизованное государство, сильная власть и распределительный (раздаточный) тип экономики. Систему духовно-нравственных ценностей составляют приоритет общего блага, над личным, духовного над материальным, справедливости над формальным законом и т.п.

Таким образом, наиболее оптимальным «ответом» на «вызов» американско-западной модели глобализации, со стороны современного государства станет тот, который будет опираться на собственную институциональную модель государственности, культурно-исторические опыт и традиции. Для восточнославянских народов таким «ответом» видится формирование цивилизационного центра развития и силы центра на собственной культурно-цивилизационной основе. Но эти цели будут малореализуемы без выработки и продвижения адекватного социально-философского и научного-общественного знания о традициях нашего региона, его истории и современности.

Литература

1. Гришин, А. Изменение роли государства в условиях глобализации [Электронный ресурс] / А. Гришин // Семинар. – 2012. – Режим доступа : URL: <http://shh.neolain.lv/seminar14/glob.rol.htm>. – Дата доступа : 12.04.2012.
2. Кизима, С.А. Вызовы западного глобализационного проекта и национальное государство / С.А. Кизима. – Минск : Акад. Упр. При Президенте Респ. Беларусь, 2008. – 267 с.
3. Керимов, А.Д. Сильное государство / А.Д. Керимов. – М. : NOTA BENE, 2009. – 47 с.
4. Петров, А.В. Глобализация и социальные основы экономического суверенитета России / А.В. Петров // Общество. Среда. Развитие. – 2009. – № 1. – С. 81–99.
5. Кирвель, Ч.С. Социальная философия: учеб. пособие / Ч.С. Кирвель, О.А. Романов. – Минск : Выш.шк., 2011. – 495 с.
6. Кирвель, Ч.С. Регионализация мира и восточное славянство / Ч.С. Кирвель // Наш современник. – 2010. – № 12. – С. 148–167.
7. Ильин, М.В. Суверенитет. Трансформация понятий и практик / М.В. Ильин, И.В. Кудряшова. – М : МГИМО-Университет, 2008. – 225 с.

УДК 2:316.72(476)

Рэлігійны аспект міжкультурнага становішча Беларусі

В.А. АДЗІНОЧАНКА

Аналізуецца ўплыў рэлігіі на міжкультурнае становішча Беларусі. Традыцыйна яно тлумачыцца праз дыхатамію «Усход-Заход». Доўгі час тэрыторыя Беларусі знаходзілася на перакрываванні інтарэсаў дзвюх краін: праваслаўнай Расіі і каталіцкай Польшчы. У артыкуле міжкультурнае становішча Беларусі аналізуецца праз прызму сучасных тэндэнцый ў свеце: секулярызацыі і глабалізацыі, а таксама з ўлікам працэсу фарміравання незалежнай беларускай дзяржавы.

Ключавыя словы: рэлігія, міжкультурнае становішча, глабалізацыя, секулярызацыя, міжканфесійны дыялог.

The influence of religion on intercultural situation in Belarus is examined. Traditionally, it is explained through the dichotomy between "East-West". For a long time, the Belarusian territory was at the intersection of interests between the two countries: Russian Orthodox and Catholic Poland. Intercultural situation in Belarus is analyzed through the prism of modern trends in the world: secularization and globalization, as well as the process of formation of the independent Belarusian state.

Keywords: religion, intercultural situation, globalization, secularization, interfaith dialogue.

Міжкультурнае становішча Беларусі мы будзем разглядаць як праблему, якая патрабуе асэнсавання. Пасля распаду Савецкага Саюзу на яго месцы ўтварыўся шэраг незалежных дзяржаў, кожная з якіх стала равівацца сваім ўласным шляхам. Накірункі развіцця шмат у чым былі вызначаны існуючымі культурнымі традыцыямі.

У гэтай сувязі трэба звярнуць увагу на радыкальную змену пункта погляду пры тлумачэнні становішча той ці іншай краіны. У Савецкім Саюзе ён быў ідэалагізаваны: існавалі сацыялістычныя, капіталістычныя і развіваючыся краіны. Беларусь належала да першых і ўваходзіла ў сям'ю сацыялістычных рэспублік. Што тычыцца спецыфікі нацыянальнай культуры той ці іншай рэспублікі, то ёй не надавалася вызначальнай ролі, лічылася, што ў Савецкім Саюзе паступова фарміруецца адзіная культура «нацыянальная па форме і сацыялістычная па зместу».

Сітуацыя кардынальна памянялася пасля ўтварэння незалежнай Беларусі. Мы апынуліся на мяжы паміж Расіяй і Польшчай, а потым Еўрасаюзам. Спачатку меркавалася, што былыя савецкія краіны пойдучь па «агульнацывілізацыйнаму» шляху развіцця і паступова ўвайдуць у Еўропу. Але потым ў кожнай з іх пачала ўзмацняцца яе культурная спецыфіка. Таму паступова розніца паміж нашай усходняй суседкай Расіяй і краінамі Еўразвязу ў палітычным, эканамічным і культурным сэнсе стала адчувацца таксама і ў Беларусі. Як паказалі апошнія падзеі, гэтая розніца будзе павялічвацца па меры фарміравання культурнай спецыфікі Расіі. Таму актуалізавалася пытанне аб міжкультурным становішчы Беларусі.

Для кожнай з постсавецкіх краін вельмі востра стаіць пытанне аб іх культурнай самаідэнтыфікацыі. Звычайна яна складаецца з двух элементаў: па-першае, супастаўлення сябе з бліжэйшымі суседзямі з мэтай пошуку адрознення ад іх (негатыўная самаідэнтыфікацыя), і па-другое, выяўлення сваіх спецыфічных рысаў (пазітыўная самаідэнтыфікацыя). Як правіла, спецыфіку Беларусі вызначаюць праз суаднясення яе з Расіяй і Польшчай, а не з Украінай і краінамі Прыбалтыкі. Таму міжкультурнае становішча Беларусі разумеецца як палажэнне паміж Усходам і Захадам.

Адзначым, што такая трактоўка памежнага становішча Беларусі з'яўляецца традыцыйнай. Менавіта з яе зыходзілі дзеячы беларускага нацыянальнага адраджэння пачатку ХХ ст. Паказальнай у гэтым сэнсе з'яўляецца надрукаваная ў 1921 г. ў Вільні праца Ігната Абдзіраловіча «Адвечным шляхам». У ёй адзначалася, што «Беларусь ад Х веку і да гэтай пары фактычна з'яўляецца полем змагання двух кірункаў эўрапейскай... культуры – заходняга і ўсходняга. Гranіца абодвух уплываў, падзяляючы славянства на два станы, праходзіць праз Беларусь, Украіну і хаваецца ў балканскіх краях» [1, с. 44]. Характэрнай з'яўляецца выснова,

якую Абдзіраловіч робіць з палажэння аб міжкультурным становішчы Беларусі: «Дзесяцёхвяковае ваганьне сьведчыць аб тым, што беларусы <...> не маглі шчыра прылучыцца ні да аднаго, ні да другога кірунку. Мы не зрабіліся народам Усходу, але не прынялі і культуры Заходняй Эўропы. За ўвесь час нас пачалі зваць цёмным, дзікім народам» [1, с. 44].

Такім чынам, Беларусь вызначаецца праз нявызначанасць. Гэтая тэза характэрна і для сучасных даследчыкаў, якія пішуць пра культурную спецыфіку Беларусі ў тэрмінах адмаўлення: «ні Расія, ні Еўропа».

Звернем увагу на тую акалічнасць, што традыцыйна міжкультурнае становішча Беларусі апісвалася праз схему супрацьстаяння праваслаўя і каталіцтва. Тэрыторыя краіны знаходзілася на перакрываванні інтарэсаў дзвюх дзяржаў: праваслаўнай Расіі і каталіцкай Польшчы, якія імкнуліся выкарыстаць рэлігію ў сваіх палітычных мэтах. Таму раней, як правіла, прыняцце беларусамі праваслаўя схіляла іх у бок Расіі, а каталіцтва – у бок Польшчы. Пра гэта ў пачатку XX ст. пісаў Янка Купала: «Апрача палітычнай і эканамічнай залежнасці, была і другая прычына, што асляпіла светапогляд беларуса, – гэта рэлігійная нязгода двух хрысціянскіх абрадаў у нашым краі: каталіцтва і праваслаўя. Гэтыя дзве царквы – заходняя і ўсходняя, вядучы вечную спрэчку паміж сабой, раздзяляюць наш ядыны народ на дзве часці, адных і тых жа дзяцей сваёй маткі-зямлі водзяць паміж сабой, даводзячы нават часта да бойкі за святы знак хрысціянства – крыж... Гэтае змаганне дзвюх вер не толькі дзеліць беларусаў на дзве часткі па рэлігіі, але, самае важнае, забівае ў іх сьвядомасць і пачуццё нацыянальнай еднасці. Беларусу-католіку ўгаварваюць, што раз ён католік, то ён паляк, і не павінны братацца з тымі, хто іншай веры; беларусу-праваслаўнаму кажуць, што раз ён праваслаўны, то ён расіец, і католіка-беларуса павінен сцерагчыся, бо ён – паляк. І што з гэтага выходзіць? Расце нязгода, расце ненавісць – рэчы нікому не патрэбныя, апрача хіба ворагам нашага народа» [2, с. 212–213]. Трэба сказаць, што Купала пісаў аб рэальных праблемах тых часоў (гэтыя словы былі апублікаваныя ў газеце «Наша ніва» ў 1914 г.).

Актуальным з'яўляецца пытанне, што такое культура, і якое месца ў ёй займае рэлігія. Мы выходзім з разумення культуры як спецыфічнага спосабу чалавечай жыццядзейнасці, а таксама яе вынікаў. Пры гэтым паказальным з'яўляецца паходжанне тэрміна *культура* (лац. *cultura* – *апрацоўка, шанаванне*), які першапачаткова азначаў апрацоўку зямлі. Такім чынам, важным для культурнай дзейнасці з'яўляецца яе часавая і прасторавая лакалізацыя. Безумоўна, у любой культуры ёсць агульначалавечыя элементы, але дзеянне заўсёды ажыццяўляецца «тут і зараз», і таму культуры розных народаў не падобныя паміж сабой. Найбольш яскрава гэта праяўляецца у розніцы паміж заходнімі і ўсходнімі культурамі. Але паступова актуальны для беларусаў робіцца асэнсаванне ўласнай спецыфікі адносна блізкіх культур – украінскай і рускай.

Культура вызначаецца сваімі базавымі каштоўнасцямі, якія ў гісторыі сфарміраваліся праз рэлігію. Безумоўна, у сучаснасці ў выніку працэсу секулярызацыі еўрапейская культура робіцца ўсё больш светскай, і каштоўнасці, якімі мы кіруемся, ўспрымаюцца ўжо не як рэлігійныя, а як культурныя. Больш таго, вельмі часта яны трактуюцца як «агульначалавечыя». Пра іх паходжанне і спецыфіку мы, як правіла, узгадваем тады, калі сутыкаемся з прадстаўнікамі іншых культур.

Раскол у хрысціянстве 1054 г. меў сваім наступствам падзел Еўропы на дзве часткі: усходнюю, праваслаўную і заходнюю, каталіцкую, якія палемічна ставіліся адна да адной. І яны пачалі развівацца рознымі культурнымі шляхамі. Гэта праявілася ўжо ў патрыстыцы – сукупнасць вучэнняў найбольш значных хрысціянскіх мысліўцаў II–VIII стст. Для ўсходняй патрыстыкі была характэрна ўвага да складанай тэалагічнай праблематыкі, для заходняй – да антрапалогіі, этыкі і права.

Апроч таго, праваслаўная Візантыя была прамым нашчадкам антычнасці і ў культурным сэнсе спачатку значна пераўзыходзіла краіны Захаду, але апошнія інтэнсіўна развіваліся. Візантыя ж жыла сваёй спадчынай. Гэта шмат у чым абумовіла і развіццё рускай культуры: «Разам з прыняццем хрысціянства ад грэкаў... Расія прыняла ўсю візантыйскую замкнёнасць і абмежаванасць, яна кітайскай сцяной аказалася адзеленай ад усёй Заходняй – хрысціянскай – Еўропы, культурна яна заставалася ізаляванай і адзінокай» [3, с. 175].

Еўрапейская культура была больш дынамічнай, таму «на межах, дзе стыкаліся два тыпы хрысціянскай культуры – усходні і заходні, усходні пастаянна траціў тэрыторыю і людзей, аднолькава ці ў царкоўнай ці ў нацыянальнай дзялянцы жыцця» [4, с. 108].

Для Беларусі шкодным аказалася само супрацьстаянне паміж Усходам і Захадам, якое мела вынікам культурны і рэлігійны раскол паміж беларусамі, на што даўно асэнсавана і неаднаразова ўказвалася нацыянальнымі мысліўцамі.

За перыяд самастойнага дзяржаўнага існавання схема «католік – паляк, праваслаўны – рускі» на Беларусі паступова пераадоўваецца. Тым больш, што яна мае для нас знешні характар, гэта пераварочаны выгляд той ідэалагічнай схемы, якая ўжываецца ў Польшчы і Расіі, што «паляк – католік, рускі – праваслаўны».

Адзначым, што становішча Беларусі паміж каталіцкай Польшчай і праваслаўнай Расіяй мае «несіметрычны характар», бо рэлігія ў іх займае рознае месца.

Яскравым паказчыкам, які характарызуе рэлігійную сітуацыю ў Рэспубліцы Беларусь, з'яўляецца колькасць рэлігійных арганізацый асноўных канфесій. Прывядзем адпаведныя звесткі на 1 студзеня 2012 г., якія тычацца Беларусі, Расіі і Польшчы (табліца 1). Папярэдне ўдакладнім, што некаторыя з іх не супадаюць. Напрыклад, у Беларусі праваслаўе афіцыйна прадстаўлена толькі структурамі Беларускага экзархату Маскоўскага патрыярхату. У Расіі ж яшчэ зарэгістравана Расійская праваслаўная аўтаномная царква, Руская праваслаўная царква за мяжой, Сапраўды-праваслаўная царква, Расійская праваслаўная свабодная царква, Украінская праваслаўная царква. Паколькі яны малаколькасныя, мы іх не ўлічваем. Таксама ў Расіі існуюць таксама 1 270 суполкаў хрысціян веры евангельскай – пяцідзсятнікаў, якія ў нашым выпадку мы сумавалі з хрысціянамі евангельскай веры.

Табліца 1 – Колькасць рэлігійных суполак у Расіі, Беларусі і Польшчы на 01.01.2012

Рэлігійныя суполкі	У РФ	У РБ	У РП
Праваслаўная царква	13943	1567	233
Стараверская царква	303	33	4
Рымска-каталіцкая царква	226	479	10177
Грэка-каталіцкая царква	4	15	135
Лютэранская царква	218	27	134
Евангельскія хрысціяне баптысты	849	286	86
Хрысціяне веры евангельскай	1630	512	220
Адвентысты сёмага дня	589	73	152
Сведкі Іеговы	409	27	1806
Мусульманская рэлігія	4317	25	10

Можна супаставіць рэлігійнае становішча ў трох краінах у яго агульных рысах. Расія пераўзыходзіць Беларусь і Польшчу па колькасці насельніцтва і яго нацыянальнай разнастайнасці, што абумоўлівае спецыфіку рэлігійнай сітуацыі. У Беларусі зарэгістравана 25 рэлігійных накірункаў, у Расіі – 63. Але ў Польшчы на пачатак XXI ст. было зарэгістравана 138 рэлігійных накірункаў і груп.

Таксама у гэтых краінах розная рэлігійная структура. У Расіі большасць складаюць праваслаўныя суполкі, потым ідуць мусульманскія, потым пратэстанцкія. У Беларусі ж, адпаведна, праваслаўныя – пратэстанцкія – каталіцкія. Але па колькасці веруючых пратэстанты ў нас знаходзяцца на трэцім месцы. Рымска- і грэка-католікі – тры два кірункі, суполак якіх у Беларусі больш, чым ў Расіі. Тлумачыцца гэта нашай гісторыяй і геаграфічным становішчам. Таксама, калі ў Расіі большасць мусульман жыве на сваіх спрадвечных землях, дык да нас яны прыйшлі. Носьбітамі ісламу на Беларусі з'яўляюцца татары, якія пачалі сяліцца ў Вялікім княстве Літоўскім з XIV ст. Трэба адзначыць, што іх узаемаадносіны з мясцовым насельніцтвам заўсёды былі добрымі.

Што тычыцца Польшчы, то, як і чакалася, у ёй відавочна пераважаюць каталіцкія суполкі. За імі ідуць Сведкі Іеговы, а пасля іх – праваслаўныя. Адзначым, што адносна вялікая колькасць суполак Сведкаў Іеговы ў Польшчы не сведчыць аб іх распаўсюджанасці, паколькі веруючых яны займаюць трэцяе месца, значна саступаючы католікам.

Спецыфіка нашай гісторыі праяўляецца таксама у геаграфічным аспекце рэлігійнай сітуацыі. Напрыклад, большасць праваслаўных суполак знаходзіцца не ў блізкіх да Расіі ўсходніх Гомельскай і Магілёўскай абласцях (342 на пачатак 2012 г.), як гэтага можна было чакаць, а ў заходніх Гродзенскай і Брэсцкай (569). Тлумачыцца гэта тым, што ў 1921–1939 гг. Заходняя Беларусь знаходзілася ў складзе Польшчы, і тут не было тых маштабных антырэлігійных рэпрэсій, якія адбываліся ў Савецкім Саюзе.

Калі казаць аб рэлігійнасці насельніцтва трох краін, то ў Беларусі і ў Расіі яна падобная па свайму характару. Згодна з вынікамі апытання, праведзенага у Расіі ў канцы лістапада 2012 г., паслядоўнікамі праваслаўя лічаць сябе 74 % апытаных, ісламу – 7 %, каталіцтва, пратэстанцтва і іўдаізму – не больш 1 % [5]. Праведзенае ў 2011 г. даследаванне рэлігійнасці на Беларусі паказала што абсалютная большасць насельніцтва (93,5 %) адносіць сябе да розных канфесій: праваслаўнай (81 %), каталіцкай (10,5 %), іншай – 2 % (іўдзейская – 1 %, пратэстанцкая, мусульманская – па 0,5 %). Не лічаць сябе прыхільнікамі рэлігійных канфесій 5 % удзельнікаў апытання [6, с. 44].

Такім чынам, на падставе прыведзеных вышэй дадзеных бачна, што большасць насельніцтва як Расіі, так і Беларусі лічаць сябе вернікамі. Але, націск трэба зрабіць на слова «лічаць». Прыведзеныя дадзеныя атрыманы на аснове рэлігійнай самаідэнтыфікацыі рэспандэнтаў. Калі ж пры аналізе ўлічыць аб'ектыўныя крытэрыі, такія як, напрыклад, культавыя паводзіны, дык колькасць тых, каго можна акрэсліць як вернікаў і для Беларусі, і для Расіі, істотна скарачаецца.

Сярод праваслаўных расіян доля тых, хто наведвае храм, складае 76 %. Пры гэтым 33 % апытаных адзначылі, што ходзяць туды, каб паставіць свечку і памаліцца, 29 % былі на хрэсьбінах, вячанні альбо адпяванні, 11 % удзельнічалі ў літургіі. Яшчэ 29 % наведваюць храм, «калі ўзнікае жаданне пабыць у царкве», 8 % – у час экскурсій, 7 % – каб спавядацца і прычасціцца (сума адказаў перавышае 100 % таму што можна было выбраць некалькі варыянтаў адказу). Нам здаецца, што трэба выходзіць з апошніх 7 %. Менавіта гэта лічба можа служыць паказчыкам рэлігійнасці ў Расіі.

Згодна з апытаннем, праведзеным ў 2011 годзе Інстытутам сацыялогіі НАН Беларусі, «сапраўдным вернікам» лічыць сябе кожны пяты беларус, і сярод іх да праваслаўя сябе адносяць 57,3 %, да каталіцтва – 34,5 %, да пратэстанцтва – 3,1 %. Пры гэтым на пытанне «Ці былі Вы ў апошнія выхадныя ў храме?» станоўча адказалі толькі 6 % удзельнікаў апытання [7]. Таму пры аналізе рэлігійнасці насельніцтва Беларусі трэба выходзіць з пазначаных 6 %, альбо іншых падобных лічбаў.

У Польшчы сітуацыя іншая. Згодна з агульнанацыянальным перапісам, які быў праведзены ў 2011 г., 87,58 % насельніцтва заявіла, што належыць да рымска-каталіцтва (сама Рымска-каталіцкая царква Польшчы сцвярджае, што да яе належыць 95,95 %, але не насельніцтва, а веруючых), 0,41 % – да праваслаўя (царкоўныя дадзеныя ў тры разы большыя), 0,36 % – да Сведак Іеговы, 0,18 % – да лютэранскай царквы, 0,09 % – да грэка-католікаў, 0,07 % – да хрысціян веры евангельскай (пяцідзсятнікаў) [8].

Пры гэтым, згодна з дадзенымі Інстытута статыстыкі Каталіцкай царквы, 41 % тых, хто лічыць сябе католікам, штотыдзень наведвае набажэнства [9]. А паколькі католікі складаюць пераважную колькасць веруючых (практыка Сведак Іеговы прадугледжвае яшчэ больш актыўны ўдзел ў рэлігійным жыцці), пры аналізе рэлігійнай сітуацыі ў Польшчы мы будзем выходзіць з пазначанага 41 %.

Такім чынам, для Польшчы характэрна значна большая рэлігійная аднароднасць і працэнт веруючых, чым для Беларусі і Расіі.

Мы выходзім з таго, што зараз Беларусь знаходзіцца ў прынцыпова іншым становішчы, чым гэта было ў пачатку ХХ ст., што трэба ўлічваць, калі характарызаваць яе становішча як «міжкультурнае». Фарміраванне беларускай дзяржавы паставіла пытанне аб нацыянальнай культурнай традыцыі. Зараз для актуальным робіцца праблема не столькі негатыўнай, колькі пазітыўнай самаідэнтыфікацыі: «У вялікай ступені адказ на пытанне “дзе мы?” мусіць таксама памагчы вызначыць змест нацыянальнай ідэнтыфікацыі: якія моманты ва ўласнай гісторыі мы

будзем лічыць гераічнымі, а якія ганебнымі? каго будзем ставіць у прыклад дзецям як герояў, а каго як здраднікаў? што вырашым шанаваць, а чаго цурацца? і г.д.» [10, с. 9].

Таксама, трэба ўлічваць, што зараз у свеце сфарміравалася іншая культурная сітуацыя, чым гэта было ў пачатку ХХ ст. У выніку працэсу глабалізацыі вельмі вялікі ўплыў на становішча ў той ці іншай краіне пачынаюць аказваць не яе бліжэйшыя суседзі, а найбольш моцныя дзяржавы, хаця яны могуць знаходзяцца на вялікай адлегласці. Гэта адбываецца і на рэлігійнай сітуацыі ў Беларусі. Разам з праваслаўем і каталіцтвам вялікую ролю ў ёй адыгрывае пратэстанцтва. Яго суполкі, як правіла, арыентаваны на ЗША і падтрымліваюцца адтуль. Апроч таго, ва ўмовах сучаснасці рэлігія не мае вызначальнага характару ў грамадстве. І таму няма сэнсу ў супрацьпастаўленні розных рэлігійных накірункаў. Каб паспяхова дзейнічаць, ім трэба шукаць шляхі паразумення.

Таксама ёсць якасная розніца ў магчымасці культурнай лакалізацыі розных рэлігійных арганізацый, якія зараз дзейнічаюць на Беларусі. Цяжэй гэта зрабіць праваслаўнай царкве, бо яна не з'яўляецца самастойнай, гэта частка Рускай праваслаўнай царквы. Але зараз і ў ёй ажыццяўляюцца намаганні па ўваходжанню менавіта ў беларускую грамадскую і культурную сітуацыю. Што тычыцца каталіцкай царквы на Беларусі, то яна імкнецца падкрэсліць свой «каталіцкі» (ад грэч. *katholikos* — *усеагульны*), а не «польскі» характар. У значнай частцы каталіцкіх храмаў службы вядуцца па-беларуску, епіскапы прызначаюцца з мясцовых жыхароў. Што тычыцца пратэстантаў, то іх суполкі арганізацыйна незалежныя, кіраўніцтва выбіраецца самімі вернікамі, а не прызначаецца звонку. Таму іх культурныя арыентацыі, як правіла, не маюць нейкага спецыфічнага характару. Асноўную ролю пратэстанты надаюць шчырай веры і жыццю ў адпаведнасці з ёй.

Асэнсаванне міжкультурнага становішча Беларусі парадзіла ідэю сінтэзу на нашых землях усходняй і заходняй культур. У пачатку мінулага стагоддзя аб яго неабходнасці пісаў вядомы дзеяч беларускага нацыянальнага адраджэння Адам Станкевіч: «Нацыянальная ідэя беларускага народа выплывае, як ведаем, з палітычна-культурнай супярэчнасці Захаду і Усходу, з кантрасту, які заходзіць між гэтымі дзвюма суседнімі з намі сіламі, якіх падкладам з'яўляюцца рознасці праваслаўя і лацінскага каталіцтва. ...тут мусіць вытварацца пасярэдні тып культуры, які, трымаючыся на сваёй нацыянальнай восі, лучыў бы і асіміляваў бы элементы ўсходня і заходня» [4, с. 108].

Таксама і сучасныя даследчыкі адзначаюць, што пры аналізе становішча Беларусі паміж Расіяй і Еўропай больш адэкватна з пункту гледжання нацыянальнага характару, ментальнасці, эканамічнай сітуацыі, нашага геапалітычнага становішча ставіць пытанне ў тэрмінах не «альбо-альбо», а «і-і».

Пры гэтым паўстае праблема арганічнасці сінтэзу розных культурных уплываў на Беларусі, бо калі яе няма, фарміруецца неўстойлівая і канфліктная сітуацыя. Апроч таго, самі паняцці «Захад» і «Усход» набылі ў сучасных умовах складаныя сэнсы і ўтрымліваюць шматлікія кампаненты, якія трэба ўлічваць. Праблема стаіць і з вызначанасцю культурнай спецыфікі самой Расіі, да гэтага часу актуальным для яе з'яўляецца пытанне, пастаўленае У.С. Салаўёвым: «Якім ты хочаш быць Усходам: Усходам Ксеркса, ці Хрыста?» Што тычыцца Еўропы, то яна культурна вельмі разнастайная, хаця захоўваюцца базавыя еўрапейскія каштоўнасці. У якасці апошніх у большасці выпадкаў называецца хрысціянства, рацыяналізм, дыялог.

Зараз, на наш погляд, асноўны націск трэба рабіць не на дасягненне сінтэзу паміж рознымі культурнымі і рэлігійнымі ўплывамі, якія існуюць ў Беларусі, а на прынцыпе плюралізму сучаснай культуры і дыялогу паміж прадстаўнікамі яе розных плыняў.

І ў гэтым сэнсе вельмі карысным з'яўляецца асэнсаванне традыцыі верацярпімасці, якая існавала на Беларусі. У яе гісторыі не было моцных сутыкненняў на рэлігійнай глебе. Доўгі час на тэрыторыі нашай краіны мірна жылі прадстаўнікі самых розных канфесій. Сведчаннем гэтага з'яўляецца той факт, што зараз на плошчах шмат якіх беларускіх гарадоў побач стаяць праваслаўная царква, каталіцкі касцёл і іўдзейская сінагога.

Апроч таго, трэба ўлічваць, што пры наяўнасці поліканфесійнасці ў рэлігійнай сферы Беларусі, большасць насельніцтва атаясамлівае сябе менавіта з беларускай культурай.

Сацыялагічныя даследаванні сведчаць, што «беларуская культурная самаідэнтыфікацыя з'яўляецца пануючай у Беларусі, яна аказваецца дамінуючай ва ўсіх моўных, узроставых і адукацыйных групах» [11. с. 33].

Такім чынам, на наш погляд, аналізуючы праблему рэлігійнага фактара ў міжкультурным становішчы Беларусі, трэба рабіць націск на адзінства паміж прадстаўнікамі розных канфесій, іх прыналежнасць да адзінай дзяржавы і адзінай гістарычнай і культурнай традыцыі. Менавіта праз дыялог будзе фарміравацца рэлігійная сфера краіны.

Літаратура

1. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам (досьледзіны беларускага сьветапогляду) / І. Абдзіраловіч // Вобраз 90. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – С. 43–85.
2. Купала, Я. Вера і нацыянальнасць / Я. Купала // Збор твораў у сямі тамах. Т. 7. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1976. – С. 212–213.
3. Булгаков, С.Н. У стен Херсониса / С.Н. Булгаков // Символ. – 1991. – № 25. – С. 169–342.
4. Станкевіч, А. Хрысціянства і беларускі народ / А. Станкевіч // Выбранае. – Мінск : Кнігазбор, 2008. – С. 25–110.
5. 2012: Верующих какой религии в России больше? – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://newsru.com/religy/17dec2012/levada.html>. – Дата доступу : 11.04.2014.
6. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2011 год. – Минск : «Бизнесосфет», 2012. – 105 с.
7. Опрос: Каждый пятый белорус считает себя истинно верующим. – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://news.tut.by/society/279195.html>. – Дата доступу : 11.04.2014.
8. Rocznik statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej 2012. – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://www.stat.gov.pl/cps/rde/xber/gus/RS_rocznik_statystyczny_rp_2012.pdf. – Дата доступу : 11.04.2014.
9. Badania Instytutu Statystyki Kościoła Katolickiego – ilu wiernych chodzi do kościoła? – [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.td-24.pl/wydarzenia/2347-badania-instytutu-statystyki-kocioa-katolickiego-ilu-wiernych-chodzi-do-kocioa>. – Дата доступу : 11.04.2014.
10. Сіліцкі, В. Дылемы выбару / В. Сіліцкі // Беларусь : ні Эўропа, ні Расея. Меркаванні беларускіх эліт / пад рэд. В. Булгакава. – Варшава : АРСНЕ, 2006. – С. 9–23.
11. Манаев, О. Особенности современной белорусской идентичности / О. Манаев // Будущее Беларуси. Взгляд независимых экспертов / под ред. проф. О. Манаева. – СПб : Невский проспект, 2012. – С. 265–294

Историческая необходимость и свобода личности в классической и постнеклассической философии

В.Н. КАЛМЫКОВ

Показано, что в динамике социума спонтанное начало переплетено с целе-волевым, объективная заданность процессов и состояний социума соединена с субъективными устремлениями людей. Необходимость отражает преимущественно нечто относительно устойчивое, а свобода – появление новых возможностей, но на базе необходимости.

Ключевые слова: необходимость, закономерность, свобода, случайность, исторический выбор, альтернативность.

It is shown that the dynamics of society is interwoven with spontaneous onset of target-willed, preconceived objective processes and states of society are coupled with subjective aspirations of people.

The need mainly reflects something relatively stable, and freedom - the emergence of new opportunities, but on the basis of need.

Keywords: need, regularity, freedom, chance, historical choice, alternative.

В самом общем виде историческая необходимость выступает как обусловленность процесса развития социума его предшествующим состоянием, выражается через действие общесоциологических законов (соответствия производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, возрастания роли народа и личности в истории, смены цивилизаций и общественно-экономических формаций, возвышения и усложнения потребностей и т. д.). В динамике социума объективно-спонтанное начало переплетено с целее-волевым, объективная заданность процессов и состояний соединена с субъективными устремлениями людей, их свободой. Историческая необходимость детерминирует мысли, эмоции, поведение, потребности и интересы, цели, идеалы личности, но не отрицает ее свободу.

Древневосточная и досократовская философия главным условием достижения свободы считала отказ от активной деятельности. Тот, кто в поведении руководствуется страстями – несвободен, он их раб. Древнегреческие философы полагали, что следование естественным законам несет человеку свободу, а искусственные законы, если они противоречат природе человека, подавляют свободу. Сократ сосредоточил свое внимание на субъективной стороне свободы: человек существует для того, чтобы быть добродетельным, свободным, нуждается не столько в знании естественной природы, сколько в познании самого себя. Платон в «Государстве» и «Законах» нарисовал утопическую модель общества, в котором граждане во имя блага общества лишаются свободы выбора деятельности, на интимную жизнь, но ощущают себя счастливыми, гордясь силой и величием государства. Согласно учению стоиков, осознанное подчинение судьбе (необходимости) – условие и путь к свободе. По Аристотелю, свобода человека есть его самореализация через деятельность. Произвольный поступок человека есть преимущественно свободный, а непроизвольный – следствие принуждения или неведения.

В системе Т. Гоббса свобода есть лишь модификация необходимой причины: «... каждое действие является вынужденным», «все действия необходимы» [1, с. 597–598]. Спинозовское определение свободы как осознанной необходимости вытекало из убеждения, что «порядок идей в разуме» и «порядок вещей в природе» соотносимы. Необходимость и свобода – два момента в субстанции, самораскрывающейся в познании. Свободной может быть не масса людей, но лишь мудрец свободен.

Французские материалисты (Д. Дидро, П. Гольбах), понимая человека как природное существо, отвергали саму возможность свободы: «разумность» их мира тождественна всеобщей фатальности.

И. Кант проблему свободы пытался решать путем нравственного преобразования общества. Ф. Шлегель возможность свободы связывал со становлением мира. «Если бы мир был завершен, то в нем ничего больше нельзя было бы изменить и создать, и свобода была бы невозможной...» [2, с. 186]. Свобода И. Фихте – это свобода не от (как у античного философа Диогена), а свобода для добровольного подчинения необходимости – долгу, служению человечеству. По Г. Гегелю свобода – не просто осознание необходимости, а определенный тип организации общества и государства, а всемирная история есть прогресс в осознании свободы. Одним из моментов реализации свободы является собственность. Иную точку зрения высказал К. Маркс: ликвидация частной собственности ставит людей в равное положение, утверждает свободу для всех. Быть свободным означает изменять необходимость в ходе деятельности, труд перестанет быть только средством для жизни, станет сам первой потребностью жизни. Преодоление сопротивления «природного материала» есть черты труда и одновременно черты свободы. Маркс знание рассматривал как необходимый компонент свободы действия. Гегель и Маркс за многообразием осознанно-целенаправленных действий людей видели глубинную общую объективную логику истории.

Экзистенциалисты утверждают, что в возможности выбирать выражается свобода человека, выступающая первичной по отношению к необходимости. Так, Ж.-П. Сартр полагал, что свобода неотъемлема от человека, поскольку только он делает выбор, не согласовывая его с детерминизмом внешнего бытия и таким образом беря на себя ответственность за свое поведение. Личностный выбор экзистенциализм трактует как условие преодоления отчуждения. Н.А. Бердяев свободу считал сущностной характеристикой личности. Быть свободным – значит узреть в себе Бога, слиться с ним.

Современная философия истории (Р.Д. Коллингвуд, А. Данто, Х. Уайт, П. Рикер и др.) изучает вопросы вариативности исторического знания, роль интерпретации, идеологического подтекста. Например, Коллингвуд, опираясь на идеи Г. Гегеля и Б. Кроче, утверждал, что каждое звено в иерархии форм исторического знания качественно специфично, проводил принцип «методологического индивидуализма».

Вступив в новое поле проблем и их осмысления, обществознание, как и наука в целом, переходит в постнеклассическую стадию. На этом этапе философия отказывается от линейного видения социальной динамики, подчеркивает уникальность каждого события, постулирует отказ от попыток создания единой и исчерпывающей картины социальной реальности. У. Дрей, например, призывает отказаться от поиска универсальных законов, регулирующих функционирование социума, и ориентироваться на ограниченные обобщения, справедливые только для конкретно-определенных ситуаций.

Возрастающая непредсказуемость современного социума порождает так называемые «факторы икс» – явления, которые намечаются и последствия которых пока непонятны, но могут оказать серьезное влияние на мир в будущем. В этом ключе находится концепция «черных лебедей» или случайностей, сюрпризов (наряду с белыми, могут быть и черные лебеди). Один из авторов последней версии – Нассим Талеб, продолжатель теории скептицизма, последователь К. Поппера.

Многофакторность и нелинейность общественного развития еще не означает, что в социуме отсутствуют причинно-следственные связи и общая детерминированность. Наряду со случайностями и неопределенностью имеется и исподволь проявляющаяся определенность, детерминированность (закономерность) в развитии общества, а объективная направленность переплетена с субъективными устремлениями людей. Через отношения «Я – Другой» в диалоге, коммуникации раскрывается intersubjectивность общественной жизни. Однако свобода не является только субъективным осознанием необходимости, внутренним переживанием, нравственным феноменом. Она объективируется, находит воплощение в поступке, в практическом действии человека. Он отдельным обусловленностям придает дополнительную энергию, к другим относится нейтрально, третьи направления потока пытается пресекать. Свобода представляет собой единство субъективно-объективных отношений и включает в себя: осознание желаний субъекта; знание обстоятельств, тех требований, которые

предъявляет среда к человеку; понимание и соизмерение человеком своих физических, умственных, волевых и иных возможностей, разнообразных своих способностей; решение, выбор, принятие на себя ответственности; деятельность, мобилизация воли по реализации поставленных целей.

Вовлечение граждан в число активных преобразователей социума происходит по этапам: 1) воспроизводство в деятельности (общении) традиций, исторической памяти, знаний и представлений, транслируемых от прошлых поколений; 2) опривычивание неких замыслов и схем деятельности, их типизация; 3) выход за границы стереотипов, овеществление в деятельности творческих устремлений отдельных наиболее одаренных, креативных индивидов; 4) легитимизация модернизаторских настроений элиты, охват ими все увеличивающегося количества людей.

Действия людей лишь в конечном счете сопряжены с объективными законами природы и общества. Каждое поколение людей вступает в независимые от них условия своей жизни и деятельности. Последние во многом определяют круг интересов людей, их стремлений. Однако люди обладают и значительной свободой в определении своей деятельности, поскольку в каждый исторический момент существует не одна, а несколько возможностей развития. Люди также более или менее свободны в выборе средств для достижения поставленных перед собой целей. Индивид частично «запрограммирован» существующими обстоятельствами, социальными нормами, вместе с тем, он оценивает альтернативы, принимает решения и добивается, в той или иной степени, их исполнения. В продуктах труда в результате «скрещивания» усилий многих индивидуальных агентов следы индивидуальности размываются, и получается общественное. В социуме взаимодополняют друг друга хаос и порядок. На базе параметров порядка формируются нормы культуры, права, искусства, этики, языка. В то же время в динамической жизни возникают новые импульсы, новые аттракторы, разрушаются старые параметры порядка.

Сложный характер взаимопересечения исторической необходимости и свободы свидетельствует об открытости, незамкнутости общества, что нашло свое отражение в теории сетей (М. Кастельс, П. Бурдьё, В. Аршинов, А. Назарчук и др.). В основе этой теории лежит идея коммуникации индивидов. Труд и потребление его результатов – горизонтальные отношения между участниками этих процессов. В любой сфере деятельности и общения формируются сетевые связи с коллегами. Социальный контакт, образующийся в ходе коммуникации, выражается по-разному: через действие, обмен, языковое общение и т. д. Социальные поля-сети пронизывают друг друга и разнонаправленно охватывают социальную реальность. Хозяйственный рынок, например, является типичным полем-сетью для задач экономического обмена. В духовной сфере складывается единая мировая информационная сеть Интернет и глобальные массмедиа. Взаимообогащение культур формирует их единую сеть. Коммуникационные технологии лежат в основе «сжимания пространства» и углубления взаимозависимости мира – ключевых параметров глобализации. Возрастает плотность контактов в социальном мире, регионы повседневности как бы сдавливаются, пересекаются и перекрывают друг друга. Социальные связи операционализируются (например, через мобильный телефон, электронную почту), становятся все более безличностными и скоротечными. Теория сетей позволяет переосмыслить некоторые категории, например, провоцирует измерять пространство не расстояниями, а потоками, отсчитывать время не часами, а событиями [3, с. 61–75].

Скачок человечества из царства необходимости в царство свободы, считал Ф. Энгельс, осуществляется по мере того, как чуждые человеку природные и общественные силы «поступают под контроль самих людей. И только... тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и всевозрастающей мере и те следствия, которые они желают» [4, с. 294–295]. Однако следует иметь в виду, считают современные исследователи, что сложные системы природы и общества с их коллективными эффектами «не поддаются контролю и не предсказуемы на достаточно большом промежутке времени» [5, с. 60]. Всегда относительное движение к свободе не исключает необходимость.

Необходимость отражает преимущественно нечто относительно устойчивое, сохраняющееся, упорядоченное, отраженное в социальных законах. Свобода же выражает в большей

степени появление разнообразного, новых возможностей, но на базе необходимости. И так, и то, и другое взаимно превращаются друг в друга. Преодолеть «царство» необходимости и вступить в «царство» только лишь свободы нельзя, так как они – дополняющие и оппонирующие друг друга стороны единства.

Человек свободен, так как он может самостоятельно распоряжаться собой, осуществлять выбор своего жизненного пути. Одновременно человек несвободен, поскольку существует внешний мир, который диктует людям выбор форм и способов деятельности, их последовательность (П. Гольбах заметил: человек не свободен ни одну минуту своей жизни). Свобода регламентирована не только объективными условиями, но и субъективными чертами человека, ограниченностью его способностей. Свобода не есть вседозволенность, она – импульс деятельности по изменению бытия, завершающийся воплощением в конкретной форме несвободы. Несвобода характеризует развитие как процесс детерминированный, закономерный. Свободе присуще привнесение в развитие элементов неустойчивости, случайности, вероятности [6, с. 20]. Любые биологические организмы и социальные объекты-субъекты относительно независимы, свободны и вместе с тем несвободны от среды, которая дает им жизненный потенциал, несвободны от генетических и социальных программ. Самые оригинальные проекты, мысли, идеи содержат в себе элементы несвободы от ранее полученного знания. Рост свободы обусловлен включением человека в глобальную электронную цивилизацию с ее многообразием возможностей образования и самообразования, коммуникаций, личного развития и развлечений. Рост несвободы детерминирован растущей зависимостью человека от многомерной сложности техники, Интернета, от необходимости глубокого овладения иностранными языками, прежде всего, английским, в целом, от среды вплоть до тотального контроля (вспомним разоблачения Э. Сноудена о прослушивании телефонных разговоров).

Свобода есть путь вверх, к прогрессу (это подчеркивали многие философы – Б. Спиноза, Г. Гегель, Н.А. Бердяев и др.), но вместе с тем и вниз, ибо свобода воли может побудить человека как на добрые, так и на злые деяния. В работе «Бегство от свободы» Э. Фромм полагал, что это происходит тогда, когда внешняя свобода не соответствует личностной зрелости индивида, его внутренней готовности к ответственности. Далеко не всегда свобода является для человечества благом. Так, безудержная свобода потребления, агрессивного национализма, индивидуализма, свобода от морали, свобода секса, проявляющаяся преимущественно через животные инстинкты и т.п. пагубны для людей.

В целом, историческая необходимость и свобода личности, свобода и несвобода есть единство взаимопроникающих противоположностей.

Литература

1. Гоббс, Т. О свободе и необходимости / Т. Гоббс // Соч. : в 2-х тт. – Т. 1. – М. : Мысль, 1989. – 622 с.
2. Шлегель, Ф. Развитие философии в двенадцати книгах / Ф. Шлегель. Эстетика. Философия. Критика. – Т. 2. – М. : Искусство, 1983. – 188 с.
3. Назарчук, А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 61–75.
4. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – М. : Политиздат, 1961. . – Т. 20. – С. 5–338.
5. Майнцер, К. Сложность и самоорганизация / К. Майнцер // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 48–60.
6. Иокшин, В.К. Несвобода и свобода в рациональном осмыслении мира / В.К. Иокшин // Вопросы философии. – 2006. – № 8. – С. 15–28.

Религиозный аспект формирования менталитета русской интеллигенции

Е.В. КОРЕНЬ

Исследуется религиозный аспект развития менталитета русской интеллигенции, выясняются истоки, специфика и значение религиозных умонастроений интеллигенции, влияние религиозных кризисов на ее менталитет, рассматривается связь революционной жертвенности интеллигентов во имя общественного блага с религиозными архетипами, объясняются безрелигиозная религиозность интеллигенции, ее влияние на духовно-культурные и философские традиции России. Новизна и актуальность темы обусловлены ее слабой освещенностью в историографии и ростом общественного и научного интереса к религиозно-философским вопросам.

Ключевые слова: интеллигентский менталитет, религиозный аспект, религиозный архетип, безрелигиозная религиозность, общественное благо, жертвенность.

The development of the religious aspect of the mentality of the Russian intelligentsia is studied. The origins, particularity and importance of religious mindsets of intelligentsia are clarified. The influence of religious crises on the mentality of intelligentsia is examined. The relationship of sacrifice of the revolutionary intellectuals for the common good with religious archetypes is explained. Irreligious religiousness of intelligentsia, its impact on the cultural and spiritual philosophical traditions of Russia is studied. Novelty and relevance of the topic are caused by its weak interpretation in historiography and growing public and scientific interest in the religious and philosophical issues.

Keywords: intellectual's mentality, religious aspect, religious archetype, irreligious religiousness, public benefit, sacrifice.

История развития интеллигенции в России, формирование ее менталитета имеет, помимо культурно-психологического, политического и прочих, очень важный, хотя и не ярко выраженный, религиозный аспект. В художественной и научной литературе иногда обращалось внимание на то, что политические, социальные, научные идеи ряда общественных деятелей имели специфически религиозный окрас (догматизм, тенденцию к жертвенности, мессианству), даже при выраженном отрицании религии. Однако этот факт не стал предметом особого исследования в историографии и теоретических обобщений. Необходимо осветить религиозный аспект эволюции интеллигентского менталитета, выявить истоки, специфику и значение религиозных умонастроений интеллигенции.

Интеллигенция – особая социокультурная группа, принадлежность к которой в исторической ретроспективе определяется не только интеллектуальной деятельностью, но и высокими духовными, нравственными запросами и человеческими качествами ее представителей, их общественной активностью, приверженностью идее «общественного блага», предпочтением духовных ценностей и общенациональных интересов корпоративным. Формирование интеллигенции в России было обусловлено не только особенностями социального, политического, но и спецификой духовно-культурного развития страны, а также влиянием религиозных традиций. Интеллигенция сформировалась преимущественно на основе дворянской интеллектуальной элиты. Постепенное нарастание в сознании образованных дворян противоречий между гуманистическими идеалами христианства и Просвещения, с одной стороны, и крепостнической действительностью – с другой, и привело уже в конце XVIII в. к кризису феодальной системы ценностей и дифференциации дворянства по ценностным и идеологическим установкам.

В конце XVIII – первой половине XIX вв. значительно расширился слой дворянской интеллигенции – людей, которым был присущ особый менталитет. При сохранении дворянских морально-ценностных установок и комплекса понятий (о чести, долге, службе, ответственности, социальной роли) большое место в их умонастроениях заняли интеллигентские идеи общественной добродетели, просвещения, свободы, человеческого достоинства, справедливости, равенства людей перед Богом или природой. Для дворянских интеллигентов от эпохи Н.И. Новикова и А.Н. Радищева до декабристов и А.И. Герцена были характерны страдание к угнетенной части общества и готовность жертвовать во имя «общего блага» не

только сословными преимуществами, но, нередко, и жизнью. Обращает на себя внимание тот факт, что эта жертвенность имела сильное сходство с христианской идеей мученичества во имя Бога. Только у представителей интеллигенции, особенно революционного толка, жертвенность связывалась с борьбой за социальную справедливость, за спасение обездоленного народа.

У российской интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. стремление к социальной справедливости переросло, по удачному выражению Н.А. Бердяева, в «религиозную жажду Царства Божьего на земле» [1, с. 190]. В менталитете интеллигенции на протяжении всей ее эволюции было сильно религиозное начало, даже при совершенно светском характере ее увлечений [2, с. 131]. На сходство интеллигенции с монашеским орденом указывали еще в начале XX в. такие мыслители как Н.А. Бердяев [3, с. 66], Д.С. Мережковский [4, с. 63], Г.П. Федотов [5, с. 431]. По мнению Н.А. Бердяева, на формирование этой черты своеобразной *безрелигиозной религиозности* повлияла глубинная «православная основа русской души: уход из мира, во зле лежащего, аскеза, способность к жертве и перенесение мученичества» [3, с. 66].

Религиозный фактор сыграл важную роль в самом процессе формирования русской интеллигенции. Сильным катализатором этого процесса явились петровские реформы. В допетровские времена интеллектуальная жизнь в России сосредоточивалась вокруг церкви и религиозных вопросов. По мнению В.В. Иванова, предтечами интеллигенции были монахи-летописцы [6, с. 44]. Но петровские реформы резко размежевали религию и культуру, духовная жизнь приобрела светский характер. Церковь, до того уже утратившая духовную гегемонию в обществе (вследствие многих уступок государству, перенесенного раскола и т. д.), превратилась в «духовный департамент империи» [7, с. 11, 177, 229]. Но религиозность, прочно укорененная в сознании и подсознании русских людей, воспитанных на христианско-православной традиции, сохранилась и дала своеобразные ростки.

Современный исследователь И.В. Кондаков обратил внимание, что вытеснение из «государственного обихода традиционной церковной святости, при сохранении религиозности, способствовало сакрализации светских институтов и феноменов культуры» [8, с. 159]. Стала складываться особая «способность религиозной энергии русской души» переключаться и направляться к целям, которые не являются религиозными, к целям социальным, научным, художественным, политическим». Впоследствии это выразилось в «атеистическом и материалистическом фанатизме разночинской интеллигенции» второй половины XIX в., в «безрелигиозной религии», в политических крайностях, которые нередко носили религиозный характер [8, с. 160–162]. Известная революционерка-народница В.Н. Фигнер вспоминала о своем настроении и размышлениях в Шлиссельбургской крепости: «Но и у меня был свой бог, своя религия – религия свободы, равенства и братства. И во славу этого учения я должна была перенести все» [9, с. 9].

Возникновение подобных настроений обусловлено тем, что государственное насаждение светской культуры, распространение идей Просвещения и усиление рационализма способствовало возникновению своеобразного вакуума в религиозной сфере менталитета образованного русского человека. Этот вакуум не могла заполнить официальная церковная догматика и обрядность. Религиозный поиск сосредоточился на периферии церкви. Духовная ниша стала заполняться масонством, деизмом, внеконфессиональным мистицизмом, вольнодумством (вольтерьянством, различными гуманистическими построениями нравственно-религиозного оттенка), в наименьшей степени материализмом и атеизмом [10, с. 3–9]. При этом православная идея сохранялась, будучи глубинной, архетипичной составляющей менталитета русских дворянских интеллектуалов и интеллигентов. Русских масонов, как выяснил Н.А. Бердяев, все время беспокоило, «нет ли в масонстве чего-либо враждебного православию или христианству» [3, с. 57].

Для общественного сознания XVIII, XIX и первой четверти XX вв. был характерен напряженный религиозный поиск [1, с. 36], [11, л. 335–349]. Известный русский богослов и философ Г.В. Флоровский констатировал, что «вся история русской интеллигенции проходит под знаком религиозного кризиса» [11, с. 279, 331–337, 349]. О том же писали Н.А. Бердяев [1, с. 190], Г.П. Федотов [5, с. 434] и В.В. Иванов [6, с. 46–52].

Именно религиозное влияние способствовало формированию дворянско-интеллигентского *комплекса совести*, болезненно воспринимавшей грех владения крепостными крестьянами – «*крещеной собственностью*». Семена европейского Просвещения (идеи естественных прав

человека и др.) упали на благоприятную почву русской культуры, подготовленную духовно-религиозными поисками (например, идеями нестяжателей) предшествующей эпохи. По мере усиления крепостного права, нередко имевшего дикое проявления, и все большего приобретения дворянством сословных привилегий этот комплекс совести усиливался. Он разрешился декабризмом, а потом и народничеством, которое философ и писатель Г.П. Федотов удачно назвал «взрывом накопившейся религиозной энергии» [5, с. 430].

Это во многом объясняется тем, что большинство русских интеллигентов от XVIII в. по первую четверть XX в. воспитывалось на христианских идеях, на православной, в том числе и церковной, литературе. Участник славянофильского движения 1840-х гг. Д.Н. Свербеев вспоминал, что его учитель Варфоломеевич «избрал предметом чтения жития святых мучеников», «беседе Спасителя с учениками перед Его страданием и самые страсти» [12, с. 41]. Известный общественный деятель, писатель В.С. Печерин вспоминал в своих «Замогильных записках» о впечатлении, которое произвела на него в детстве «история смерти Спасителя»: «Умереть за благо народа и видеть мать, стоящую у подножия креста, было одно из мечтаний моей юности» [13, с. 148–149]. На становление личности Печерина повлияли «Беседы Иоанна Златоуста», «жития святых мучеников» [13, с. 229]. Рассматривая вопрос о влиянии христианской идеи мученичества на народников, Г.П. Федотов заметил, что царевичи-народовольцы не выживали, либо, выжившие, уходили в православие, как, например, Н.В. Чайковский, Л.А. Тихомиров [5, с. 431].

Религиозная по своим психологическим истокам склонность к жертвенности русских интеллигентов впервые выразительно проявилась в деятельности декабристов. Помимо политического, для них был характерен религиозный и нравственный поиск. Историк Г.В. Вернадский считал религиозность одной из важных черт декабризма [14, с. 89–90]. Так, автор «Русской правды» П.И. Пестель заявил во время разговора с юным А.С. Пушкиным в начале 1820-х гг.: «Сердцем я материалист, но разум мой противится этому» [15, с. 33]. Пестель высказал желание уйти в Киево-Печерскую лавру в случае удачного переворота [16, с. 345–346]. Православие он считал ведущей конфессией будущей России [17, т. 7, с. 205–206]. В Петропавловской крепости он вел богословские споры с посланным к нему для исповеди пастором Рейнботом даже накануне казни. Однако примечательно, что на эшафоте Пестель просил благословения православного священника П.Н. Мысловского [18, с. 39], [19, с. 335].

Г.В. Вернадский заметил, что для многих декабристов было характерно «пламя религиозного экстаза» [14, с. 91]. Эта черта в высшей степени была присуща С.И. Муравьеву-Апостолу, К.Ф. Рылееву, многим членам Общества соединенных славян. Незадолго до казни К.Ф. Рылеев писал в посвященном своему другу Е.П. Оболенскому стихотворении:

«Ты прав: Христос спаситель нам один,
И мир, и истина, и благо наше;
Блажен, в ком дух над плотью властелин,
Кто твердо шествует к Христовой чаше» [20, с. 113].

В строках о тех, «кто предпочел небесное земному» речь идет не о монахах-подвижниках, а, вероятнее всего, о тех, кто разделил участь автора. Перефразируя Евангелие стихами, Рылеев, по сути, описывал общественную миссию единомышленников:

«Для цели мы высокой созданы:
Спасителю, сей истине верховной,
От всей души мы подчинить должны
И мир вещественный, и мир духовный<...>
«И плоть и кровь преграды вам поставит.
Вас будут гнать и предавать, <...>
Торжественно вас будут убивать<...> [20, с. 112–113].

О «декабристской революции» как «акте христианского подвижничества» писал в «Вехах» философ С.Н. Булгаков [21, с. 54]. Впоследствии стремление к жертве по идейным соображениям, во имя «общественного блага», было одной из характернейших черт многих русских революционеров. В.Н. Фигнер вспоминала: «Смерть казалась желанной, она сплеталась с идеей мученичества, понятие о святости которого закладывалось в детстве традициями христианства, а затем укреплялась всей историей борьбы за права угнетенных» [9, с. 322].

Следующие строки В.Н. Фигнер позволяют пролить свет на истинные мотивы деятельности, риска и согласия на муки и смерть многих борцов за права угнетенных: «Тот, кто подобно мне был когда-либо под обаянием образа Христа, во имя идеи претерпевшего оскорбления, страдания и смерть, кто в детстве и юности считал его идеалом, а его жизнь – образцом самоотверженной любви, поймет настроение только что осужденного революционера, брошенного в живую могилу за дело народного освобождения» [9, с. 37].

Декабрист Ф.Н. Глинка, известный своим аскетическим образом жизни и сбором средств на выкуп талантливых крепостных, в «Опытах священной поэзии», навеянных Псалтырью и Евангелием, сочетал тираноборческие декабристские мотивы с религиозными. Наряду с нотками разочарования в борьбе с несправедливостью и пороками общества, надеждами на восстановление справедливости Богом («К Богу правды», «Гнев господ на нечестивых»), в его стихах звучит вера в правильность своих действий («Глас Бога избранному») и призыв к борьбе против общественного зла [22, с. 11, 28, 146, 156].

Декабристы искали в христианстве подтверждения своим освободительным идеям [19, с. 232–234]. Так, С.И. Муравьев-Апостол, возглавивший восстание Черниговского полка, написал так называемый «Православный катехизис», который читался перед солдатами вначале восстания Черниговского полка. Словами Апостола Павла декабрист убеждал солдат: «Ценою крови куплены есте, не будите раби человеком». Он призывал восстать против земного царя во имя царя небесного: «Раскаяться в долгом раболепии и, ополчась против тиранства и нечестия, поклясться: Да будет всем един царь, На небеси и на земли. Иисус Христос». С «Законом божьим», по мнению декабриста, сходно такое правление, «где нет царей: Бог создал нас равными. Цари же прокляты от Бога». М.П. Бестужев-Рюмин вторил своему другу в «Воззвании» к восставшим: «Смертью тирана (Александра I – прим. автора) Бог ознаменовывает волю свою дабы мы сбросили с себя узы рабства, противные закону христианскому ...» [17, т. 4, с. 256]. Декабристы, создавая эти агитационные документы, исходили из идеи приверженности русских солдат православию. Хотя на солдат больше подействовали рассуждения о незаконности присяги Николаю I. [17, т. 4, с. 254–255]. С.И. Муравьев-Апостол оставался верен идее христианской жертвенности вплоть до того момента, когда перед эшафотом молился «за царя» и «за Отечество» [19, 341–346], [23, с. 452].

Замечательна в плане религиозного обоснования тираноборческих идей «Сибирская рукопись» декабриста П.Ф. Выгодского. «Скиптры и престолы земных властей не в боге и слове его премудрости, а в диаволе и в слове его земно-политической тьмы безумия царствующих...» – писал он [24, т. 3, с. 218]. Церковь и религия, по его мнению, «на откупе у самых злейших синодальных иуд-хриstopродавцев», использующих для наживы «мошеннические чудотворные иконы» [24, т. 3, с. 221]. Церковь же «Христова» «в богатых бездельниках, ворах и живодерах не нуждается...» [24, т. 3, с. 222]. Вспоминая пророка Самуила, Выгодский утверждал, что «Царь в мире один Бог, цари же земные всегда почти есть сила и орудие одного дьявола» [24, т. 3, с. 222]. Говоря о праведной жизни и крестных муках Христа, декабрист заключил, что «сподвижники его, земледельцы не напрасно носят на себе звание крестьян, они страдательные оруженосцы царя своего и владыки..., по сему и избавляются от присяги на верноподданство всякому царю иному» [24, т. 3, с. 222]. Так, автор, по-своему толкуя Евангелие, обвинил власть в союзе с дьяволом и Антихристом, а тех, кто борется против этой власти, представил «истинными сынами божьими и апостолами Христа».

Для декабристов, как и для многих интеллигентов предшествующей и последующей эпох был характерен напряженный религиозный поиск. Религиозными искателями были Д.И. Завалишин, П.С. Бобрищев-Пушкин, М.А. Фонвизин, А.П. Беляев и другие декабристы. Д.И. Завалишин сетовал, что православие плохо изучалось, будучи «принято по распоряжению правительства», а не через индивидуальное приобщение к вере, что «вся наша история представляет непрерывный ряд противоречий с чистым началом православия, не в виде частных отступлений по греховности личной, а <...> в виде действий самой власти, имевших основания чуждые и враждебные православию – начала язычества или отступления» [25, с. 120]. Читая строки К.Ф. Рылеева, Ф.Н. Глинки, П.Ф. Выгодского, трудно не согласиться с журналистом Ф.В. Булгариным, заметившим в послании А.Х. Бенкендорфу, что «Библия и Евангелие есть республиканские сочинения в устах искусного толкования» [19, с. 179].

Ведь действительно религиозные идеи часто высказывались оппонентами власти в качестве аргументов для подтверждения истинности своих нравственных и политических убеждений.

История противоречивых взаимоотношений интеллигенции и церкви наложила специфический отпечаток на всю русскую культуру. Г.П. Федотов писал: «Если от мира подпольных социалистов обратиться к искусству 70-х (1870 – прим. автора) годов, то мы поразимся, как в гражданской поэзии и живописи передвижников – всюду возносится, сорванная с киота, икона Христа: Крамской, Polenov, Ге, Некрасов, Надсон не устают ловить своей слабой кистью, лепечущими устами святые черты. Этот бледный Христос, слишком очеловеченный, слишком нежный, может раздражать людей консервативной церковной традиции. Но еще больший вопрос, чей Христос ближе к подлиннику» [5, с. 430–431].

Постепенно многими представителями русской интеллигенции осознавался разлад между официальной церковностью и православием как таковым. Стремление интеллигентов преодолеть пропасть разногласий между официальным православием и гуманистическими ценностями христианства проявилось в творчестве П.Я. Чаадаева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева, Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева.

М.И. Жихарев вспоминал о П.Я. Чаадаеве, что «его исторические и богословские познания равнялись одним познаниям специалистов» [26, с. 87]. Для Чаадаева как философа богословие и христианство, в частности, были наиболее значимой сферой мыследеятельности. Однако он, как потом и известный философ-богослов В.С. Соловьев, испытал тяжелый разлад с официальной церковью, мирившейся с властным произволом. П.Я. Чаадаев мучительно переживал укоренившуюся в его сознании идею, что распространение христианства в России, в отличие от Европы, не только не истребило рабство, но и способствовало его утверждению. Он считал, что «русский народ подвергся рабству лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйского» [27, с. 61]. Крепостное рабство Чаадаев назвал «роковым грехом», «заколдованным кругом», в котором гибнут «самые великодушные порывы» [27, с. 60]. По мнению философа, одно это могло бы заставить усомниться в православии. Он возмущался, почему церковь «не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой» [27, с. 61]. Трудно было примириться с церковностью, освящавшей самодержавный произвол и крепостничество.

Вместе с тем желание интеллигенции найти путь к сближению с православной церковью, к очищению ее от исторических пороков, осознание святости традиционной религии, стремление, по словам Г.В. Флоровского, «оправдать веру отцов» возрастало в сознании русской интеллигенции [11, с. 337]. Д.С. Мережковский призывал православную церковь принять активное участие в борьбе за «великое общественно-политическое обновление России» [4, с. 57, 68]. Н.А. Бердяев в открытом письме к архиепископу Антонию, говоря о стремлении интеллигенции воссоединиться с церковью, называл препятствия, мешавшие этому: невозможность примириться с превращением христианской веры в орудие политики, с оправданием политических преследований и смертной казни [1, с. 293–298].

В целом, процесс формирования менталитета интеллигенции был теснейшим образом связан с религиозным поиском, с «богоисканием», как признавались общественные деятели, философы и писатели – Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой и др. О влиянии религиозных поисков на развитие русской философии писал богослов Г.В. Флоровский [11, с. 277–283, 377]. Н.А. Бердяев отметил, что «вся почти русская литература... есть жизненный документ, свидетельствующий об этом богоискании, о неутоленной духовной жажде» [1, с. 36].

Итак, религиозный аспект формирования интеллигентского менталитета в России имеет не меньшее значение, чем социальный или политический аспекты. Религиозные архетипы сознания, имевшие исторические, культурно-психологические истоки, утверждавшиеся с воспитанием, практикой повседневности, оказывали существенное влияние на мотивацию деятельности просветителей, политиков, художников, писателей и т.д. Религиозные устроения интеллигенции (мессианство, жертвенность во имя «общественного блага», религиозный фанатизм в общественной, политической, культурной сферах и т.п.) во многом определили специфику духовно-культурных и философских традиций России – религиозную философию в разных вариантах, безрелигиозную религиозность народников, а потом и воинствующий атеизм коммунистов. Изучение религиозного аспекта эволюции менталитета интеллигенции позволяет осветить многие загадочные страницы истории.

Литература

1. Бердяев, Н.А. Духовный кризис интеллигенции / Н.А. Бердяев. – М. : Канон, 1998 – 400 с.
2. Гаспаров, Л.М. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Русская интеллигенция. История и судьба / Л.М. Гаспаров. – М. : Наука, 1999. – С. 5–14.
3. Бердяев, Н.А. Русская идея // О России и русской философской культуре / Н.А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – С. 43–271.
4. Мережковский, Д.С. Больная Россия. Избранное / Д.С. Мережковский. – Л.: ЛГУ, 1991. – 272 с.
5. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре / Г.П. Федотов. – М. : Наука, 1990. – С. 403–443.
6. Иванов, В.В. Интеллигенция как проводник в ноосферу // Русская интеллигенция. История и судьба / В.В. Иванов. – М.: Наука, 1999. – С.44–63.
7. Богданов, А.П. Перо и крест / А.П. Богданов. – М. : Политиздат, 1990. – 480 с.
8. Кондаков, И.В. Культура России.– Ч.1. – Русская культура: краткий очерк истории и теории / И.В. Кондаков. – М. : «Университет», 2000. – 360 с.
9. Фигнер, В.Н. Запечатленный труд. Воспоминание / В.Н. Фигнер. – М. : Наука, 1964. – Т. 2. – 318 с.
10. Кондаков, Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века / Ю.Е.Кондаков [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.fidel-kastro.ru/history/rossia/kondaikov.htm>. – Дата доступа : 02.04.2014.
11. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия // О России и русской философской культуре / Г.В. Флоровский. – М. : Наука, 1990. – С. 272–378.
12. Записки Д.Н. Свербеева / Д.Н. Свербеев – М. : Тип.-лит. тов. И.Н. Кушнеров и К°, 1899. – 526 с.
13. Печерин, В.С. Замогильные записки // Русское общество 30-х гг. Люди и идеи. Мемуары современников / В.С. Печерин. – МГУ, 1989. – С.148–311.
14. Вернадский, Г.В. Два лика декабристов // Свободная мысль / Г.В. Вернадский. – 1993. - №15. – С.81–92.
15. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч. – В 19 т. / А.С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1996. – Т.12. – 588 с.
16. Лорер, Н.И. Записки моего времени // Мемуары декабристов / Н.И. Лорер. – М. : Правда, 1988. – С. 313 – 545.
17. Восстание декабристов. Материалы и документы следствия. – В 18 т. – М. : Гос. полит. издат., 1927. – Т. 4. – XII + 486 [2] с.; 1958. – Т. 7. – 692 с.
18. Мысловский, П.Н. Из записной книжки // Щукинский сборник / П.Н. Мысловский. – М. : Московское отделение императорского Российского исторического музея им. императора Александра III. Музей П.И. Щукина. Тов. тип. А.И. Мамонтова, 1905. – С. 29–40.
19. Эйдельман, Н.Я. Апостол Сергей / Н.Я. Эйдельман. – М. : Изд. полит, лит., 1988. – 365 с.
20. Рылеев, К.Ф. Сочинения / К.Ф. Рылеев. – М.: Правда, 1988. – 352 с.
21. Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи / С.Н. Булгаков. – Свердловск : Уральский ун-т, 1991, - С.26–68.
22. Глинка, Ф.Н. Опыты священной поэзии / Ф.Н. Глинка. – Спб. : Типограф. Департ. народного просвещения, 1825. – 180 с.
23. Якушкин, И.Д. Записки // Декабристы. Избр. соч. - В 2 Т. / И.Д. Якушкин. – М. : Правда, 1987. – Т. 2. – С. 380–507.
24. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – М. : Гос. изд. Полит. Лит., 1951. – Т. 1. 731 с.; Т. 2. – 600 с.; Т. 3. – 600 с.
25. Записки декабриста Д. И. Завалишина / Д.И. Завалишин. – Спб. : Сириус, 1906. – 464 с.
26. Жихарев, М.И. Докладная записка потомству о П.Я. Чаадаеве// Русское общество 30-х гг. Люди и идеи. Мемуары современников / М.И. Жихарев. – М. : МГУ, 1989. – С. 48–120.
27. Чаадаев, П.Я. Статьи и письма / П.Я. Чаадаев. – М.: Современник, 1989. – 623 с.

От одномерного развития к комплексному устойчивому развитию

Н.О. Сиротко

Устанавливается связь традиционной идеи развития с идеей устойчивого развития. Развитие рассмотрено в исторической перспективе. Показана одномерность понимания развития до середины XX в. – преимущественно в экономических категориях. Устойчивое развитие как комплекс идей возникает после Второй мировой войны, вырастая из экологического движения, затем оформляется в концепцию, которая пытается преодолеть одностороннюю направленность развития, через достижение баланса экологического, социального и экономического факторов. Такой подход предлагает больше перспектив для человеческого развития.

Ключевые слова: социальная философия, развитие, экологическое движение, устойчивое развитие, баланс интересов.

The connection of the traditional idea of development with the idea of sustainable development is established. Development is considered in a historical perspective. The understanding of the development until the mid of the XX century is shown primarily in economic terms. Sustainable development as a set of ideas occurs after World War II, growing out of the environmental movement. The concept of sustainable development is formalized. The concept of sustainable development suggests ways to overcome one-sided development through a balance of environmental, social and economic factors. This approach offers greater prospects for human development.

Keywords: social philosophy, development, ecological movement, sustainable development, balance of interests.

Концепции развития, в узком смысле слова, выросли из идеологии индустриального общества XIX в. Их корни, однако, уходят в XVII век, в философию Ф. Бэкона, оптимистично предсказавшего усовершенствование человеческого общества через технологическое обновление. Самые благоприятные условия для технологической трансформации природы сложились в Северной Америке, где изобилие сырья и свобода от политических и экономических ограничений высвободили инициативу развития.

Развитие не обязательно подразумевает индустриализацию. Колонизация Южной и Центральной Америки такими неиндустриальными странами, как Испания и Португалия, пошла по иному, отличному от североамериканского, пути. Единственными значительными формами материального развития в колониальный период здесь были пастбищное и плантационное сельское хозяйство (например, латифундия) и эксплуатация минерального богатства через его добычу, что вело к становлению экономик, ориентированных на экспорт и извлечение ресурсов, но не на самоподдерживающее развитие.

В Западной Европе и Северной Америке результаты индустриального развития XIX в. носили двойственный характер. Воздействие первых лет индустриализации на крупные секторы общества было жестким, и там, где промышленность процветала, окружающая среда серьезно пострадала, например, в центральных графствах Англии или долине Рура в Германии [1, с. 525].

Однако материальное богатство росло, со временем блага индустриализма становились все более доступными, а его худшие последствия менее суровыми. Наука становилась все более важным фактором индустриального и технологического развития, и не только достижения его целей, но и выявления его неблагоприятного воздействия впоследствии.

Развитие в форме индустриализма было принесено в Индию и Японию и медленно распространялось на Россию и Восточную Европу. Правительства стимулировали развитие через концессии предпринимателям для функционирования транспортных систем, особенно железных дорог, и эксплуатацию природных ресурсов для промышленного производства. Развитие производства энергии из различных источников (вода, уголь, нефть и природный газ) и рост урбанизации, сопровождающий фабричную систему производства, трансформировали естественную среду и обострили проблемы жилья, экологического комфорта, санитарии и здоровья.

С глобальной точки зрения, процесс промышленного развития шел неровно. К середине XX в. огромные территории земного шара были перенаселены, но оставались технологически неразвитыми. Большинство стран Африки и Южной Америки, Западной Азии и Океании, а также Китай не прошли стадии промышленного развития. Последствием был огромный и все растущий разрыв в уровне денежных доходов на душу населения, в качестве жизни и научно-техническом потенциале между развитыми нациями и теми, кого называют неразвитыми, менее развитыми или эвфемистически – развивающимися.

Беспокойство по поводу воздействия промышленного развития на природные ресурсы и окружающую среду впервые проявилось, в основном в западных странах, в природоохранном движении конца XIX – начала XX вв. Однако охрана природы понималась как, по существу, движение за повышение экономической эффективности, и предлагала скорее коррекцию, чем альтернативу существующему индустриальному порядку (например, безотходное производство вместо сокращения отходов).

Экологическое движение исходило из иных, отличных от природоохранных, посылок, хотя оба движения и разделяют некие общие ценности. Движение в защиту окружающей среды предполагает переориентацию промышленности: от курса на истощение ресурсов и экологическую деградацию к курсу самоподдерживающейся, сохраняющей окружающую среду экономики, в которой развитие будет согласовываться и управляться экологическими принципами. Более радикальная глубинная экология ради создания основы экологического будущего кардинально изменила бы индустриализм или отвергла его вовсе [2, с. 27].

В период 1930-1960-х гг. развитие как таковое было, за немногими исключениями, развитием индустрии природных ресурсов с акцентом на сельское хозяйство (особенно для экспорта) и расширение промышленного производства. Окружающая среда рассматривалась как фактор, значимый только для здравоохранения. До конца 1960-х гг. экологии не было места в стратегии развития.

Общей мерой экономического роста был денежный доход от эксплуатации природных ресурсов, невзирая на уменьшение естественного капитала в почвах, лесах и полезных ископаемых. При таком, в высшей мере неосмотрительном, подходе затраты и потери естественного капитала никогда не вычитались из расчетного валового национального продукта. Результатом было краткосрочное процветание, которое не распространялось на широкие массы и не могло продолжаться после исчерпания естественного капитала.

В первые годы по окончании Второй мировой войны цели развития оставались, по существу, экономическими, такими, например, как реконструкция Европы и экономическое развитие стран, освободившихся от колониальной зависимости. Развитие было синонимом экономического развития в период холодной войны между странами свободного предпринимательства, прежде всего США, и социалистическими государствами, главным образом СССР.

Экологически устойчивое развитие как концепция возникло из растущего убеждения в том, что цели международного экономического развития после Второй мировой войны не могли быть универсальными для мира разных наций, в особенности, для так называемых неразвитых стран или стран «третьего мира». И в течение первого десятилетия развития ООН, и впоследствии цели развития были главным образом экономическими; экологическим ценностям внимания уделялось недостаточно. Жизненный уровень так называемых развитых стран (Западной Европы, Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии) не мог быть достигнут другими странами мира без истощения планетарной ресурсной базы и колоссального загрязнения воздуха, почвы и воды, что усугублялось быстро растущим населением этих стран.

Вслед за образованием Организации Объединенных Наций и трансформацией европейских колоний в независимые государства были предприняты международные усилия универсализировать блага индустриализации. Эта задача была возложена на программы помощи, инициированные развитыми государствами, и, прежде всего, на специализированные учреждения, созданные в рамках системы ООН. Эти программы помощи были редко хорошо скоординированы, а иногда фактически конкурировали между собой. Отчасти для устранения

этих недостатков, а также для координации деятельности учреждений ООН, в 1965 г. была принята Программа развития ООН, но после первых десяти лет спонсируемого ООН развития результаты оказались неутешительными.

Экспоненциальный рост населения, а также недостатки образования, социальная нестабильность и неэффективное управление – вот некоторые из причин, которые приводили к неудачам традиционного экономического развития. Традиционные неиндустриальные культуры противились продвигаемому извне изменению. Централизованно управляемые социалистические экономики и авторитарные диктатуры предпринимали попытки соперничества со странами – адептами развития на основе сил свободного рынка, частного предпринимательства и экономического стимулирования через займы (которые впоследствии оказывались экономическим бременем для стран-должников).

Среди экологически информированных людей росло осознание того, что действия по стимулированию развития предпринимаются практически без учета их последствий для природной среды и достаточной степени внимания к долгосрочной устойчивости. Планирование развития было привилегией экономистов и инженеров, немногие из которых имели представление о поведении живых систем и коренных культур или исследовали последствия второго и третьего порядка своих проектов развития [2, с. 34].

Развитие как цель публичной политики, преимущественно экономической, стало предметом национальных и международных устремлений после Второй мировой войны. Понятие развития означало различные цели в различных контекстах и поэтому в качестве общего термина часто истолковывалось неоднозначно, даже когда его использование стало более повседневным.

Исторический подход предполагает целью устойчивости сохранение человеческих обществ и их культур, институтов, памятников, социальных порядков и экологических ландшафтов. При этом детерминантами в развитии становились культурные факторы – поведенческий, институциональный, религиозный и экологический. Они оказывали влияние на то, как люди понимали свои гражданские и экономические дела, свои взаимоотношения с другими людьми, свою историю и мир природы и, следовательно, как они понимали принципы своего развития и каким образом реализовывали свое философское понимание на социальной практике [3].

Развитие – как во внутригосударственном, так и в международном аспекте – является сложной категорией и термином. Общественное развитие может быть представлено как сложный процесс целеустремленного изменения в отношениях, поведении и институтах человеческих сообществ [4]. Развитие – это преднамеренный и целеустремленный процесс, он предполагает исходные допущения, цели и процедуры, которые, будучи значимы для социального и экологического будущего, должны быть открыты для критического изучения и оценки. Однако цели развития и критерии, по которым эти цели могут быть оценены, включая критерии, исходящие из научного исследования, исходят из социокультурных оснований. Они могут также включать инспирированные властью задачи сохранения существующего социального порядка и стабильности.

Интерес к проблемам развития связан с тем, что экономические, социальные и политические аспекты планового изменения и международной технической помощи подвергаются большой и все более растущей критике. Однако эта критика в значительной степени исходит из общепринятого набора допущений, касающихся взаимоотношений человека и природы, которые доминируют в западном технологическом обществе со времен промышленной революции, в частности, допущение инструменталистского использования природы (а именно природных ресурсов) как экономического ресурса [2, с. 25].

Социальная практика демонстрирует узость экономических подходов и предлагает альтернативные интерпретации процесса развития. Примеры более содержательных, нетрадиционных идей можно найти у французских экономистов и социологов развития, которые видят более широко процесс развития. Их определение развития включает проблемы, которые диктуются не только экономикой, и ставят вопрос о развитии человека как такового, человека целостного, а не исключительно человека экономического.

Философы «Tiers Monde» («Третий мир») – Раймон Арон, Жак Остри, Франсуа Перру – утверждают, что не науку экономику и не обязательно экономистов следует обвинять в узко экономическом видении более объемного процесса развития, причина заключается в более широком разобщении экономики и других аспектов жизни, в неоправданном возвышении материальных ценностей на доминирующие и определяющие позиции в планировании развития [2, с. 25].

Эту экономическую доминанту в иерархии ценностей Николай Бердяев в своей работе «Судьба человека в современном мире» назвал экономизмом. Бердяев определил экономизм как некую интеллектуальную установку, постулирующую экономические ценности в качестве фундаментальных по отношению ко всем остальным и применяющую экономические критерии в качестве первичного мерила значимости всех человеческих поступков [5]. Вместе с безоговорочным принятием инновационной технологии экономизм способствовал созданию новой искусственной среды, несовместимой с потребностями реального цельного человека. Поскольку критика Бердяева не опиралась на научные данные, постольку она редко им противоречила.

Хотя многие нежелательные изменения окружающей среды происходили в течение многих лет, сегодня они достигли некой черты, что заставило мир их осознать. Это нашло выражение в сформулированной на конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году концепции устойчивого развития. Устойчивое развитие было определено как «такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Оно включает в себя два ключевых понятия:

- понятие потребностей, в частности потребностей, необходимых для существования беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного решения;
- понятие ограничений, обусловленных состоянием технологии и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности» [6, с. 50–51].

Ученые Д. Робинсон и Д. Тинкер разработали весьма полезное комплексное определение устойчивого развития как творческий, интегрированный ответ на три «императива».

«Экологический императив» заключается в необходимости для человечества не выходить в своей деятельности за рамки биофизических возможностей планеты.

«Экономический императив» представляет собой необходимость обеспечения и поддержания адекватного материального уровня жизни всех людей.

«Социальный императив» заключается в создании социальных структур, включая системы управления, которые эффективно пропагандируют и поддерживают человеческие ценности, в согласии с которыми люди хотят жить [7, с. 469].

Взросшее осознание ведет к предположению, что в настоящее время человечество в значительной степени располагает способностью и ответственностью определять и управлять будущим окружающей среды.

Это предположение, однако, упускает три немаловажных соображения. Во-первых, что человечество будет готово отказаться от некоторых сегодняшних благ ради сомнительного будущего. Во-вторых, что человеческая изобретательность и технологии будут использоваться для получения экологически устойчивых результатов. И в-третьих, что природа останется нейтральным наблюдателем. Устойчивое будущее требует уменьшения той степени уязвимости, до которой человеческие общества довели себя. Это и определяет основной принцип развития: развитие не увеличивает риски для систем жизнеобеспечения на Земле, но действительно снижает их и поддерживает неослабную непрерывность систем жизнеобеспечения [8, с. 37].

Если эксперты правы, XXI век будет поворотным в истории человечества, и, вероятно, люди окажут значительное влияние на его результат. Однако мы стоим перед сложным выбором: либо мы продолжаем движение вниз, ведомые неумышленно разрушительным прошлым, либо учимся на своих ошибках и движемся вперед к желаемому будущему. Результатом этого выбора будет либо достижение надлежащего равновесия между человечеством во всех его проявлениях и биосферой, либо неопределенная перспектива возможных лишений для человечества и слабеющие перспективы для других форм жизни на Земле [9].

Если мир должен предпринять общее усилие, которое соответствовало бы всему спектру человеческих потребностей – по определению Франсуа Перру: «каждому человеку и всем людям» – концепции и институты должны согласовываться друг с другом, а также с широким человеческим идеалом, описанным экономистами и социологами гуманистического развития «Tiers Monde».

Должно быть ясно, что устойчивость человеческого общества зависит от способности и готовности людей сдвинуть свое понимание с мертвой точки традиционных экономистских воззрений. Если устойчивость действительно должна быть достигнута, люди должны начать направлять свое поведение и свои институты на поддержание экологической целостности, в широком смысле слова, человеческих взаимоотношений с Землей. Для этого необходимо, чтобы информационно насыщенное и рациональное понятие устойчивости было широко принято и усвоено в идеалах и этике человеческого общества, критически использовалось при рассмотрении понятий роста, развития, реальной экономики и окружающей среды.

Литература

1. Колдуэлл, Л.К. Принципы устойчивого развития / Л.К. Колдуэлл // Энциклопедия систем жизнеобеспечения : знания об устойчивом развитии : в 3 т. : пер. с англ. – М. : Магистр-Пресс, 2005. – Т. 3. – С. 523–551.
2. Браун, Л.Р. Экоэкономика : Как создать экономику, оберегающую планету : Пер. с англ. / Лестер Р. Браун. – М. : Весь мир, 2003. – 391 с.
3. Волновые процессы в общественном развитии / В.В. Василькова, И.П. Яковлев, И.Н. Барыгин [и др.]. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. Ун-та, 1992. – 227 с.
4. Вебер, А.Б. История человечества крупным планом / А.Б. Вебер // Циклы истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ss.xsp.ru/st/002/index_6.php. – Дата доступа : 21.11.2009.
5. Бердяев, Н.А. Судьба человека в современном мире: к пониманию нашей эпохи / Н.А. Бердяев // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/berdyayev/sudbache/03.html>. – Дата доступа : 21.11.2009.
6. Наше общее будущее : Докл. Междунар. комис. по окружающей среде и развитию (МКОСР) : пер. с англ. / под ред. С.А. Евтеева, Р.А. Перелета – М. : Прогресс, 1989. – 371 с.
7. Белл, Д.В. Введение в устойчивое развитие / Д.В. Белл, Ю.А. Чеунг // Энциклопедия систем жизнеобеспечения : знания об устойчивом развитии : [в 3 т. : перевод с английского]. – М. : Магистр-Пресс, 2005. – Т. 3. – С. 466–500.
8. Мельник, Л.Г. Фундаментальные основы развития / Л.Г. Мельник. – Сумы : Университетская книга, 2003. – 288 с.
9. Урсул, А.Д. Концепция устойчивого развития и проблема безопасности / А.Д. Урсул, А.Л. Романович // Цифровая библиотека по философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000706/>. – Дата доступа: 18.07.2009.

Анализ межкультурных коммуникаций в постиндустриальном обществе

В.К. СТЕПАНЮК

Анализируется один из недостаточно изученных аспектов многофакторного синергетического процесса глобализации – культурная глобализация. Обращается внимание на то, что глобализация в культуре, дополняя экономическую глобализацию, имеет существенные особенности. Развитие процессов глобализации связано с интенсификацией межкультурных коммуникаций. В качестве основной модели межкультурного взаимодействия рассматривается диалог.

Ключевые слова: глобализация, культурно-цивилизационные системы, межкультурная коммуникация, синергетический процесс, социокультурное пространство.

One of the understudied aspects of synergetic globalization with many features – cultural globalization – is examined. Attention is drawn to the fact that globalization in culture, complementing economic globalization, possesses essential differences. Development of globalization is associated with the intensification of cross-cultural communication. A dialogue is considered as the basic model of intercultural interaction.

Keywords: globalization, cultural and civilization system, intercultural communication, synergetic process, socio-cultural space.

В последнее время человечество развивается по пути усиления взаимосвязи и взаимозависимости народов мира и культур. Этот процесс, охвативший различные сферы общественной жизни всех стран, в современной науке получил название глобализации. Невзирая на внушительное количество исследований, посвященных теме глобализации, в научном сообществе нет единства взглядов на природу, форму, характер и направление эволюции глобализации. История глобализации человечества – нелинейный процесс, потенциально содержащий возможности объединения человечества в своем многообразии на основе разных и всегда уникальных цивилизационных моделей развития. Одним из наиболее значимых аспектов данного процесса является культурная глобализация – процесс нарастания взаимосвязи и взаимодействия культур, протекающий во всемирном масштабе. Развитие процессов глобализации связано с интенсификацией межкультурных коммуникаций, охватывающих весь мир и превращающих его в единое коммуникативное пространство.

Глобализация в культуре продолжает и дополняет экономическую глобализацию, но вместе с тем имеет существенные особенности. Многие процессы и тенденции принимают в ней более острые формы. Современное социокультурное пространство насыщено различными формами коммуникаций, многие из которых стали возможны лишь в условиях распространения глобализации. Некоторые авторы утверждают, что современное глобальное коммуникационное пространство навязывает индивидам коммуникацию, диалог, исходя не из различия культур, а, напротив, из их тождества [1, с. 452].

По мнению Г.К. Касумовой, нельзя не видеть и другую тенденцию – стремление даже небольших государств сохранить свое национальное своеобразие. Это позволяет надеяться на то, что даже в едином коммуникационном пространстве можно сохранить свою национальную культуру. А поскольку возможно разнообразие смыслов в социокультурном пространстве, будет возможен и диалог [2, с. 59]. Диалог как модель межкультурного взаимодействия является одним из основных элементов современного глобализирующегося социокультурного пространства.

Несмотря на то, что глобализация представляет собой многофакторный синергетический процесс образования экономических, коммуникационных, информационных и других сетей, охватывающих всю планету, мир не должен стать моноцентрическим. Напротив, по мере развертывания глобализационных процессов мир все более будет становиться полицентрическим и оказывать непосредственное воздействие на ускорение общественного прогресса.

В полицентрическом мировом сообществе не может быть единой культуры, ибо в нем всегда имеются различные социальные нормы, духовные ценности, а также совокупности отношений между людьми.

Современные изменившиеся формы коммуникации в нашем глобализирующемся мире во многом трансформируют социокультурную ситуацию диалога культур. Коммуникационные связи нового типа, которыми насыщено современное социокультурное пространство, диктуют процессам взаимодействия культур свои правила.

В современном обществе неуклонно возрастает значение коммуникативных практик с использованием различных информационно-коммуникативных технологий – взаимодействие посредством мобильных телефонов, блоги, форумы, социальные сети и т. п. Вопрос о социальных последствиях новых форм коммуникации становится в последнее время весьма актуальным. Американский социолог Г. Рейнгольд ввел понятие «умная толпа», чтобы показать масштабы социального эффекта массового распространения мобильных технологий [3]. «Умные толпы» как новые общественные формы организации образуются, по его мнению, благодаря комплексу вычислительных средств, связи, системы репутаций и знания своего местонахождения. Они состоят из людей, способных действовать согласованно, даже не зная друг друга. Эта организация людей и их коммуникативных устройств образует социальные связи, усиливающие неосознаваемый обмен информацией. Мобильные устройства становятся средством повседневного общения с окружающими и организации коллективного действия.

Сетевые модели социальных взаимодействий получили широкое распространение в различных сферах жизнедеятельности людей: экономике, политике, коммуникации, культуре. Известный теоретик информационного общества М. Кастельс характеризует сущность сетевой организации через отнесенность элемента к целому. «Сетевая структура представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов. Конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь» [4, с. 499].

Взаимодействие по сетевому принципу чаще, чем другие модели межкультурного взаимодействия, создает условия для столкновения культур. Современное глобализирующееся социокультурное пространство часто называют «полем риска» для культурно-цивилизационных систем. Если рассматривать это пространство в контексте синергетической методологии управления рисками, то «случайность или фактор, не играющий никакой роли в другой ситуации, может оказаться решающим и не только повлиять на судьбу системы, но и скачком перевести ее в другую точку фазового пространства» [5, с. 394]. Природа глобализации изначально имеет конфликтогенный характер. Условия глобализации создают благоприятную почву для развития многочисленных факторов, способствующих переходу поначалу слабо выраженных и возможных конфликтов в активные и реальные. Даже в том случае, когда конфликт играет позитивную, конструктивную роль и способствует урегулированию взаимоотношений между сообществами, он сопровождается определенными социокультурными рисками: «риском-действием, риском-ожиданием, риском-выбором» [6, с. 68].

Процесс межкультурного конфликта, его исход и последствия в связи с появлением ряда случайных факторов прогнозировать достаточно сложно. В современном глобализирующемся социокультурном пространстве взаимодействуют различные культурно-цивилизационные ценностные системы. В соответствии с ценностями формируется картина мира представителей каждой культуры. Носителями различных систем ценностей являются культурно – цивилизационные системы в целом. Столкновение между ними может иметь место и в самой системе культуры и цивилизации, и между различными ее субъектами, уровнями и структурными элементами. И в одном, и в другом случае возникает конфликтная ситуация, связанная с наличием разных систем ценностей, которые проблематично развести или упорядочить во времени.

Диалог культур – это диалог системы ценностей этих культур. От того, как каждая из этих систем сможет адаптироваться к противоположной стороне, зависит направленность процесса межкультурного взаимодействия в конкретном социокультурном пространстве. Поэтому одной из важнейших проблем в рассматриваемом контексте является проблема понимания одной культуры представителями другой культуры.

В процессе взаимодействия культур происходит постижение смыслов и значений, адаптация ценностей одной культуры к другой. Наиболее фундаментальные изменения происходят, прежде всего, в структуре познания, то есть в той картине мира, через которую люди получают информацию из окружающей среды. Именно различия в картине мира, в способах категоризации и интерпретации опыта служат основой различий между культурами. Только расширив свою сферу принятия и переработки информации, люди могут постичь систему организации чужой культуры и соотнести свои процессы познания с теми, которыми пользуются носители иной культуры. Однако постижение системы организации чужой культуры имеет определенные объективные пределы.

Каждая цивилизация в системе ценностей, детерминирующей деятельность, содержит идеи, культурные стереотипы, которые могут стать доминирующими для глобальной культуры, потому что являются ответом на специфическую проблему современности. С одной стороны, никакая ценностная система не может стать универсальной и единственной. Универсальной культуры существовать не может, так как глобальное общество не сможет давать адекватные ответы на вызовы среды, не сможет реагировать на ее изменения, не имея в запасе соответствующих инвариантов. Культура, которая не находится в контакте с другими культурами и не испытывает их влияния, обречена на отставание от темпов мирового развития.

С другой стороны, должны быть найдены возможности одновременного сосуществования иногда взаимоисключающих культурных форм. Современный этап глобализации усиливает стремление к сохранению национальной уникальности различных культур как на уровне отдельных государств и народов, так и на международном уровне. Специфические черты национальных культур никогда не будут утрачиваться. Более того, чем своеобразнее культура, тем больший вклад она способна внести в мировую культуру и одновременно сохранить свою специфичность.

Конкретный диалог культур осуществляется в результате активности его субъектов. Ценности и позиции субъекта, представляемые им в процессе диалога, формируются в ходе социализации под воздействием различных факторов. Вместе с тем, сам субъект активно преобразует, а иногда и создает как внутреннее пространство диалога, так и внешнее социокультурное пространство его развития и функционирования.

В современных условиях расширилась представленность субъекта в межкультурном взаимодействии. Это и индивиды, и государства, и отдельные субкультуры, и поколения. Являясь результатом нового уровня социальности, субъект диалога отражает всю систему социальных отношений современного глобализирующегося общества, с присущей ему системой ценностей, с изменившимся самосознанием, типом мышления и мировоззрения. Изменившийся субъект диалога создает новые возможности и условия диалога. Несмотря на то, что вполне реальными проектами являются проекты «сетевое общество» (М. Кастельс), «мирового государства» (Т. Левит), «глобального гражданского общества» (Э. Гидденс, Д. Дарендорф), многие ученые считают, что будущее за здоровой конкуренцией альтернативных национальных стратегий глобализации. В этом процессе цементирующую роль играет культура.

В настоящее время перед Республикой Беларусь стоит вопрос, в каком направлении трансформироваться – в индустриальном, развивая промышленность и сельское хозяйство, или в постиндустриальном – уделяя больше внимания развитию отраслей, формирующих интеллектуальные способности человека. Наступает время поиска рычагов воздействия на социально-экономическое развитие общества, и очевидным становится человеческий и социальный капитал, которые рассматриваются многими исследователями как ресурсы, которые могут быть использованы для социального и экономического развития. Развитие человеческого потенциала определено как одно из приоритетных направлений программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг. Сфера культуры рассматривается государством как одна из важнейших отраслей, формирующих человеческий капитал и совершенствующих его качество.

Современную социокультурную ситуацию в Республике Беларусь определяют факторы внутренней динамики (экономика, социально-политические преобразования, уровень образованности, урбанизация и др.), факторы исторического характера (поликонфессионализм,

традиции, особенности становления белорусской государственности и др.), а также внешние воздействия (влияние мировой культуры, межгосударственные культурные контакты, глобализация и др.) [7, с. 54].

Состояние белорусской культуры последнего десятилетия характеризуется наличием позитивных тенденций ее развития – принятием ряда законодательных актов по вопросам культуры, сохранением научного и педагогического потенциала учебных учреждений культуры и искусства, увеличением сети учреждений культуры и т. д. Позитивная репутация Беларуси в мире как страны с высоким духовно – моральным потенциалом общества, значительным уровнем развития всех форм самобытной традиционной и современной культуры будет содействовать авторитету государства и доверия к нему как к надежному партнеру и в других сферах жизнедеятельности – политике, экономике, праве, будет положительно воздействовать на инвестиционный климат, развитие международного туризма и др.

Таким образом, универсальное распространение однородных культурных образцов в ходе глобализации и постепенное создание единой системы экономики и социального управления неизбежно ведут к редукции культурного многообразия и нивелированию национально-культурных типов. Процесс унификации культурного пространства, когда локальные культуры постепенно теряют свою ценностную определенность, обостряет значимость сохранения традиционной культурной идентичности, многообразия уникальных культурных традиций.

Современным национальным государствам следует не слепо и догматично противостоять влиянию инородной культуры как угрожающей собственной национальной безопасности, но в то же время не безоговорочно воспринимать так называемую «глобальную культуру». Им необходимо проводить свою национальную культурную политику, создавая – на основе своего уникального историко-культурного наследия и используя все богатство мировой культуры – современный облик своей национальной культуры. На данном этапе глобализации, на стадии обострения локального и глобального, это единственно конструктивный подход к решению проблемы, раскрывающий возможности для гармоничного сочетания интересов различных государств.

Литература

1. Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. – СПб., Нью-Йорк : «Елима»; «Питер», 2006. – 1100 с.
2. Касумова, Г.К. Особенности межкультурных взаимодействий в условиях глобализации / Г.К. Касумова // Философские науки, 2012. – № 2. – С. 59.
3. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – М. : ФАИР – ПРЕСС, 2006. – 416 с.
4. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В. Л. Иноземцева). – М. : АCADEMIA, 1999. – 640 с.
5. Малинецкий, Г.Г. Синергетика, прогноз и управление риском / Г.Г. Малинецкий, С.П. Курдюмов // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М. : Прогресс – Традиция, 2002. – 496 с.
6. Сайко, Е.А. Образ культуры Серебряного века: культур – диалог, феноменология риска, эффект напоминания / Е.А. Сайко. – М. : Проспект, 2005. – 263 с.
7. Жарикова, А.А. Стратегия развития и функционирования культуры Республики Беларусь / А.А. Жарикова // Системная трансформация общества: инновации и традиции. Сборник научных трудов. Выпуск 8. – Брест, 2011. – С. 54.

Технический редактор: *И.В. Близнец*. Корректоры: *В.В. Калугина, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 07.06.2014. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 21.85 Уч.-изд. л. 19.03. Тираж 100 экз. Заказ № 437
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.

Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
ул. Советская, 104, 246019, Гомель.